

КАЗАЧЕСТВО В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.: РАСКАЗАЧИВАНИЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

КАЗАЧЕСТВО

В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.:
РАСКАЗАЧИВАНИЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

**КАЗАЧЕСТВО В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.:
РАСКАЗАЧИВАНИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

Материалы Всероссийской научной конференции

г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г.

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2019

УДК 94(47)

К14

Редакционная коллегия:

академик **Г.Г. Матишов** (главный редактор),

д.и.н. **А.В. Венков**, д.и.н. **Е.Ф. Кринко**, к.г.н. **Е.Э. Кириллова**,

к.полит.н. **Д.И. Узнародов** (ответственный за выпуск)

К14 Казачество в конце XIX – начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г.) / [гл. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – 296 с. – ISBN 978-5-4358-0184-2.

Материалы сборника посвящены проблемам российского казачества в конце XIX – начале XXI в.: участию казачества в Гражданской войне 1917–1922 гг. и Великой Отечественной войне (в том числе в форме коллаборационизма); процессу рассказывания в 20–30-е гг. XX в.; вопросам трансформации традиционного уклада жизни казаков в советский период; деятельности российских казачьих структур после 1991 г.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений и всех, кто интересуется историей казачества и современными аспектами его деятельности.

УДК 94(47)

Сборник материалов конференции подготовлен в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г., тема «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени», № государственной регистрации проекта 01201354248.

ISBN 978-5-4358-0184-2

© ЮНЦ РАН, 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
THE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
PRIEST ILIYA POPOV FOUNDATION

**COSSACKS AT THE END OF 19TH – THE BEGINNING
OF 21ST CENTURIES: DECOSSACKIZATION
AND SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS**

Materials of all-Russian scientific conference

Rostov-on-Don, 27–28 June 2019

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2019

UDC 94(47)

M39

Editorial Board:

Academician RAS **G.G. Matishov** (managing editor),

Dr (History) **A.V. Venkov**, Dr (History) **E.F. Krinko**, PhD **E.E. Kirillova**,

PhD **D.I. Uznarodov** (responsible for the release)

M39 (2019) Matishov G.G. (Ed.) **Cossacks at the end of 19th – the beginning of 21st centuries: decossackization and socio-cultural transformations: proceedings of all-Russian scientific conference (Rostov-on-Don, 27–28 June 2019).** – Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 296 p. (In Russian)
ISBN 978-5-4358-0184-2

Materials of the collection are devoted to problems of Russian Cossacks at the end of 19th – the beginning of 21st centuries: the participation of Cossacks in the Civil war of 1917–1922 and the Great Patriotic War (including in the form of collaborationism); the process of decossackization in the 20–30s of the XX century; the transformation of the traditional way of life of Cossacks in the Soviet period; activity of Russian Cossack structures after 1991.

The edition is intended for researchers, teachers, graduate students, students of higher education institutions and all those who are interested in history of Cossacks and modern aspects of its activity.

UDC 94(47)

Conference proceedings are within the implementation of SSC RAS state task for 2019, topic “The study of intercultural interactions of the Lower Don population from the ancient times to the current time period”, State Registration № 01201354248

ISBN 978-5-4358-0184-2

© SSC RAS, 2019

Академик Г.Г. Матишов

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ЕГО ИСТОРИИ В XX в.

Кзаки дважды не присягают. Поэтому Октябрьскую революцию подавляющая часть казаков не приняла и в годы Гражданской войны стала опорой Белого движения.

В Новочеркасске атаман А.М. Каледин долго не удержался. Курс Каледина на независимость донских казаков продолжил генерал П.Н. Краснов, который в 1918 г. превратил автономию в независимое государство.

Как до революции, так и при советской власти отношение крестьян-малороссов к казачеству было очень сдержанным и малодружелюбным. Эпизод, показывающий характерную «рукопашную», описал Шолохов в «Тихом Доне». Казачье население станиц и хуторов, впоследствии оказавшихся затопленными водами Цимлянского водохранилища, принимало самое активное участие в Гражданской войне на стороне белых. Созданные из казаков указанных станиц полки дрались с большевиками и несли большие потери. По самим станицам фронт прошел по 3–4 раза, и хозяйства казаков очень сильно пострадали.

Красные казаки были в основном из бедных слоев казачества (среди них М.В. Кривошлыков, Ф.Г. Подтёлков). Советскую власть поддержали около 15 % дончан.

Расказачивание, начавшееся большевиками в Гражданскую войну, продолжилось и в последующие десятилетия. Вполне объясним интерес не только профессиональных историков, но и обычных людей Юга России к обстоятельствам братоубийственной войны и дальнейшей ликвидации казаков как сложившейся социально-культурной общности (фактически геноцида).

С 1920 г. Всевеликое Войско Донское как административная единица прекратило свое существование в России, было упразднено. След от кровавого расказачивания остался в памяти. Разумеется, тысячи донских казаков служили в РККА, сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Но существовал и феномен «казаков вермахта».

Был и другой эпизод из нашей горькой истории – расстрел демонстрантов, вышедших с экономическими лозунгами, в бывшей столице донского казачества Новочеркасске в 1962 г.

В истории казачества еще много неисследованных страниц. Часть документов не рассекречена до сих пор, некоторые находятся в малодоступных архивах. И задача науки – сохранить историческую память для потомков.

РАЗДЕЛ 1. КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОТряСЕНИЯХ И ВОЙНАХ

Т.С. Ведищева

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1905–1907 гг.

В результате множества преобразований в Войске Донском казаки к XX в. превращаются из предводителей в аппарат подавления (полицейских жандармов) народных восстаний. Это было связано, во-первых, с идейно-политическими воззрениями казаков, верных царю и Отечеству, а во-вторых, с тем, что конные подразделения были наиболее мобильными, их можно было быстро перебрасывать в отдаленные районы, города и особенно села, охваченные волнениями.

Революционное движение 1905–1907 гг., начавшееся после расправы властей с мирной манифестацией, вылилось в крупнейшие волнения рабочих и крестьян по всей России. Трепов, докладывая Николаю II о революции в стране, включал Тамбовскую губернию в одну из семи губерний, где «особенно сильны беспорядки» [1, с. 16].

Тамбовские губернские власти приняли самые решительные меры для того, чтобы задушить крестьянское движение, принимавшее форму масштабного восстания. В спешном порядке были организованы карательные отряды из полиции, стражников и регулярных войск, в том числе казаков [1, с. 15].

Осенью 1905 г. встал вопрос о более масштабном использовании казачьих частей и подразделений для борьбы с антиправительственными выступлениями. Число казачьих частей, которые употреблялись с этой целью, росло, и уже 26 ноября 1905 г. все казачьи войска страны получили высочайшую благодарность «за их самоотверженную, неутомимую и верную службу царю и Родине» как на фронтах войны, так и при поддержании порядка внутри империи. А 31 декабря последовала особая благодарность «донскому казачеству за ревностную службу» [2, с. 59].

Ширились и масштабы мобилизации в армию льготных казаков и казаков второй и третьей очередей. В результате массовых призывов в армию в Донском казачьем войске к началу 1906 г. были полностью мобилизованы все части и подразделения второй очереди, за исключением артиллерийских [2, с. 59].

Немало споров возникало среди исследователей по вопросу о масштабах использования казачьих частей при подавлении различных выступлений в период Первой русской революции. Большинство авторов утверждали (хотя и не подкрепляя свою точку зрения конкретными данными), что масштабы эти были очень и очень значительными. И только в работах отдельных историков содержались точные цифры, которые свидетельствовали, что доля привлеченных для борьбы с «внутренними беспорядками» казачьих частей и подразделений в общей численности использовавшихся для этого войск русской армии в 1906 г. составляла 16,7 %, а в следующем году – 12,6 % [2, с. 59].

Выделим основные события в ходе восстаний 1905–1907 гг. на Тамбовщине, в которых приняли непосредственное участие казаки.

31 октября 1905 г., в период нападения крестьян на Елизаветинский хутор, со стороны казаков были приняты решительные меры: давались залпы, действовали нагайками. В результате было убито до 10 восставших [3, с. 20].

1 ноября 1905 г. собравшаяся в большом числе толпа сожгла на усадьбе помещика Сатина квартиру стражника. В начале пожара прибыли казаки и рассеяли толпу нагайками. В результате было ранено 15 человек. Другой карательный отряд казаков отправился в с. Нижний Шибряй Борисоглебского уезда, где крестьяне увезли хлеб у разных помещиков. Казаки напали на поселок при этом селе и подожгли риги. Подпустив на расстояние выстрела крестьян, бежавших тушить пожар, казаки дали залп. В результате было убито 3 человека и 2 тяжело ранено [3, с. 21].

16 ноября 1905 г. произошла жестокая расправа урядника Рыжова над крестьянами с. Серединовки Туголуковской волости Борисоглебского уезда за разграбление имения помещика Буцилло.

Из крестьянского схода были вызваны 13 человек, которые встали на колени, без шапок; казаки, солдаты стали сечь их нагайками и бить шашками плашмя. Рыжов приказал остальным крестьянам, всё время стоявшим на коленях, не смотря на холодную погоду, наклониться к земле. В это время казачий урядник Г.П. Варламов поехал по крестьянам верхом на лошади, нанося им удары плетью, а многие крестьяне были зашиблены лошадью [3, с. 25].

15 декабря 1905 г. Тамбовский вице-губернатор Богданович был ранен у подъезда в губернаторский дом слесарем вагонных мастерских Катиным и его помощником Кузнецовым. Один из казаков догнал Катина, свалил ударом приклада по голове и при помощи сбежавшихся казаков задержал его [3, с. 28].

Крестьянские выступления, достигнув своего апогея зимой 1905 г., на какое-то время стихли, чтобы с новой силой развернуться весной – летом 1906 г. В июне 1906 г. крестьянское движение практически достигло уровня 1905 г. Данное обстоятельство хорошо просматривается в нижеприведенных документах:

Телеграмма губернатора усманскому уездному исправнику

16 июня 1906 г.

Тамбов – Усмань

Для усиления командировается в город Усмань в Ваше распоряжение из города Козлова полусотня казаков, стоявшая на станции Грязи. Действуйте

решительно и смело, дабы подавить движение, во что бы то ни стало...
[1, с. 115]

(Губернатор)

*Телеграмма князя Вяземского губернатору о присылке казаков для защиты его
имения в Усманском уезде*

18 июня 1906 г.

Лотарево – Тамбов

*Прошу Ваше превосходительство немедленно командировать в с. Лотарево
взвод казаков для защиты работающих крестьян от забастовщиков, грозящих
насилиями.*

Князь Вяземский

Помета губернатора: пошел эскадрон [1, с. 120].

*Донесение вице-губернатора Тамбовской губернии о вооруженном нападении
крестьян села Самовец Козловского уезда на казаков*

2 июля 1906 г.

*30 июня пристав 3 стана арестовал в деревне Самовце Павловской волости
3 крестьян, снимавших рабочих в имении Кораблина. Крестьяне, около 400 человек,
вооруженные вилами, оказали сопротивление.*

*Казачья полусотня вынуждена была дать залп, ранила 4 крестьян – один скон-
чался, 2 казака получили ушибы камнями. Кочетовка успокоилась.*

Вице-губернатор Масальский [1, с. 139]

Однако, несмотря на то что основная масса армейского казачества послушно исполняла все приказы по «наведению порядка», со временем в его среде начало назревать отчетливое недовольство этими навязываемыми ему жандармско-полицейскими функциями. Более того, в некоторых случаях дело доходило до открытого неповиновения [2, с. 59]. Так, осенью 1906 г. тамбовские власти жаловались, что даже казаки «действуют вяло, сами говорят крестьянам, что хлеб увозить можно» [4, с. 88].

К концу 1906 – началу 1907 г. в деревнях постепенно стали восстанавливать-ся старые традиционные порядки: помещики возвращались в свои разоренные имения, с помощью местных властей отбирали у крестьян захваченные ими земли, восстанавливали свое хозяйство. Однако обстановка оставалась крайне напряженной, что видно из следующих телеграмм.

*Сообщение земского начальника 7-го уч-ка Борисоглебского уезда губернатору
о нежелательном выводе казаков из с. Уварово*

6 марта 1907 г.

Секретно

*Доношу Вашему превосходительству, до сведения моего дошло, что из с. Уварово
предполагается вывести казаков. Если в действительности окажется это так, то*

весьма вероятно могут повториться беспорядки, бывшие в 1905 году. Настроение у крестьян приподнятое и ничего хорошего не внушает. В особенности должен отметить село Мучкан, отличающееся своей разнузданностью.

Земский начальник 7 уч-ка и д. земского начальника 6 уч-ка [1, с. 154]

Таким образом, в целом казачьи части, как и другие армейские подразделения, безусловно, внесли свой вклад в дело подавления революционных выступлений. В то же время не следует впадать в крайность и утверждать, что, например, казаки подавили революцию, задушили свободу, играли роль опричников, нагаечников и т. п. Их доля в общем количестве войск, брошенных правительством «на усмирения», отнюдь не была преобладающей.

Примечания

1. Крестьянские движения 1905–1907 гг. в Тамбовской губернии. Сборник документов. Тамбов: Архивный отдел УВД по Тамбовской области, 1957.

2. Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачество России в войнах и революциях начала XX века. М.: Яуза; Эксмо, 2007.

3. Черменский П.Н. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. Тамбов: Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 1925.

4. Страницы истории Тамбовского края. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1986.

Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев, С.С. Магамадов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРХОВ КАЗАЧЕСТВА И ЛИДЕРОВ ГОРСКИХ НАРОДОВ В ПЕРИОД РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.: ПОИСКИ И РЕШЕНИЯ

В конце 1917 г. – начале 1918 г. ситуация в Терской области резко обострилась и оказалась на грани масштабной межнациональной войны. 13 (26) декабря 1917 г. на железнодорожной станции Прохладная (ныне – город в Кабардино-Балкарии) в результате конфликта (не исключено, что специально спровоцированного) с солдатами эшелона, возвращавшегося с Кавказского фронта, был убит М.А. Караулов [1, с. 557]. А 27 декабря (9 января 1918 г.) в станции Грозненская (в то время пригород г. Грозный) было совершено коварное убийство шейха Дени Арсанова [2, с. 190–195] – одного из авторитетных и влиятельных религиозных лидеров в мусульманской умме России, стойкого борца за мир между народами различных национальностей и верований. Между этими двумя жестокими преступлениями, на наш взгляд, есть невидимая и до сих пор нерасследованная (и не изученная)

связь. А между тем отдельные исследователи не без оснований полагают, что как раз в это время М. Караулов и Д. Арсанов готовились к осуществлению совместных мер, направленных на стабилизацию политической ситуации в Терской области. При этом имеются свидетельства о том, что легендарный шейх незадолго до своей трагической гибели как-то сказал, что если бы он в кровавых столкновениях между горцами и казаками потерял бы «отца, брата, мать, то и тогда бы принял все меры к достижению соглашения...» [3, с. 68].

Примерно в это же время произошло и еще одно событие, которое всколыхнуло всю Чечню. 13 декабря 1917 г. на заседании Совнаркома РСФСР под председательством В.И. Ленина был рассмотрен вопрос о назначении Чрезвычайного временного комиссара Терской области. По предложению И.В. Сталина на эту ответственную должность «впредь до создания там демократически избранного полномочного областного Совета» [4] был назначен Магомет Яндаров, который после личной беседы с В. Лениным выехал (совместно с братом Османом) в Чечню. Однако долгий и сложный путь на родину закончился трагически буквально на этапе его завершения. В начале января 1918 г. братья Яндаровы на станции Николаевская Терской области (ныне станица Николаевская Наурского района Чеченской Республики), в тридцати километрах от г. Грозный, были арестованы представителями станичного (казачьего) военно-революционного совета, по решению которого они как представители советской власти были расстреляны. Но Магомету Яндарову, получившему тяжелые, но не смертельные ранения, благодаря помощи станичного пастуха-казака удалось переправиться на правый берег реки Терек и воссоединиться со своими земляками, а через них – и родственниками, после чего весть о трагической участи высокопоставленных чеченцев облетела всю Чечню и были предприняты акции возмездия [5].

В начале января 1918 г. в результате целенаправленных провокаций, осуществленных казачьими подразделениями, возвращавшимися с Кавказского фронта, были осаждены, а потом и уничтожены ряд чеченских населенных пунктов, в том числе и с. Старый-Юрт (ныне – Толстой-юрт Чеченской Республики) – родовое село покойного шейха Доки Щептукаева. Снова последовали ответные акции.

По истечении почти целого века установить сторону однозначно виновную или бесспорно правую в этих событиях практически невозможно. Время было революционное. Решался вопрос, «кто кого». Победители – большевистские триумфаторы – долгое советское время пропагандировали свою правду, одностороннюю. Хотя известная прописная истина и элементарная этика, в том числе и академическая, свидетельствуют о том, что объективная реконструкция сложной и запутанной картины прошлого невозможна путем и методом выдергивания тех или иных событий из исторического контекста, как это делают отдельные современные отечественные исследователи [6].

Взаимные претензии горцев и казачества [7], периодические провокации, кто бы ни был их организатором и в них заинтересован – большевики ли, казаки ли, горцы ли, – неизбежно способствовали эскалации напряженности.

Взрывоопасная реальность, естественно, диктовала необходимость принятия экстраординарных мер, способных предотвратить нависшую катастрофу.

Поэтому большевики, пользуясь своей монополией на власть, особенно в центре страны, обеспечивали своим сторонникам на местах значительные преференции, особенно в борьбе за влияние масс (маргинальных). Это свое политическое преимущество осознавали и кавказские соратники В.И. Ленина – С.М. Киров, С.Г. (Ной) Буачидзе, Г.К. Орджоникидзе, которые исходя из своих конкретных революционных задач пытались как могли снизить, а если были способны – и предотвратить накал межнациональных отношений.

Активно (порою агрессивно) демонстрируя свои интересы, не в последнюю очередь и политические, действовала и значительная часть казачьих верхов (офицеров), обескураженных и деморализованных победой большевиков в Петрограде. Их отчаянное состояние являлось серьезной угрозой, поскольку любой неосторожный шаг с той или иной стороны мог привести (и приводил) к тяжелым конфликтам [8]. В местах своего компактного проживания казаки, в частности агрессивно настроенные круги, в противовес совдеповским органам власти в явочном порядке создавали «военно-революционные советы», названиями пытаясь конспирировать их цели и задачи. Они брали на себя функции местных органов власти и нередко действовали безоглядно. Но, как правило, эти скоропалительные акции довольно часто не находили желаемой поддержки у так называемого иногороднего населения, в основном русского, особенно в таких сравнительно крупных полисах Терской области, как Грозный, Владикавказ, Нальчик и др. Этот фактор в определенной степени был сдерживающим. Несмотря на это организаторы «военно-революционных советов» окончательно от своих провокационных планов не отказывались. Порою, наоборот, они всё настойчивее наращивали усилия, направленные на укрепление сил, способных на решительную борьбу против расползания пролетарской революции. Этой цели, как нам представляется, был изначально подчинен и замысел казачьих верхов, кулуарно выдвинувших идею созыва терского областного съезда под предлогом сформировать «свободную, демократическую твердую власть» [9, с. 28]. На самом деле, как свидетельствуют исторические источники, под предлогом объявления войны чеченцам и ингушам от имени всего населения Терской области [9, с. 341; 8, с. 20] преследовалась цель развязывания крупномасштабной гражданской войны на Северном Кавказе. Хотя и в завуалированной форме, но эта задача была заложена в первом пункте Программы организационного бюро по созыву Всеобщего Терского областного съезда, который гласил: «Участвует в съезде всё население Терской области: казаки, крестьяне, воинские части, рабочие и все трудовые народы, кроме племен, восставших против мирных граждан, нагло попирающих человеческие права и законы и не желающих жить дружно с прочими жителями» [8, с. 29].

Ради объективности следует признать, что лидеры большевиков Терской области, взвесив и оценив свои реальные возможности, в то время недостаточно обнадеживающие, не заняли позицию стороннего наблюдателя, а приняли решение, в тех конкретных условиях бесспорно правильное и дальновидное. Они не стали от-

вергать идею созыва съезда, а решили принять в его работе самое активное участие. Причем главная задача была не допустить развития событий в Терской области по наихудшему варианту. При этом они не могли не учитывать, что в горской среде активизировались и центробежные силы, сепаратистские ориентиры которых обретали всё более выраженные очертания. Их проекты национально-государственного обустройства горских народов, естественно, не совпадали со стратегическими планами советских деятелей. Идеологи сепаратизма не воспринимали большевистско-ленинскую интерпретацию права наций на самоопределение, априори увязанную с интересами классово-борьбы. Поэтому каждая сторона действовала в соответствии со своими установочными задачами, не брезгуя банальной установкой: «Цель оправдывает средства».

Немалую ставку на антибольшевистский потенциал мозаичного во всех отношениях Северо-Кавказского региона и в целом Юга России делали вожди усиливающегося Белого (контрреволюционного) движения.

В таких сложных условиях 25 января 1918 г. в г. Моздок открылся первый съезд народов Терека (народы, проживавшие в бассейне реки Терек – в Терской области: осетины, кабардинцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, казачье население и др.). В его работе принимали участие 257 делегатов [10, с. 42] – «представители всех народов Терской области, за исключением чеченцев и ингушей, не приглашенных по настоянию казачьего офицерства» [9, с. 12]. В связи с этим представитель армейского центра Кавказской армии Палавандашвили обратился к делегатам съезда с далеко не риторическим вопросом: «Кто довел нас до того, что мы и соседние народы пьем кровь друг друга? И сам же дал ответ: “Это те люди, которые теперь скрылись. От имени многострадальной Кавказской армии я говорю: вы должны поставить ребром вопрос о мирном сотрудничестве с чеченцами и ингушами, – спросить их не так, как это делали до сих пор ваши ложные руководители, а так, как говорит народ с народом, – языком тружеников. Нужно дать телеграмму и вызвать представителей ингушей и чеченцев. (Аплодисменты)”» [10, с. 42]. От имени социалистического блока (объединенного совета социалистических партий) оратора поддержал Н. Буачидзе, который, подчеркнув, что «те народы, которые не пойдут сейчас с русской демократией, погибнут», заявил: «Ингуши и чеченцы находятся под влиянием тех же паразитов, которые водили до сих пор и казаков и русских крестьян». При этом он призвал съезд, «когда будут решаться вопросы, измерять семь раз его решения и один раз его отрезать» [9, с. 31].

26 января в связи с обстоятельствами чрезвычайной важности состоялось закрытое заседание, на котором было заслушано «заявление полковника Рымаря о том, что совет (Моздокский военно-революционный совет. – *Авт.*) мобилизовал и подготовил к наступлению значительные военные силы и уже дан приказ о вторжении в Чечню и Ингушетию» [9, с. 12, 34; 3, с. 104]. Иную позицию заняли представители социалистического блока, объединения демократических сил области (большевики, эсеры, меньшевики и др.), созданного еще накануне открытия съезда по инициативе С.М. Кирова [3, с. 101]. Благодаря этому запланированную провокацию удалось предотвратить. Было принято решение, во-первых, провокацион-

ный приказ немедленно отменить, во-вторых, направить в Чечню и Ингушетию мирную делегацию, в-третьих, пригласить на съезд их полномочные делегации [9, с. 34]. Позже в этой связи Асланбек Шерипов, двадцатилетний лидер чеченского народа, говорил: «...когда прибыли первые вестники от Моздокского съезда, то в народе произошел окончательный переворот в настроении – от войны к миру. И всей терской демократии и Моздокскому съезду чеченский и ингушский народы обязаны тем, что по всей линии соприкосновения этих народов с другими не льются потоки человеческой крови...» [11, с. 31]. Такого же мнения придерживался и Гапур Ахриев – авторитетный представитель ингушского народа.

Позиция молодых горских революционеров, недвусмысленно обозначенная ими с трибуны съезда, имела исключительно важное значение не только для тех народов, от имени которых они выступали перед делегатами форума, но и для тех, кто с тревогой следил за развитием революционной ситуации, стихийно вовлекавшей в свою орбиту новые российские регионы, в том числе и территории совместного проживания горцев, казачьего и иногороднего населения.

Примечания

1. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. 1917 – март 1918 года. 2-е изд., испр. и доп. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2012. 608 с.
2. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008.
3. Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4975. Л. 1.
5. См.: Протоколы заседаний СНК РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. Юсупов А.У. Тернистый путь комиссаров. Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс “Грозненский рабочий”», 2009. 48 с.
6. См.: Дуношкин И.Е. Юг России накануне катастрофы: борьба органов государственной власти и терского казачества с национал-клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в начале XX века: монография. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та; Изд-во Уральского ун-та, 2003.
7. См.: Дзидзоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917– 1918 годах. Владикавказ: Алания, 2000. 176 с.
8. См.: Буркин Н.Г. Октябрьская революция и Гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д: Партийное издательство, 1933. С. 16–25.
9. Съезды народов Терека. Сборник документов и материалов в 2 томах. Орджоникидзе: ИР, 1977. Т. I.
10. За власть Советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области (1917–1922 гг.). Нальчик: Кабардино-балкарское книжное издательство, 1957.
11. Шерипов А. Статьи и речи. 3-е изд., испр. и доп. Грозный: Чечено-ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990.

Д.И. Состин

КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ В 1917 г. ФАКТОРЫ И ПРИЧИНЫ АНТИРЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ

1917 год, как известно, был рубежным и во многом трагическим для России. Судьбоносным он являлся и для российского казачества. Февральская революция, отречение императора Никола II от престола, затем падение Временного правительства и Октябрьский переворот – все эти события, которые сопровождалось распадом институтов российского государства, нарушали традиционный уклад казачьей жизни, провоцировали антиреволюционные настроения казаков. Казачество, которое несло и без того значительную мобилизационную и экономическую нагрузку в период Великой войны 1914–1918 гг., теряло прежнюю организационную структуру и управляемость. Значительное влияние на него, хотя и с переменным успехом, оказывали различные политические силы – партии (в основном с консервативной идеологией), общественные организации, отстаивавшие интересы рядовых казаков, преимущественно крестьянско-казачьи союзы, появившиеся на Дону, Кубани, Тереке и в других казачьих районах бывшей империи после Февраля 1917 г.

Представители казаков принимали участие в работе Первой государственной думы 1906 г. Правда, из-за отсутствия у них единой программы, а также из-за разногласий по политическим вопросам организованной и самостоятельной казачьей фракции в российском парламенте так и не сложилось. Казачья фракция, включавшая наиболее образованных, демократически настроенных представителей этого сословия, оформилась и функционировала в период работы II–IV дум, она называлась Думской казачьей фракцией, состояла из 20 депутатов и просуществовала недолго [1]. Вообще следует отметить, что основная масса российского казачества длительное время находилась в неопределенном состоянии, не принимала участия в политической жизни страны. Более того, казачество всегда отличалось контрреволюционностью. Казачьи сотни нередко принимали участие в разгонах рабочих демонстраций, усмирении крестьянских выступлений в ходе революции 1905–1907 гг. Сказывались сословная привилегированность казаков, консерватизм в их мировосприятии, обычай подчиняться атаманам.

В отличие от основной массы российского крестьянства, даже в период кризисных военных лет 1914–1917 гг. казаки в целом отличались более устойчивым материальным положением. Не случайно вождь большевиков В.И. Ленин считал казаков привилегированным крестьянством и говорил, что казачьи дворы стояли на первом месте среди богатой землевладением группы населения [2]. В казачьей массе в этот период преобладали средние слои. Значительное влияние на сознание казаков оказывали сословные интересы, традиция подчинения атаманам.

В первые месяцы 1917 г. большая часть российского казачества была довольно пассивной. Тем не менее в условиях нарастающего экономического и политического кризиса в России, тревожных ожиданий в российском обществе ситуация

постепенно менялась. Во главе казачества появились такие харизматичные личности – войсковые атаманы, как Алексей Каледин на Дону, А. Дутов в Оренбурге, А. Караулов на Тереке. В новых политических условиях, сложившихся в России после падения монархии, и так называемой демократизации они практически возглавили непростой и противоречивый процесс политического самоопределения российского казачества.

Общий съезд российских казаков, созванный в марте 1917 г., формально признал новое Временное правительство, однако сформировал при нем особый орган для защиты интересов казачьего населения России. Председателем Союза казачьих войск России был выбран атаман А.И. Дутов, последовательный сторонник сохранения самобытного уклада казачьей жизни, прав и свобод казаков независимо от их войсковой принадлежности. Союз выступал за сильную государственную власть, поддерживал Временное правительство, несмотря на отсутствие его полной легитимности. Деятельность Союза одобряло казачье население Юга России, Поволжья, Сибири и многих других регионов страны.

Вместе с тем дальнейшая демократизация политической жизни российского общества, активизация леворадикальных партий, обещавших обществу, в первую очередь наиболее обездоленной его части, быстрое решение основных социальных проблем (включая земельный вопрос) за счет войсковых земель, несли угрозу казачьим обществам. Последние готовились к защите своих вековых интересов, особенно в области управления и экономики.

Весной 1917 г. в ряде казачьих областей России прошли выборы местных атаманов, вводилось самоуправление. Казачьи верхи предпринимали серьезные усилия по преодолению социального кризиса, достижению гражданского мира с крестьянами и городским населением, иногородними, проживавшими в регионе. С этой целью создавались новые управленческие структуры. Так, на Дону на так называемом Круге спасения Дона было провозглашено образование войскового исполнительного комитета для «устроения краевой жизни». Однако уже к лету 1917 г. казачьи вожди разочаровались – в личности «светлого гражданина» А.Ф. Керенского, а также в мероприятиях, проводимых Временным правительством и его представителями, уполномоченными комиссарами на местах.

К осени 1917 г. в стране и ее регионах активизировались леворадикальные силы, большевики и эсеры. Они оказывали разрушающее воздействие на массовое сознание иногородних, казаков-фронтовиков, казачью бедноту, призывая последних к захвату и разделу частновладельческих, в том числе войсковых земель на Дону, Кубани, Тереке. Политическая деятельность левых сопровождалась не только агитационной работой среди населения Донской области, но и созданием различных общественных организаций – крестьянско-казачьих союзов и советов крестьянских депутатов.

Общественно-политическая обстановка на Дону постепенно накалялась. Крестьянство, в первую очередь иногороднее, требовало пересмотра арендных отношений с землевладельцами, скорейшего решения аграрного вопроса в свою пользу. Донское казачье войско выступало против радикального решения аграр-

ного вопроса. Казакам хотелось сохранить свою самобытность, земельные права, а также свое сословное самоуправление. Идея сохранить войсковые земли, капиталы, промыслы прослеживалась на многих станичных сборах, в частности на собрании казаков Ростова и Нахичевани, прошедшем 8 апреля 1917 г. в Ростове. В одном из докладов, предложенных собранию, говорилось: «...Казачество находится во власти исторических традиций. Оно имеет свои особенности, завещанные ему историей, и оно имеет право на общественно-правовую ячейку (автономию)...» [3]. Подобным содержанием отличалась резолюция Донского войскового казачьего съезда, на котором присутствовали выборные от всех станиц области, который проходил в конце апреля 1917 г. в Новочеркасске. В ней отмечалось: «Самобытность донского казачества, уклад жизни его на основах исторических казачьих вольных традиций требует сохранения за казаками неотъемлемого права собственности на юртовые, войсковые земли, составляющие неприкосновенное историческое достояние казачества...» [4].

В мае 1917 г. Большой войсковой круг Донской области сформировал казачье войсковое правительство во главе с генералами А.М. Калединым и М.П. Богаевским. Оно защищало интересы казаков на местах, поддерживало самоуправление в казачьих станицах, охраняло войсковые земли от захватчиков из числа невойскового сословия. В то же время правительство допускало участие в созданных социалистами (меньшевиками и эсерами) советах и земельных комитетах представителей от казачества, правда, не признавало права этих комитетов в вопросе решения аграрных вопросов в пределах юртовых войсковых земель. [5]. Правительственные постановления провозглашали исключительное право казаков донских станиц и хуторов на войсковые земли. Все ресурсы: лесные угодья, водоемы, рыбное хозяйство, недра земли – объявлялись владением Войска. Следует отметить, что казачье самоуправление на Дону (казачий круг), опиравшееся на войсковое правительство и его вооруженные формирования (казачьи полки), являлось силой, противостоящей анархии, а также леворадикальным силам, влиявшим из центра, было фактором стабильности и относительного спокойствия на Дону и в соседних регионах, в т.ч. Поволжье. Одновременно создавались казачьи и горские автономии, самостоятельные государственные образования [6].

Среди нарастающих осенью 1917 г. беспорядков в казачьих организациях и войсковых кругах оставалось стремление к правопорядку и законности, глубоко сидевшим в сознании казаков. Показателем этого являлся тот факт, что в сложной для страны обстановке, когда в Петрограде разворачивался политический кризис, на Дону, как отмечал историк российского казачества А.А. Гордеев, сохранялось спокойствие. Передавая собственные впечатления того времени, он писал: «...несмотря на бушующее вокруг море бесчинства и беспорядков, районы, охранявшиеся казачьими полками, представляли тихие и спокойные очаги. Проезжающим по железным дорогам, станции которых заполнялись повсюду толпами масс в серых шинелях, о ресторанах и каком-либо питании думать не приходилось. В пределах Войска Донского никаких скоплений дезертиров, никакого беспорядка [не было], и казалось, что проезжающие попадали в другой мир. В скромных буфетах можно

было всё достать. Внутренний порядок казаками на своей земле поддерживался исключительно местными средствами, несмотря на отсутствие основной казачьей массы и пребывание казаков на фронте...» [7].

Когда А.Ф. Керенский сместил верховного главнокомандующего русской армией Л.Г. Корнилова, донские казаки поддержали последнего, предупредив Временное правительство, что если оно откажется от соглашения с генералом Корниловым, то атаман А. Каледин примет меры, чтобы отрезать Москву от Юга России. Революционным тенденциям казачество России противопоставляло дисциплину, с помощью которой казачье руководство стремилось восстановить в казачьих частях порядок, а также план решения аграрного вопроса с привлечением представителей иногороднего населения областей. В частности, на Дону А. Каледин собирался провести земельную реформу и другие социально-экономические преобразования. Планировалось и проведение в области выборов депутатов в Учредительное собрание России [8].

Продолжением процесса казачьей «самостийности» и контрреволюционной политики казачества на Юге России было создание в осенью 1917 г. конфедерации представителей казачьих войск и горских народов Кавказа. На съезде конфедерации, проходившем в сентябре 1917 г. в Екатеринодаре, было заявлено о создании «...сильной власти, самостоятельного казачьего государственного образования – Союза юго-восточных автономных и федеральных областей...» [9]. Союз просуществовал непродолжительное время. В условиях кризиса центральной власти сказывалась неопределенность перспектив развития. Организация общего всесословного областного управления на Дону не удалась. Обострялась борьба двух властных структур – войскового правительства и советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Дестабилизирующее влияние на казачество оказывали большевистски настроенные деморализованные казаки и солдаты, прибывавшие на родину с фронта. Сказывалась общая усталость донского населения, отягощенного трудностями, разочарованного экономической и социальной политикой Временного правительства. Уже после Октябрьского переворота, 10 (23) января 1918 г., съезд фронтовых казачьих частей в станице Каменской избрал Донской казачий ВРК, который провозгласил советскую власть в Донской области. В это же время так называемые революционные казаки совместно с красногвардейскими отрядами разбили верные А. Каледину части и заняли Ростов и Новочеркасск. Была образована Донская советская республика.

Аналогичные процессы развивались на Кубани, Тереке, Ставрополье и в соседних регионах Поволжья, где позиции сторонников «самостийности» также утрачивались.

Таким образом, можно очертить приоритеты казачества и выявить факторы и причины антиреволюционных настроений в казачьей среде в рассматриваемый период. Они коренятся не в политической отсталости казаков, а скорее в их словесном эгоизме, стремлении в условиях системного кризиса сохранить не только казачью этнокультурную идентичность, но и, что немаловажно, экономические привилегии. Сохранить же всё перечисленное выше, как показали события в цен-

тре и на местах в 1917 г. и в последующий период, можно было бы только посредством реализации казачьих приоритетов, главным гарантом которых выступал казачий круг. Наметился курс на ликвидацию казачества как контрреволюционного слоя в ходе Гражданской войны и советского строительства.

Примечания

1. От польского коло до казачьей группы. Из книги Демина В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования // Парламентская газета, 2 апреля 2006 г.
2. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в Первой русской революции 1905–1907 гг. // Полное собр. соч. Т. 16. С. 410.
3. Ростовская речь. 11 апреля 1917 г.
4. Вольный Дон. 26 апреля 1917 г.
5. Вольный Дон. 15 октября 1917 г.
6. Козлов А.И. Каменистыми тропами... Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.
7. Гордеев А.А. История казачества. М.: Вече, 2008. С. 517.
8. Астапенко М.П. Донские казаки 1550–1920. Уч. пос. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 1992. С. 132.
9. Вольная Кубань. 6 сентября 1917 г.

А.В. Броварь

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ХХ в.: на примере Области Войска Донского

...И казаки уходят в тишину, не успевая Богу помолиться.

Рост численности населения Области Войска Донского происходил в сложных и своеобразных условиях. Сама территория с 1786 г. официально называлась Земля Войска Донского, в 1870–1918 гг. – Область Войска Донского, а в 1918–1920 гг. – Всевеликое Войско Донское. Эта область являлась южной окраиной Российского государства и заселялась выходцами из различных регионов. Новым переселенцам приходилось не только вести борьбу с природными условиями, но и прежде всего отстаивать право на существование в непрерывной борьбе с соседними народами.

Изучением данной проблемы занимались ученые в области исторической и этнической демографии – С.А. Новосельский, Б.Н. Миронов; истории формирования Области Войска Донского, ее заселения, статистического описания – А.В. Лубский, Э.Г. Алавердов, А.И. Агафонов; изучения возникновения донского казачества,

его развития – А.И. Агафонов, А.В. Венков, Н.А. Мининков, Л.В. Табунщикова, Н.А. Трапш, В.П. Трут, М.Е. Шалак и др. [1].

Для исследования демографической истории российского донского казачества представляют интерес разнообразные письменные источники, хранящиеся в архивах, – это материалы церковного (с 30-х гг. XVIII в.), ревизского (с 20-х гг. XVIII в.), ведомственного (с 30-х гг. XVIII в.) и текущих учетов и переписей (с 60-х гг. XIX в. и полные сведения переписи 1897 г.) [2].

Изучение развития демографии Области Войска Донского позволило выделить три этапа.

Особенностью первого этапа (XVI – конец XVII в.) является незначительное количество постоянного населения и медленный его рост. Причины, повлиявшие на демографию в начале освоения Донского края, были связаны с его территориальной отдаленностью от границ Российского государства, а также сложными жизненными условиями, с которыми столкнулись колонисты края.

Характерной чертой второго этапа (XVIII – начало XIX в.) стало массовое переселение центральных губерний России и Малороссии. В этот период огромную роль сыграли социальные и политические условия, формирующие этнический состав Области Войска Донского. Особенности социальных условий были связаны с централизацией государства, усилением крепостничества, установлением самодержавия. Основу политических и экономических установок составляли хозяйственные цели, направленные на освоение края и оборону южных рубежей России от потенциальных врагов. Со сменой правящей династии в государстве, с установлением стабильности во внутренней и внешней политике, как следствие, произошло проецирование сильной власти от центра к окраинам, что привело к увеличению миграционного потока со второй половины XVII в. Переселенческие потоки возрастают количественно и качественно – кроме взрослых мужчин переселяются женщины и дети.

В 20-е гг. XIX в. миграционные потоки на окраине Российской империи сокращаются из-за усиления вертикали имперской власти и крепостничества, которое являлось основным поставщиком человеческих ресурсов на Дон.

Анализируя демографическую ситуацию в Области Войска Донского XIX в., можно сказать, что эта довольно обширная в данный период территория характеризовалась многонациональным и многословным населением, молодым его составом, высоким уровнем рождаемости и смертности [3].

Согласно данным церковных учетов, по состоянию на 1737 г. на территории Области Войска Донского проживало примерно 60 тыс. чел., в том числе беглые крестьяне в количестве 1,5 тыс. чел., что составляло около 2,5 % от общей численности населения.

По состоянию на конец 60-х – начало 70-х гг. XVIII в. численность населения на Дону составляла уже 145 тыс. чел., а количество беглых малороссийских крестьян достигло 35 тыс. чел., или 24 %. Началось активное заселение южной окраины Земли Войска Донского. В 70-е гг. XVIII в. казаки проживали в 111 станицах и практически во всех прилегающих хуторах. Малороссийское население, в большей части крепостные, проживало преимущественно в приморском Миусском округе.

По результатам IV ревизии, проведенной в 1782 г. на территории Области Войска Донского, численность ее населения составляла 163 тыс. чел., из них 116,7 тыс. казаков и около 46 тыс. малороссийских крестьян.

В 1808 г. крестьяне составили 37 % всего населения, в 1817 г. – 34 %, в 1834 г. – 38,5 %, в 1851 г. – 30,7 %, в 1858 г. – 32,1 %.

Постоянные миграционные процессы на территории Области Войска Донского стремительно меняли массовую долю казачества в данном регионе.

По состоянию на 1775 г. численность казаков составляла 70 % всех жителей края, в 1808 г. – 62,9 %, в 1817 г. – 66,0 %, в 1854 г. – 61,5 %, в 1851 г. – 66,8 %, в 1871 г. – 64,3 %, в 1881 г. – 59,3 %, в 1890 г. – 46,6 %, в 1901 г. – 43,0 %, в 1911 г. – 44,8 %, в 1916 г. – 40,2 %.

Начиная с 70-х гг. XIX в. численность в Области Войска Донского неуклонно росла, преимущественно за счет мигрирующих в регион на заработки сельских жителей. При этом количество казачьего сословия росло за счет естественного прироста, который с 1881 по 1915 г. составил 718,9 тыс. чел., также за счет механического прироста, составившего 1,4 тыс. чел. (в основном за счет браков с лицами казачьего сословия) [2].

Начало XX в. для Российской империи характеризовалось развитием политических отношений, колоссальным развитием отраслей экономики, что положительно отразилось на социальной ситуации, которая в свою очередь привела к демографическому росту. Численность населения на момент переписи 1897 г. составляла 126,4 млн чел. [4]. В период с 1861 по 1913 г. естественный прирост населения по Российской империи составил 67,8 млн чел. [5]. На территории Области Войска Донского естественный прирост казачьего населения в 1881–1915 гг. составил 718,9 тыс. чел. Все эти данные указывали на положительную динамику развития государства в указанный период времени.

Первая мировая война унесла жизни порядка 10 тыс. чел. [6] из 2,5 млн чел. населения Дона [7]. В России до 1917 г. довольно компактно (по территориям 12 казачьих войск) проживало более 6 млн казаков [6]. Потери, связанные с Октябрьским переворотом и Гражданской войной, которая длилась на Дону до 1920 г. включительно и принесла с собой репрессии населения, голод, болезни, разруху, эмиграцию, крайне негативно сказались на демографической ситуации на Дону. Поскольку большевики видели в донском казачестве оплот монархии и стержень Белого движения, они прикладывали максимум усилий для ликвидации казачества как сословия. Ключевым документом, которым руководствовались большевики, было письмо ЦК РКП(б) об отношении к казачеству от 24 января 1919 г., отдельные пункты из которого необходимо привести полностью, чтобы увидеть истинные цели большевиков и методы их выполнения:

«Письмо ЦК РКП(б) об отношении к казачеству – циркуляр, секретно, 24 января 1919 г... Необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской

властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам...

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи...

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания. Центральный Комитет РКП(б)...» [8].

Кроме этого письма были различного рода указания, инструкции, директивы, изданные в 1919–1920 гг. за подписью первых лиц советского государства, революционных военных советов Южного фронта, 8-й армии и других органов революционной власти, которые развивали античеловеческие, преступные векторы, заданные циркуляром от 24 января 1919 г.

Политика расказачивания проводилась и в последующие годы существования советской власти. Многие вынуждены были отказаться от принадлежности к казачьему сословию в официальных документах, чтобы избежать репрессий со стороны советской власти. Это отрицательно отразилось на численности населения Дона.

Донское казачество, история которого насчитывает несколько сот лет, на протяжении всего своего существования выступало одной из основ самодержавия, развития государства Российского, не только выполняя воинские функции и обязанности, но и являясь носителем и хранителем традиционной культуры, православной веры, глубокой морали, государственной идеологии и фактически являя собою квинтэссенцию морально здорового общества.

Октябрьский переворот, разрушивший Российскую империю, спроектировал свои векторы, в первую очередь на казачество.

«Безбожная» власть понимала, что осуществить цели по разрушению традиционного русского мира, не уничтожив ревнителей традиционности, которыми являлись казаки, выполнить не удастся.

События Гражданской войны на Дону привели к ужасающим по своим масштабам последствиям. Фактически было уничтожено сословие, которое составляли различные народы, населявшие Российскую империю, – русские, калмыки, малороссы и др. Точных данных по численности жертв репрессий донского казачества нет. Но по самым скромным оценкам истреблено было порядка 35 % населения Области Войска Донского [6].

Примечания

1. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград: Типография Министерства внутренних дел, 1916. 208 с. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/novoselskij/novoselskij_1916.pdf; Миронов Б.Н. Русский го-

род в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / АН СССР, Институт истории СССР, Ленинград. отделение. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1990. 271 с. URL: search.rsl.ru/ru/record/01001561378; Лубский А.В., Алавердов Э.Г. Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов н/Д: ГИИГО, 1998. 502 с.; Агафонов А.И. Область Войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1986; Агафонов А.И., Венков А.В., Мининков Н.А., Табунщикова Л.В., Трапш Н.А., Трут В.П., Шалак М.Е. История донского казачества: учебник. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 464 с. URL: <http://russiahistory.ru/download/library/student/vuzovskie-uchebniki/venkov-a.v.-xred.x-istoriya-donskogo-kazachestva.pdf>.

2. Кабузан В.М. Численность и размещение казаков Российской империи в XVIII – начале XX в. // Труды Института российской истории. Вып. 7 / отв. ред. А.Н. Сахаров. Российская академия наук, Институт российской истории. М., 2008. С. 302–326. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?id=98&section=8&view=article>.

3. Фурса Е.В. Формирование населения на территории Области Войска Донского: экономико-демографические и исторические аспекты: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2001. 135 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-naseleniya-na-territorii-oblasti-voiska-donskogo-ekonomiko-demograficheskie-i-i>.

4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. [СПб.], 1897–1905. С. 26. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/15163-vyp-1-naselenie-gorodov-po-perepisi-28-go-yanvarya-1897-goda-po-uezdam-1897#mode/inspect/page/28/zoom/5>.

5. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 162. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/rashyn/glava05.pdf>.

6. Непорухенная память. Геноцид казачества: 96-я годовщина. URL: <https://rugrad.eu/communication/blogs/Kazaki/непорухенная-память-геноцида-украинских-казаков-94th-annivers/>.

7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: 1–89 / под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. Краткий обзор цифровых данных Области Войска Донского. Л. III; URL: <https://www.prilib.ru/item/436654>.

8. Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 176–178.

В.А. Матвеев

МИФ О КАЗАЧЬИХ ЗЕМЛЯХ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ НА СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ОКРАИНЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ ХХ в.

По мере нарастания аграрного кризиса на северокавказской окраине России в начале XX в. в среде иноэтнического населения всё большее хождение получали

не соответствовавшие реальности ретроспекции о «насильственно отобранных землях», заселенных впоследствии казаками. Кроме того, в агитации использовались утверждения о возраставшей плате за аренду сельскохозяйственных угодий в станицах [1, с. 1037]. В горских обществах весьма широко велась агитация «за отобрание казачьих земель», что усиливало напряженность. Это неоднократно подтверждалось и оперативными наблюдениями.

Так, в результате одного из них было установлено, что такую агитацию в нагорной Чечне вел Т.Э. Эльдарханов, депутат Государственной думы 1-го и 2-го созывов от Терской области. Он настраивал проживавших там чеченцев на скорый возврат «всех земель, отнятых у них для казачьих станиц» [2]. Пропаганда мифа об отобранных землях также оказывала влияние на формирование мировоззренческих установок и не способствовала стабилизации в регионе. Она вела к установлению (основанному в немалой степени на искажениях в восприятии прошлого) государственного единства России с Северным Кавказом, приведшего чуть позже терское казачество к трагедии.

Соответствующая организация ретроспекций так или иначе обретала свойства разрушительных технологий. Состояние межэтнической отчужденности формировалось в том числе из-за их воздействия. Несмотря на это проявления российской интегрированности в начале XX в. продолжали сохранять устойчивые показатели. Между тем негативная информация о России, отражавшая одну из тенденций в ее развитии в условиях кризиса в начале XX в., стала абсолютизироваться и отрываться от контекста исторических реалий.

Казаки в свою очередь считали войсковые земли своими, добытыми «исторической славой». По их утверждениям, «общественная отдача в аренду станичной надельной земли... не приносит... особых выгод». На самом деле, занимая всего лишь 28 % всей территории Терской области, казаки владели, по свидетельству их идеолога М.А. Караулова, около 90 % этого пространства еще в XVI–XVIII вв., а в XIX в., когда происходило включение горских обществ в российские пределы, они получили только незначительную часть земли [3, с. 115].

Мнение о том, что «правительство щедро наделяло землями тех, кто разорял страну», то есть казачество, не имеет подтверждения [4, с. 74]. Факты показывают, что правда в данном споре была и на стороне казаков, и на стороне горцев, в его разрешении нельзя было становиться всецело на какую-либо из точек зрения. Поземельные отношения в крае издавна носили весьма запутанный характер, и России досталось непростое наследие, которое, несмотря на предпринимавшиеся усилия, так и не было упорядочено. Отбирание земельных участков у тех, кто был на ее стороне, весьма широко практиковал именно имам Шамиль [5, с. 82]. Аграрное же обустройство «туземных народов» и на этом, и на последующих этапах признавалось при выработке российской политики одним из звеньев интеграции. Это свидетельствует об отношении к ним как к соотечественникам.

Ситуация аграрной перенаселенности на северокавказской окраине Российской империи, как показывает предпринятый анализ, обуславливалась прежде всего ростом численности населения. Усугублялась она и субъективными просчетами пра-

вительственной политики, направленной на поддержание крупных феодальных имений, за которыми оставлялось право частной земельной собственности. Это ограничивало возможности снятия остроты аграрного вопроса. Проводившаяся политика способствовала укреплению феодального землевладения. Столыпинская аграрная реформа, имея такую же направленность, в некоторой степени осложнила ситуацию.

Попытки устранить остроту аграрного вопроса на Северном Кавказе в начале XX в. так или иначе предпринимались. Распространение в начале XX в. на Северном Кавказе насильственных экспроприаций чужой собственности между тем объясняли «нехваткой земли». Такая версия излагалась не только в служебной переписке, но и в публицистике [6]. Состояние земельной неустроенности иноэтничного населения на Кавказе, наиболее остро проявлявшееся в северных частях края, вызывало беспокойство в правительственных кругах. Представителями русской администрации велись поиски вариантов ее преодоления. С решением проблемы связывали и возможность устранения угрозы роста этнической преступности. Изложенные выше факты вместе с тем указывают и на существенные перемены, произошедшие в этнополитической сфере горских обществ по сравнению с эпохой Кавказской войны. Решающее воздействие на них оказывала и в этой части империи российская интегрированность. Исключения не являлись преобладающими.

Идеологическую подпитку восстановлению набеговой традиции и усилению сепаратистских проявлений давал, судя по всему, главным образом отход от реалистических оценок в восприятии прошлого, связанного с Кавказской войной и обстоятельствами включения региона в состав империи. Однако целенаправленной работы с населением, остававшимся в нагорной полосе Чечни и Дагестана, представители русской власти не проводили, видимо, полагая, что всё в условиях мирной жизни должно произойти само собой и что в установившемся восприятии реальности на исходе Кавказской войны не произойдет каких-либо существенных изменений. Исправить упущения оказалось непросто.

Для этой цели предпринимались, хотя и с опозданием, необходимые меры. Из государственного аппарата прежде всего были устранены несоответствующие своему положению представители власти. В него привлекаются новые административные силы, а недостаток опытных кадров пытались отчасти восполнить и за счет ветеранов Кавказской войны, хорошо знавших местную специфику [7]. Это нашло выражение и при восстановлении по указу царя в 1905 г. наместничества, что должно было, как предполагалось, способствовать преодолению проявлений «национальной обособленности» [8]. Во главе его был поставлен граф И.И. Воронцов-Дашков, принимавший участие в покорении Северо-Восточного Кавказа и штурме Гуниба, последнего пристанища имама Шамиля и его мюридов. В случае «беспорядков» наместник мог также принимать решение и о применении оружия [9].

О размерах дестабилизации обстановки вследствие «грабежей и разбоев» можно судить в том числе по подаваемым прошениям, содержащим одни и те же просьбы о защите. Они поступали в большом количестве в Совет министров и иные правительственные инстанции от различных обществ, уполномоченных

Кавказского комитета овцеводства и т.д. Владикавказская дума ходатайствовала об установлении военной охраны в городе, который подвергался частым нападениям. В создавшихся условиях периодически происходили ответные действия, имевшие весьма трагические последствия [1, с. 189].

Наиболее крупным и вследствие этого заметным в масштабах всей страны явились события 28–29 мая 1906 г. вокруг ингушского аула Яндырка, спровоцированные убийством его жителя на территории станицы Троицко-Карабулакской. После этого между казаками и ингушами данных населенных пунктов завязалась перестрелка. В конфликт включились казаки ряда других близлежащих станиц и совершили совместное нападение на аул. Для его обороны подоспели отряды ингушей из соседних селений. Сражение на его подступах продолжалось два дня. Оказавшись в отчаянном положении, ингуши обратились за помощью к власти [9].

Начальник второго участка Назрановского округа срочно переслал донесение в вышестоящие инстанции, так как не располагал необходимыми силами для восстановления порядка. Несмотря на серьезность конфликта и его возможные отрицательные последствия в условиях этнически неоднородного края, помощь из Владикавказа пришла с опозданием. Прибывшие на место батальон пехоты Апшеронского полка, пулеметная рота и три сотни казаков из-за попустительства командования приняли участие в разгроме аула. Настоятельные просьбы начальника округа полковника Котляревского «не громить беззащитный аул» не остановили трагедии. Старики, женщины и дети в ужасе разбежались по соседним лесам. Среди защитников имелись убитые и раненые [9].

Данный случай проявления «узкого национализма» дестабилизировал и без того непростую обстановку. Он провоцировал туземное население на такой же экстремизм и в действительности усугублял положение. У ингушей возникло опасение, что их «хотят истребить». По этому поводу последовало даже обращение в Государственную думу, в котором они жаловались вместе с тем на то, что им негде искать «справедливости и защиты». По их утверждению, куда бы они ни обратились, им везде отвечают: «С казаками мы ничего не можем поделаться» [1, с. 1038].

В телеграмме уполномоченных ингушского народа содержалась просьба «назначить... следствие по... делу» и удалить исполнявшего в момент столкновения обязанности областного начальника генерала Ржевуского, а также тех командиров подразделений, которые попустительствовали погрому. Это касалось и атамана Сунженского отдела генерала Суворецкого, возглавлявшего прибывшие к месту происшествия сотни казаков. Он-то как раз и сыграл главную роль в инциденте, следуя своим прежним обещаниям за грабежи и разбои «согнуть в бараний рог горцев» [10, с. 56].

Военные, производившие впоследствии расследование по поручению наместника, также сообщили ему в секретном отчете, что «главными виновниками если не начала вооруженного столкновения, то во всяком случае его развития и перестрелки... являются административные лица» [10]. Реакция на события у аула Яндырка была неадекватной обстановке и порождала у ингушей понятное чувство обиды. Она послужила в том числе появлению подозрения «о намеренном угнете-

нии русской государственностью туземных народностей», нашедшего отражение первоначально в ряде думских запросов [11], а затем превратившегося в широко распространенную версию. Меры, принятые по итогам расследования, возымели результат лишь на какое-то время.

И.И. Воронцову-Дашкову не удалось, несмотря на предпринимавшиеся усилия, добиться перелома. Тем не менее по его настоянию для разработки способов противодействия «преступности» созываются смешанные съезды из посланцев русского и туземного населения Кавказа: в июне 1907 г. во Владикавказе – ингушей и осетин, между которыми возобновились столкновения, в апреле 1909 г. в Грозном – туземных народов и т.д. В их состав для повышения авторитетности решений в обязательном порядке включались муллы, кадии (судьи), старшины, начальники участков, почетные старики различных обществ, шейхи, землевладельцы, представители казачества, офицеры из «иногородцев» и русских, а также другие посланцы аулов, станиц и селений края [12, с. 203].

Наряду с этим было предпринято изучение предшествующего опыта управления Кавказом. Основополагающая направленность российской политики на Кавказе и в начале XX в. сводилась к достижению такого положения, когда «верноподданные кавказцы должны стать... действительными сынами общего отечества» [13]. Вместе с тем наместник его императорского величества граф И.И. Воронцов-Дашков, как и другие руководители, осознавал, что исключить применения оружия в урегулировании обстановки невозможно, поскольку дестабилизация достигла угрожающих для государственной безопасности пределов. Именно его применение в сочетании с концентрированным (мировоззренческим) воздействием предопределило исход Кавказской войны в интересах России и большинства туземных народов края. И после ее завершения «неотвратимость наказания» выступала важнейшим элементом поддержания порядка.

Пока этот критерий, являющийся важнейшим показателем эффективности любой государственной власти, выдерживался, «разбоев и грабежей» в крае в первые десятилетия после окончания Кавказской войны не наблюдалось. На местах в ряде случаев допускались искажения, и некоторые исполнители делали ставку лишь на результативность силового воздействия в стремлении как можно быстрее прекратить разгул разбойной стихии. Однако для стабилизации обстановки задействовались не все возможности. В частности, игнорировался потенциал самого туземного населения, который по ходу Кавказской войны последовательно задействовался и способствовал успешному для России завершению.

Необходимо заметить, что отношения между ингушами и казаками стали обостряться из-за состояния аграрной перенаселенности, отмечавшегося на Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв. Это было связано с целым комплексом разнообразных причин, среди которых немаловажное значение имел рост численности иноэтничного населения. Станицы в некоторых местностях выполняли функции разделительных линий для предотвращения столкновений между различными этническими общностями края, враждовавшими на протяжении многих веков. В зоне произошедшего конфликта полоса из казачьих поселений вводилась в свое

время для прекращения столкновений между ингушами и осетинами, которые до этого были постоянными и сопровождалась жертвами с обеих сторон.

Но в указанный промежуток времени в межэтнический конфликт были втянуты сами казаки. Станичные общества, встревоженные тем, что «туземная преступность достигла небывалых размеров», вырабатывали меры борьбы с ней и составляли по этому поводу в огромном количестве специальные приговоры. Пострадавшие и ограбленные, не полагаясь на возможности краевой власти, искали защиты в Совете министров и в Государственной думе, подавая всё новые и новые прошения [14, с. 423].

Вместе с тем в среде русского населения Северного Кавказа сохранялось доверие к горцам и надежда на то, что с их помощью удастся урегулировать ситуацию. Давались также разъяснения, что они являются равноправной частью российского и регионального сообщества. Распространение в начале XX в. искаженной информации об отобранных у горцев землях использовалось большевистским руководством на исходе Гражданской войны и после ее завершения для обоснования необходимости их возвращения, что также определяло направленность политики на расказачивание.

Примечания

1. Государственная дума. 2-й созыв. Сессия 1. Т. II. Стенографические отчеты. Засед. 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 27–27об.
3. Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем (памятка терского казака). Владикавказ, 1912.
4. Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007.
5. Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995.
6. См. подробнее: Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. СПб., 1901; Цаголов Г. Край беспросветной нужды (заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1912.
7. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИА РГ). Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 215.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 17; ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 749. Л. 9об.
9. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 23, 33об.
10. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928.
11. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Пояснительная записка к думскому запросу, составленная библиотекарем «Терского общества любителей казачьей старины» Г.А. Ткачевым и читанная в заседании общества 8 января 1911 г. Владикавказ, 1911.

12. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2 т. Т. 1. Грозный, 1967.
13. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2 т. Т. 1–2. Тифлис, 1907.
14. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 12. Тифлис, 1904.

А.Н. Деордиева

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 1917 г. НА ДОНУ

Смена политического режима в России в феврале 1917 г. поставила перед Временным правительством задачу создания нового административного аппарата для проведения политических и социальных реформ. Городские думы, избранные еще до революции, не отвечали новым задачам. На повестку дня встал вопрос о проведении муниципальных выборов на демократических началах. На наш взгляд, представляется важным выявить специфику муниципальных выборов в Области Войска Донского в переломном 1917 г.

Муниципальные выборы, прошедшие летом 1917 г. в российских городах, стали очередным шагом Временного правительства по демократизации общественно-политической жизни в стране. Подготовительная работа началась задолго до голосования, по всей стране создавались избирательные округа. Голосование проходило по партийным спискам. Впервые проходили свободные, всеобщие, равные и прямые выборы с использованием тайного голосования и основанные на системе пропорционального представительства. Организация выборов на местах находилась в ведении городских управ. Они занимались составлением списков, регистрацией кандидатов от политических партий и общественных объединений.

Как и по всей России, на основании постановления Временного правительства «О производстве выборов гласных дум» от 15 апреля 1917 г. в мае – июне 1917 г. в Области Войска Донского шла подготовка выборов в городские думы Ростова, Нахичевани, Новочеркаска, Таганрога, Азова и других городов [1, с. 56]. Общее число гласных определялось на основании положения Временного правительства о выборах в городские думы. Каждому городу в зависимости от количества жителей предоставлялось определенное число гласных. Так, в Новочеркасскую думу избиралось 60 гласных, Ростовскую думу – 109, Таганрогскую – 82, Александровск-Грушевскую – 38, Нахичеванскую – 60, Азовскую – 44 [2].

Городские управы организовали перепись населения для составления избирательных списков. Из объявления Азовской городской управы следует, что «переписывались все граждане, достигшие 20-летнего возраста, проживающие в городе, а также те, кто либо имеют в городе домашнее обзаведение или состоят там на службе или же имеют иные, связанные с городом определенные занятия» [3]. За две недели до выборов все списки избирателей для ознакомления должны были быть

вывешены в здании городских управ, а за 10 дней до выборов списки кандидатов от партий и общественных объединений обнародованы в местной прессе.

В избирательную кампанию активно включились все политические партии и общественные объединения. Каждая партия или общественное объединение, участвовавшее в выборах, разработали свою программу муниципальных преобразований. В подавляющем большинстве все они сводились к идее демократизации городского самоуправления. Депутат IV Государственной думы от Области Войска Донского М.С. Аджемов отмечал, что «программных различий в обещаниях политических партий крайне мало и избирателям придется руководствоваться партийными лозунгами» [4].

Политические партии развернули на Дону активную агитацию, которая выступала мощным инструментом в деле пропаганды и популяризации партийных идей и программ. Такая агитация предполагала организацию предвыборных собраний избирателей, проведение митингов (где разъяснялась избирательная платформа и освещалась техника голосования), изготовление и распространение брошюр, воззваний, листовок и плакатов, организацию публичных лекций. В агитационную работу была вовлечена и местная пресса. Член Ростовского отделения конституционно-демократической партии профессор Варшавского университета, юрист И.А. Малиновский опубликовал в газете «Приазовский край» статьи «Муниципальная политика и партия народной свободы» и «Вопросы городского самоуправления» [5], в которых выразил взгляды кадетов по вопросу о местном самоуправлении.

В предвыборных воззваниях члены Донского отделения Конституционно-демократической партии призывали жителей Ростова и Нахичевани-на-Дону принять участие в предстоящих выборах в местное самоуправление, чтобы провести как можно больше кадетских или по меньшей мере прогрессивных кандидатов [6]. Донские кадеты открыто и жестко критиковали леворадикальные партии, их высказывания отличались непримиримым тоном. Газета «Ростовская речь», обращаясь к своим читателям, писала: «Голосуйте за кого хотите, только не голосуйте за большевиков» [7].

В воззвании Ростово-Нахичеванского совета рабочих и солдатских депутатов отмечалось: «На воскресенье, 9 июля, назначены выборы в городскую думу. Вам предстоит свободно определить, кого вы хотите послать своими представителями в городскую думу. Но для того, чтобы свободно решить, кого выбрать, население должно иметь возможность свободно обсудить, какая партия должна заслужить его доверие» [8].

Выборы в Ростовскую городскую думу были назначены на 9 июля 1917 г. Подано было 8 избирательных списков. Под № 1 был зарегистрирован список социалистического блока (меньшевики и эсеры), № 2 – большевики, № 3 – домовладельцы и квартирнаниматели, № 4 – «Казачий союз», № 5 – список Партии народной свободы и др. В списке указывалась фамилия и инициалы кандидата, возраст, социальное положение, домашний адрес. К спискам прилагались заявления кандидатов о согласии баллотироваться в гласные Думы.

Более 60 % жителей Ростова приняли участие в выборах. По итогам выборов убедительную победу одержал объединенный блок меньшевиков и эсеров, на втором месте оказались кадеты, на третьем месте – «Казачий союз». В соответствии с этим из 109 мест гласных в городской думе 80 мест получили эсеры и меньшевики, 16 – кадеты, 5 – казаки. В Думу прошли кадетские активисты М.С. Аджемов, А.П. Хартахай, И.А. Малиновский, В.М. Знаменский, А.З. Городисский, А.А. Вилков и др.

11 июля состоялись выборы в Новочеркасске. Здесь было зарегистрировано пять кандидатских списка. Список партии народной свободы зарегистрирован под № 3, в нем было заявлено 49 кандидатов. По итогам голосования первое место заняли гласные блока меньшевиков и эсеров, им досталось 32 места. Далее места распределились таким образом: Партия народной свободы – 18 мест, прогрессивные домовладельцы – 6 мест, Трудовая народно-социалистическая партия – 3 места и Донской союз собственников – 1 место [9].

Гласными думы стали известные общественные деятели, депутаты Государственной думы от Области Войска Донского, члены партии народной свободы М.С. Воронков, В.А. Харламов, а также члены Новочеркасского отделения Конституционно-демократической партии – Л.А. Сопоцько, К.П. Каклюгин, А.Г. Беляевский и другие [10]. На заседании Новочеркасского кадетского комитета была сформирована фракция партии в городской думе. Кадетская фракция Новочеркасской думы, как и все другие кадетские фракции, выступала за целостность России, безусловное подчинение Временному правительству, победоносное окончание войны.

16 июля 1917 г. проводились выборы гласных в Таганрогскую городскую думу. 6 июля в газете «Известия Таганрогского общегородского совета» был опубликован список № 1 кандидатов в гласные от кадетской партии [11].

Впервые на муниципальных выборах 1917 г. баллотировались женщины-кандидаты, получившие избирательное право в ходе Февральской революции. В ходе выборов в городские думы весной – летом 1917 г. в общем списке Конституционно-демократической партии было 12 % женщин, это был самый высокий показатель по сравнению со списками других партий (к примеру, у большевиков в списке было 10 % женщин) [12, с. 89].

В Таганроге от партии народной свободы были заявлены кандидатуры женщин – И.Н. Малашенковой, Е.А. Погребцовой. М.Н. Поповой, С.Э. Юшковой, В.И. Рухлиной, Е.Н. Кожуковой. Всего 6 фамилий, что составляло 7,5 % от общего числа кандидатов.

В выборах в Таганроге приняли участие 28 649 чел., 60 % от общего числа избирателей. Подсчет поданных голосов дал следующие результаты: список № 1 (кадеты) – 3664, список № 2 (комитет почтово-телеграфных служащих) – 184, список № 3 (блок социалистических партий) – 20 645 и т.д. [13]. Места в Думе распределились следующим образом: эсеры – 58 мест, социал-демократы – 10, кадеты – 12, окраинные землевладельцы – 1, почтовики – 1.

1 августа 1917 г. состоялось заседание Таганрогской думы. На заседании был избран председатель думы, им стал В.А. Атаназиевич (эсер), его заместителем

телем А.С. Безчинский (кадет) [14]. На заседании 7 августа из гласных Думы были избраны члены управы – социал-демократ Д.М. Михайлов, кадет-инженер Ф.В. Боровский [15].

Выборы в Нахичеванскую городскую думу прошли 9 июля 1917 г. Итоги выборов: меньшевики – 30 мест, эсеры – 18, кадеты – 6, большевики – 3, Армянская народная партия – 2, домовладельцы – 1. От Партии народной свободы в думу прошли Г.А. Сальский (титularный советник), А.С. Дерезанов (лидер Ростово-Нахичеванского кадетского комитета), С.К. Восканов, А.С. Кечек и другие [16].

Победа социалистических партий на муниципальных выборах обусловила руководящий состав городских властей. Председателем Новочеркасской городской думы стал эсер А.Д. Иванов, Ростовскую городскую думу возглавил меньшевик Б.С. Васильев, городским головой Ростова стал эсер А.А. Николаев. Председателем Нахичеванской городской думы был избран эсер Г.М. Ратнер, городским головой Нахичевани – меньшевик А.И. Лиманов, председателем Таганрогской думы стал эсер В.А. Атаназиевич, а председателем Азовской думы – меньшевик Г.Е. Котелевец [17]. После выборов все функции органов самоуправления перешли к вновь избранным представительным и исполнительным органам, срок полномочий которых был определен до 1 января 1919 г.

Таким образом, проанализировав результаты выборов в городские думы Области Войска Донского летом 1917 г., можно сделать вывод, что в целом они не расходились с общероссийскими итогами, большинство мест получили представители умеренных социалистов. На Дону, как и в целом по стране, либералы стали пользоваться меньшей популярностью среди средних городских слоев, отток которых произошел в сторону меньшевиков и эсеров. Однако борьбу за политическое влияние донские либералы не прекратили. Активизации их партийной деятельности способствуют выборы в Учредительное собрание, на которое донские либералы возлагают большие надежды по утверждению твердого государственного порядка в стране.

Примечания

1. Постановление Временного правительства 15 апреля 1917 г. «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях». Пг.: Изд-во Глав. упр. по делам местного хозяйства Мин-ва внутр. дел, 1917.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 90. Оп. 1. Д. 208. Л. 4.
3. ГАРО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2.
4. Приазовский край. 1 июля 1917 г.
5. Приазовский край. 2 июля 1917 г.; Приазовский край. 8 июня 1917 г.
6. ГАРО. Ф. 826. Оп. 2. Д. 175. Л. 1об.
7. Ростовская речь. 3 июня 1917 г.
8. Приазовский край. 8 июля 1917 г.
9. ГАРО. Ф. 694. Оп. 2. Д. 26. Л. 27–30.

10. Приазовский край. 3 августа 1917 г.
11. ГАРО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 11. Л. 46–46об.
12. Либоракина М.И. Российские женщины: немного о традициях, самопожертвовании, гражданственности // Гендерные исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития. Материалы конференции 24–25 января 1996 г. / МЦГИ. М., 1996. С. 83–94.
13. ГАРО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 11. Л. 49–49об.
14. ГАРО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 11. Л. 51.
15. ГАРО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 3. Ч. 1. Л. 49об.
16. ГАРО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 32. Л. 1а.
17. Приазовский край. 3 августа 1917 г.; Приазовский край. 6 августа 1917 г.

И.Е. Татаринов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО И УКРАИНСКОЙ ДЕРЖАВЫ В 1918 г.

Сегодня особую актуальность в российско-украинских отношениях приобрел вопрос государственных границ. События 2014 г. в Киеве на Майдане активизировали звучащие на разных уровнях территориальные претензии, что придает важности исследуемому направлению. В то же время корни проблемы лежат в событиях вековой давности. Распад Российской империи и последующий хаос Гражданской войны привели к появлению новых суверенных государств. Крайне остро встал вопрос о межгосударственном административно-территориальном устройстве. Но каким образом и по каким критериям формировались границы и решались проблемы республиканской территориализации? 1918 г. в истории Юга России выдался исключительно насыщенным важными событиями. Сразу несколько акторов международных отношений решительно заявили о своих интересах на Дону и Украине.

Еще в 1870-х гг. на юге страны возникли первые территориальные споры с этническим подтекстом. Речь идет о попытке передать Миусский округ Области Войска Донского в состав Таганрогской губернии в 1874 г. Министр внутренних дел Российской империи А.Е. Тимашев рассматривал новую губернию как «малороссийскую» и хотел включить в ее состав те территории Области Войска Донского, на которых преобладало малороссийское население. Как отмечает донской исследователь А. Перетяшко, эта инициатива была неактуальна для донских малороссов, в то время как для донского казачества неприкосновенность границ носила принципиальный характер. Неудачную попытку отделить Миусский округ от Области Войска Донского автор связывает с борьбой министра внутренних дел

А.Е. Тимашева и военного министра Д.А. Милютина, а не с реальными интересами и ожиданиями малороссов. Более того, никаких реальных примеров, подтверждавших желание донских малороссов выйти из-под власти казачьей администрации, не прослеживается. Власти Дона выступили категорически против любых территориальных изменений, полностью поддержав выдвинутый военным министерством тезис о неприкосновенности владений Области Войска Донского. При этом было заявлено о возможности серьезного недовольства, которое вызовет нарушение этой неприкосновенности [1]. В таком виде административно-территориальные границы пребывали вплоть до начала Гражданской войны.

Возникшая в марте 1917 г. Украинская центральная рада как автономное образование в составе России 22 января 1918 г. в IV Универсале провозгласила государственную независимость Украинской Народной Республики. Уступив в январе 1918 г. власть в Киеве и над большинством украинских территорий большевикам, Рада обратилась к Центральным державам с призывом о помощи в возврате власти. 9 февраля 1918 г. УНР с одной стороны и Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция – с другой заключили в Брест-Литовске соглашение о взаимопомощи. Центральные державы – в обмен на сырье и продовольствие – признавали суверенитет УНР над определенными территориями и пообещали направить войска на Украину. 3 марта 1918 г. большевики, заключив сепаратный мир в Брест-Литовске, обязались освободить территорию Украины, передав ее под юрисдикцию Германии и Австро-Венгрии. В статье 6 Брестского мира на большевиков налагалось обязательство приступить к установлению российско-украинской границы. 30 марта в телеграмме УНР Совнаркому предлагалось «прекратить состояние войны между двумя державами и определить отдельным соглашением наши границы и наши правовые отношения» [2, л. 16–17].

Нараставший хаос Гражданской войны затронул в 1918 г. и Дон. После зимнего поражения частей Добровольческой армии и казачьих отрядов А. Каледина 25 февраля на Дону установили советскую власть. 28 февраля 1918 г. в телеграмме главному Южного революционного фронта В. Антонову-Овсеенко председатель СНК В. Ленин телеграфировал: «Против автономии Донской области ничего не имеем; географические границы этой автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и с автономной Республикой Донецкого бассейна» [3, с. 365–366]. 23 марта большевики провозгласили «самостоятельную Донскую советскую республику в кровном союзе с Российской Советской Республикой» [4].

Вторгнувшийся 18 февраля 450-тысячный австро-немецкий военный контингент к концу мая 1918 г. оккупировал всю Украину, Крым, юг Центрального Черноземья и большую часть Области Войска Донского, включая Таганрог и Ростов-на-Дону. Почти одновременно с Украиной Дон с помощью немецких войск освободился от большевиков, а Донская Советская Республика была ликвидирована. 16 мая 1918 г. было создано новое государственное образование – Всевеликое Войско Донское, во главе которого встал войсковой атаман генерал П. Краснов. Примечательно в этой связи мнение В. Шульгина, охарактеризовавшего Всевеликое Войско Донское в одном из докладов командованию Добровольческой армии как

связанное с немцами государственное образование, однако не выражавшее враждебности к русской государственной идее и готовое к сотрудничеству с командованием Добровольческой армии. В аналогичном свете В. Шульгин отозвался и о крымском правительстве С. Сулькевича [5, л. 27–28].

Антагонизм Гражданской войны вынуждал противоборствующие стороны искать союзников. Причем союз с немцами не выглядел чем-то предосудительным в глазах сограждан. Известный донской ученый А. Венков отмечает, что все антибольшевистские силы Юга России в этот период своей деятельности либо открыто опирались на Германию (так же как и Германия опиралась на них), либо пытались прямо или косвенно использовать ее как третью силу в борьбе против большевиков [6, с. 174]. Немцы также реально оценивали «союзников». На совещании в ставке кайзера Вильгельма решили: «Стремление донских казаков к самостоятельности не следует поощрять. Верховное главнокомандование, однако, считает обязательной военной необходимостью привлечь на свою сторону донских казаков, снабдив их деньгами и оружием, чтобы удержать от объединения с чехословаками. Верховное командование окажет при этом тайную поддержку казакам, так что политическому руководству вовсе не следует об этом знать...» [6, с. 178].

Практически сразу П. Краснов поставил задачу установления границ Дона. Он потребовал от ведомства иностранных дел «войти в немедленные дипломатические сношения с Киевом» [7, л. 1] и поставил ближайшую задачу – выяснить отношение к Войску со стороны Украины. Генерал А. Черячукин, как один из исполнителей задачи по демаркации на Дону, в своих мемуарах отмечал, что атаман очертил на карте следующие рамки: «Царицын, Камышин, ст. Поворино, Воронеж и Луганск должны войти к нам. Западная граница должна быть отнюдь не ближе прежних границ области с Екатеринославской губернией, но желательно, чтобы и весь каменноугольный бассейн, и Старобельский уезд с конскими заводами принадлежал нам. Нам нужен особенно Луганск с патронным заводом. Нам необходимо немедленно получить боевые припасы, орудия и военное снаряжение, которое в избытке находится на Украине. Без них мы не справимся с большевиками. Убеди гетмана, что поддержка нас выгодна и для него. Поезжай немедленно. Бог тебе в помощь. Завтра зайди за письмом. Не забывай, что от выполнения даваемого тебе поручения зависит спасение Дона» [8, с. 166]. Отдельно атаман акцентировал внимание на отстаивании на переговорах с украинцами «неприкосновенности всех прежних политических границ Дона, включая Донецкий район, Таганрог, Азов, Ростов, гирлы Дона. Это вызовет тяжелые последствия и ненависть казаков к украинцам, что нежелательно» [8, с. 173].

Территориальные аппетиты украинцев ярко проиллюстрировал тот же А. Черячукин в своих воспоминаниях. Он отмечал: «Проходя к майору в кабинет, мне приходилось миновать комнаты, завешанные картами. Еще при первом свидании я обратил внимание на одну из этих карт, показавшей мне пределы мечтаний и немцев, и украинцев. Толстой красной чертой были показаны границы Украины, захватывающие Таврический полуостров, включительно до Керченского пролива и включающий в себя Таганрог и Ростов. Такой же точно экземпляр карты я видел и

в кабинете у гетмана» [8, с. 174]. При территориализации указанных субъектов следует отметить ключевую роль немецкого фактора. Влиятельная в то время донская газета «Приазовский край» отмечала, что «установление границ Украинской державы в настоящее время является неразрывно связанным с процессом оккупации той или иной территории германскими войсками» [9].

Изначально украинское правительство П. Скоропадского считало государственной границей линию, нанесенную военными, где отмечался предел продвижения на восток украинских и немецких войск. Речь шла о демаркационной линии между украинско-немецкими и большевистскими войсками, окончательно оформленной в результате переговоров в мае 1918 г. в Курске. В то же время отмечалось, что эта линия должна была отвечать этнографическим принципам [10]. Очевидно, что Украинская держава рассчитывала на присоединение всех земель, связанных с Украиной в этнографическом и историческом плане. Долгие дискуссии о принципах формирования украино-донской границы привели к принятию 22 июня 1918 г. предварительной компромиссной резолюции. Стороны соглашались «...опираться на этнографический принцип, исходя из него установить государственную границу мирным договором, причем в отдельных указанных в том договоре спорных местностях... начать организованный и свободный опрос населения для окончательного установления государственной границы в тех местностях» [11, л. 290].

В августе 1918 г. представители правительств Украины, Дона и Крыма прибыли по приглашению кайзера в Берлин. На этой встрече обсуждались планы создания лояльного Германии союзного государства, свержения большевиков и реставрации монархии в России. Предполагалось также, что П. Скоропадский и П. Краснов на личной встрече обсудят условия существования федерации трех монархий [12, л. 8].

Продолжившиеся переговоры о взаимном признании и установлении границ осложнялись наличием у сторон взаимных территориальных претензий. Украина претендовала на Таганрогский округ и западные волости Войска Донского по р. Калитва. Мотивировали это тем, что до 1887 г. эти населенные украинцами территории входили в состав Екатеринославской губернии. Дон претендовал на Старобельский уезд Харьковской губернии и Луганск, находившиеся в зоне его экономических интересов.

Принципы, которыми руководствовалась украинская сторона в отношениях с новообразованными государствами, были изложены в аналитической записке «О границах Української Держави під взглядом політичним», подготовленной Д. Донцовым [13, с. 227]. Украинцы констатировали факт распада Российской империи и признавали за отдельными ее частями право на суверенитет и самоопределение. Д. Донцов исходил из нестабильности политической ситуации в окружающих Украину регионах и советовал украинцам проводить гибкую политику: «Но на первом плане при решении всех граничных дел должен стоять интерес украинского государства». Он отмечал, что во Всевеликом Войске Донском надо видеть союзника, что должно стать «первой и важнейшей задачей нашей восточной политики». «Ценой этого товарищества могла бы стать уступка Украиной украинских

национальных окраин Донщины. Аннексия Донщины и Кубани была б вредна и трудна к проведению» [14, л. 76–78].

Украино-донские переговоры продолжались около двух месяцев. Дон представлял министр торговли В. Лебедев и посол на Украине генерал А. Черячукин, а Украинскую державу – министр иностранных дел Д. Дорошенко. Политические обстоятельства диктовали необходимость идти на взаимные уступки. Оформление украино-донского разграничения укрепило бы позиции украинцев на переговорах с РСФСР. В то время как донскому правительству соглашение с Украиной позволяло высвободить свои войска на борьбу с большевиками и получить материальную помощь от Украины.

Лишь 8 августа 1918 г. стороны подписали договор об основных принципах двусторонних отношений. Украинцы и Дон обменялись взаимными признаниями суверенитета и независимости, отказавшись от территориальных претензий. Установили, что границей будет служить административная граница между Областью Войска Донского и Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерниями. Восточнее Мариуполя к Украине отходила определенная территория для обеспечения целостности административно-хозяйственного управления городом и портом [15, л. 3–3об.]. Отдельным пунктом в договоре шла речь об украинском населении Всевеликого Войска Донского. Отмечалось, что оно «получает все права в отношении своего языка, школы, культуры, как и все остальные граждане, а политические права получают такие, которые полагаются тем гражданам, которые принадлежат к казацкому сословию» [13, с. 228]. Кроме этого, под управлением Дона временно оставляли железнодорожные станции по линии Чертково – Лиски, Лиски – Поварино [16, с. 31].

18 сентября Украинская держава и Всевеликое Войско Донское заключили отдельное соглашение о хозяйственной жизни Таганрогского промышленного района. Стороны договорились, что его управление будет осуществлять специальная Доно-украинская комиссия с паритетом голосов у сторон, которая находилась бы в Харькове. Причины определенной уступчивости украинцев лучше всех пояснил в своих мемуарах Д. Дорошенко. Он отмечал: «...украинское правительство считало, что лучше иметь на Дону украинскую ирреденту и тем самым будить национальное самосознание среди украинского населения Дона, чем иметь у себя донскую и, соответственно, русскую ирреденту» [17, с. 193].

Сторонам удалось подписать еще ряд важных документов. Речь идет о «Временном Условии о перевозке пассажиров, угля и грузов между железными дорогами Всевеликого Войска Донского и Украинской Державой» от 2–5 сентября, «Временном Условии о передаче подвижного состава между железными дорогами Всевеликого Войска Донского и Украинской Державы» от 7 сентября, «Договоре о совместном регулировании вопросов, касающихся Донецкого бассейна» от 18 сентября, «Условиях между правительствами Украинской Державы и Всевеликого Войска Донского относительно почтово-телеграфных сношений» от 18 октября, договоре о поставках сахара из Украинской державы на Дон от 29 октября и ряде других соглашений [18, л. 30–31].

3 ноября 1918 г. на станции Скороходово между Полтавой и Харьковом П. Скоропадский тайно встретился с П. Красновым. Встреча была воспринята общественностью как начало воссоединения России на федеративных началах. Позже гетман вспоминал: «Мы решили энергично друг другу помогать в борьбе с большевиками, Украина шла на широкую помощь и деньгами, и военным снаряжением. А через несколько дней после появления грамоты великорусские круги уже никакой Украины вовсе не признавали» [19, с. 306, 308]. Наметившееся украино-донское сближение просуществовало недолго. Завершение Первой мировой войны и ноябрьская революция в Германии привели к отзыву на родину австро-немецких воинских контингентов и смене внешнеполитического курса на Дону и в Киеве. Отсутствие поддержки австро-немецких войск и начавшееся антигетманское восстание сокрушили режим гетмана П. Скоропадского. П. Краснов не смог долго сопротивляться политике А. Деникина и 8 января 1919 г. согласился на подчинение командующему Добровольческой армией, а 19 февраля сложил полномочия войскового атамана и выехал в Германию.

Таким образом, украино-донские отношения следует охарактеризовать как добрососедские. Лидеры двух государств состояли в дружеских отношениях. Сторонам удалось урегулировать территориальный и национальный вопрос, а также подписать договор о взаимном признании суверенитета и независимости, а также ряд военных, хозяйственных и экономических соглашений. Однако динамично менявшаяся внешне- и внутривосточная обстановка не оставила ни малейших шансов сторонам полноценно реализовать свои далеко идущие планы.

Примечания

1. Перетяцько А.Ю. Спор о Миусском округе в 1874 г.: неприкосновенная часть Области Войска Донского или историческая Малороссия? // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2016. № 40 (2). С. 448–456.
2. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ Украины). Ф. 3766. Оп. 1. Д. 133.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 50.
4. Карпенкова Т.В. Русские революции 1917 г. и изменения в содержании национально-государственного строительства страны // Приволжский научный вестник. Научно-практический журнал. 2013. № 3 (19). С. 43–57.
5. Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. 446. Оп. 1. Д. 14.
6. Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. 480 с.
7. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 36.
8. Черячукин А.В. Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 гг. Сборник материалов по новейшей истории донского казачества со времени Русской революции 1917 года. Б.м.: Издание Донской исторической комиссии. №3: Издание Донской исторической комиссии, 1924 (Белград: Савич и комп.). С. 163–231.
9. Приазовский край. 1918. 8 (21) мая.
10. ЦГАВОВУ Украины. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 6.

11. ЦГАВОВУ України. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 132.
12. ГАРФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 14.
13. Бойко О. Територія, кордони і адміністративно-територіальний поділ Української Держави гетьмана П. Скоропадського (1918) // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вип. 3. К.: Ін-т історії України НАН України, 2009. С. 223–231.
14. ЦГАВОВУ України. Ф. 2607. Оп. 1. Д. 17.
15. ЦГАВОВУ України. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 126.
16. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. К.: Основы, 1994. 168 с.
17. Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр.: Українська гетьманська держава 1918 року. Ужгород, 1930.
18. ЦГАВОВУ України. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 127.
19. Скоропадський П. Спогади: кінець 1917 – грудень 1918. К., 1995. 493 с.

Ю.С. Пыльцын

ТЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 г.: КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ДИСЦИПЛИНА АРМИИ КАЗАЧЬЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО СОВЕТА

В 1918 г. в Терской области началось самое мощное антибольшевистское восстание терских казаков. Оно началось в июне, основные силы восставших держались до ноября 1918 г., а станица Боргустанская продержалась до прихода Добровольческой армии А.И. Деникина в декабре 1918 г.

Военно-политическим центром восстания стал Моздок, куда переехала и казачья фракция Народного совета из Владикавказа. Уже 20 июня в Моздоке состоялся съезд казаков и крестьян Терского войска, избравший в качестве исполнительного органа Казачье-крестьянский совет во главе с меньшевиком Г.Ф. Бичераховым. Совет стал во главе восстания, признав командующим генерал-майора Э.А. Мистулова; впоследствии он был ранен и командование войсками принял полковник Н.К. Федюшкин [1, с. 288–289].

Мобилизовано было всё мужское население станиц от 17 до 56 лет [2, с. 366]. В самом начале восстания вооруженные силы казаков состояли из конных и пеших самооборонческих сотен [3, с. 264]. В одних станицах сотни самообороны получили полное развитие, в других были только намечены. В больших станицах сформированы были даже полки, батальоны, сотни с артиллерией. Часть казаков должна была явиться конными, а большинство пешими. Казаки несли службу по очереди согласно наряду от станичного атамана. В большей готовности самооборонческие части были в станицах по Сунже, начиная от Владикавказа и заканчивая станицей Петропавловской. Здесь были даже специальные сотни, прикрывающие работающих в поле казаков.

Начальство в сотнях было выборное. Часто полками, батальонами и сотнями командовали при наличии в станицах офицеров вахмистры, урядники. Наибольшей организации самооборонческие части достигли благодаря усилиям полковника С.Г. Бочарова на Гребенской линии. Меньше всего было уделено внимания самообороне на Пятигорской линии, где опасность со стороны горцев представлялась совершенно незначительной. Самооборонческие части представляли собой ополченские части [4]. Старики от 60 до 75 лет и молодежь от 15 до 18 лет также были мобилизованы, но не отправлялись на фронт, а несли станичную гарнизонную службу, занимали переправы и вели борьбу с разбойничьими шайками [2, с. 370].

В станицах были собраны сотни, сотни сведены в батальоны. Н. Букановский вспоминал начало восстания: «...наши просёлочные дороги <...> были сплошь покрыты вереницами едущих казаков. Кто вёз снаряды, кто – хлебные припасы, кто – сено. От старого до малого, не исключая ни баб, ни детей, все тут были: тот – с подводой, тот – с винтовкой, тот – с санитарной двуколкой и т. д. Весь Терек взволновался, весь Терек встал на ноги» [2, с. 366]. Хотя не везде мобилизация проходила гладко. Почти все станицы Сунженской линии объявили себя «нейтральными» [5]. Исполнение приказа о формировании полков первой очереди было отложено до более благоприятного времени [3, с. 268].

Старая казачья система округов сослужила восставшим добрую службу. Красные признавали, что старая структура и дисциплина казачьих войск позволяли в короткий срок призвать заранее сформированные сотни, создать конные полки и пластунские пехотные батальоны со своими командирами [6].

Штабы старых терских кадровых полков на начало восстания еще заканчивали свою ликвидационную деятельность, поэтому возможности для воссоздания кадровых полков у восставших были. Чем же объясняется то, что восставшие строили свои вооруженные силы по принципу ополчения, которое имеет много недостатков по сравнению с регулярной армией? Дело в том, что руководители восстания находились под сильным впечатлением событий конца 1917 г.: в период со времени возвращения с фронта войсковая власть вызывала эти полки для разных поручений, и каждый раз по тем или иным соображениям они расходились. К тому же были и тактические факторы, препятствующие формированию регулярных частей. Сунженская линия была под непосредственным влиянием большевиков с их бронепоездами, а в станицах там было много сочувствующих им. На сбор полков здесь рассчитывать не приходилось. Мало было оснований рассчитывать созвать в полки и Владикавказскую линию, и совсем нельзя было думать о созыве полков на Пятигорской линии, которая к тому времени была уже разоружена. Самой надежной была Гребенская линия [7], но сложно было бы ожидать, что казаки-гребенцы согласятся быть «пожарной командой» для всей области в тот момент, когда их соседи из других отделов не удалялись бы далеко от своих станиц.

Букановский отмечал, что «армия не состояла в полном смысле из строевых частей, где бы была определенная дисциплина, а просто это было ополчение, где вместо 17-летних были 70-летние старики... была лишь старая казачья бытовая

дисциплина, где называли друг друга Иван Иванович и Фёдор Никифорович» [2, с. 379].

Полковник Г.С. Хутиев отмечает, что дисциплина у восставших весьма приближалась к «революционной дисциплине», т.е. вообще она была слабой. Но он же делает вывод, что при всех неблагоприятных условиях боеспособность и устойчивость казачьих сил надо признать хорошей. Иногда части несли серьезные потери и всё-таки продолжали выполнять поставленную задачу. Но бывали случаи и малой устойчивости. В такой ситуации если и бросали фронт, то целыми станицами. Это объяснялось тем, что каждому отдельному казаку стыдно было бы проявить трусость на глазах у станичников. Его просто бы засмеяли в станице [8].

Полковник Беликов отмечал такую закономерность в поведении казаков: «ближние к красным станицы охотно переходили на сторону большевиков – правда, сотня-другая крепких казаков с оружием в руках в таком случае уходила из своих станиц; зато остальные с легкой душой нападали на соседние станицы, еще не передавшиеся большевикам» [9, с. 298].

Командование, отдавая приказы, не всегда было уверено, что они будут выполнены. И хотя неисполнения приказов не было, но зато каждый раз среди рядовой массы казаков велись разговоры, свидетельствовавшие о том, что неподчинение возможно – если не сегодня, то завтра. При таких разговорах не было никакой уверенности, что дело будет доведено до конца [10].

Однако даже противники отмечали выучку, боевую закалку и дисциплину казаков [11]. Уклоняющихся от фронта почти не было. За этим в станицах следили строго, и факт уклонения мог повлечь за собой жестокий самосуд [12]. В общей борьбе масса казаков под психологическим и военным воздействием более сильных казачьих станиц и отрядов сохраняла воинственный дух, одерживая блестящие победы. Но в перерывах между боями все стремились домой на отдых, откуда, вкусив сладкий мир в своей семье, казак уже с неохотой возвращался на войну, что отражалось на организации войска и правильном ведении боевых операций [13].

Казачьи хорошо работали штыком – к этому их принудил острый дефицит патронов. Штыковые атаки казаков оказались одним из самых действенных военных методов против красноармейцев: «они его очень и очень не любят», – констатировал А. Букановский. Когда дело касалось штыка, красноармейцы бежали [2, с. 371].

«...Вообще говоря, белые воевали лучше. После неудачного боя не разбегались, дисциплина сохранялась», – отмечал адъютант видного деятеля кабардинского антибольшевистского сопротивления З. Серебрякова-Даутокова К. Чхеидзе [14, с. 60].

Помимо несомненных достоинств, у казачьей армии были и большие недостатки. Генерал Колесников даже высказал мысль о том, что сама организация борьбы как бы предрешала конец ее [15].

Скверную сторону белых отрядов составляла так называемая смена. В самом начале восстания, когда надежды на успех было мало, чтобы спасти положение, не дать инициативу в руки врагу, решено было объявить не мобилизацию, а созвать всех станичников, способных носить оружие, свести их в сотни и направлять туда, «где гремят пушки» [16]. Части сменялись через неделю: одна часть (половина ста-

ницы) стояла на фронте, другая охраняла станицу от горцев [17]. Это обстоятельство губило дело. В период активных боев отбывшие свой срок казаки, не дождавшись смены, уходили с фронта, надеясь, что их заменят другие. А в станицах между тем шли «проводы», время проходило, фронт оставался оголенным, и все усилия казаков-повстанцев зачастую оказывались напрасными [18].

В тылу пополнения набирались почти случайно. Высшей инстанцией был станичный сбор и, по сути, судьбу фронта решали переменчивые настроения станичников [14, с. 91]. Смены собирались по колоколу, и иногда в течение двух-трех дней нельзя было отправить на смену казаков [19]. В день отправления смен на фронт у станичного правления много шумели. Неявившихся тащили силой. При всем том бывали случаи отправки на фронт с запозданием на 1–2 дня. Чаще всего группа казаков, которым подлежало идти на фронт, «почему-то» оказывалась вне станицы – в поле на работе или в другом месте. Без них отказывались идти и другие [12]. Станицы высылали людей по разверстке, все почти шли пешими [15]. Из станиц приходили со своими запасами патронов и продовольствия из расчета на неделю (затем – на две). Когда время истекало, приходили новые казаки, а отбывшие срок с песнями расходились по домам. Ни тревога, ни бой, ни даже неприбытие вовремя смены не могли и на час удлинить пребывание отбывших срок на фронте. Они часто снимались и уходили по домам, оставляя командование в безвыходном положении [3, с. 277]. Часто бывало и так: как только линия фронта отходила подальше от станицы, казаки, ее уроженцы, думали, что «и воевать нечего» [14, с. 92].

Смена людей на фронтах проводилась сначала через неделю, потом через две. Выступление смен из станиц сопровождалось проводами, неизбежной выпивкой и бесцельной стрельбой из винтовок. Смены обычно запаздывали на день-два. Те, кого они должны были сменять, отбыв свой срок, не считаясь ни с кем и ни с чем, уходили в станицы. Например, одна станица выслала на фронт 200 чел. И через день-два осталось из них пятьдесят, остальные ушли домой [15].

Поскольку казаки служили посменно (а смены, как уже упоминалось, происходили вначале каждую неделю, а после через две недели), то командование считало обязательным вести операцию среди недели, поскольку могло случиться, что в самый разгар операции смены уйдут в станицы. При таких условиях операции не могли вестись с должной энергией. Роль командующего войсками сводилась к тому, что он только согласовывал действия командующих фронтами [20]. На фронте, по словам полковника Беликова, хозяевами были станицы, а штаб зачастую только фиксировал то, что «самочинно» делали казаки. В то же время сами казаки признавались, что не уважают своих командиров как раз за малую требовательность («начальники не приказывают, только просят») [9, с. 298].

Однако казаки ни за что не желали менять установившегося порядка посменной борьбы и переходить на организацию постоянных частей, ибо это окончательно отрывало бы их от хозяйства [3, с. 277]. С другой стороны, полевые работы к осени были закончены, и главнокомандующий просил Г. Бичерахова устроить

так, чтобы смены казаков проводились через две недели. «На что же нужны мужчины дома? – патетически восклицал Г. Бичерахов на казачье-крестьянском съезде 25 сентября, – возить муку в амбары, чтобы ее оттуда взяли или красные, или Турция?» [3, с. 310].

Дело в том, что 25 сентября чрезвычайный казачье-крестьянский съезд вынес ряд постановлений о реорганизации народной армии, об организации смен, о постоянной армии, ее содержании и поддержании в ней дисциплины [1, с. 462]. На этом съезде некоторые казаки (как, например, делегаты Пятигорского отдела) даже требовали, чтобы смен совсем не было, что надо взять из станиц всех молодых и заставить их служить без смены, предоставив старикам и женщинам полевые работы. Но, по информации очевидца восстания генерала Мадритова, «всё дело испортил» полковник Федюшкин, заявивший, что совершенно достаточно установить двухнедельную смену и дело пойдет по-старому. Решения по укреплению дисциплины генерал Мадритов также оценивал невысоко. В штабе в Прохладной и в Моздоке не нашлось ни одного экземпляра дисциплинарного устава. Комиссии пришлось создавать его на память, тем не менее дисциплинарный устав был в принципе принят, с некоторыми изменениями, как говорили, в демократическом духе [21].

Обращает на себя внимание, с одной стороны, словосочетание «постоянная армия», с другой стороны – сохранение «смен», пусть и в «реорганизованном виде». Однако даже эти постановления, скорее всего, так и остались на бумаге. Примерно через месяц Красная армия начала решительное наступление.

Примечания

1. Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 год. Нальчик, 2016.
2. Доклад представителя Терского Войскового круга членам Донского Войскового круга на частном совещании 6 марта 1919 года // Терский сборник. Вып. 2. М., 2017.
3. Писаренко Д.С. Терское казачество. Три года революции и борьбы. 1917–1920. Материалы и воспоминания. М., 2016.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 65–65об.
5. Ермолин А.П. Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982. С. 118.
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-1919. Оп. 1. Д. 256. Л. 23, 33.
7. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 65об.
8. Там же. Л. 68–68об.
9. Донесение полковника Добровольческой армии И.Н. Беликова помощнику главнокомандующего Добровольческой армией А.М. Драгомирову, содержащее характеристики народов Кавказа // Вайнахи и имперская власть: проблемы Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011.
10. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 74об.
11. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 852. Оп. 1. Д. 83. Л. 59.

12. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 67.
13. Там же. Оп. 2. Д. 527. Л. 75.
14. Чхеидзе К.А. Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008.
15. ГАРФ. Ф. Р-5351. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.
16. Там же. Л. 24об.
17. Там же. Ф. Р-449. Оп. 2. Д. 30. Л. 11–11об.
18. Там же. Ф. Р-5351. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.
19. Там же. Ф. Р-449. Оп. 2. Д. 30. Л. 20.
20. Там же. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 533. Л. 74об. – 75об.
21. Там же. Ф. 601. Оп. 2. Д. 66. Л. 20об.

А.В. Посадский

АСТРАХАНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ МЕЖДУ НЕЙТРАЛИТЕТОМ И ВОЙНОЙ В 1918–1919 гг.

Астраханская губерния несколько теряется в событиях Гражданской войны. Территория губернии [1] подвергалась административным изменениям, причем с участием обеих противостоявших сторон. Обширное Самаро-Царицынско-Астраханское Заволжье имело свою яркую и многообразную повстанческую судьбу. В августе 1918 г. в хуторской Кайсацкой волости Царевского (с 1919 г. Николаевского) уезда Астраханской губернии большевики произвели жестокую и успешную выкачку хлеба. Из волости было отправлено 300 тыс. пудов хлеба – 300 вагонов. Изъятия производил продотряд астраханского губернского продовольственного комитета. Крестьяне ответили преимущественно пассивным сопротивлением, в частности прекратили уборку. Тогда из Астрахани прислали мобилизованных рабочих для уборки полей «саботажников». Хутора, оказавшие вооруженное сопротивление, сжигались, активно использовалось заложничество как метод давления на хлебосдатчиков. Крупные владения конфисковывались с организацией в них советских хозяйств. Победа на «продовольственном фронте» дорого обошлась красным. Уже в сентябре вспыхнуло восстание «степных партизан» [2, с. 32–34]. После этого борьба в степном Заволжье практически не прекращалась до 1922 г. и ныне представляет собой большой исследовательский сюжет.

События в правобережных уездах губернии на протяжении 1918 – начала 1919 г. связаны в историографии с эпопеей Астраханской армии. Данное начинание оказалось едва ли не вздорным политически и довольно скромным в военном отношении. Фактическая сторона развития самостоятельной астраханской вооруженной силы довольно подробно исследована, прежде всего усилиями О.О. Антропова [3]. Между тем настроения крестьянского населения губернии, потенциал их по-

встанческого и прямого военного участия оказываются в тени. Села ближайшего к Царицыну Черноярского уезда волей-неволей оказывались вовлечены в большое противостояние, разворачивавшегося с лета 1918 г. вокруг этого промышленного центра.

Походный атаман П.Х. Попов осенью 1918 г. опубликовал очерк истории освобождения Дона в еженедельнике «Донская волна». Повествуя о пребывании степного отряда в районе задонских зимовников, он интересно написал о поведении ставропольских и астраханских крестьян. Отдохнуть в глухом районе отряду не удалось. «Провокация, – как пишет атаман, – то есть агитация, захватила не только Сальский округ, но проникла в глубину астраханских и ставропольских степей. О пришедших партизанах, которых именовали “кадетами”, распространялись самые невероятные слухи. Особенно преуспели жители Новоселовки, которые звали на помощь астраханцев и ставропольцев и рисовали самые ужасные картины кадетского нашествия, поголовного грабежа, вырезания жителей и т. п.» [4].

Атаман признает, что разнузданная агитация имела весьма серьезную отдачу. «Такие нелепые, совершенно невероятные слухи имели свои результаты: поднялись и сальские, и астраханские, и ставропольские крестьяне. Из сел за 200–300 верст от границы они на подводах с оружием в руках спешили на выручку своим “обиженным товарищам”» [4]. Внимание отряда было обращено на запад, в сторону железной дороги Великокняжеская – Ремонтная, а красные неожиданно появились в тылу, на востоке и севере. Стычки стали перерастать в бои. Красные повстанцы, потерпев первое серьезное поражение, вступили в переговоры. В середине марта 1918 г. в штаб атамана на одном из зимовников прибыла делегация из Ремонтного. Она представляла ряд приграничных астраханских сел и явилась для установления мирных отношений. Выяснилось, что 18 сел создали самооборону по призыву новоселовцев, чтобы противостоять насилиям «кадетов», но хотят выяснить цели и требования пришедших, чтобы прийти к мирному соглашению. Делегаты уже убедились в клевете новоселовцев и желали получить от казаков письменный ответ и делегатов в Ремонтное для окончательных переговоров. Атаман сформулировал свои требования. Они заключались в уходе вооруженных сил с территории области, освобождении пленных астраханцев, содействии борьбе против враждебных вооруженных отрядов. Делегация двинулась обратно в Ремонтное. С ней были отправлены есаул Сучилин и депутат первой Думы А.Ф. Аладьин. Последние едва не стали жертвами самосуда в Ремонтном, поскольку стычка казаков с красными была интерпретирована как нарушение перемирия. Переговоры оказались прерваны. В это время к отряду стали присоединяться первые калмыцкие сотни. Обстановка в очередной раз изменилась, и контакты с астраханцами не возобновлялись [4].

Село Киселевка Черноярского уезда находилось на границе с Донской областью. Оно оказалось на стороне донцов. Видимо, уже с августа 1918 г. отряд киселевцев воевал вместе с астраханскими частями, оставаясь самостоятельной частью повстанческого типа. Отряд киселевских крестьян входил в состав сводного отряда астраханских частей, выделявшихся на фронт в первой половине сентября 1918 г. При этом киселевцы в октябре разбили мартыново-орловцев, которые ушли

из рядов защитников Царицына и пытались пройти астраханскими степями домой. Киселевцы выразили лояльность Войску Донскому и провели самоорганизацию [5]. Очевидно, добровольческий прежде отряд вырос за счет этой мобилизации. В ноябре на фронте было более 3 тыс. чел. астраханских частей и 1600 готовились к отправке, всего 4600, «а считая с киселевцами – более 5 тысяч человек» [3, с. 178]. То есть давно существовавший киселевский отряд отличался весьма внушительной численностью, она составляла около 10 % всех фронтовых астраханских сил.

Астраханские части, начавшие боевую деятельность, довольно успешно пополнялись и даже разворачивались за счет крестьян-астраханцев. Отряд генерал-майора М. Демьянова в составе батальона, казачьего дивизиона и батареи, выдвинувшийся в конце сентября (по старому стилю) на фронт под Сарепту и уже 2 (15) октября погибший под ударами Стальной дивизии, тем не менее успел в считанные дни пополниться мобилизованными и пленными и развернуть 1-й охотничий батальон в 1-й Астраханский полк. Это говорит о весьма дружелюбном отношении к нему населения приграничных сел Астраханской губернии. Уже через две недели после трагедии с отрядом Демьянова был сформирован еще один боевой отряд – Волжский отряд полковника Петровского, основу которого составил 2-й Волжский стрелковый полк из остатков отряда генерала Демьянова (из пехоты уцелели считанные десятки человек), добровольцев, мобилизованных и пленных. В полку имелось пять рот, в отряд входила также сводная рота 1-го Астраханского стрелкового полка, Волжская батарея, конный партизанский полуэскадрон из крестьян, а также казачья сотня [3, с. 167–171, 172, 180].

Красная разведсводка сообщала, что на 26 ноября 1918 г. в районе хутора Умонцева фиксировался повстанческий отряд в 1000 человек прапорщика Чунихина при помощнике Устинове: «в отряд сбегаются дезертиры и контрреволюционеры сел Черноярского уезда» [6].

Старший адъютант отделения штаба Астраханского казачьего войска докладывал обер-квартирмейстеру штаба войска 9 (22) января 1919 г. (рапорт № 155, ст. Торговая) о возвращении указанного числа из астраханских степей командированного туда Нимгира Бадмаева. С ним прибыла делегация от 13 сел Элистинского уезда [7] в лице представителей от села Кресты Ткачева и Фролова и от Ремонтного – Ведьмина. Они так обрисовали положение. Крестьяне Улан-Эрге, Элисты, Вознесенского (Кюрюльты), Булгун-Троицкого и Бислюрты, будучи мобилизованными в конце октября красными (в возрасте от 18 до 40 лет), отправились под командованием царицынского комиссара Тулака на Манычский фронт в район Кресты – Кормовое. Пошли слухи, что по разверстке губернского исполкома на Элистинский уезд наложена контрибуция в 15 млн руб. Вероятно, речь идет о чрезвычайном десятимиллиардном налоге, взимание которого вызвало возмущение в разных районах страны.

Слухи вызвали понятное недовольство, и вскоре состоялось тайное совещание представителей мобилизованных. В результате Тулак и один местный комиссар были убиты, и мобилизованные разошлись по домам. Восстание произошло в селе Кресты. Взбунтовавшиеся ушли с оружием и снаряжением, имея по 250 патронов

на винтовку, захватили и 6 пулеметов. По дороге они разоружили 400 красноармейцев в Элисте, разогнали коммунистов и упразднили комбеды.

Помимо данных сел, уже фактически восставших, были расположены к белым и готовы выступить: Приятное, Кормовое, Кресты, Ремонтное, Валуевка, Богородицыно (Шандраста), Киша и Большое Ремонтное.

Между Яшкулем и Улан-Эрге уже была стычка между красными и дозорами улан-эргенцев.

Представители пяти сел просили о безотлагательном снаряжении вооруженной экспедиции в направлении на Яшкуль с целью, во-первых, захватить склады оружия, снарядов, продовольствия и фуража в этом селе; во-вторых, мобилизовать калмыков (с лошадью и скотом) и крестьян тринадцати указанных сел, которые дадут до 1500 вооруженных при 6 пулеметах и двух орудиях. Орудия находились в Крестах. Очевидно, при бунте восставшие не смогли или не посчитали нужным брать их с собой, но орудия остались на дружественной территории и могли быть востребованы при общем восстании.

Рапортовавший офицер, полковник Меринов, соглашался, что отряд послать надо, ибо в степи уже появлялись небольшие группы красноармейцев из разгромленной под Святым Крестом Таманской армии [8]. Они угоняли скот у жителей, отбирали оружие и деньги. По непроверенным сведениям, из Астрахани в район восставших сел планировалась посылка карательного отряда. У красных по селам стояли небольшие гарнизоны по две-три сотни человек [9]. При этом настроены они были следующим образом. Командующий войсками степного участка Студнев и начальник его штаба Мефод[и]евский 5 января 1919 г. телеграфировали из Астрахани сводку донесений военкомов и агитаторов: в Солонниках и Райгороде (волостные села Черноярского уезда) крайне враждебное отношение к советской власти. Гарнизоны там настолько контрреволюционны, что члены политотделов находятся под угрозой самосуда. Комсостав красноармейцам сочувствует и мер не принимает. Раздавались угрозы двинуться на Черный Яр и уничтожить «коммунистическое гнездо» [10]. В самом деле, Черный Яр так и остался неприступной крепостью для белых. Очевидно, и для местного населения он выглядел как очаг «коммунизма».

Никаких следов посылки просимого отряда мы не обнаружили. Последний натиск на Царицын при развале на Верхнем Дону исключал для донского командования более или менее масштабные посторонние операции. Вскоре названные села стали ареной ожесточенных боев белых со ставропольскими красными соединениями. С 9 по 11 февраля красные ставропольские части вели ожесточенные бои за Ремонтное и в итоге отбросили белых за Маныч; они ушли на Кресты, Кормовое, Приятное. Ставропольские красные соединения в Киселевке установили связь с 37-й стрелковой дивизией 10-й армии. Часть ставропольских войск была передана в состав этой армии [11].

В эти дни штаб Астраханского войска встречал еще одну делегацию – уже знакомых нам киселевцев. Рапорт об этом событии датирован 20 января (2 февраля) 1919 г. Они представили решение киселевского схода из 240 выборных, со-

гласно которому необходимо было оградить преданные белым села Черноярского и Элистинского уездов от нашествия красных банд, отступающих в район Приютного. Киселевцы опасались их движения на север. По их докладу, хотя бы небольшая вооруженная сила, назначенная в район Киселева, обозначив направление наступления с севера на Яшкуль, может привести к восстанию и присоединению антибольшевистски настроенного населения и вынудить красных отступать на восток. Один из прибывших представителей ранее служил у красных в 1-й Элистинской дивизии [12]. По его сообщению, комсостав и значительная часть бойцов соединения намерены обратить оружие против красных, если будут уверены в том, что их не подвергнут репрессиям за службу в РККА.

Автор рапорта резюмировал, что просимая поддержка имела бы громадное моральное значение, поскольку показала бы желание помогать. Это обеспечило бы успех мобилизации, а красные мобилизованные переходили бы с оружием к белым [13].

На фоне этих событий решительно взялся за жителей губернии генерал К.К. Мамантов, командующий войсками Восточного фронта. Приказом-обращением № 1 от 18 (31) января 1919 г. (дан на ст. Чир) он обращался к жителям Астраханской губернии с сообщением о том, что «красногвардейские банды» изгнаны из пределов II Донского округа, а вверенные генералу войска вошли в пределы Астраханской губернии и обложили Царицын. Дабы захватить Царицын и изгнать окончательно красных из пределов Астраханской губернии, необходимо «увеличить силы». Обратим внимание на то, что имперские границы Мамантов не очень различает. Это не случайно. Генерал образовал Царицынский округ Всевеликого Войска Донского, что вызвало переполох в штабе Тундутова и целую переписку [14].

Приказ предписывал всем жителям губернии, находящимся в селениях к северу от границы, идущей через Аксай на Черный Яр, выставить мобилизованных от 18 до 40 лет. Желаящие могли являться с «добрым» оседланным конем. Являться надлежало в собственном зимнем обмундировании – подразумевалось, что в будущем донским правительством будет произведена уплата «по утвержденным расценкам».

Мобилизация являлась, по сути, круговой порукой общества. Уже вступившие в ряды войск освобождались от явки. В число мобилизованных общества должны выставить на 25 человек по одной подводе на быках или лошадях. Подводы предназначены для обслуживания исключительно своих мобилизованных. Срок явки в свои волости назначался на 1 (14) февраля. По мере освобождения деревень и сел губернии их жители подлежали мобилизации на указанных основаниях [15].

Очевидно, распоряжение генерала Мамантова о мобилизации выполнялось. Опросы красноармейцев, бежавших из плена, и разведсводки красных фиксировали мобилизованных астраханцев, перебежчиков на белую сторону, добровольцев, а также и астраханских калмыков, которые формировались, обучались, шли на пополнение белых частей. Есть сведения о разложении полка 10-й армии астраханским пополнением и другие подобные этому сюжеты [16]. Из крестьян сел Цаца, Дубовый овраг и Райгород был сформирован Астраханско-поволжский

полк. Шесть рот, которые обучались в Сарепте, исключительно астраханцы, добровольно сдались в плен и тут же добровольно вступили в донские войска. Во время сдачи они забрали с собой три орудия, три «кольта», 700 винтовок. Потом в селе Ластва их назвали 1-м Приволжским отрядом. Очевидно, отряд вскоре стал полком [17]. В основном астраханцами комплектовались 1-й и 2-й ударные Царицынские батальоны, которые казачье командование использовало в качестве пехоты в боях в предместьях Царицына.

В то же время широкого продвижения вглубь губернии не происходило, да и не планировалось. Генерал К.К. Мамантов стремился максимально использовать подручный ресурс, и какие-то астраханские контингенты в период последнего казачьего натиска на Царицын получить удалось. Этому способствовало и устойчиво антибольшевистские настроения жителей.

Таким образом, источники позволяют увидеть несколько сюжетов самоорганизации богатых сел Черноярского района, которые были готовы мирно соседствовать, сотрудничать, совместно воевать, получать поддержку от белого командования, донского или астраханского. Отступление частей красной XI армии вызвало тревогу черноярцев и готовность обратиться к белому командованию. Кроме того, существовали и самостоятельные повстанческие формирования, многочисленные дезертиры из РККА. Настроения местных красноармейцев, значительная доля которых наверняка была представлена местными же уроженцами, также были антибольшевистскими. Однако совокупно использовать значительный белый потенциал не получилось. Отметим, что подобные же крестьянские формирования существовали и в многочисленных красных ставропольских частях. Так, согласно разведывательной сводке Добровольческой армии, к 19 октября (1 ноября) 1918 г. в «северном районе» (Ставрополье) в районе Дербетовское – Дивное в составе Самооборонческой, или Крестьянской, армии красных имелись отряды: Удовиченко (в советской традиции принято написание Вдовиченко. – А. П.), Ипатова, Литвинова, конный отряд Шеина, полк матросов Журавлева и несколько тысяч безоружных. По словам перебежчиков, большевики ранили Ипатова и Литвинова. Большевики мобилизовали крестьян силой. К утру 22 октября (4 ноября) в том же районе фиксировались конная бригада Шеина, отряды Ипатова, Литвинова, полк Журавлева, под общим командованием Удовиченко, всего около 6000 штыков, 1000 сабель, 8–10 орудий, 3 броневедомости. В других сводках упоминаются дивизия Удовиченко, отдельные отряды [18]. Таким образом, на красной стороне вырисовывается некая самостоятельная крестьянская сила, быстро интегрированная в красный фронт. В истории советских вооруженных сил северокавказского региона эти соединения составили 2-ю Ставропольскую дивизию. В официальной биографии П.М. Ипатова не упоминается о его ранении или каких-либо конфликтах. Погиб он в бою, находясь в командной должности, 29 декабря 1918 г. под селом Винодельным. Возможно, информаторы добровольцев ошибались. Важно то, что выросшая снизу вооруженная сила, которая даже и понимала себя именно как самооборонческая, превратилась в более или менее управляемые полевые войска на красной стороне. Подобный же потенциал как минимум

Черноярского уезда с симпатией к белым не был реализован. Сработала только мобилизация, и то уже объявленная тогда, когда возможностей и времени для ее реализации оставалось мало. Конечно, легко вспомнить про тотальный дефицит и тиф, которые терзали и донцов, и астраханцев, про раздетые и разутые строевые части Астраханского корпуса этой зимой, про издерганные части на огромном фронте. Однако красные ставропольцы не были в лучшем положении, страдали от тифа, от катастрофической нехватки патронов, терпели поражения. Думается, данный сюжет достоин подробного сравнительного рассмотрения.

Отметим в заключение, что на переговоры в Ремонтном весной 1918 г. (ничего не давшие в результате) пошли Сучилин и Аладьин. Вскоре оба они будут вновь иметь дело с неказачьими контингентами. Полковник Сучилин сформирует свой отряд дивизионного типа (на значительный процент из саратовских крестьян) и будет им успешно командовать. А Аладьин станет политическим руководителем другого саратовского начинания – Саратовского корпуса, формировавшегося полковником В.К. Манакиным из крестьян южных уездов губернии и военнопленных. На астраханских (черноярских) крестьян у донцов и астраханцев не хватило как ресурсов, так и политического чутья. А уездному Черному Яру предстояло стать «красной занозой», с которой не сможет летом 1919 г. справиться уже Кавказская армия.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00149 «Феномен “красного” повстанчества в Гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

Примечания

1. По предреволюционному имперскому делению губерния включала пять уездов: правобережные Астраханский, Черноярский, Енотаевский и левобережные Царевский, Красноярский, а также Киргизскую и Калмыцкую «степи» со своим административным делением и Астраханское казачье войско.

2. Яценко В.Г. Хроника утаенного бунта. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918–1923) / вступит. статья А.В. Посадского. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Ленанд, 2017.

3. Антропов О.О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М.: Вече, 2008.

4. Попов П.Х. Из истории освобождения Дона (записки походного атамана) // Донская волна. 1918. № 16. 30 сентября (13 октября).

5. См. подробнее: Посадский А.В. От Царицына до Сызрани. Очерки Гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI, 2010. С. 72; Антропов О.О. Указ. соч. С. 150.

6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 193. Оп. 3. Д. 628. Л. 29.

7. Уезд образован в начале 1918 г. по инициативе 13 южных сел Черноярского уезда с присоединением Манычского улуса, на территории которого находились села Керюльта, Шандаста, Киша, Булгун (Троицкое) и Элиста.

8. Точнее – 3-й Таманской стрелковой дивизии 11-й армии. В эту дивизию были сведены остатки Таманской армии. Добровольцы 20 января 1919 г. заняли Святой Крест,

Таманская дивизия была разгромлена и утратила боеспособность, многие красноармейцы дезертировали.

9. РГВА. Ф. 40280. Оп. 1. Д. 33. Л. 7, 7об., 15, 15об.

10. РГВА. Ф. 193. Оп. 3. Д. 69. Л. 35–36.

11. Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1961. С. 192–193, 194.

12. В конце января – до 2000 штыков. Вместе с ней сражалась Черноморская бригада – до 800 штыков и сабель. См.: Сухоруков В.Т. Указ. соч. С. 188.

13. РГВА. Ф. 40280. Оп. 1. Д. 33. Л. 37.

14. См.: Антропов О.О. Указ. соч. С. 188–190.

15. РГВА. Ф. 40280. Оп. 1. Д. 33. Л. 76об.

16. Подробнее см.: Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов / отв. ред. А.В. Посадский. Саратов: Амирит, 2018. С. 98–101.

17. Там же.

18. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 48. Л. 211, 219, 219об.

М.Е. Разиньков

ДОНСКОЙ ФРОНТИР: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КАЗАЧЕСТВО в 1918 г. – первой половине 1919 г. (по материалам Воронежской губернии)

Близость с Донской областью обусловила характер политической ситуации в пограничной с ней Воронежской губернии. «Донская тема» стала одним из мотивов вооруженного переворота в Воронеже в ночь с 30 на 31 октября 1917 г. Выступая в городской думе, лидер военно-революционного комитета (ВРК) А.С. Моисеев заявлял о новой активизации А.М. Каледина и о том, что Временное правительство послало на Дон 100 тысяч винтовок. Надо сказать, что и губком партии эсеров, по заявлению И.Д. Смирнова, не решился на вооруженное сопротивление именно из-за близости Донуласти [1]. Впрочем, основным мотивом эскалации насилия в Воронеже для большевиков и левых эсеров было предотвращение «контрреволюционного заговора» активизировавшихся воронежских офицеров и стремление не допустить развития событий по «московскому сценарию».

Надо сказать, что поступающие в Воронеж директивы командующего Московским военным округом Н.И. Муралова ориентировали ВРК на примирительное отношение к проезжавшим через Воронеж казачьим частям. В начале декабря 1917 г. Н.И. Муралов сообщал А.С. Моисееву о том, что «задерживать казаков в Воронеже будет с нашей стороны политической ошибкой. Необходимо объяснить казакам... что Совет народных комиссаров и большевики не намерены отнимать у трудового казачества землю... считаю, что их надо пропустить домой, не отнимая

у них оружия. Но нужно взять с них обещание и расписку от имени представителей полков в том, что придя на Дон, они не будут выступать против рабочих и солдат» [2]. Выезжавший на Дон член ВРК И.А. Чуев докладывал в совете, что «при вступлении наших войск в Чертково... казаки отступили, а кто остался, те заявили, что они вовсе и не желали войны, а на требование казаков от Войскового круга отчета делегация Войск[ового] круга заявила, что уже дали отставку Корнилову и будет стремиться к тому, чтобы мирно жить всем» [3]. Иначе говоря, и в МВО, и в Воронеже какое-то время полагали, что на Дону возможен относительно мирный вариант развития событий. Примирительная политика была связана со стремлением привлечь на свою сторону как можно больше казаков в условиях боев за Ростов; с существованием в ноябре компромиссного военно-революционного комитета объединенной демократии в Ростове; со сведениями, поступавшими из Донецка, где окружной Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов занял четкую позицию поддержки Совета народных комиссаров. Кстати, донецкий Совет тоже предлагал действовать не только силой оружия, но и «между трудовым казачеством путем пропаганды (отрядив кадры агитаторов)» [4].

Впрочем, во второй половине декабря тон указаний меняется. Начальник штаба Южного революционного фронта М.А. Муравьев требовал от А.С. Моисеева, собравши сильный отряд из войск всех родов оружия, «массой напирать на юг, выбивая казаков и занимая одну за другой узловые железнодорожные станции направлением на Новочеркасск» [5]. ВРК продолжил разоружение казачьих эшелонов. Например, в начале января 1918 г. у казаков 43-го Донского казачьего полка были отобраны 143 шашки, 72 пики, 5 револьверов, у 1-го Хоперского казачьего полка – 10 револьверов, 46 кинжалов, 220 шашек [6]. Были предприняты попытки вообще не пропускать казачьи эшелоны на Дон [7]. Показательно, однако, что и в телеграммах из Воронежа, и в указаниях М.А. Муравьева подчеркивалось, что среди казаков надо вести революционную агитацию, т.е. стремиться склонить их на свою сторону путем убеждения.

Консолидация антикалединских сил из Донской области проходила в самом Воронеже. Донской ВРК попытался созвать здесь съезд Советов области, однако к 7 января 1918 г. в Воронеж прибыло только 40 человек, поэтому было принято решение назвать съезд совещанием и участвовать в съезде фронтового казачества в ст. Каменской. В переписке Совета отложились материалы о позиции Донецкого окружного совета казачьих, рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, звания Донского ВРК и съезда в Каменской, что показывает хорошую информированность воронежских властей о происходящем на Дону [8]. В конце января 1918 г. в Воронеже было организовано пресс-бюро Донского ревкома [9].

Реакцией на эскалацию вооруженного противостояния, связанную с действиями В.М. Чернецова, стало отправление из Воронежа крупного отряда из солдат 5-го пулеметного полка и добровольцев. Командиром отряда был назначен лидер солдат-пулеметчиков, один из организаторов октябрьского восстания большевик Н.К. Шалаев. В составе войск, двинувшихся из Воронежа в Донобласть, был и А.С. Моисеев. Вызывает сомнение общая численность этого отряда, фи-

гурирующая в советских исследованиях, – 3000 чел. Весь 5-й пулеметный полк имел в наличии только 3000 бойцов, солдаты же другого – 58-го – полка определялись А.С. Моисеевым как ненадежные. Что касается рабочих добровольцев, то их численность не могла быть слишком большой, поскольку состав красной гвардии в Воронеже на начало 1918 г. не выходил за пределы 670 чел., причем рабочие из них составляли только 28 %. Думается, отряд Н.К. Шалаева был частью 1-й Южной революционной армии Г.К. Петрова и едва ли насчитывал более нескольких сотен человек. К середине марта 1918 г. вся «армия» Г.К. Петрова составляла 1620 человек [10].

Бой под Глубокой 20 января 1918 г. оказался для воронежского отряда тяжелым испытанием. 21 января 1918 г. А.С. Моисеев сообщал «генерал-квартирмейстеру» поручику А.А. Сахарову: «Не преувеличивая, я говорю, что положение отчаянное. Вчерашний бой – 70 раненых и 10 убитых – ничего не дал. Сейчас открылся бой. Командный состав выбит. Санитарного поезда нет, перевязочных и медикаментов нет. Если не дадите подкрепления и командного состава – будем отступать». «Выбиты» пулеметчики, артиллеристы, Г.К. Петров ранен в ногу, а Н.К. Шалаев от полученных ран скончался (по одной из версий, чернецовцы «изможили череп у легко раненого доблестного рабочего Шалаева... которого они сильно ненавидели за его преданность рабочему делу» [11]). Известно, что в бою 21 января воронежцы потеряли еще 40 человек ранеными и 10 убитыми [12].

До конца января 1918 г. отряды из Воронежа продолжали активно участвовать в боевых действиях. 29 января 1918 г. А.С. Моисеев сообщал, что, находясь в районе Погорелово и Миллерово, пытался организовать мобилизацию, но натолкнулся на нежелание солдат. В Миллерово «солдаты охотно собираются на сборный пункт, еще охотнее получают винтовку и обмундирование, но перед отправкой на фронт старший по эшелону кроме именного списка ничего не имеет, сегодня я убедился именно, что создать армию я не в силах». В действующих же отрядах, сетовал А.С. Моисеев, не было и 300 надежных бойцов. С другой стороны, он сообщал и о ведущихся боевых действиях: «Позавчера целый день был в разведке, взорвали будку, батарея уничтожила один паровоз и вагон. Я из пулемета уничтожил человек 20 разведчиков. По точным сведениям знаю, что в Каменской силы противника незначительны, нам приходится воевать с империалистами, реалистами и коммерсантами, которых разбить мы можем в любую минуту» [13]. Несмотря на подобные пренебрежительные высказывания о противнике, А.С. Моисеев упоминал о шпионаже в штабе 1-й Южной революционной армии, так как на одном из хуторов были обнаружены точные сведения о силах красных.

После падения режима А.М. Каледина и установления советской власти на Дону на южных границах Воронежской губернии наступило некоторое затишье. Однако начавшиеся вскоре восстания на Верхнем Дону, а затем вторжение казаков в губернию, захват ими большей ее части создали новую политическую ситуацию. Советские власти, если и не совсем замалчивали масштабы летней катастрофы, то в любом случае старались выдавать информацию о творившемся на юге очень дозированно. Очевидно, что часть населения губернии лояльно встретила казаков.

Наиболее значительные сведения о сотрудничестве местных жителей с казаками имеются по Богучару. Еще до вторжения красновцев в Богучарский уезд на Дон была послана телеграмма за подписью бывшего городского головы Кравцова и еще 60 человек, где высказывалась просьба об «избавлении» местного населения из-под гнета советской власти [14, с. 75]. Атаман приезжал в Богучар, где ему был оказан торжественный прием, и в дальнейшем жители Богучара помогали казакам в поимке коммунистов, субсидировали деньгами. Из жителей уезда возник добровольческий отряд, насчитывавший к 4 сентября четыре роты в составе до 600 штыков [15]. Попытки представителей советских властей наладить с казаками диалог по образцу зимы 1917/1918 гг. не удалось. В конце августа при занятии казаками с. Петропавловки Богучарского уезда делегат Дровалев от съезда волостных военных руководителей, проходившего в Старой Криуше, и еще несколько человек «хотели агитировать казаков, но тут же были расстреляны», остальные делегаты разбежались [16].

Останавливаясь на причинах поддержки казаков, нельзя не отметить, что власть с Дона воспринималась частью населения как несущая в общество порядок. И дело было не только в большевиках. В уезде до весны 1918 г. у власти пребывали правые эсеры, не препятствовавшие и даже, возможно, спровоцировавшие волну крестьянских захватов начала 1918 г. Одновременно с этим уезд стал разваливаться: в Калаче власть захватили радикалы, опиравшиеся на Воронеж, в то время как в Богучаре продолжала сохраняться «компромиссная» власть образца ноября 1917 – февраля 1918 г. Угроза со стороны Украинской державы и немцев также была реальной.

Приход казаков не добавил стабильности в существующую ситуацию: сдача хлеба, мобилизации, грабежи, обязательные репрессии против коммунистов – реалии казачьей власти в губернии. Неоднородность антибольшевистских сил сказывалась и на управлении: к началу осени 1918 г. здесь конкурировали Южная армия, казачьи части и местные формирования, тяготевшие к сотрудничеству с Добровольческой армией, создавая известный хаос. Еще в конце октября 1918 г. павловский уездный комиссар сообщал о перемене настроений населения: «могу сказать, что в крестьянстве настроение к нашим войскам хорошее, далеко, несомненно [лучшее] против прошлого времени. Ввиду прибытия многих советских работников и агитаторов в войсках всё дело налаживается на путь хороший» [17, с. 45]. Менялись и настроения красноармейцев. Один из красных партизан указывал, что вначале многие бойцы не хотели воевать, носили удостоверения о мобилизации, чтобы показывать белым, доказывая, что они не добровольцы. «Дальше же разворачивалась другая картина: товарищи, попав в плен... возвращаясь к нам, становились настоящими борцами за революцию. Их там сразу гнали на работу в шахты, издевались над ними...» [18]

Переход казаков в наступление в начале октября 1918 г., занятие ими центральных территорий губернии прорвал «заговор молчания» со стороны воронежских властей. С 8–10 октября 1918 г. пошли тревожные сообщения и воззвания о необходимости усилить оборону и формировании добровольческих отрядов. 5 октября

1918 г. была создана 8-я армия [17, с. 34, 36, 37]. Несмотря на то, что наступление казаков изначально развивалось весьма успешно, в его провале немалую роль сыграли крестьянские восстания. Не желавшие воевать крестьяне, даже будучи мобилизованными, переходили на сторону красных, убивая офицеров [19]. 19 декабря 1918 г. 8-я армия перешла в наступление, и к концу января 1919 г. губерния была очищена от казаков.

Участники боев вспоминали, как казаки к началу 1919 г. массово прекращали сопротивляться: «казачество верховьев Хопра... в большинстве своем поддерживало Советы и... после разгрома Краснова начало переходить целыми группами на нашу сторону и принимать активное участие не только в окончании ликвидации красновской контрреволюционной армии, но и против Деникина» [20]. Другой красноармеец отмечал: «когда мы продвигались... беднейшее казачество убедилось на факте, что красные большевики не такие, как им рисовали их. Мы обходились очень мирно. Мы никогда ничего не делали. Если даже какой-нибудь кувшин молока красноармеец попросит, он за это платит» [21]. Существуют воспоминания, относящиеся, видимо, к весне 1919 г., о том, что красноармейцы-богучарцы помогали казакам сеять хлеб [22]. Командование старалось подчеркнуть информацию о том, что в среде беднейшего казачества у красных много союзников. Например, в конце ноября 1918 г. в частях 8-й армии распространялась газета «Клич трудовых казаков» [17, с. 58].

Замирение прервалось уже в марте 1919 г. Воронеж снова становится организационным центром подготовки боевых действий. Характерно, что красноармейцы по-прежнему старались наладить взаимоотношения с казаками, за что порой жестоко платили. Командир роты С.Н. Дегтярев вспоминал о том, как на хуторе Сетраков «бойцы все недоверчиво отнеслись к моим предупреждениям, и в особенности когда их стали зазывать казачки в комнаты попить молока, но не успели они войти в комнату, как их тут же стали стрелять» [23]. Страшная судьба жителей хутора стала ответом за нападение из-за угла. При этом ситуация обстояла куда как запутанно, если учесть, что вступавших в станицы богучарцев обвиняли затем в братании с казаками. Для расследования этой ситуации в дивизию приезжал председатель ревтрибунала 8-й армии, правда, не нашедший состава преступления [24].

Упорное сопротивление казаков, поддержка комбатантов мирным населением, агитация со стороны казаков в рядах красноармейцев, начавшаяся эпидемия тифа стали серьезными испытаниями для экспедиционной дивизии. Несмотря на то, что казачья агитация не имела особого успеха у красноармейцев, по-прежнему бичом армии была слабая дисциплина [25]. Впрочем, к лету 1919 г. стало очевидно, что Красная армия одерживает верх. К концу весны – началу лета 1919 г. восставшие были окружены экспедиционной дивизией, но прорыв конной группы А.С. Секретёва «подал им руку помощи» [26, с. 36–37].

Таким образом, начиная с лета 1917 г. Воронежская губерния становится важнейшим центром формирования частей для борьбы с донскими казаками. Стоит подчеркнуть, что далеко не всегда усилия советской власти были направлены на

вооруженное подавление казачьих выступлений. Напротив, постоянно фиксируются усилия к проведению агитационной работы среди казаков, сотрудничеству с отдельными представителями казачества и советских структур из Днобласти, пребывавших в Воронеже. Мотивация таких взаимоотношений разнообразна: стремление найти политических единомышленников и опереться на определенные социальные группы в казачестве, желание изолировать крестьянское население от восстающих казаков, ослабить воюющие казачьи части, одновременно на социальном уровне красноармейцы могли искать в казаках «единомышленников» в своем нежелании воевать и недовольстве советской властью. Формирование образа казака как «непримиримого врага» советской власти происходило в несколько этапов, и к началу 1919 г. этот процесс не был завершен окончательно.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00115/19.

Примечания

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 460. Л. 54, 82.
2. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 8. Л. 80–81.
3. ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 30. Л. 20–21.
5. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 14. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
6. РГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6. Л. 29; Д. 88. Л. 33, 35.
7. Там же. Д. 89. Л. 31.
8. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 33. Л. 23–24.
9. РГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6. Л. 141.
10. Там же. Д. 6. Л. 6; Д. 16. Л. 1; Д. 88. Л. 163, 168.
11. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 33. Л. 23–24.
12. РГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6. Л. 71–75, 80.
13. Там же. Л. 131.
14. Октябрьская революция и Гражданская война в Воронежской губернии / под ред. И.П. Тарадина. Воронеж, 1927.
15. РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 8. Л. 3об.
16. ГАВО. Ф. Р-1018. Оп. 1. Д. 178. Л. 31.
17. Дни грозовые. Воронежская организация КПСС в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). Документы и материалы / под ред. И.Г. Воронкова и Е.Г. Шуляковского. Воронеж, 1960.
18. ГАВО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
19. ГАВО. Ф. Р-1018. Оп. 1. Д. 234. Л. 19.
20. ГАВО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 1. Л. 15об.
21. Там же. Л. 23.

22. Там же. Л. 86.
23. ГАВО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 1. Л. 78об.
24. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 843. Л. 16об.
25. РГВА. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33. Л. 31–33.
26. На страже. Боевые действия Красной армии в Воронежской губернии / под общ. ред. Б.М. Лавыгина. Воронеж, 1928.

Д.Н. Санин

ЕГОРЛЫКСКИЕ И БЕЛОКАЗАКИ ДРУГИХ СТАНИЦ В КРУПНЕЙШЕМ КАВАЛЕРИЙСКОМ СРАЖЕНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1 марта 2020 г. исполнится 100 лет одному из крупнейших кавалерийских сражений Гражданской войны XX века. Произошло это сражение под одной из казачьих станиц Войска Донского – Егорлыкской. Ранее, до 1930-х гг., в документах она именовалась станицей Егорлыцкой [1, с. 292]. Появилась она на Дону в начале XIX в. [2]. Вокруг этой станицы раскинулась широкая степь, лишь кое-где встречаются небольшие и неглубокие балки. То там, то здесь в степи видны древние курганы. Ранее в пределах юрта их находилось семьдесят шесть [3]. На сегодняшний день их насчитывается более ста. Именно здесь, на этом месте территории Войска Донского, и развернулась в начале марта 1920 г. эта братоубийственная битва. После всех неудач на фронте белые части Добровольческой армии к началу марта скопились в станице Егорлыкской.

В конце февраля резко потеплело, началась южная весна. Красная армия приближалась к станице при сильной распутице. Всё развезло, дороги были плохо проходимы. «Нашей разведкой, – как указывается в воспоминаниях красных командиров, – было установлено, что в район станицы Егорлыкской и станции Атаман дополнительно перебрасываются части 1-го Донского корпуса, терско-кубанские конные дивизии, отборная пехота из Добровольческого корпуса генерала Кутепова и вновь созданные из стариков-казаков пластунские части генерала Чернецова. Сюда же из-под Ростова направлялись два бронепоезда. Общая численность белогвардейцев, по нашим сведениям, исчислялась примерно до 13 000 тысяч сабель и 3500 тысяч штыков при большом количестве пулеметов и достаточной артиллерии» [4, с. 128]. «Егорлыкская крепость», «Белый Петроград» – так именовали белогвардейцы станицу Егорлыкскую, о которую, как они надеялись, должны были разбиться силы красных [5, с. 77].

По другим источникам, к этому времени силы Добровольческой армии белых, которые сосредоточились в станице и вокруг нее, насчитывали примерно до 20 000 конницы, 5 500 штыков, 163 орудия, 4 бронепоезда и 370 пулеметов, из них много

с тачанками. Управление войсками осуществляли генерал-лейтенант А.И. Деникин, генерал-лейтенант А.А. Павлов, генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович, полковник К.К. Агоев [6]. Войска 1-й Конной армии под командованием С.М. Будённого сосредоточивались в соседних с Егорлыкской хуторах Войнов, Грязнухинский, Иловайский, а также Средне-Егорлыкское, посад Новороговский [4, с. 127]. Начальник штаба 20-й стрелковой дивизии Майстрах в своих мемуарах писал: «...наших сил, назначенных для наступления на Егорлыкскую станицу, и расположение были следующие: 4-я и 6-я кавалерийские дивизии 1-й Конной армии имели 7 800 сабель при 24 трехдюймовых орудиях и 120 пулеметах. Две бригады 11-й кавалерийской дивизии имели до 900 сабель при 8 орудиях. 20-я стрелковая дивизия в составе 3000 штыков при 28 орудиях, 120 пулеметов, 600 сабель занимала посад Ново-Роговский; 2-я кавалерийская дивизия Блинова численностью в 600 сабель располагалась в хуторах Войновских. Под Атаман-Егорлыкской в составе 300 сабель при двух орудиях расположилась Кавказская кавалерийская дивизия. Одна кавалерийская бригада 11-й кавалерийской дивизии – 300 сабель – занимала х. Грязнухинский и хутора Войновские» [4, с. 127–128]. Вывод: численность красных была примерно 10 500 кавалерии и 3400 пехоты 20-й стрелковой дивизии, 62 орудия, 240 пулеметов с тачанками. Важно отметить командиров Красной и Белой армий. 1-я Конная армия – командующий С.М. Будённый; начдив 6-й кавалерийской дивизии – С.К. Тимошенко; начдив 4-й кавалерийской дивизии – О.И. Городовиков; начдив 2-й кавалерийской дивизии – Блинов, командир 20-й сд. т. – Богомолов.

С белой стороны – А.И. Деникин, А.А. Павлов, Я.Д. Юзефович, К.К. Агоев и др. Получается, что крупнейшее кавалерийское сражение XX века свело в жесткой схватке до 25 тысячи кавалеристов и до 7000 тысяч пехотинцев. По другим сведениям, общее число до 40 тысяч сабель [7]. Мобилизация охватила станичников всех возрастов. Чуть позже жители станицы вспоминали: «Станицу захлестнула масса войск, лошадей, обозов, артиллерии. В довершение всего прибыл генерал Чернецов, решил мобилизовать остатки, и по приказу атамана начали вызывать в правление казаков станицы. Большинство из них преклонного возраста, и ни о какой строевой службе речи быть не могло, тем более что лошади давно уже были реквизированы. Жители с тоской и не скрывающим возмущением снаряжали последних своих кормильцев на службу. Оглядев выстроившихся у правления пожилых станичников, генерал объявил, что они вливаются в состав пластунских частей и, несмотря на свои шашки и пики, будут воевать в пешем строю» [5, с. 77].

Что касается роли казачества в этой битве, то она неоднозначна. По-разному оценивали ее и участники тех событий.

Один артиллерист-доброволец вспоминал: «Наши силы состояли из регулярного корпуса кавалерии под начальством генерала Барбовича. Корпус насчитывал примерно 5000 тысяч шашек с 5 конными батареями и был в прекрасном состоянии. Но массу нашей конницы составляли казаки: донцы и кубанцы. Они были в плохом состоянии. Донцы были деморализованы потерей своей территории и были не боеспособны. Они потеряли дисциплину, бросали пики и винтовки, что-

бы их не посылали в бой. Во всяком случае, они были к нам, добровольцам, явно враждебны» [8].

Профессор А.В. Венков в своем исследовании отмечал, что в корпусе Барбовича находилась казачья 1-я кавалерийская дивизия. Однако, как утверждает А.В. Венков, возможно, речь шла о 5-й бригаде 23-го полка, о котором красная разведка доносила, что в нем есть настроения сдать, командный состав разбежится [8].

Артиллерист корпуса Барбовича вспоминал: «Совсем иначе вели себя кубанцы. Они были сплочены, собирали кинутые донцами винтовки. У каждого всадника были две, иногда три винтовки за плечами. Но они были к нам определенно враждебно настроены. Драться с красными не желали. Были терские казаки, немного лучше сохранившиеся, под командой нашего знакомого генерала Агоева. Но их было немного, от двух до двух с половиной тысяч шашек» [9].

Кирасиры «Ея Величества» А.А. ф. Баумгартен и шт.-ротм. А.А. Литвинов в своих воспоминаниях об участии казаков в этом бое цитируют описание из «Памятки Кирасир Ея Величества за время гражданской войны»: «Бригада ген. Барбовича вошла в конную группу ген. Павлова, числившую в своих рядах до 25 полков донских и кубанских казаков. 17 февраля у станицы Егорлыкской произошел кровопролитный встречный бой между конницами ген. Павлова и Будённого. Около 12 часов дня лава противника появилась на западе от станицы, наступая с юго-запада. Наша конная группа была с утра собрана в поле, перед станицей. Генерал Павлов послал навстречу наступающим красным бригаду генерала Барбовича. Двигаясь сначала в линии колонн, бригада под артиллерийским огнем перестраивается в боевой порядок, имея в первой линии Сводно-Гвардейский и 3-й Сводно-Кавалерийский полк и во второй линии 2-й Сводно-Кавалерийский (1-й Св.-Кавал. полк находился в сторожевом охранении). Лава противника поворачивает и уходит, открывая пулеметы, встречающие нас сильным огнем. По команде ген. Данилова полк бросается в атаку... Опрокинув первую линию красных, наши полки наталкиваются на главные силы противника, атакующего нас в строю резервных колонн. Завязывается беспощадная рукопашная схватка, во время которой свежие дивизии красных оттесняют наши поредевшие полки, добывая раненых и спешенных всадников. Генерал Барбович, исчерпав свои резервы, собирает несколько пулеметных повозок и, лично руководя пулеметным огнем, останавливает лавину красных. Снова построившись, наши полки опять бросаются в атаку. Кавалерийский бой длится с 2 часов дня до наступления темноты. Повторными атаками наших всё больше редевших полков упорство красных, непрерывно вливавших в бой новые силы, было всё же сломлено и поле битвы осталось за нами – ценою почти полного уничтожения регулярной кавалерии. Из 20 офицеров Гвардейской кавалерии, участвовавших в атаке, пали смертью храбрых 9; ротмистры: кн. Святополк-Мирский, л.-гусар Кучин, 1 кирасир Его В. и Хитрово – конно-гренадер; поручики: кн. Черкасский – кирасир Его В. и Буйнов – кирасир Ея В.; корнеты: Штранге – конной гвардии, гр. Гейден – кирасир Ея В., Пуришкевич – конно-гренадер и кн. Енгальчев – л.-драгун. Тела убитых вывезти не удалось. Ранены двое, ротмистры: кн. Накашидзе – конной

гвардии и Палянский – кирасир Ея В. Из 300 солдат полка выбыло из строя свыше 150. Этот губительный и блестящий бой наших полков явился поражением для нашей конной группы, т.к. свыше 20 полков донской и кубанской конницы, находившиеся в резерве, оставались безмолвными зрителями картины боя и первыми начали отход. Бой этот предрешил участь всего Кавказа» [10].

Вот как описывает в своих воспоминаниях о казаках в корпусе Барбовича кирасир Его Величества И.М. Черкасский: «Бросившись в атаку на лавы противника и по пути преодолев речку и опрокинув эти лавы, полк врубился в колонны резерва противника, который привел в полнейшее расстройство. В это время на находящийся на левом фланге казачий полк повела наступление бригада красных. Казаки тотчас же побежали, и красные, обойдя левый фланг полка, вышли ему в тыл, окружив настоящим кольцом. После этого происходили уже схватки между отдельными группами всадников при громадном преимуществе в количественном отношении красных, к тому же почти поголовно вооруженных револьверами» [10].

Всего в этой атаке погибло более 300 человек белой армии. Потерпев поражение в центре, конные массы белых, среди которых были и казаки, полностью откатились к Егорлыкской.

Красные командиры 1-й Конной армии о встрече в бою с казаками тоже оставили воспоминания. Начдив 4-й кавалерийской дивизии О.И. Городовиков: «Смотрю, на хорошей лошади догоняет меня здоровый казак. Кричу ему: “Куда бежишь? Смотри, 3-я бригада в атаку пошла”, – думаю, что это один из бойцов моего 19-го полка. “Товарищ начдив, белые это!” – догадался ординарец, скакавший рядом со мной. Тем временем казак подскакивает ближе, в руках клинок, на плече синий погон. “Белый”, – пронеслось в моей голове. Стреляю из него из маузера. Казак падает с лошади раненый, хватается за винтовку. Вторым выстрелом я добил раненого казака» [4, с. 137–138]. Досталось от казака и начдиву Тимошенко. Он вспоминал: «Пикой меня один хватил. Да не сумел, пристрелили его. Такая рубка была, перемешалось всё, и трудно разобрать было, где свой, а где казак» [4, с. 137–138].

Большая часть егорлыкских казаков выступила в этом бою за Добровольческую армию белых. Из них многие станичники находились в 79-м казачьем кавалерийском полку [11]. Егорлыкские казаки этого полка (Никита Пузин, Михаил Ткачев, Боровков), участники этого сражения, скрываясь потом от красных, участвовали в Задонском отряде заговорщиков восстания, продолжая борьбу против советской власти [12].

На стороне Добровольческой армии в этом бою участвовали и ветераны Первой мировой войны: егорлыкские казаки, георгиевские кавалеры 2-й Егорлыцкой сотни П.А. Кучкин, командующий 2-й сотней 79-го казачьего полка вахмистр Никифор Косицын, приказной Яков Шульгин, приказной Федор Ткачев, младший урядник 79-го казачьего полка Пантелей Ютин, казак егорлыцкой конной батареи Андрей Форостов, Борис Цинкаловский и другие казаки [13, с. 253]. Казаки Филипп Ютин, Александр Широков, ненавидящие новые порядки, сражались вместе со своими станичниками также в этом бою. Судьба А. Широкова, отступившего вместе с частями деникинской армии, не известна, были слухи, что он якобы ушел

вместе с другими казаками за границу. Вернувшийся домой после поражения белых из Новороссийска казак Филипп Ютин даже успел послужить новой власти в качестве милиционера. Однако в 1937 г. был арестован и вернулся домой лишь в шестидесятых годах. Судьба Ларина не известна [14, с. 180]. В этом бою участвовало очень много и других станичных казаков: младший урядник Леон Борисов, Яков Буханцев, Иван Кривошеев, Дмитрий Крысин, Яков Крысин, Кирсан Куречев, Мефодий Куречев, Андрей Гриценков, Пимен Гриценков, Прокофий Давыдов, Михаил Говорухин, Дмитрий Епифанов, Яков Журавлев [15]. Все они ранее были награждены за борьбу с большевиками Георгиевскими крестами 4-й степени [16]. Это лишь малая часть тех, кто 1 марта 1920 г. защищал свою станицу.

По воспоминаниям станичников, «несколько раз бросались в контратаку казаки 79-го Егорлыкского полка, но всякий раз откатывались, оставляя на поле боя убитых и раненых» [5, с. 81].

Донской казак Камышовской станицы Донского округа Иван Данилович Попов также сражался в егорлыкской степи. Кадровый военный в службе с 1882 г. К концу 1917 г. в чине генерал-майора в должности 8-й Донской казачьей дивизии. В январе 1920 г. генерал-лейтенант Попов назначен командиром 2-го Донского корпуса и участвует в злосчастной битве с Первой Конной армией у Егорлыцкой станицы, в которой гибнет больше половины казаков корпуса. После смещения командира 4-го корпуса Павлова назначается его командиром. Погиб после отступления в первых числах марта у станицы Березовской Кубанского войска, где и похоронен.

В этом бою за свою станицу вместе с Деникиным сражался казак Михаил Михайлович Семенцов. Родился в станице Егорлыкской Донской области 28 сентября 1885 г. В 1904 г. окончил Новочеркасскую военно-ремесленную школу по специальности «кузнечно-ковочное мастерство» [17]. До революции – командир казачьей сотни, есаул казачьих войск. После революции – командир 79-го Донского казачьего конного полка, затем 8-й Донской конной бригады, полковник. С апреля 1918 г. по март 1920 г. – командующий тылом Донской белой армии генерала Деникина, затем Врангеля, генерал-майор. Находился в эмиграции в Турции, затем в Болгарии, в г. Софии. Являлся председателем зарубежного белоэмигрантского «Союза за возвращение на Родину». В 1923–1924 гг. вернулся в СССР. До 20 октября 1937 г. работал старшим инспектором по качеству Ростовской областной конторы «Заготзерно». 17 ноября 1937 г. арестован органами НКВД по обвинению в возвращении в СССР с целью вступления в контрреволюционную организацию, которой давал установки о способах борьбы с советской властью. По постановлению «тройки» НКВД АЧК от 2 декабря 1937 г. приговорен к расстрелу. Приговор исполнен 11 декабря 1937 г. в г. Ростове-на-Дону. Реабилитирован заключением прокуратуры Ростовской области 27 июля 1989 г. [18].

Донской казак Новочеркасской станицы Александр Константинович Герасимов (30.01.1888–20.03.1957) умер в Париже и погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Один из известных участников национально-освободительной войны донских казаков в 1918–1920 гг. Воинскую службу начал в чине хорунжего 17-го Баклановского Донского казачьего полка в 1910 г., участник Первой мировой

войны, к осени 1917 г. – в чине войскового старшины. Участник Ледяного похода. В сентябре 1918 г. приказом атамана Краснова произведен в чин полковника, находился в должности командира 78-го Донского казачьего полка. Со второй половины 1920 г. – в должности командира 2-го Донского запасного конного дивизиона. Держал оборону Донского войска в районе Егорлыкской и Мечётинской станиц.

Принимали участие в этой битве и атаманы станицы. Атаман станицы хорунжий Тарас Харланов, в свое время отмеченный донским атаманом генерал-майором П. Красновым как ярый борец с советской властью, депутат Государственной думы И.Ф. Кадацков, казначей Егорлыцкой станицы. Атаман впоследствии был схвачен красными и расстрелян. И.Ф. Кадацкий покинул Родину со многими казаками станицы.

Родовой казак станицы Егорлыкской Иван Константинович Химичев вспоминает: «Мой дед, участник Первой мировой войны казак Юрченков, рассказывал, что наша станица практически вся была за белых, мы воевали за свою веру. Мои предки деды Юрченков Федор Федотьевич, Химичев Алексей участвовали в этом трагическом бое» [19].

Майстрах так написал об этом сражении: «Егорлыкский бой с главными силами Деникина, стянутыми за счет оголения остальных участков фронта, чем воспользовались наши 8-я и 9-я армии, решил участь Деникинского фронта. Здесь была битва последняя, решительная ставка Деникина, разрушены расчеты белого командования на разгром 1-й Конной и частей 10-й армий, вышедшим в тыл Деникина. Решительное Егорлыкское сражение было нами выиграно» [4, с. 144].

Были казаки и со стороны Красной армии. Станичник Захар Бадюкин большевистскую закалку получил еще в 13-м туркестанском полку. Будучи отличным пулеметчиком, Бадюкин обучал этому делу красноармейцев. За самоотверженность, героизм и высокое военное мастерство комиссар бригады вручил Бадюкину именные часы с надписью «Честному воину Рабоче-Крестьянской Армии от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» [20, с. 18].

Василий Васильевич Коробков (1884–1968) – советский военачальник, полковник, донской казак, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В годы Гражданской войны с 30 октября 1920 г. по 3 мая 1921 г. командовал 11-й кавалерийской дивизией 1-й Конной армии. Член РКП(б) с 1919 г. Родился в 1884 г. в Области Войска Донского в казачьей семье. Особо отличился Коробков 1 марта 1920 г. в ходе Егорлыкского сражения, за что приказом Реввоенсовета 1-й Конной армии был награжден орденом Красного Знамени. Приказом РВСР № 40 от 14 февраля 1922 г. награждение было утверждено. В приказе отмечалось: «...Он, руководя операциями вверенного ему полка, отбил несколько решительных атак превосходящих сил противника. Несмотря на то, что в этом бою тов. Коробков был ранен, он всё же не покинул передовых цепей вверенного ему полка, непрерывно руководя их успешными боевыми действиями, чем содействовал общему успеху операции» [21].

По данным красных, в этом крупном кавалерийском сражении только 4000 солдат белые потеряли убитыми. Число потерь Красной армии пока не удается установить. Много донских, кубанских, терских казаков сложили здесь свои головы.

На сегодняшний день конкретных мест массовых захоронений погибших белой армии не известно. По одной из существующих версий, массовое захоронение есть в районе железнодорожной станции Атаман. Другие утверждают, что часть убитых захоронены на юго-западной стороне станицы, в районе бывшего винзавода и кургана Кондрашкин.

Карательные действия красных в станице продолжались и на следующий день после сражения. 40 человек жен и детей егорлыкских казаков, участвовавших в войне на стороне бывших, были зарублены в районе старого кладбища возле реки Егорлык. Дома в курене на глазах у детей был зарублен двумя красноармейцами раненый казак Михаил Давыдов [22]. Красный террор продолжался еще долгое время как в отношении казаков ст. Егорлыкской, так и других донских казаков – тех, кто сражался на стороне Добровольческой армии.

Примечания

1. Дон в годы революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг.: сб. док. в 2 т. Т. 1. Март 1917 – май 1918 / науч. ред. О.М. Морозова. Ростов н/Д: Альтаир, 2017.
2. О заселении станиц Задонского тракта: Кагальницкой, Егорлыцкой, Мечётинской и др. малороссами, вступившими в казачье сословие // ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 141.
3. Труды 6-го археологического съезда в Одессе. 1884 г. Т. 4.
4. Майстрах Б. Маныч – Егорлыкская – Новороссийск. М.; Л.: Государственное издательство, отдел военной литературы, 1929.
5. Война. 1914–1920 гг. // Егорлыкский историко-краеведческий музей. Основной фонд.
6. О последнем в истории крупном кавалерийском сражении. URL: <http://raionplus.ru/egorlykskij-rajon/1185-o-poslednem-v-istorii-krupnom-kavalerijskom-srazheni> (дата обращения: 25.03.2019).
7. Вечерний Ростов. 04.11.1969.
8. Венков А.В. Последнее сражение белых на Дону. Наступательная операция 1-й Конной и 10-й армий против белогвардейских войск. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m6/0/art.aspx?art_id=647 (дата обращения: 20.03.2019).
9. Мамонтов С. Походы и кони. URL: http://www.dk1868.ru/history/mamontov_ogl.htm (дата обращения: 15.03.2019).
10. Русская армия в Великой войне: кирасиры Его Величества в Великой войне. URL: <http://grwar.ru/library/Goshtovt-Kirasiry/index.html> (дата обращения: 20.03.2019).
11. Заря. 19.12.2012.
12. Боранова Г.Н. Авантюра Лагутина. Выступления против советской власти на Дону в 1921 году. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/files/article/m4/1/art.aspx?art_id=508 (дата обращения: 25.03.2019).
13. Санин Д.Н. Егорлыкское казачество в событиях 1917–1920 гг. // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.) / [отв. ред. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 250–256.

14. Санин Д.Н. Казаки станицы Егорлыкской в Первой мировой войне: воспоминания, фотографии и другие источники // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 178–182.
15. Приказ ВВД от 19.05.1918. № 86.
16. Приказ ВВД от 19.06.1919. № 953.
17. Донской временник. URL: www.donvrem.dspl.ru (дата обращения: 18.02.2019).
18. ГАРО. Ф. П-39539.
19. Информатор Химичев Иван Константинович 1945 г., почетный атаман Черкасского округа, записан в ст. Егорлыкской Д.Н. Саниным 12.03.2019. Опирался на воспоминания деда и отца.
20. Первая мировая война 1914–1917 гг. Великая Октябрьская Социалистическая революция и Гражданская война 1917–1922 гг. Ч. 2. Ростов н/Д, 1990.
21. Приказ РВСР № 40 от 14 февраля 1922 года.
22. Гордеев А.А. История казаков. В 4 т. Т. 4: Великая война 1914–1918 гг. Отречение государя. Временное правительство и анархия. Гражданская война. М.: Страстной бульвар, 1993.

Е.В. Дьякова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕРВОННОГО КАЗАЧЕСТВА НА ХАРЬКОВЩИНЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Казачество – явление, характерное для украинской истории. Зародившись в XV в., оно продолжает существовать и сегодня. Несмотря на ликвидацию русскими царями, советской властью, в острые моменты истории украинское казачество возрождалось. Ярким примером этого являются революция и Гражданская война 1917–1921 гг.

Целью данной статьи является освещение боевого пути червонного (красного) казачества на Харьковщине в годы революции и Гражданской войны. И хотя географически выделена территория Харьковщины (в то время губернии), автору для понимания сложившейся в 1918–1919 гг. ситуации приходится упоминать некоторые регионы Украины и России.

В советское время главным исследователем истории червонного казачества являлся И.В. Дубинский, который в 1920-х гг. служил в этом воинском подразделении [1].

В современной Украине отношение к червонному казачеству отрицательное, а последнее время вообще о боевых победах советских Вооруженных сил стараются не упоминать. Небольшая статья, касающаяся данной темы, увидела свет еще в 2010 г. [2]. Ее автор в скептической манере раскрывает историю основания чер-

вонного казачества, делая упор на разгульности и бесшабашности казаков, пренебрегая тем фактом, что именно эти люди стали победителями в Гражданской войне. Небольшой очерк, представленный в 10-м томе Энциклопедии истории Украины в авторстве О.И. Щусь [3], носит информативный характер.

Днем рождения червонного казачества И.В. Дубинский называет 27 декабря [1, с. 237], хотя скорее всего это 29 декабря 1917 г. (по новому стилю – 11 января 1918 г.).

Незадолго до этого, 11–12 декабря (по старому стилю), в Харькове была провозглашена советская власть, встал вопрос о создании Вооруженных сил Советской Украины.

Для создания собственных Вооруженных сил в составе Украинского советского правительства был создан Народный секретариат по военным делам, а при Всеукраинском центральном исполнительном комитете (далее – ВУЦИК) – военный отдел.

8 января 1918 г. Народный секретариат принял постановление об организации на Украине червонного казачества. В постановлении говорилось: «Поручается Военно-революционному комитету при ВУЦИК рабочих, крестьянских и солдатских депутатов взяться за организацию червонного казачества в общеукраинском масштабе под руководством рабоче-крестьянского правительства Украины» [цит. по: 4, с. 9–10]. Такое название вооруженных сил было взято в противовес войскам Украинской центральной рады (далее – УЦР), называвшимся «вольное казачество».

По поручению Народного секретариата 1-й полк был сформирован в Харькове В.М. Примаковым. Активное участие в формировании подразделения принимали выдающиеся украинские большевики Н.А. Скрыпник, Е.Б. Бош, Ю.М. Коцюбинский, В.П. Затонский, И.Ю. Кулик и др. [5, с. 6].

В ночь на 28 декабря (19 января) красногвардейцы Харькова под командованием В.М. Примакова с приданными им четырьмя броневиками окружили Москалёвские казармы, где размещался 2-й Украинский полк во главе с Е.И. Волохом (подчинявшийся УЦР). Полк был разоружен, а на базе его 3-го батальона, перешедшего на сторону красногвардейцев, и был создан 1-й полк червонного казачества.

Вскоре червонцы (так называли червонных казаков) пополнились добровольцами из числа солдат и харьковских рабочих. Численность полка составила 700 чел. [1, с. 16]. Будучи казацким, полк делился на курени во главе с «червонным атаманом» – В.М. Примаковым.

И.В. Дубинский отмечал, что «червонное казачество, как и Красная гвардия, формировалось на добровольных началах. Но, в отличие от Красной гвардии, в червонном казачестве командиры не избирались, а назначались правительством или его военными органами. Червонное казачество содержалось за счет государства, а не предприятий, как красногвардейцы. Вступавший в червонное казачество должен был иметь рекомендацию от партийной, профсоюзной организации или же от местного Совета» [1, с. 17]. Среди казаков были не только харьковцы, население губернии, но и жители других национальных губерний России и даже европейских стран [1, с. 24 и др.].

Большую роль в создании, увеличении численности, а также поддержании дисциплины червонного казачества играли проводимые большевиками пропаганда и агитация.

Свой боевой путь червонное казачество начало с борьбы с войсками УЦР. Боевое крещение произошло 19 января 1918 г. под Полтавой [4, с. 33]. После были победоносные бои за Киев.

В конце января 1918 г. необходимость в названии армии «червонное казачество» отпала, поскольку задачи, стоявшие перед ним, были выполнены. С этого времени Вооруженные силы Советской Украины назывались Красной армией. Ее построение было таким же, как и Красной армии Советской России. Однако 1-й полк червонного казачества, как отдельная воинская часть Красной армии, была оставлена и существовала до 1938 г.

В это же время между большевистской Россией и представителями Германии и Австро-Венгрии в Брест-Литовске шли переговоры о подписании сепаратного мира. Параллельно члены немецкой и австро-венгерской делегации подписали договор о взаимопомощи с делегацией УЦР. В результате этих переговоров и договора украинские земли, входившие в состав России, переходили под юрисдикцию Центральной рады, а также военного командования Германии и Австро-Венгрии. В результате сложившейся ситуации советские войска (в т.ч. и червонцы) были выведены на территорию России – сначала на Дон, потом переведены в Москву, а затем к нейтральной зоне между Советской Россией и Украинской Народной Республикой.

Для эвакуации предприятий из Киева, Левобережной и Слободской Украины червонцы с красногвардейскими отрядами получили задание задерживать переправу немецких войск на левый берег Днепра. В течение марта и до 8 апреля 1918 г. червонное казачество вместе с другими воинскими частями Красной армии отступали с боями в направлении Киев – Бахмач – Ахтырка – Богодухов – Пересечное – Харьков (последние четыре населенных пункта – Харьковщина) [5, с. 7].

После аннуляции Брестского договора 13 ноября 1918 г. советские власти Украины и России начали наступление на украинские земли. В конце ноября 1918 г. по приказу Революционного военного совета войска из нейтральной зоны двинулись двумя курсами – на Киев и Харьков. На Харьковском направлении воевал полк червонных казаков. Сначала противником червонцев был корпус атамана П.Ф. Болбачана, подчинявшийся украинскому атаману С.В. Петлюре. Разгромным для петлюровцев стал бой у с. Казачья Лопань. Тогда же без боя была сдана железнодорожная станция Дергачи. 3 января части 2-й Украинской советской дивизии и полк червонного казачества освободили Харьков. Но петлюровцы не хотели мириться с потерей такого крупного промышленного центра, как Харьков. Тяжелое сражение произошло возле крупного железнодорожного узла, города Люботина. Обнаруженные противником червонцы попали под сильный пулеметный огонь. Лишь 8 января этот город, находящийся в 20 км от Харькова, был отвоеван советскими войсками.

За эти бои на Харьковщине украинское советское правительство наградило полк червонного казачества почетным Красным Знаменем [1, с. 65]. Советские войска теснили петлюровцев на запад: 12 января червонцы заняли город Валки, а 14 января – местечко Коломак. Далее красноармейские подразделения вступили на полтавскую землю.

После борьбы с петлюровцами червонным казакам на Харьковщине пришлось воевать с белой армией А.И. Деникина.

Для этого полк червонных казаков был введен в состав 14-й армии и был включен в Константиноградскую группу, которая вела наступление в направлении Барвенково – Лозовая – Константиноград (сейчас – Красноград) [1, с. 85]. Полк В.М. Примакова получил задание разрушить железнодорожный мост возле станции Кегичёвка, находившийся в тылу деникинцев. Вечером 17 июня червонцы захватили с. Лукашовку, а на рассвете следующего дня овладели Кегичёвкой. Подорвав в нескольких местах железнодорожное полотно и мост через речку Берестовая, червонцы двинулись на Константиноград. Для возвращения потерянной территории А.И. Деникин выслал «железную бригаду» генерала Геймана [5, с. 10–11]. Советские войска вынуждены были отступить.

В это время деникинцы вели победоносные бои не только на Украине, но и в России. Не зря В.И. Ленин обратился к ЦК РКП(б) с письмом «Все на борьбу с Деникиным!», опубликованным 9 июля 1919 г. На созданный для борьбы на Украине Южный фронт были переброшены дополнительные войска, проведена дополнительная мобилизация.

Полк червонного казачества вырос до 1500 чел. [1, с. 90]. Учитывая это, революционно-военный совет 14-й армии издал приказ о развертывании полка в двухполковую бригаду. Командиром был назначен В.М. Примаков (его уже называли не атаманом, а командиром), комиссаром – Е.И. Петровский, начальником штаба – С.А. Туровский. Командирами стали: 1-го полка – П.П. Григорьев, 2-го – П.Р. Потапенко. Вскоре бригада была переформирована и стала 8-й кавалерийской дивизией [1, с. 90–92, 105].

Покинув Украину, червонцы воевали на Орловской, Курской, Белгородской земле. За проявленное мужество советское правительство наградило группу червонных казаков орденами Красного Знамени [1, с. 120].

После небольшого отдыха червонцы вместе с латышскими стрелками были направлены на освобождение Харьковщины от деникинцев.

Перед дивизией червонных казаков (командир В.М. Примаков) и латышскими стрелками (командир К.П. Вайнян) была поставлена задача: прорваться через вражеский фронт севернее Грайворона (сейчас – Белгородская обл.) и совершить рейд в глубокий тыл деникинцев, отрезав им путь отступления на Змиёв и Лозовую. Рейд начался 7 декабря. Червонцы вместе с латышами 10 декабря подошли к г. Мерефа. У с. Одрынки 1-й полк червонных казаков захватил обозы Теркской белоказачьей дивизии. Тяжелый бой в этот день произошел у с. Огульцы. С наступлением темноты сводный отряд В.М. Примакова полностью очистил от белоказачьих с. Одрынку, где остановился на ночлег.

На следующий день в поле между сёлами Ракитное и Озеряны завязалась жестокая битва. 2000 деникинцев выступили против червонных казаков. Но на их фланги неожиданно напали латышские стрелки. Это предрешило исход боя, и червонные казаки и латышские стрелки вошли в Мерёфу.

В этот же день, ликвидируя остатки противника, червонцы и латыши со стороны Дергачей вступили в Харьков, железнодорожный узел которого был забит эшелонами деникинского интендантства. 18 белогвардейских офицеров застрелились, а остальные сдались в плен. Весь декабрь Красная армия изгоняла деникинцев с Харьковщины. 8-я червонноказачья дивизия двигалась в направлении на Лозовую.

В декабре 1919 г. на Харьковщине была установлена советская власть.

Таким образом, созданное в начале 1918 г. из жителей Харьковской губернии червонное казачество воевало в разных регионах России и Украины, в том числе и на родной земле.

Примечания

1. Дубинский И.В., Шевчук Г.М. Червонное казачество. Киев, 1987. 244 с.
2. Черкасский Г. Дела казачьи, харьковские // Харьковские известия. 2010. 16 января.
3. Щусь О.Й. Червоне козацтво. URL: http://www.history.org.ua/?termin=Chervone_kozatstvo (дата обращения: 05.04.2019).
4. Ложкін Я.Я. Червоне козацтво. Харків, 1928. 134 с.
5. Червонці: спогади ветеранів червоного козацтва. [Червонцы: воспоминания ветеранов червонного казачества]. Київ, 1960. 114 с.

О.В. Ратушняк

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА С ЛИДЕРАМИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Гражданские войны зачастую более кровопролитные и жестокие, чем войны с внешним врагом, они были и всегда будут предметом пристального внимания исследователей. Их анализ – это поиск ответов на причины войны и причины поражения/победы одной из сторон. В этом плане большой интерес исследователей вызывает Гражданская война 1918–1920 гг. в России. Учитывая, что юг России был одним из главных фронтов данного противоборства, где решалась судьба России в целом, анализ взаимоотношений казачества с лидерами Белого движения представляет несомненный научный интерес. В представленном исследовании основной акцент сделан на взаимоотношении кубанского казачества с руководством Вооруженных сил Юга России (ВСЮР).

Основная масса казачества известия о революции встретила относительно спокойно, а впоследствии казаки заняли в большинстве своем нейтральное отношение в начавшемся военном противоборстве. Причинами этого были накопившаяся усталость в ходе Первой мировой войны и желание по возможности заняться своими собственными хозяйствами; двойственность положения казаков, выразившаяся в стремлении сохранить свои привилегии и при этом освободиться от тяготившей их воинской повинности.

Приходившие с фронта казачьи части, поддерживавшие лозунг большевиков о мире, не препятствовали установлению в казачьих областях советской власти. Наибольшей симпатией большевики пользовались среди беднейших слоев казачества. Благожелательному отношению казаков к советской власти способствовало и то, что долгий отрыв от хозяйственной обстановки вследствие пребывания на фронте в какой-то мере деклассировал часть казачества, притупив инстинкт мелкого собственника [1, с. 23].

Несмотря на разворачивающиеся события, казачество в большей своей массе занимало выжидательную позицию. Это подтверждается теми фактами, что оно допустило изгнание Кубанской краевой рады и правительства из Екатеринодара, а также занятие своих территорий советскими войсками, сопротивлению которым оказывали в основном части зарождающейся Добровольческой армии.

Истоки нейтралитета казачества довольно точно выявляет в своих воспоминаниях А.И. Деникин: «Определилось яснее настроение донских казаков. Не понимают совершенно ни большевизма, ни “корниловщины”. С нашими разъяснениями соглашались, но как будто плохо верят. Сыты, богаты и, по-видимому, хотели бы извлечь пользу и из “белого”, и из “красного” движения. Обе идеологии теперь еще чужды казакам, и больше всего они боятся ввязываться в междоусобную распрю» [2, с. 108]. Это высказывание верно и в отношении кубанского казачества.

Несмотря на пламенные речи генерала Л.Г. Корнилова, уставшее от войны казачество, частично пропитанное к тому же духом социал-демократических и эсеровских идей, не поддержало Добровольческую армию. Во время «Ледяного похода» казаки в большинстве своем встречали добровольцев «либо безразлично, либо враждебно» [3, с. 183].

За период с весны до осени 1918 г. на Кубани произошел переход от поддержки советской власти беднейшим казачеством, в том числе казаками-фронтовиками, при нейтралитете основной массы середняков, к выступлению против большевиков большинства казачьего населения.

Однако, несмотря на изменение отношения к большевикам, взаимоотношения казаков с командованием Добровольческой армии по-прежнему были сложны и противоречивы. Основным узлом противоречий являлось, с одной стороны, желание части казаков сохранить независимость от России (причем как от большевистской, так и монархистской), с другой стороны – стремление руководства Добровольческой армии подчинить себе казачьи силы как в военном, так и в социально-экономическом и политическом вопросах. Масла в огонь подливало и то, что в добровольцах казаки видели прежде всего представителей и защитников

отжившей свое российской монархии. В то же время, как отмечал А.И. Деникин, в Добровольческой армии «создалось если не враждебное, то во всяком случае недоброжелательное отношение к многостепенной кубанской власти, слишком напоминавшей ненавистный офицерству “совдеп” и слишком резко отмежевавшейся от общерусской идеи» [2, с. 142].

Уже на первой встрече между добровольцами и командующим Кубанской области генералом В.Л. Покровским в ауле Шенджий в середине марта 1918 г. произошла стычка. Первые ясно показывали свое стремление подчинить себе кубанцев. Соединение Добровольческой армии с казаками, по мнению руководства добровольцев, могло произойти лишь на двух основных условиях: упразднение кубанского правительства и рады (в этом проявилось нежелание белых генералов признать за Кубанью право на государственную самостоятельность) и подчинение атамана Кубанского казачьего войска командующему Добровольческой армии.

17 марта 1918 г. на совещании представителей Кубани с командованием Добровольческой армией в станице Новодмитриевской было подписано соглашение, по которому кубанский правительственный отряд переходил в полное подчинение генералу Л.Г. Корнилову, а командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзывались в состав кубанского правительства для формирования Кубанской армии. Согласно данному соглашению законодательная рада, войсковое правительство и атаман должны были продолжать свою деятельность, содействуя военным мероприятиям командующего Добровольческой армии. Как вспоминал генерал А.П. Богаевский, «в этом союзе не было взаимного доверия и искренности. Только суровая необходимость заставила обе стороны сойтись» [4, с. 75]. Дальнейшие события полностью это подтвердили. Строки, касающиеся формирования Кубанской армии: «введенные по настоянию кубанских представителей, – по словам А.И. Деникина, – главным образом якобы только для морального удовлетворения смещенного командующего войсками, создали впоследствии большие осложнения во взаимоотношениях между главным командованием и Кубанью» [5, с. 164].

Стремление игнорировать кубанскую власть и утвердить свою проявилось и в назначении генерала А.И. Деникина накануне первого апрельского штурма Екатеринодара генерал-губернатором Кубанской области.

В дальнейшем, с занятием добровольческими частями большей части территории Кубани, политика командования Добровольческой армии по отношению к кубанцам становится всё более непреклонной и жесткой. Это отложило отпечаток и на взаимоотношения казаков-кубанцев с добровольцами. Так, в одном из документов того периода говорится, что взгляд на Добровольческую армию как на освободительную «начинает тускнеть под влиянием незаконных действий многих частей и лиц армии, которые ведут себя в республике как в покоренной стране» [6]. Замена красного террора белым и монархические лозунги, вырывавшиеся из рядов добровольцев, так же как и лозунги «единой и неделимой», постепенно отталкивали часть казаков от деникинской армии. Немало этому способствовали и местные самостийники своей пропагандой.

В то же время руководство Добровольческой армии понимало необходимость союза с казачеством. В день открытия Кубанской рады в Екатеринодаре 1 ноября 1918 г. генерал Деникин, призывая к единению, заявил о том, что «Добровольческая армия признает необходимость и теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта» [7, с. 211]. Несмотря на это заявление, многие противники А.И. Деникина считали его лозунг о «непредрешенчестве», то есть о непредрешении форм правления в России и о месте казачьих краев в составе России, обычной политической уловкой. В их глазах Деникин всегда оставался сторонником «единой и неделимой» России и защитником монархического строя. По мнению П.Н. Краснова, «генерал Деникин не имел ничего на своем знамени, кроме лозунга единой и неделимой России» [8, с. 142].

Немаловажное значение во взаимоотношениях добровольцев с казаками играл тот фактор, что Добровольческая армия формировалась на казачьей территории. Здесь же располагались ее основные базы. Не случайно, что после освобождения казачьих районов от власти большевиков отношения между руководством Добровольческой армией и казачьими политическими лидерами обострились еще больше. Ряд казачьих политических деятелей желали играть еще более важную роль при решении как военных, так и политических вопросов. Однако их взгляды, отражающие по преимуществу местные интересы, очень часто шли вразрез с мнением главного командования. В частности, освобождение казачьих территорий из-под большевистской власти последнее считало только частью стратегического плана по освобождению всей территории России. Представители же кубанского казачества в большинстве своем полагали, что с освобождением казачьих районов борьбу с советской властью можно считать в основном законченной. Довольно сильно обостряло отношения и то обстоятельство, что А.И. Деникину, встречавшему противодействие со стороны кубанских властей, постоянно приходилось вмешиваться во внутренние дела казачьих областей, что, в свою очередь, вызывало недовольство казачьих органов власти. Всё это создавало напряженную атмосферу взаимного недоброжелательства, которая не могла не отразиться на боевом духе и состоянии антибольшевистских войск.

Исходя из того, что на Кубани самостийные тенденции имели больший вес, чем на Дону, взаимоотношения здесь с командованием ВСЮР было более острым и напряженным. Не случайно А.И. Деникин не хотел создания Кубанской армии, хотя кубанцы постоянно и настойчиво этого добивались, ссылаясь на такой прецедент, как Донская армия, и обещания добровольческого командования во время первого кубанского похода. Он понимал, что создание такой армии только даст лишний козырь в руки местных самостийников и, учитывая тяготение некоторых из них к Украине, превратит их в опасного противника в тылу добровольцев.

В мае 1919 г. в связи со сменой кубанского правительства отношения между Кубанью и командованием ВСЮР обострились. В это время проденикинское правительство Ф.С. Сушкова сменил кабинет П.И. Курганского, выражавший интересы черноморской части казачества.

Особенно обострились отношения кубанцев с деникинцами в связи с убийством 27 июня председателя Кубанской рады М.С. Рябовола и договором, заключенным в июле 1919 г. в Париже кубанской делегацией с представителями меджлиса Горской республики. Обострившаяся обстановка на фронте, а также усилившаяся антиденикинская пропаганда со стороны черноморской части рады вынудили генерала Деникина пойти на решительные меры в вопросе отношений с кубанцами. 7 ноября 1919 г. генерал Деникин отдает приказ о немедленном предании полевому суду всех лиц, подписавших этот договор [9]. Один из участников парижской делегации Ф.И. Кулабухов был повешен. Остальные члены делегации, боясь расправы, не вернулись на Кубань.

Одним из итогов борьбы между А.И. Деникиным и руководством кубанского казачества было оставление фронта кубанскими казаками. Так, если в конце 1918 г. кубанцы составляли 68,75 % всех ВСЮР, то к началу 1920 г. их было не более 10 % [10, с. 75], что, естественно, не могло не отразиться на боеспособности деникинской армии, в которой к этому времени принцип добровольчества уже давно был нарушен и заменен тяготившими население тотальными мобилизациями. Таким образом, противостояние казаков (и в первую очередь кубанских самостийников) с добровольцами стало одной из важнейших причин краха антибольшевистского движения на Юге России.

Итогом гражданской войны на Северном Кавказе (Дону и Кубани) явились новороссийская эвакуация и сдача Красной армии казачьих частей на Черноморском побережье Кавказа. Оба эти события, с одной стороны, были следствием противоречий между казачьими органами власти и командованием ВСЮР, с другой – одной из причин углубления этих противоречий в Крыму.

Взаимоотношения между казаками и руководством ВСЮР в Крыму приобрели совсем другой оттенок, став более жесткими и бескомпромиссными (не считая ряда тактических уступок) со стороны генерала П.Н. Врангеля [11, с. 89]. В то же время совсем не считаться с казачеством П.Н. Врангель не мог. Во-первых, казаки всё еще составляли не менее половины Русской армии, а во-вторых, именно казачество могло дать новые силы Белому движению.

15 апреля 1920 г. было подписано соглашение, а 22 июля того же года заключен договор о казачьем союзе под руководством генерала Врангеля. В нем признавалось полное военное руководство последнего, в том числе и над казачьими войсками. Кроме того, казачьи атаманы обязались вести все внешние сношения только с разрешения и при посредстве Верховного главнокомандующего Русской армией. В обмен на подчинение себе казачьей верхушки П.Н. Врангель обещал атаманам полную автономию и независимость в отношении внутреннего гражданского устройства.

В целом обещание независимости казачьих земель помогло Врангелю, с одной стороны, добиться подчинения со стороны казачьей верхушки, а с другой – удерживать доверие казаков.

О подчинении казачества свидетельствует и тот факт, что в Крыму уже не существовало ни Донской, ни Кубанской армии. Первая была реформирована

в Донской казачий корпус, из кубанцев была сформирована Кубанская бригада. Все эти части входили в одну армию, которая подчеркнута именовалась «Русская армия».

В целом взаимоотношения кубанского казачества с белыми генералами А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем отложили особый и значимый отпечаток на ход гражданской войны в России.

Примечания

1. Ладоха Г. Очерки гражданской войны на Кубани. Краснодар, 1923.
2. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова // Гуль Р.Б. Ледяной поход. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник. 1918–1919 годы. М., 1990.
3. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1.
4. Богаевский А.П. 1918 год // Белое дело: Ледяной поход. М., 1993.
5. Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова // Белое дело: генерал Корнилов. М., 1993.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 37. Л. 141–142.
7. Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.
8. Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело: Дон и Добровольческая армия. М., 1992.
9. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 126. Л. 233.
10. Разгон И. Кубанское действо // Борьба классов. 1936. № 1.
11. Венков А.В. Врангель и казаки // Возрождение казачества: история и современность. Новочеркасск, 1994.

А.Н. Грищенко

«ПОКОРНЕЙШЕ ПРОШУ РАССМОТРЕТЬ МОЕ ДЕЛО»: ЗАЛОЖНИЧЕСТВО КАК ФОРМА БОРЬБЫ С ПОВСТАНЧЕСТВОМ, ИЛИ КАК КАЗАК ПАВЕЛ ЧУТРЕЕВ ЗА БРАТА ПОСТРАДАЛ

Заложничество родственников командиров и рядовых участников повстанческого движения в качестве меры пресечения поддержки населением вооруженных отрядов получило достаточно широкое распространение в Донской области в 1920–1922 гг. К концу сентября 1921 г. в Сальской окружной тюрьме находилось не менее 28 заложников, дальнейшую судьбу которых решало окружное военное совещание [1]. В случае убийства советских работников заложники «из кулацкого элемента» в 1-м Донском округе либо расстреливались, либо у них конфиско-

вывалось имущество, а сами они выселялись из пределов округа [2]. В сентябре военное совещание Морозовского округа отдало приказ местным военным совещаниям провести единовременную акцию по взятию в округе заложников. В их число попадали «семейства главарей бандитов, зачинщиков» и зажиточные селяне [3, с. 101, 102]. В Верхне-Донском округе в заложники были взяты семьи повстанческих командиров Якова Фомина и Кондратьева [4]. К концу первой декады октября 1921 г. в Сальском округе в заложниках находилось 118 чел., в Донецком – 35, 1-м Донском – 22 чел. Значительные масштабы заложничества заставили Донское областное военное совещание вмешаться. 11 октября оно приняло решение о приостановлении массового взятия заложников в области. Максимальное их число для каждого округа было установлено в 20 чел. [5].

В направленном 3 января 1922 г. начальнику милиции Донецкого округа списке заложников, содержащихся в арестном доме, перечислены 10 чел. – 3 женщины и 7 мужчин. Среди последних значился Павел Чугриев, числившийся за военным совещанием Донецкого округа [6]. Но в списке фамилия указана неправильно, на самом деле его фамилия Чугреев и взятие его в заложники имело определенное основание: он приходился родным братом действовавшему в Донецком округе командиру вооруженного повстанческого отряда. Армейские и милицейские сводки в начале 1922 г. зафиксировали появление в окрестностях станиц Митякинской и Гундоровской Донецкого округа не имевших «серьезной политической подкладки» остатков отрядов Чугреева и Ковалева. Эти «отрывки от банд» преследовали не только регулярные войска, но и местное население [7]. Нападавший на соседние хутора отряд Чугреева состоял из жителей хутора Грачикского станицы Гундоровской [8].

Заурядный случай взятия в заложники родственника одного из повстанческих командиров привлек внимание автора тем, что его анализ позволяет исследовать механизм системы заложничества на конкретном примере. Что известно об этом человеке? Были ли основания для взятия его в заложники? Что он предпринимал для своего освобождения? Какова была его судьба в связи с попаданием в заложники?

Обнаруженные и изученные автором документы позволяют осветить самые общие биографические сведения о Павле Чугрееве. Из заполненной стандартной карточки воинского учета узнаем: Чугреев Павел Яковлевич, родился 22 декабря 1897 г. Имел воинское звание «рядовой», являлся участником Гражданской войны, получил «домашнее» образование и имел профессию «хлебороб». Павел Чугреев был жителем хутора 1-го Нижне-Митякинского станицы Митякинской Донецкого округа Донской области. Павел был женат и имел двух «неспособных к труду» членов семьи. Он был уволен с воинской службы 12 октября 1920 г. и в апреле 1921 г. поставлен на учет в военном комиссариате станицы Митякинской [9]. Из заполненной собственноручно анкеты в Особом отделении при 2-й Донской дивизии можно установить, что Павел Чугреев был казаком, ему было 24 года, он был грамотный, окончил школу. Его семью составляли отец Яков 69 лет, мать Ксения 68 лет и жена Ульяна 23 лет, которые были хлебопашцами и проживали в хуторе Нижне-

Митякинском. Павел сообщил, что он «безпартийный» и по профессии «хлебороб». На вопрос о месте работы (службы) он сообщил, что сначала работал дома, в 1918 г. был мобилизован в белую армию, в которой служил до 3 декабря 1919 г., а с этого дня болел и находился дома. На государственной службе он не служил и находился на иждивении отца. В семье было хозяйство и дом. Арестованный отметил, что до ареста в качестве заложника он ранее 2 месяца находился под арестом. Об обстоятельствах попадания в заложники Павел Чугреев сообщил, что был арестован 28 октября 1921 г. 15-м полком 2-й Донской дивизии в своем доме в хуторе 1-м Нижне-Митякинском. При этом в датированной 8 ноября 1921 г. анкете он указал, что допрошен не был и обвинения ему также не предъявлено [10]. При личном обыске во время приема Павла Чугреева в Особое отделение у него были изъяты «один ножичек, поясной брезентовый ремень, бензинка с камнем и кошелек» [11].

В материалах архивного дела автор обнаружил документ, подтверждавший нахождение Павла Чугреева под арестом до взятия его в заложники. 5 декабря 1920 г. Чугрееву выдали «удостоверение», из которого следует, что он находился под стражей и следствием в Особом отделении № 2 Особого отдела 2-й Армии с 5 ноября по 5 декабря 1920 г. «и за прекращением его следствия» из-под стражи освобожден [12]. То есть он был арестован вскоре после демобилизации из рядов Красной армии. Причины своего первого ареста Чугреев не указал. Установить, когда и за что он находился еще один месяц под арестом, не удалось.

Нахождение человека в заложниках имело определенный срок – один месяц, и, если за ним не имелось реальных «грехов» против власти, он выходил на свободу, а его место занимал другой заложник. В случае с Павлом Чугреевым вышло иначе: он находился в заложниках более положенного срока. И этот факт стал предметом специального обсуждения на общем собрании жителей хутора 1-го Нижне-Митякинского 25 декабря 1921 г. 50 односельчан Павла Чугреева заслушали доклад председателя хуторского совета о содержавшемся в заложниках хуторяnine, который по истечении срока пребывания в заложниках был арестован и передан в политбюро Миллерово. Собрание единодушно свидетельствовало, что Павел Чугреев не являлся противником советской власти и ни поведением и поступками, ни на словах не был «ни контрреволюционером, ни сторонником бандитизма». Более того, Павел не только не имел никакой связи со своим братом Петром Чугреевым, возглавлявшим отряд, но и открыто осуждал его действия. И брат-мятежник это очевидно учитывал, так как за всё время борьбы с властью ни разу не появлялся в родном доме. Собрание хуторян признало, что Павел совершенно не причастен к «преступному поведению» своего брата Петра, но в июле 1921 г. он был арестован, при этом продолжавшееся в течение трех месяцев следствие не установило связи Павла с мятежным братом, и он получил свободу. Но в октябре 1921 г. Павел был взят в заложники именно как брат «бандита». Собрание признало, что невиновный Павел Чугреев достаточно претерпел «лишений и невзгод» по вине своего брата. На основании всего изложенного общее собрание жителей просило Донецкое окружное политбюро о скорейшем рассмотрении дела Павла Чугреева и его освобождении, поскольку, «рассуждая по долгу совести», хуторяне не видели

ничего преступного в его поведении, но признавали, что по причине его «долгого сидения» под арестом оставшееся без рабочих рук хозяйство приходит «в окончательный упадок» [13]. Протокол общего собрания поступил в Донецкое окружное политбюро и 3 января 1922 г. был передан в окружное военное совещание [14], т. е. мнение односельчан Павла Чугреева о его невиновности и их просьба о его освобождении дошла до структуры, заложником которой он являлся.

Но и сам заложник не бездействовал. Павел Чугреев, по всей вероятности, знал об общем собрании односельчан и их коллективном обращении в органы власти и по прошествии месяца, оставаясь заложником, сам обратился в окружное военное совещание с заявлением. 25 января 1922 г. он сообщал, что, будучи взятым в заложники 28 октября 1921 г., был направлен в арестный дом в Миллерово и находился в нем в полном неведении о своей дальнейшей судьбе. «Покорнейше прошу рассмотреть мое дело и постановить законное решение моего ареста» – заключал Чугреев свое заявление [15]. Это заявление никак не повлияло на судьбу заложника. Спустя три недели Павел Чугреев вновь решил напомнить о себе и 13 февраля 1922 г. направил очередное рукописное заявление в окружное военное совещание с настоятельной просьбой ускорить рассмотрение его дела или освободить из-под стражи [16]. 14 февраля его заявление было направлено начальником арестного дома в военное совещание Донецкого округа [17]. Но и это заявление Павла Чугреева осталось без ответа, он продолжал содержаться в арестном доме.

Примечательно, что односельчане Павла Чугреева не оставили томившегося в заключении земляка и спустя более двух месяцев после первого обращения вновь составили «письмо во власть». Очевидно, осознав, что первое обращение не возымело никакого действия, хуторяне решили взять Павла Чугреева на поруки. 6 марта 1922 г. жители хутора 1-го Нижне-Митякинского составили адресованную военному совещанию Донецкого округа коллективную «поручительную подписку» в отношении Павла Яковлевича Чугреева. Хуторяне напомнили, что Павел попал в заложники по причине того, что его брат «Петр Яковлевич Чугреев находится в бандах», но односельчане отметили, что не установили связи семьи с мятежником, хотя неоднократно выставлялись «секретные посты» к дому Чугреевых, но ни до, ни после ареста Павла ничего подозрительного установлено не было. По этой причине односельчане просили отпустить на поруки земляка и при этом давали поручительство преследовать любые проявления «в связи с бандитизмом». Подписи жителей хутора засвидетельствовал председатель сельсовета, за неимением печати, своей подписью [18]. Это коллективное ходатайство власть снова проигнорировала.

Наконец, Павел Чугреев в третий раз обращается к власти. 26 марта 1922 г. начальник арестного дома направил в Донецкое окружное военное совещание его очередное заявление, в котором Чугреев привычно просил «ускорить мое дело», так как находится в качестве заложника «за брата» пятый месяц. Павел просил отпустить его на весенние сельскохозяйственные работы «для посева себе хлеба и принести пользу республике». При этом он отмечал наличие престарелых родителей и молодой жены, которые не могли работать, хотя подходила «рабочая пора» [19].

Это «письмо во власть» заложника Павла Чугреева стало последним документальным свидетельством его существования, в изученном автором архивном деле он более не фигурировал. Какова была дальнейшая судьба 24-летнего казака-хлебороба Павла Яковлевича Чугреева из хутора 1-го Нижне-Митякинского станицы Митякинской Донской области? В доступных источниках нет упоминания о нем, но можно предположить, что он всё-таки вышел на свободу, вернулся к престарелым родителям и молодой жене, пахал землю и сеял хлеб. Разгром повстанчества в Донецком округе был вопросом времени. В мае – июне 1922 г. в Каменском районе был убит Петр Чугреев, а его отряд рассеялся и позднее был уничтожен; был взят в плен подхорунжий Мордовин, бывший помощник Сычева, «известный многочисленными убийствами совработников» в 1921–1922 гг. [20]. Не исключено, что Павел Чугреев вышел на свободу только после гибели своего мятежного брата.

Заложничество родственников повстанческих командиров и рядовых участников являлось составной частью комплекса мероприятий власти по борьбе с повстанческим движением в 1920–1922 гг. Оно прекратилось с окончанием вооруженной борьбы и ликвидацией наиболее крупных отрядов. История с попаданием в заложники Павла Чугреева, который не имел отношения к вооруженной борьбе своего брата Петра с советской властью, но пострадал за него и провел 3 месяца под следствием и 5 месяцев в тюрьме, весьма показательна в плане намерений власти активно использовать это средство борьбы. Военное совещание Донецкого округа имело информацию о невиновности Павла Чугреева, получало его заявления и обращения односельчан, но не реагировало на них именно по причине нежелания отпускать брата командира «бандитов» даже на поруки под коллективную ответственность односельчан. Действительно, брат отвечал за брата. Забирая в качестве заложников невиновных людей, власть тем самым стремилась заручиться гарантией неучастия казаков и крестьян и целых населенных пунктов в вооруженной борьбе и оказании поддержки повстанческим отрядам. Следует признать, что заложничество в итоге было достаточно эффективной мерой борьбы. Так, в хуторе Грачик Митякинской станицы Донецкого округа были взяты заложники. После этого население хутора, считавшегося «гнездом местных бандитов», при очередном набеге повстанцев предупредило об этом расположенную поблизости красноармейскую часть и, вооружившись «кольями и дробовиками», добровольно участвовало в изгнании нападавших [21].

Донской комитет РКП(б) с удовлетворением отмечал значительную роль заложничества, благодаря чему был «вырван более активный, будирующий население элемент», а опасавшиеся за судьбу заложников местные крестьяне стали принимать вооруженное участие в антиповстанческой борьбе [22]. Донские чекисты констатировали, что после принятия окружным военным совещанием ряда решительных мер и взятия заложников в населении «произошел перелом» [23] в сторону власти.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3441. Оп. 1. Д. 124. Л. 4.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 26г.

3. Галкин Ю. Сборник документов о Гражданской войне в Донском крае, на Кубани и Приазовье в 1920–1921 гг. М., 2004.
4. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 156. Л. 31.
5. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25896. Оп. 3. Д. 69. Л. 4об.
6. Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД). Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 202. Л. 9–10.
7. РГВА. Ф. 28087. Оп. 1. Д. 7. Л. 32, 35, 41.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 23а. Д. 280. Л. 341.
9. ЦХАД. Ф. Р-783. Оп. 1. Д. 202. Л. 68–68об.
10. Там же. Л. 71–71об.
11. Там же. Л. 70.
12. Там же. Л. 69.
13. Там же. Л. 78–78об., 79.
14. Там же. Л. 77–77об.
15. Там же. Л. 76–76об.
16. Там же. Л. 56.
17. Там же. Л. 43.
18. Там же. Л. 61–61об.
19. Там же. Л. 64, 65–65об.
20. РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 182. Л. 75об., 83, 89.
21. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.
22. Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 93. Л. 22.
23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 65. Оп. 1. Д. 131. Л. 56.

Т.В. Горшкова, М.В. Коженовский

**ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ
КАЗАЧЕСТВА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
(на примере пребывания 3-го конного корпуса РККА
в Германии в 1920 г.)**

В истории участия казачества в Гражданской войне в России в 1918–1920 гг. много белых страниц. Одна из них связана с Советско-польской войной 1919–1920 гг. В результате поражения в окрестностях Варшавы войска Западного фронта РККА были отброшены на территорию Белоруссии. Части 4-й и частично 15-й армий были вынуждены отступить в Восточную Пруссию, где и подверглись интернированию. Впервые советские военнослужащие длительное время (с августа 1920 по июнь 1921 г.) находились на территории буржуазного государства. Этот опыт

позволяет проанализировать формы и способы поддержания политической лояльности казачьего состава РККА политическому режиму, складывавшемуся в стране. В составе частей, отступивших в Восточную Пруссию, находился 3-й Конный корпус РККА в составе двух дивизий, а также конные полки двух стрелковых дивизий и один конный дивизион. 10-я кавалерийская дивизия, сформированная накануне обострения советско-польского конфликта, состояла из кавалерийских полков 30-й стрелковой дивизии Восточного фронта. Их кадровой основой являлись рабочие питерских и уральских заводов. Полки были пополнены представителями оренбургского и уральского казачества, в том числе и амнистированными участниками белых формирований, распавшихся осенью 1919 г. [1, с. 9, 12].

15-я кавалерийская дивизия формировалась в ускоренном порядке в мае – июне 1920 г. уже на Западном фронте из отдельных полков Кавказского фронта. Их состав носил смешанный характер: кубанцы, донцы и представители горских народов Северного Кавказа. Здесь также присутствовали амнистированные белоказаки [1, с. 9, 12].

Первоначальные события, связанные с прибытием данных соединений на Западный фронт, давали повод для сомнений в их лояльности советскому режиму. В разгар майского наступления Западного фронта на сторону поляков перешел 59-й Оренбургский полк [1, с. 9]. Этот случай массового открытого выражения казачеством своего отрицательного отношения к большевистскому режиму и его политике стал единственным за весь польский поход 3-го конного корпуса и 4-й армии РККА в целом.

Особенностью всех крупных успешных наступательных операций советских войск на внутренних фронтах Гражданской войны являлось сочетание двух факторов: массивного удара и использования морального подъема красноармейцев, заключавшегося в стимулировании классовой ненависти к политическим противникам и чувства превосходства над противостоящими им силами. Не стал исключением и польский поход. Проблема была в продолжительности действия последнего фактора. Одним из индикаторов психологического надлома стал упадок дисциплины. К моменту выхода на ближайшие подступы к Висле 3-й конный корпус и армия, в состав которой он входил, наступали скорее по инерции, что подтвердилось во время польского контрнаступления. Части и соединения РККА оказались смяты польским ударом, потеряли общее управление и начали беспорядочное отступление, которое закончилось бы для них катастрофой, если бы не действия конного корпуса и присоединившихся к нему конных частей из разбитых стрелковых дивизий [2, с. 55, 59].

Командование корпуса сохранило управление дивизиями, сумев в течение пяти дней пробиться из польского окружения на восток, спасая артиллерию, обозы и прикрывая отход разбитых частей. По предположениям штаба Западного фронта, им оставалось пройти около 20 км до выхода из окружения [3, с. 487]. Одной из главных причин неудачи прорыва стало, по нашему мнению, морально-политическое состояние казачьей части кавалерийских частей 4-й армии. Казаки готовы были бороться за выживание, что они и доказали в ходе оборонительных боев,

конными атаками опрокидывая польские заслоны. Но они не были готовы жертвовать собой, защищая политические амбиции советского режима во имя мировой революции. В условиях альтернативы – переход германской границы, дающий возможность безопасности и гарантированного выживания, или неясный исход борьбы за выход из окружения (задача, поставленная перед ними командованием корпуса) – они выбрали первый вариант. На это повлияли и безуспешные попытки командиров связаться с оказавшимися вне зоны окружения советскими частями. Характерно обоснование выбора: «сами готовы, да лошади не идут» [1, с. 235–236; 2, с. 59].

По сообщениям представителей командного и политсостава интернированных частей, сумевших бежать из Восточной Пруссии в Советскую Россию, первоначальный план командования конкорпуса состоял в его быстрой переброске через нейтральную (демилитаризованную) зону для обхода польского окружения [2, с. 61]. Расчет делался на уже имевшиеся сведения о малочисленности германской пограничной стражи и ее благожелательном отношении к русским частям, переходившим германскую границу с 22 августа 1920 г. [2, с. 56]. Однако ко времени перехода конного корпуса (26 августа) ситуация изменилась в связи с вмешательством Военной союзнической миссии, наблюдавшей за режимом демилитаризации восточнопрусской границы. Поэтому германские представители, встретившие части корпуса, предъявили его командованию требование разоружения. Частям корпуса пришлось сдать оружие и снаряжение [2, с. 61]. Сдача оружия в присутствии представителей миссий Антанты резко повлияла на красноармейцев, в том числе и казаков. С их точки зрения, она означала переход на положение военнопленных. Это привело к организационному распаду частей. Наступившая дезорганизация проявилась в продаже военного имущества и конского состава, хаосе в распределении продовольственного снабжения, выделявшегося немецкой администрацией.

Часть красноармейцев и представителей комсостава, наиболее мотивированных для службы в РККА, использовали временную анархию для побега из мест интернирования. Одну из групп бежавших возглавил комдив 15-й кавалерийской дивизии Чугунов. Ей удалось покинуть Восточную Пруссию и достигнуть советского фронта [3, с. 110]. Побег из лагерей для интернированных продолжался вплоть до момента эвакуации красных войск в центральную часть Германии в середине сентября 1920 г. Согласно данным штаба 18-й стрелковой дивизии, численность бежавших достигла трех тысяч человек. Их хватило для формирования трех конных полков, отправленных для пополнения 1-й Конной армии, переброшенной на Врангелевский фронт [4, с. 109].

Для прекращения анархического состояния интернированных красноармейцев командному составу корпуса пришлось прибегнуть к экстраординарным, но привычным по сложившейся в РККА практике мерам. Помимо восстановления командно-политических структур воинских частей – штабов, политорганов, особого отдела и ревтрибунала – была проведена мобилизация партийцев, комсомольцев и «сознательных красноармейцев» для жесткой борьбы с восстановив-

шейся анархией, вплоть до силового разгона стихийных рынков, установления порядка в организации питания, приведения в порядок территории, организации санитарной части [5, с. 15]. Принятые меры получили поддержку местной германской администрации, оговорившей в качестве условия своей лояльности организацию быстрой переброски военнослужащих РККА в лагеря в Центральной Германии [5, с. 15]. Это привело к новым конфликтам в казачьей среде. Комдив 10-й кавалерийской дивизии Н.Д. Томин организовал побег группы красноармейцев при перевозе эшелона кавалеристов к порту Пиллау [6]. Побег во главе с представителями комсостава демонстрировал их лояльность советской власти и поощрялись ее представителями [7, с. 251–252], что оказывало противоречивое влияние на казаков-красноармейцев. Эти факты вызывали чувство зависти и одновременно покинутости и влияли на их дальнейшее поведение в период интернирования.

По воспоминаниям комкора Г.Д. Гая, 3-й конный корпус смог вернуться на родину уже в ноябре 1920 г., после заключения предварительного перемирия между РСФСР и польским государством [5, с. 41, 43, 47]. Но значительное количество казаков-красноармейцев оставалось в германских лагерях до мая 1921 г. Тогда на родину были отправлены казаки донского и кубанского полков из бывшей 15-й дивизии [8, с. 132–133, 174, 176]. Длительность их нахождения на территории буржуазного государства позволяет лучше понять реальное отношение казачества к советскому режиму в период окончания Гражданской войны в России. Т.И. Трошина, опираясь в основном на интерпретацию событий эмигрантской прессой (эсеровской газеты «Воля России», издаваемой в Праге), сделала вывод о мини-гражданской войне, развернувшейся в лагерях интернированных и выигранной сторонниками правящего режима с использованием уже разработанных методик военного времени [2, с. 130].

Представляется, что ситуация была гораздо сложнее. В описаниях событий, происходивших в лагерях, указываются различные формы проявления нелояльности: от открытого проявления неповиновения и критики политики советского режима и лагерной администрации до возвращения к традиционным дореволюционным практикам жизненного существования. Нельзя считать их проявлениями политической нелояльности, характерными только для казаков. Все перечисленные явления были широко распространены в РККА в период Гражданской войны, являясь отражением общедемократических тенденций и общекультурного уровня развития низов городского и деревенского населения России, казачества в том числе. Официально они трактовались как мелкобуржуазная идеология.

Главным критерием политической нелояльности группы или отдельного казака для командно-политического руководства интернированными частями было проявление явной «контрреволюционности». Ее выражением считалось открыто демонстративное противопоставление себя советскому режиму: ношение погон, публичные призывы идти к Врангелю, попытки организации враждебных групп, подпольная работа, заключающаяся в консолидации вокруг себя сочувствующих, распространение антисоветской литературы. Таких проявлений встречалось от-

носителем немного. В период пребывания в Восточной Пруссии это единичные случаи, касавшиеся в первую очередь штабных работников и бывших офицеров-военспецов [4, с. 110]. Казачий состав 3-го корпуса они затронули минимально в связи с преобладанием в командном составе их частей бывших младших чинов (унтер-офицеров) и краскомов [1, с. 241].

Более широко недовольство властью проявилось в лагерях в основной части Германии. Наиболее известной формой стало создание в красноармейских лагерях общин под названием «белые полки». Такие организации были зафиксированы в лагерях Гаммельн, Гавельсберг, Зальцведель [2, с. 124–125]. Из них «казачьей» можно признать только организацию, образованную интернированными в Гаммельне. Она просуществовала до начала марта 1921 г. Накануне перевода в лагерь для невозвращенцев, где должен был определиться их дальнейший юридический статус, казаки-отказники заявили о создании белого Донского полка имени генерала Ермолова. На момент образования в его состав входило 277 чел. [9, с. 6]. Это позволяло надеяться на покровительство со стороны неофициального военного представительства Русской армии Врангеля в лице Русской делегации Красного Креста. Наличие казаков в проэсеровской организации лагеря Гавельсберг установить сложно. В Зальцведеле около 400 чел. заявили об отказе подчиняться прежним уставным порядкам, предпочтя принять организацию лагерной жизни, предложенную германской администрацией [10, с. 7].

Еще одной формой оппозиции советскому режиму было создание частью интернированных казаков религиозных общин, занимавших отдельные бараки и восстанавливавших традиционные практики организации казачьего быта с признанием авторитета старших по возрасту, соблюдением распорядка дня и религиозных обрядов и праздников.

Настроения большей части интернированных казаков отражало убеждение, характерное для преобладающей массы крестьянского состава РККА: «им с большевиками по пути, но не по дороге» [11, с. 5]. Они соглашались, хотя и с оговорками, касающимися вопросов землеустройства, с политикой режима, направленной на устранение крупной собственности, в том числе земельной, с отменой сословного устройства и сословных повинностей, с новыми, демократическими в своей основе, принципами организации управления жизнью общества, но они не принимали методы и конечную цель проводимых преобразований. К концу Гражданской войны понимание этого начали проявлять в различной степени и представители правящего режима.

Одним из выражением данной тенденции стало новое представление о роли политработы и функций политического состава в армии. Оно отразилось в перенесении внимания с контроля над военспецами и командным составом в целом на работу с рядовым составом новой армии. Недостатки в его материальном обеспечении и содержании компенсировались массовым распространением активных общественных практик. К ним относились разнообразные формы культурно-просветительской работы, пропаганда культа военнослужащего РККА в противовес статусу беженца, военнопленного или эмигранта. Это сопровождало

лось активной практикой внедрения в сознание казаков-красноармейцев образа классового врага, мешающего своей деятельностью осуществлению идеалов революции.

Однако политико-пропагандистская и просветительская работа не отменяли политико-административного контроля и давления на рядовых казаков в их повседневной деятельности. Политконтроль за поведением красноармейцев-казаков не мог осуществляться без наличия опоры в лице харизматичных вождей-командиров, представителей официальной власти, что совпадало с сохранением традиционного сознания у представителей красного казачества и казаков, перешедших на ее сторону в последних боях Гражданской войны. Нарушение работы созданной системы, потеря признанного вождя-командира приводили к утрате лояльности. По этой причине внешнее сохранение дисциплины и проявление социальной активности, ее демонстрация власти не увеличивали у последней степени доверия к интернированным казакам. Накануне их массового возвращения на Родину были усилены фильтрационные меры, которые начинались на территории самой Германии [12, с. 344–345, 13].

Лояльность казаков режиму носила реальный характер, но не была безусловной. Она зависела от действий представителей власти. Если границы лояльности нарушались представителями власти, верность режиму принимала условный характер и сопровождалась выступлениями против него.

Примечания

1. Гай Г. На Варшаву. Л., 1928.
2. Трошина Т.И. «Интернированная Красная армия» в Германии в 1920–1921 гг. Об одном забытом эпизоде Гражданской войны. Архангельск, 2016.
3. Какурин Н., Меликов В. Гражданская война в России: война с белополяками. М., 2002.
4. Орловский С. Великий год. Дневник конармейца. М.; Л., 1930.
5. Гай Г.Д. В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной Армии в Германии в 1920–1921 гг. М., 1932.
6. Официальный сайт города Троицк. Томин Николай Дмитриевич. URL: <https://troitsk74.ru/history/honorablecitizens/tomin/> (дата обращения: 04.03.2019).
7. Давыдов П.М. Путь солдата. Ставрополь, 1964.
8. Шумский П. За колючей проволокой. Л., 1933.
9. Новый мир. Берлин. 6 марта 1920.
10. Воля России. Прага. 21 ноября 1920 г.
11. Голос России. Берлин. 20 января 1921 г.
12. Нагорная О.С. Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1916–1922). М., 2010.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5959. Оп. 1. Д. 42. Л. 28.

А.В. Аверьянов

ВОВЛЕЧЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ДОНУ В 1920-е гг. (сравнительный аспект)

На Дону традиционно проживало значительное количество этносоциальных групп, состоявших друг с другом в сложных формальных и неформальных отношениях. После прихода большевиков к власти баланс сил в регионе кардинальным образом изменился. Значительная часть донских казаков, большинство из которых воевали против советской власти, попала в категорию неблагонадежных и подверглась различного рода ограничениям. Представители национальных меньшинств, в свою очередь, получили ряд преференций в рамках провозглашенного большевиками права наций на самоопределение. Среди них – создание национальных районов и сельсоветов.

Однако, несмотря на различные подходы в политике по отношению к казачеству и национальным меньшинствам, большевики столкнулись со схожими проблемами, необходимость решения которых обуславливалась необходимостью восстановления и развития народного хозяйства в регионе. Главная задача заключалась в их интеграции в советское общество, решении проблемы политической лояльности, задействовании экономического потенциала в рамках реконструкции экономики на Дону и Северном Кавказе.

Несмотря на то что казаки официально не признавались большевиками ни отдельной социальной группой, ни нацией, ни народностью, осознание сохранявшегося своеобразия данной многочисленной части населения в регионе по-прежнему сохранялось. Так, при проведении переписи населения 1926 г. в инструкции переписчикам рекомендовалось задавать специальный вопрос респонденту о его принадлежности к казачьему сообществу [1, с. 3]. Это свидетельствовало о том, что казачий фактор оставался для советской власти одним из главных социальных и политических раздражителей в регионе, а проблема лояльности казачества значилась в числе приоритетных задач. По причине отсутствия партийного актива в казачьей среде именно советы признавались наиболее оптимальным механизмом интеграции казачьего населения.

Определенные аналогии в данной связи можно провести с политикой большевиков в отношении национальных меньшинств. Рост представленности выходцев из их среды в местных органах власти должен был способствовать повышению доверия к советской власти. Кроме того, хозяйственный потенциал многих национальных общин на Дону также был востребован в рамках политики реконструкции народного хозяйства.

Между тем национальные меньшинства в регионе испытывали значительные трудности с интеграцией в советское общество. Несмотря на политическую лояльность (в отличие от казаков), большая часть представителей национальных

общин на Дону и в сопредельных регионах проживали изолированно, не зная русского языка и не принимая участия в партийном и советском строительстве. Перед советской властью встала задача их скорейшей адаптации и вовлечения в общественную и экономическую жизнь региона.

Определенный интерес представляет анализ большевистской политики по отношению к казачеству на фоне ее сравнения с национальной политикой, поскольку многие механизмы их интеграции перекликались с новой политикой по отношению к казачеству, начавшейся с середины 1920-х гг.

В отношении политики к казачеству, как подчеркивают современные исследователи, сформировалось два подхода. Для одних большевистских руководителей казаки и после войны оставались заклятыми врагами, для других было ясно, что казачество необходимо интегрировать в советское общество [2, с. 8]. С этой целью было необходимо дифференцировать казачество и искать социальную опору среди беднейшей части казаков и бороться за завоевание симпатий со стороны середняков. Поиск механизмов интеграции казаков в советское общество стал одной из важнейших задач советского руководства в 1920-е гг. Одним из его важнейших элементов было вовлечение казаков в советские органы власти разных уровней, что расценивалось как завоевание доверия казаков, рост их политической сознательности.

Введение НЭПа многие исследователи рассматривают как период ослабления давления на казачество, попытку найти компромиссные формы взаимодействия. Несмотря на большие людские потери в ходе Гражданской войны и эмиграции, казаки по-прежнему составляли значительную часть населения не только на Дону, но и в сопредельных регионах. Основная масса казачьего населения проживала в донских округах Северо-Кавказского края, созданного в 1924 г., прежде всего в Донском, Донецком, Шахтинско-Донецком округах.

Однако подлинным началом пересмотра политики по отношению к казачеству считается середина 1920-х гг. В рамках начавшейся реконструкции народного хозяйства экономический потенциал казачества представлялся важным элементом экономического развития всего Северного Кавказа. Это, в свою очередь, актуализировало проблему политической лояльности, а также создания эффективной системы низового управления. Вовлечение казачества в местные советы становится важнейшей задачей в рамках осознания казаками собственных интересов и возможности их реализации.

Данная проблема осознавалась не только в регионе, но и в высших кругах большевистского руководства. В 1924 г. начинается политика, получившая название «лицом к деревне» и «лицом к казачеству». В апреле 1925 г. на пленуме ЦК ВКП(б) в центре внимания была казачья повестка. В принятой на пленуме резолюции «По вопросу о казачестве» говорилось о том, что «совершенно недопустимо игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций», а также что необходимо «пересмотреть вопрос о лишении избирательных прав станичных и хуторских атаманов и писарей, выборных лиц казачества, проявивших лояльность к советской власти» [3]. Говорилось

и о том, что «в наименовании Советов в казачьих районах должно быть обязательным упоминание: “и казачьих депутатов”» [3].

Положения резолюции стали основой для формирования политики по отношению к казачеству на местах. Важнейшими положениями этой политики стали ликвидация сословных пережитков у казаков, вовлечение казачества в работу советских органов власти, партийных и комсомольских организаций.

Ситуация усугублялась вследствие сохранявшегося противостояния между казаками и иногородними. Последние рассматривали итоги Гражданской войны как свою победу над казаками; казаки, в свою очередь, воспринимали советскую власть как власть иногородних.

В своем отчетном выступлении секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян, затрагивая вопросы «вовлечения казачества в советскую общественность», отмечал: «Бюро крайкома считает, что настало время подойти вплотную к этому вопросу. Его не только нужно изучать, но и практически проводить в жизнь. Наша основная задача по отношению к казачеству – это вовлечение казаков-бедняков и середняков в советскую общественность... из казака нужно сделать советского общественника... нужно так же, как мы завоевываем доверие мужика, завоевать и доверие казака. Нужно тактически отказаться от противопоставления “иногороднего” и “казака”; нужно показать и доказать делом казачеству, что советская власть и партия одинаково смотрят и на трудового казака, и на иногороднего крестьянина. Нужно привлечь казачество на работу в сельсоветах, в секциях и исполкомах, ибо до сих пор оно мало вовлечено» [4].

Аналогичные подходы применялись и в отношении национальных меньшинств на Дону и Северном Кавказе. Крупнейшими национальными общинами на Дону в данный период являлись украинцы, армяне, евреи, немцы и др. [5]. Именно с середины 1920-х гг. началось повышение внимания местных и краевых органов к нуждам и потребностям национальных меньшинств, разрабатывался и внедрялся комплекс мероприятий, направленных на их интеграцию. Важнейшим механизмом стало вовлечение в советское строительство – участие в выборах в местные органы власти. Показательным моментом стали перевыборы в советы в 1926 г., в результате которых многим национальным общинам удалось значительно увеличить в них свое представительство. Так, в Мясниковском районе доля армян, участвовавших в перевыборах в местные советы, выросла с 30 до 43 %, в том числе за счет женщин [6].

В результате политики «лицом к казачеству» удельный вес представителей казачества в местных органах власти также стал расти. Всё больше казаков осознавало, что большевики пришли к власти всерьез и надолго, поэтому единственной возможностью улучшить свое положение было сотрудничество с властями, в том числе в рамках выборных кампаний в местные станичные советы. Большую роль в интеграции казачества региональные власти уделяли работе среди женщин и особенно молодежи, которая должна была стать основным каналом большевистской политики в казачьей среде. В середине 1920-х гг. наблюдается стабильный рост казачьего представительства в советах, что свидетельствовало об успехах интеграции

казаков. С другой стороны, местные власти констатировали, что зачастую казаки избирали в советы представителей зажиточных и знатных слоев казачества, в том числе станичных атаманов, бывших офицеров, воевавших на стороне противников большевиков [7, с. 176].

Кроме этого, усилилась тенденция «оказачивания» советов, когда казаки стремились провести в местные органы власти представителей своего сообщества в противовес крестьянам и иногородним [7, с. 177–178]. Классическое противостояние между этими категориями населения на Дону вышло на новый уровень, теперь уже в рамках советской системы.

Вовлечение национальных меньшинств в советы также сопровождалось определенными трудностями. Они были связаны с тем, что из их среды в местные советы зачастую проходили представители зажиточных слоев. Это противоречило классовому подходу большевиков, которые стремились снизить удельный вес представительства классово чуждых элементов в органах власти, в том числе с помощью института лишенцев. Важной задачей объявлялось осознание беднотой и середнячеством из национальной среды своих политических и экономических интересов и дистанцирование от более зажиточных земляков. Политика социальной дифференциации сближала политику большевиков в отношении казачества и национальных меньшинств.

В то же время следует отметить принципиальное различие в политике интеграции казаков и национальных меньшинств в указанный период. Оно заключалось в квалификации казачьего сообщества как русского населения. В результате «оказачивание» советов воспринималось скорее негативно, поэтому власти старались «разбавить» казачье население представителями других социальных групп, прежде всего крестьянами, учитывая, что значительную часть из них составляла беднота. В данной связи можно отметить, что вовлечение казаков в советы в рамках политики интеграции казачества имело конечной целью их растворение в общерусской массе. Подобная политика на Кубани, например, обуславливала процессы украинизации, поскольку кубанское казачество большевики стремились ассимилировать в рамках украинской идентичности.

По отношению к национальным меньшинствам применялся иной подход. Важной задачей было сохранение национальной и культурной идентичности, поэтому в указанный период поощрялось создание национальных сельсоветов и национальных районов. В районах смешанного проживания русского и нерусского населения провозглашался принцип пропорционального представительства в местных органах власти. В отношении немецких колоний в Донском округе утверждалось: «...необходимо взять твердый курс на выделение отдельных немецких сельсоветов, не останавливаясь перед недостаточным для этой цели населением в том или другом пункте» [8]. Тем самым интеграция национальных меньшинств осуществлялась через развитие национальной идентичности.

Трудности, возникшие при реализации политики «лицом к казачеству», привели к ее свертыванию в конце 1920-х гг. Несмотря на это «советизация» продолжала играть важную роль в политике интеграции казачества и с началом коллек-

тивизации. В свою очередь, политика в отношении национальных меньшинств продолжала сохранять свою актуальность и далее, включая 1930-е гг. Однако здесь была усилена линия на социальную дифференциацию, в том числе в ходе выборов в местные советы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, интеграция казачества и национальных меньшинств на Дону и Северном Кавказе стала важнейшей задачей государственной политики с середины 1920-х гг.;
- во-вторых, важнейшим элементом интеграции считалось вовлечение казаков и национальных меньшинств в советские органы власти на местах через осознание собственных «корпоративных» интересов;
- в-третьих, советы рассматривались наиболее оптимальным форматом интеграции на фоне идеологической пассивности и индифферентности нерусских народов, а в случае с казаками – и прямого враждебного отношения к партийным структурам;
- в-четвертых, вовлечение в советы казачества и национальных меньшинств сопровождалось попытками осуществления социальной дифференциации в рамках классового подхода (поощрение выдвижения бедноты, институт лишенцев и др.), однако данная политика чаще всего не находила отклика в среде национальных меньшинств у и казаков, отстаивавших сословное и этническое единство;
- в-пятых, интеграция и вовлечение казаков в советы и борьба с их «оказачиванием» стали важнейшим элементом ассимиляции в рамках общерусской идентичности; в свою очередь, «советизация» в национальной среде играла важную роль в политике советского нациестроительства и поощрения национального самосознания;
- в-шестых, к концу 1920-х гг. значительно усилился классовый подход в политике по отношению к казачеству и национальным меньшинствам. Советские органы стали важнейшим механизмом подготовки и проведения коллективизации.

Примечания

1. Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1929.
2. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 3. 1922–1925 гг. М., 1984. С. 349–352.
4. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2.
5. Поселенные итоги переписи 1926 г. ...
6. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1116. Л. 7.
7. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010.
8. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 941. Л. 90.

КАЗАЧИЙ ЮГ РОССИИ В СИСТЕМЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ 1920-х гг.

Октябрьские события 1917 г. в России ознаменовали смену политического режима, социально-экономической структуры общества, в том числе радикальные изменения земельных, социальных отношений в казачьих регионах Юга России. Подавляющее большинство населения Юга России составляли крестьяне и казаки, проживавшие в селах и станицах и занимавшиеся сельским хозяйством. По данным 1923 г., в Кубано-Черноморской области проживало 2 936 254 чел. [1, с. 16]. Согласно Всероссийской переписи населения 1926 г., в Северо-Кавказском крае насчитывалось свыше 2,3 млн казаков, которые составляли в общей массе населения края 27,5 %, а среди сельских жителей – 32 % [2, с. 3].

Очередной этап реформирования сельского хозяйства и всего комплекса крестьянско-казачьего устройства произошел в рамках реализуемой новой экономической политики 1921–1929 гг. Этот период, по нашему мнению, можно назвать особым и определяющим в судьбе советского крестьянства. Именно он мог стать завершающим в череде российских аграрных реформ в судьбе многострадального российского казачества (крестьянства). Предшествующий период реформирования аграрных отношений в России был прерван революционными событиями и продолжительной Гражданской войной.

Завершение Гражданской войны и продолжение политики военного коммунизма оказались периодом нарастания очередного социально-политического кризиса, завершившегося военным противостоянием и принятием компромиссной программы – новой экономической политики. В этот период была предоставлена ограниченная возможность для индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства продемонстрировать свои экономические возможности. Вместе с тем политический режим большевиков стал препятствием для продолжения модернизационных процессов в сельском хозяйстве, так как для этого требовался достаточно большой временной промежуток и не было уверенности в способности индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства обеспечить продовольствием население страны. Отличительной чертой проводимых реформ стала их идеологизированность и политизированность.

Основным итогом революции в деревне стало перераспределение земель на основе формальной социализации. Земля была объявлена единым государственным фондом. Государство на начальном этапе НЭПа сторонилось кардинальных изменений в земельных отношениях, так как главная задача заключалась в повышении уровня сельскохозяйственного производства, в обеспечении населения страны продовольствием и создании продовольственного запаса на государственном уровне [3].

Последующие законодательные инициативы правительства были направлены на создание условий для устойчивого развития сельского хозяйства. Принятие

Земельного кодекса и подзаконных актов способствовали установлению нового порядка землепользования. Как мы отмечали, продолжение или возрождение элементов столыпинской реформы могло способствовать развитию зажиточной части крестьянской среды, что противоречило идеологическим установкам и политическим целям большевиков, и в этих условиях волостные, уездные и губернские земельные комиссии становились органами контроля и надзора за соблюдением земельного законодательства.

Реформы большевиков во многом спровоцировали процесс дифференциации крестьянско-казачьей среды и нивелирование сословных противоречий. Частичная либерализация НЭПа в 1924–1926 гг. предоставила аграриям возможность выбора методов хозяйственной деятельности, что способствовало сохранению многоукладности сельского хозяйства.

Взаимоотношения власти с казачеством Юга России на протяжении НЭПа складывались непросто, имели характерные черты военно-политического противостояния. Большевики видели в казачестве, отстаивавшем свои традиционные устои, в том числе особые условия землепользования, серьезного оппонента, враждебно настроенного против советской власти. Именно попытка большевиков лишить казачество основополагающих элементов их самобытности стало предметом противостояния.

Ликвидировав в 1920 г. сословность правовыми актами, большевики не могли реализовать расказачивание экономическими мерами. К 1925 г. казаки лишились лишь земель «нетрудового фонда», но сохраняли паевые наделы, превышавшие наделы иногородних. Внутриселенное землеустройство было проведено на 10–12 % угодий трудового пользования. Этим объясняется стойкость этносословного единства казачества, замедленная его дифференциация.

Большинство исследователей считают, что кризисные явления в сельском хозяйстве в конце 1920-х гг. были следствием попыток правительства форсировать индустриализацию. Именно в этот период было нарушено хрупкое равновесие интересов различных слоев общества [4].

Мы должны признать, что восстановительный процесс, завершившийся (в неполном объеме) к середине 1920-х гг., продемонстрировал одновременно и отсутствие потенциала у индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства для дальнейшей модернизации аграрного сектора экономики. Эффективность крестьянско-казачьего хозяйства находилась на крайне низком уровне. Во многом это объяснялось сохранявшимися общинными формами землепользования.

Реализация землеустроительных мероприятий в казачьих станицах Юга России способствовала формированию двух социальных групп, противостоящих друг другу. Процесс дробления казачьих хозяйств инициировал рост малоземельных, нетоварных хозяйств. С другой стороны, начало расти и число «кулацких» хозяйств. Большевики вынуждены были изменять содержание своей внутренней политики исходя из социального и земельно-имущественного противостояния в станицах. Союз с беднейшей частью казачества и крестьянства не оправдался и не мог стать основой для реализации политики социалистических преобразований в

деревне. Правительство вынуждено было пойти на форсированную кооперацию крестьянства.

В казачьих областях Дона и Кубани земельный передел осуществлялся по классовому принципу без учета сословной принадлежности. Я.А. Перехов писал: «Объективно происходило то, к чему стремилось российское крестьянство на протяжении многих десятилетий и что было обещано ему большевистской революцией. По существу, это был процесс экономического расказачивания» [5, с. 60]. Большевики стремились как можно быстрее преодолеть сословные особенности казачества, уравнивать его в экономическом и правовом отношениях с крестьянством.

Однако это не означало, что большевики не шли на компромиссы и уступки. Представители советской власти стремились достигнуть с казачеством политического и экономического согласия, в особенности в начале 1920-х гг. В январе 1925 г., в связи с созывом 1-го краевого съезда Советов Северного Кавказа, Президиум ВЦИК РСФСР объявил, что все вернувшиеся на Северный Кавказ из эмиграции до 1 февраля 1925 г. рядовые казаки не только подлежат амнистии, но и восстанавливаются в избирательных правах. В апреле 1925 г. вышло постановление ЦК ВКП(б), которое восстанавливало в избирательных правах реэмигрантов, казаков, лишенных избирательных прав. В рамках проводимой политики «лицом к деревне» в аппараты местных Советов активно стали привлекать казачью интеллигенцию. К названию «Совет рабочих и крестьянских депутатов» было добавлено и «казачьих» [6].

Вопрос о будущем российского крестьянства рассматривался на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. С основным докладом выступил В. Молотов. Именно 1927 г. стал переломным в процессе активизации работы по созданию колхозов, которые по-прежнему оставались малочисленными и малоэффективными. Следующий шаг был предпринят на июльском пленуме Центрального комитета ВКП(б) 1928 г., на основании которого активизировались работы по увеличению посевных площадей коллективных хозяйств до 2 тыс. га.

На казачьем юге России Кубанский округ к середине 1920-х гг. демонстрировал восстановительную динамику. Основной отраслью местной экономики Кубанского округа оставалось сельское хозяйство, которое обеспечивало не только восстановление посевных площадей, рост производительности в казачьих индивидуальных хозяйствах, но и создавало условия для восстановления местной промышленности. В 1926–1927 гг. наблюдался значительный рост посевных площадей зерновых культур [7]. Посевные площади возросли на 3,1 %, главным образом за счет увеличения площади посева пшеницы и ячменя, при одновременном снижении площадей под технические культуры [8].

Изменения площадей посевов под технические культуры были связаны со снижением цен на внутреннем рынке. Новая структура посевов и снижение урожайности привели к падению общего сбора зерновых по округу в 1926 г. и составили 1 426 851 т, что было на 16,3 % ниже по сравнению с 1925 г. При этом следует отметить увеличение площади посевов за период 1925–1927 гг. с 1488,1 дес. в 1925 г. до 1596 дес. земли в 1927 г. [9]. В связи с уменьшением общего сбора зерновых размеры товарных излишков в казачьих хозяйствах Кубанского округа снизилась

в 1926 г. до 645 777 т против 893 399 т в 1926 г. (-27,7 %) [10, с. 6]. Таким образом, сырьевая база для основной отрасли местной промышленности – мукомольно-маслобойной – на 1926/1927 производственный год оказалась пониженной, что сказалось отрицательно на итогах производственной деятельности.

В целом властные структуры, демонстрируя непоследовательность в проведении экономических реформ, искали оптимальные варианты модернизации аграрного сектора экономики Юга России и политического диалога с казачеством.

Казачьи регионы Юга России на начальном этапе НЭПа по инерции продолжали оказывать активное сопротивление советской власти. На Дону и Кубани протестное движение в лице «бело-зеленых» до 1923 г. сдерживали организационные мероприятия большевиков по реализации НЭПа [11]. Принятие НЭПа для казачьих регионов, как и в целом для всей страны, стало стабилизирующим фактором. Этот период ограничен 1921–1923 гг. и характеризуется наличием военно-политического, сословного противостояния, сохранением силовых методов руководства и переходом от продовольственной разверстки к продналогу.

На втором этапе НЭПа (1924–1926 гг.) особо ярким явлением была политика «лицом к деревне», содержание которой демонстрировало компромисс со стороны советской власти, она способствовала политической активизации сельского населения. Мы воспринимаем середину 1920-х гг. как период наивысшего расцвета НЭПа и крестьянского индивидуального хозяйства. Развитие аграрного сектора экономики было связано с активизацией товарно-денежных отношений, иницируемых и поддерживаемых государством. Сельское население стало активнее участвовать в выборах и в работе советских органов.

Однако противоречие этого периода заключалось в его достижениях, продемонстрировавших возможности НЭПа по восстановлению разрушенной экономики, с одной стороны, а с другой – ограниченные возможности индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства, неспособного к интенсивному развитию с применением достижений передовых агротехнических методов хозяйствования.

Конец 1926 г. и 1927–1928 гг. определяют хронологические рамки третьего этапа новой экономической политики, который был сопряжен с обострением противоречий между государством и казачеством (крестьянством), началом ограничения экономической и политической свободы хозяйствующих субъектов. По мнению В.П. Данилова, директивы, принятые Политбюро 5 января 1928 г., а 6 января разосланные от имени ЦК ВКП(б) за подписью И. Сталина в местные партийные организации, свидетельствовали о принципиально новом отношении к крестьянству и о начале слома НЭПа с широким применением репрессий в деревне [12, с. 9].

На первом этапе НЭПа компромиссные решения со стороны советской власти были объяснимы объективными последствиями Гражданской войны. Однако на завершающем этапе НЭПа советская власть была готова применить административные силовые методы для насильственной реализации политики социализации, а крестьянско-казачья масса за весь период либеральных реформ не смогла организационно оформиться, создать свою политическую партию и оказать легитимное сопротивление советской власти.

Примечания

1. Кубано-Черноморский край. Краткий очерк его современного состояния. Краснодар, 1924.
2. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. / ред. Н.И. Воробьёв; предисловие А.И. Гозулова. Ростов н/Д, 1928.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.
4. Мельникова Т.А. Состояние аграрного сектора в российской деревне во второй половине 20-х гг. XX в. // Историческая социально-образовательная мысль. 2010. № 2 (4). URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-agrarnogo-sektora-v-rossiyskoj-derevne-vo-vtoroy-polovine-20-h-gg-hh-v> (дата обращения: 03.03. 2019).
5. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 1997.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.
7. ЦДНИ КК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 233. Л. 152.
8. ЦДНИ КК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 219. Л. 56.
9. ЦДНИ КК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 202. Л. 105.
10. Обзор конъюнктуры народного хозяйства Кубанского округа в 1926–1927 гг. Краснодар, 1928.
11. ЦДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1 Д. 12. Л. 34.
12. Как ломали НЭП. Стенограмма пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. / редкол. тома В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк. М.: МФД, 2000.

А.В. Баранов

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В 1920–1921 гг.: ПРИЧИНЫ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА

Анализ причин эскалации конфликта между кубанским казачеством и советской властью (1920–1921 гг.) важен для понимания особенностей перехода от политики военного коммунизма к НЭПу в регионе.

Исследования темы многочисленны, но не системны. Советские историки оценивали движение «бело-зеленых» как форму классовый борьбы, «политический бандитизм». Относительная свобода проявлялась в работах 1920-х гг.: А. Козаков, И.С. Стройло, Е.С. Шейдеман отличали сопротивление военному коммунизму от Белого движения и преступности. Мятежи оценивались как продолжение Гражданской войны [1–3]. Историки 1960–1980-х гг. возобновили исследование темы на расширенной документальной основе (работы И.Я. Трифонова, Б.И. Степаненко, Н.Ф. Бугая)

[4–6]. Свободное исследование темы началось в 1988 г. (статья А.Е. Берлизова) [7]. Историки 1990–2010-х гг. (А.В. Баранов, И.В. Яблочкина, А.А. Черкасов, Н.В. Кратова) переосмыслили проблему как многомерный конфликт [8–11].

Антибольшевистские движения на Кубани в 1920–1921 гг. – широкий спектр сил. Явление повстанчества сложно, в нем переплелись неприятие коммунизма большинством земледельцев, классовая борьба, сословный конфликт между казаками и иногородними крестьянами, противостояние большевистского унитаризма и казачьего сепаратизма. Важно мнение политработника 1-й Конной армии И.С. Строило: «Чистый бандитизм – свойство очень немногих мелких отрядов, не имеющих ничего общего с крупными политическими организациями» [2, с. 62]. Их предводители принимали все меры к искоренению грабежей и в этом «достигли большого успеха» [2, с. 62].

Социальный состав «бело-зеленых»: во главе отрядов – офицеры или казаки. Много солдат Добровольческой армии, беженцев из Центральной России, коренных крестьян. При захвате станиц мобилизации подвергались все казаки призывного возраста. По политической направленности выделим течения: 1) казачье проэсеровское движение «самостийников», идеи которого глубоко укоренились в массовых настроениях; основная часть рядовых повстанцев, в отличие от вожakov, проявляла центробежные настроения поневоле, желая избавиться от «коммуны» [12, с. 27]; 2) монархическое движение офицеров и части зажиточных казаков, не имевшее устойчивой массовой поддержки, подпитывалось эмиграцией; 3) крестьянские выступления за «Советы без коммунистов» [13, с. 7–8, 151–159; 14, с. 176]. Большевики опасались ухода к «бело-зеленым» красных командиров и партизан [15, с. 109–119].

Листовки и военно-оперативные документы повстанцев дают возможность сделать вывод: основные призывы – в духе эсеровской «третьей революции» [16]. В листовках отражены противоречия. Линейные казаки (жители востока Кубани) не требовали автономии. Черноморские казаки намеревались провозгласить казачью республику. Крестьянский вариант «самостийности» представлен в воззваниях Комитета освобождения Черноморья, составленных эсерами Н.В. Вороновичем и Н. Рощенко [13, с. 7, 154–155].

Падение белого Крыма создало в ноябре 1920 г. качественно новое соотношение сил. Большевикам противостояли уже не армии, а разрозненные отряды повстанцев противоречивых ориентаций. Но военный конфликт затянулся на Кубани до осени 1924 г. Основная причина – ужесточение «военного коммунизма», усугубленное незнанием специфики зажиточных регионов и нежеланием учитывать ее. Задания разверстки и ее изъятие истощали хозяйства, вызывали выступления против власти. Россия подошла зимой 1920/1921 г. к грани войны между государством и крестьянством, разочарованном в «военном коммунизме». Первые признаки ухудшения ситуации отмечены в октябре 1920 г. из-за разверстки и расказачивания. Оперативное управление штаба войск внутренней службы РСФСР к началу 1921 г. держало на учете в Северо-Кавказском военном округе (СКВО) 19 640 повстанцев [17].

Показатель остроты кризиса – дезертирство из РККА. Красная армия была преимущественно крестьянской. Тревожные вести о разверстке делали некоторые воинские части ненадежными. На Кубани мятеж подняли подразделения 4, 7 и 16-й дивизий РККА [18]. Глубокий кризис политики военного коммунизма угрожал существованию власти. По признанию Кубано-Черноморского обкома РКП(б), к весне 1921 г. трудно было отыскать станицы вне влияния «бело-зеленых». Делегат областной партконференции Асаульченко полагал, что большевики «еле держались» в станицах [19].

Трагизму ситуации соответствовала решительность мер власти. 12 января 1921 г. ЦК РКП(б) создал Центральную комиссию по борьбе с бандитизмом. Соподчиненные органы созданы на областном уровне. Так, участники закрытого заседания руководства Кубано-Черноморской области 13 марта 1921 г. просили Кавказское бюро ЦК РКП(б) усилить военные контингенты, создать отряды красных партизан по борьбе с бандами, заменить сочувствующих казакам милиционеров выходцами из Центральной России. Полномочия советов передавались их президиумам [20].

Вести о продналоге достигли Кубани к концу марта. Волна восстаний спала. Но продналог одобряли сдержанно. Казаки ранее не платили прямых налогов. Доверие к новой политике уменьшалось из-за одновременного «проднаряда» – той же продразверстки [21]. «Обзор парторганизаций РСФСР к 5 октября 1921 г.» содержит оценку: «Отношение большинства казаков к Коммунистической партии резко отрицательное, причем они определенно отделяют советскую власть от коммунистов... К новой экономической политике казачество относится недоверчиво» [22]. Иногородние воспринимали РКП(б) как защитницу, но часто подменяли классовые интересы сословными.

Лозунги повстанцев отличались преобладанием эсеровского «трудовластия» и казачьей «самостийности». Типичны листовки Кубанской повстанческой армии, написанные сотрудниками Кубано-Черноморского ревкома М.П. Пилюком и П.А. Савицким, перешедшими на сторону «бело-зеленых» [23]. Из обзоров ВЧК известно и о монархической тенденции. Отметим «Штаб помощи Русской армии» полковника М.Н. Жукова. Он, как и «самостийники», пытался привлечь к себе иногородних, так как «они тоже терпят гнет Коммуны». Но его листовки отличали идеи защиты православия и непримиримый антисемитизм [24].

Документы РККА и РКП(б) подтверждают размах конфликта. По данным Статистического управления РККА, боевые потери регулярных частей по стране за 1921 г. превысили 170 тыс. чел. [25, с. 110], в т.ч. РККА безвозвратно потеряла в боях против «контрреволюционных и антисоветских выступлений» 58 397 чел., а Кавказский фронт – 9338 чел. [26, с. 48–50]. По мнению обкома РКП(б), весной 1921 г. на Кубани «формировались целые повстанческие армии из сохранившихся бандитских кадров» [27]. 5 июня 1921 г. штаб СКВО признавал в докладной Реввоенсовету республики: «Южная и юго-западная часть Кубано-Черноморской области представляют собой почти непрерывный фронт борьбы шаек, причем Ейский, Краснодарский, Майкопский и Баталпашинский отделы наиболее опасны

по характеру и степени развития бандитизма и требуют максимального напряжения...» [28].

В горах Закубанья в начале февраля 1921 г. создано «Кубанское повстанческое правительство» эсеровской ориентации. Началось формирование его войск во главе с генералом М.А. Пржевальским [29]. Наметившийся после объявления продналога спад мятежей сменился новыми вспышками, как только было объявлено о проднаряде. В области численность повстанцев к 1 мая 1921 г. составила 1756 штыков и 2774 сабли в 50 отрядах, к 1 июня – 1356 штыков и 1902 сабли в 36 отрядах. Эти расчеты разведотдела штаба 9-й армии РККА включали только достоверно известные отряды более 15 чел. [30].

В мае 1921 г. земледельцы не уверены в прочности власти, сдают разверстку на скот и продналог под принуждением. Со времени введения проднаряда, судя по сводкам ВЧК, «отношение всех слоев и групп населения области к соввласти заметно ухудшилось» [31].

Методы умиротворения оставались преимущественно силовыми. Мозговым центром системы управления стали чрезвычайные «тройки», созданные на краевом, областном и местном уровнях [32]. 30 мая 1921 г. Юго-Восточное краевое бюро РКП(б) направило обкому циркулярное письмо, предложив ввести для «явно контрреволюционных сел» систему заложников. «В отношении станиц и деревень, упорно, активно содействующих бандам и неисправимо контрреволюционным, необходимо ... применять меры карательные вплоть до полного уничтожения станицы или села и массовых расстрелов» [33]. Для подавления мятежей укреплено руководство Северо-Кавказским военным округом (с июля 1921 г. командующий К.Е. Ворошилов, члены РВС – С.М. Будённый и А.С. Бубнов). 9 июля РВС СКВО создал краевое, областные и окружные военные совещания по борьбе с бандитизмом в составе: командира воинского соединения (председателя), секретаря парторганизации и представителя ВЧК. Центральная межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом советовала в августе создать комитеты бедноты, но эта крайняя мера не использовалась [34].

Объявлялись амнистии для главарей банд, которые вернуться к мирной жизни и приведут с повинной всех бойцов с оружием и снаряжением. Амнистия охватывала дезертиров из РККА и беглецов из концлагерей. Приказ № 1 крайвоенсовещания сулил им особые охранные листы, а в случае полного раскаяния и благонадежности – восстановление гражданских прав. Все сдавшиеся подлежали учету в ВЧК и военкоматах. Срок добровольной явки истек 1 сентября, после чего должно последовать беспощадное уничтожение. По словам наркомвоенмора Л.Д. Троцкого, «красный каток истребит контрреволюционные гнезда» [35]. 15 сентября Кубано-Черноморский обком признал неотложной «оккупацию воинскими частями станиц», не выполнивших продналог. Мужчины старше 18 лет из семей повстанцев арестованы, семьи главарей банд высланы на Соловки. Местным исполкомам дано право выносить смертный приговор [36].

Используя демобилизацию РККА и неприятие продналога, повстанцы окрепли летом 1921 г. Разрозненные отряды признали главенство Кубанской повстанческой

армии, планы которой разрабатывал эсер полковник П.А. Савицкий. 18–19 июля он провел съезд вожаков отрядов, узаконив избрание генерала Пржевальского командующим «армией». 23 августа съезд повстанцев решил предпринять рейд на Краснодар, используя истощение и рассредоточенность частей 9-й армии. В Закубанье к осени действовали 105 отрядов (2400 штыков и 4800 сабель при 111 пулеметах) [37]. После захвата Краснодара Савицкий собирался вооружиться за счет арсенала, провозгласить Кубанскую республику и повести переговоры с РСФСР о признании.

В ночь на 18 сентября 1921 г. Кубанская повстанческая армия переправилась через р. Кубань, проводя успешный набор казаков. Это было неожиданностью для 22-й дивизии РККА. В ночь на 20 сентября КПА заняла станицы Динскую и Пашковскую, почти окружив Краснодар. Штурм города сорвался благодаря срочному прорыву на помощь С.М. Будённого, возглавившего обловоенсовещание. Части 1-й Конной армии охватили мятежников кольцом. 23 сентября КПА была разгромлена, потеряв до 300 чел. убитыми и 110 пленными. Пржевальский скрылся в горах [38]. Пилюк и Савицкий схвачены и осуждены [39, с. 250–255; 3, с. 123–133].

В ходе разгрома «бело-зеленых» ВЧК и РККА усовершенствовали систему репрессий. В местности, «особо зараженные бандитизмом», посылались выездные сессии революционного трибунала СКВО и политические «тройки», учреждались полевые комендатуры. Проводилась поголовная проверка мужчин – жителей станиц, брались заложники из числа родственников и пособников «бело-зеленых» [40]. 22 сентября 1921 г. Военное совещание Кубано-Черноморской области дало неделю на добровольную сдачу оружия, после чего «политбандитов» и пособников ждал расстрел, а их семьи – высылка в Архангельскую губернию с конфискацией имущества. Политкомиссии 22-й дивизии расстреляли с 20 сентября до 1 ноября 1921 г. 3112 чел. (по неполным данным) [41, с. 250–255].

Почему очаги вооруженного конфликта сохранялись на Кубани так долго? Принудительный сбор продналога и ограничения рыночных отношений, чрезмерные налоги, голод подпитывали оппозицию. Повстанческие выступления казаков вызваны системой причин: сословными и классовыми противоречиями, нерешенностью земельного вопроса, опытом участия в Гражданской войне. Основным фактором затягивания борьбы стала система военного коммунизма, черты которой сохранялись на Кубани дольше, чем по стране. Власть имела в Кубано-Черноморье слабую поддержку и опиралась в первую очередь на военные и правоохранительные органы. По мере укрепления НЭПа роль насильственных мер политики снижалась, а агитационных и экономических – росла. Стремление земледельцев к миру, последствия войн, умелое сочетание репрессий с поощрением лояльности привели к изоляции и искоренению повстанчества.

Примечания

1. Козаков А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9. С. 21–39.

2. Стройло И.С. Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная Армия. 1921. № 9. 55–65.
3. Шейдеман Е.С. Ликвидация Повстанческой армии генерала Пржевальского // Война и революция. 1929. Кн. 2. С. 121–133.
4. Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа. Л., 1964. Ч. 1.
5. Степаненко Б.И. Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром (март 1920–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1972.
6. Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа 1919–1921 гг. М., 1979.
7. Берлизов А.Е. Темные борцы за народное счастье // Комсомолец Кубани. Краснодар, 1988. 28 ноября.
8. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 227–266.
9. Яблочкина И.В. Рецидивы гражданской войны. М., 2000. С. 205–268.
10. Черкасов А.А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.). Сочи, 2007.
11. Крагова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов н/Д, 2012.
12. Революционная Россия. Прага, 1921. № 7. С. 27.
13. «Зеленая книга». Прага, 1921.
14. Воронович Н.В. Меж двух огней // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. VII. С. 176.
15. Смилга И.Т. Военные очерки. М., 1925.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 19. Л. 8в; Д. 14. Л. 7в–9; Революционная Россия. 1921. № 7. С. 26; Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-757. Оп. 2. Д. 40. Л. 56, 73–76, 9; Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 424. Л. 20; Д. 32. Л. 32; Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 247. Л. 188–188об., 103–103об., 138–139, 233, 160–161; Д. 260. Л. 233.
17. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 217. Оп. 2. Д. 38. Л. 7.
18. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 11. Оп. 1. Д. 41. Л. 17, 12об.; ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 247. Л. 138–140, 213, 221об.
19. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 338; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 11–12.
20. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. Доп. Д. 2. Л. 23; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 24об., 25.
21. ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 275. Л. 73; Д. 325. Л. 19; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 59–66; Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 247. Л. 232.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1180. Л. 11.
23. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 168–168об.; Д. 138. Л. 60об.; Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 228. Л. 127.
24. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 60; Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 198. Л. 1–9.
25. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М., 1925.
26. Гриф секретности снят / под ред. В.Ф. Кривошеева. М., 1992.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 453. Л. 18.

28. РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 13. Л. 231.
29. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 89; Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 260. Л. 163, 188; Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 153. Л. 113; Д. 644. Л. 36, 38.
30. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 35об. – 36, 62, 456.
31. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 4, 4об.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1178. Л. 16.
33. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 378. Л. 6–7.
34. РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 52. Л. 8, 159–160; ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 23. Л. 472; Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 53. Л. 232.
35. ГАКК. Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 53. Л. 232.
36. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 59; ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 138. Л. 33об.
37. Советский Юг. Ростов н/Д, 1921. 27 июля; 1923. 4 янв.
38. ГАКК. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 230. Л. 8; Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 140. Л. 105.
39. Будённый С.М. Пройденный путь. М., 1973. Кн. 3.
40. Красное знамя. Краснодар, 1921. 22 сент.
41. Куценко И.Я. Кубанское казачество. 2-е изд. Краснодар, 1993.

Е.Ф. Кринко

КАЗАЧИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА ДОНУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Коллаборационизм донского казачества в годы Великой Отечественной войны – одна из самых болезненных страниц его истории, в последнее время не раз подвергавшаяся изучению [1]. Однако введение в научный оборот новых источников, в том числе из рассекреченных архивных фондов, позволяет более полно раскрыть данные вопросы [2].

Истоки казачьего коллаборационизма – в событиях Гражданской войны, а также советской политики расказачивания и коллективизации. Находясь в эмиграции, многие казаки во главе с бывшим донским атаманом, генералом от кавалерии П.Н. Красновым с воодушевлением восприняли нападение Германии на СССР. Но германское руководство крайне настороженно относилось к выходцам из России и рассчитывало на блицкриг в войне с СССР. Ситуация изменилась к концу 1941 г.: потери на фронте и подъем сопротивления в оккупированных районах вынудили немецкое командование пойти на создание вооруженных частей из советских граждан. Казаки при этом рассматривались в числе наиболее убежденных противников большевиков.

Первую относительно крупную часть сформировал в Могилёве из военнопленных бывший командир 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой диви-

зии майор И.Н. Кононов – по происхождению донской казак из станицы Ново-Николаевской Таганрогского округа, в августе 1941 г. перешедший к противнику с частью бойцов. К сентябрю он уже командовал 102-м (позже – 600-м) дивизионом, состоявшим из трех казачьих эскадронов, трех пластунских рот, минометной и артиллерийской батареи. Общая численность дивизиона составляла 1799 чел., в том числе 77 офицеров, 201 урядник и 1521 казак. Большинство казаками не являлись, и тогда «им объявили, что всех не казаков делают казаками, а после войны поселят на Дону и присвоят казачье звание» [3]. В 1942–1943 гг. казачий дивизион Кононова вел борьбу с партизанами в районах Бобруйска, Могилёва, Смоленска, Невеля и Полоцка. Казачьи части были также сформированы штабами 2, 4, 16, 17 и 18-й полевых, 1-й и 3-й танковых армий, 4, 43 и 59-го армейских, 3-го и 40-го танковых корпусов, 57-й и 137-й пехотных, 213, 403, 444 и 454-й охранных дивизий [4].

В феврале 1942 г. началось формирование казачьих частей в Винницком лагере военнопленных. К середине мая их численность достигла 1,6 тыс. чел., и первые казачьи части отправились на фронт. 18 июня казаков перевели в Славуту. Сюда стали направлять всех советских военнопленных, признавших себя казакам. При штабе командующего лагерями военнопленных на Украине был организован казачий отдел с постоянным представителем при штабе формирования казачьих частей [5]. 6 августа сформированную здесь казачью запасную бригаду перевели в Шепетовку. В первую очередь был создан 1-й атаманский полк под командованием подполковника барона Г. фон Вольфа и особая полусотня, позже развернутая в сотню, затем 2-й лейб-казачий, 2, 3, 9-й (имени генерала Бакланова) и 10-й Донские, 6, 7, 12 и 14-й сводно-казачьи полки и другие части. Численность каждого полка составляла от 820 до 1150 чел., в том числе по 40–50 офицеров, 80–100 урядников, 700–1000 казаков [6]. Служба была организована по образцу дореволюционных казачьих войск. Поскольку командиров не хватало, их набирали из военнопленных, не являвшихся казаками. В октябре для подготовки командиров были открыты 1-е Казачье имени атамана Платова юнкерское училище и унтер-офицерская школа [7]. Сформированные на Украине казачьи части охраняли железные дороги и другие военные объекты от нападений партизан. Несмотря на названия, доля казаков в них была не велика.

Оккупация Дона привела к созданию новых казачьих частей, принявших участие в Великой Отечественной войне на стороне вермахта. Уже осенью 1941 г., во время первого наступления 1-й танковой армии генерала Э. фон Клейста на Ростов, к ее частям добровольно присоединился казачий отряд из хутора Синявского (180 чел.). Однако в последние дни ноября вермахт был отброшен от Ростова.

Большая часть бывшей Области Войска Донского была захвачена летом 1942 г. В сентябре в Новочеркасске с разрешения оккупационных властей состоялся казачий сход, на котором был избран штаб Войска Донского и его походный атаман – уроженец станицы Екатерининской 1-го Донского округа полковник С.В. Павлов. В документах отмечалось: «Штаб стал играть на Дону, главным образом в центральной части казачьих районов Ростовской области, заметную роль, и немецкое

командование рассматривало эту организацию как наиболее преданную немцам группу лиц, доказавших себя на деле в вопросе борьбы с советской властью» [8]. Однако формирование казачьих частей на Дону затянулось до конца 1942 г., а их численность оказалась значительно ниже ожидаемой. В этом сыграли свою роль оставшиеся на оккупированной территории Ростовской области агенты НКВД.

Казачи были освобождены от принудительной отправки в Германию на работу и учитывались при переписи населения в качестве отдельной категории. В Ростове-на-Дону казаками записались 6 тыс. чел., в Таганроге – 500 чел. 2 октября начальник штаба Войска Донского приказал атаманам станиц зарегистрировать казачьих офицеров и добровольцев, «желавших своей казачьей доблестью честно завоевать себе славное имя казака в составе германской армии в борьбе с большевиками»; учесть строевых лошадей, оружие, седла, обмундирование, амуницию и по возможности провести «самообмундирование» в казачью форму. Присвоение чинов и званий происходило в соответствии с тем, какими они были у казаков во время службы в императорской, Донской или Добровольческой армии. Атаманы лично отвечали за подбор добровольцев [9].

В Новочеркасске был создан 1-й Донской полк есаула А.В. Шумкова и пластунский батальон, составившие группу походного атамана Павлова, в Белокалитвенском районе – 1-й Синегорский атаманский полк войскового старшины Журавлева. Казачьи подразделения появились при немецких разведывательно-диверсионных группах, впоследствии часть составила казачий полк особого назначения. Каменский и Морозовский казачьи кавалерийские батальоны участвовали в попытке деблокаживания окруженной в районе Сталинграда 6-й армии Паулюса в составе боевой группы (позже – дивизии) генерала Х. фон Штумпфельда. Практически во всех районах создавались казачьи сотни, однако не везде из потомственных казаков. Так, в Зверевской, Галдинской и Андреевской казачьих сотнях состояло немало украинцев, имелись также и «люди нерусской национальности» [10].

Вступление казаков в части вермахта во многом обуславливалось неприятием осуществлявшейся в СССР политики. Так, С. Ларин писал своему отцу в конце 1942 г. из-под Сталинграда: «Имею право гордиться, что нахожусь в германской армии солдатом, числюсь как донской казак. По мобилизации не воевал, сразу пошел на сторону германской армии. Вообще у красных не был ни одной минуты, а пошел в германскую армию» [11].

Первоначально руководство вермахта использовало методы добровольной вербовки казаков. Но незначительный приток добровольцев вскоре вынудил немецкое командование приступить к проведению мобилизации через атаманов станиц под контролем немецких комендатур. Активную роль в привлечении казаков к сотрудничеству с вермахтом играли лидеры казачьей эмиграции. Еще в июле 1942 г. П.Н. Краснов составил проект обращения А. Гитлера к казакам, опубликованного лишь 10 ноября 1943 г. за подписями В. Кейтеля и А. Розенберга. Германские руководители обещали казакам сохранение их самобытности, соблюдение прежних привилегий, неприкосновенность земельных угодий, а также обустройство ка-

зачей жизни на востоке Европы в случае невозможности возвращения «на земли предков» [12]. Общее руководство всеми казачьими частями в вермахте осуществлял отдел добровольческих формирований при главном командовании сухопутных войск Германии. В декабре 1942 г. при Министерстве по делам восточных оккупированных территорий было создано специальное Казачье управление во главе с Н.А. Гимпелем, а в марте 1944 г. при нем возникло Главное управление казачьих войск (ГУКВ), призванное играть роль казачьего правительства в изгнании. Его возглавил генерал П.Н. Краснов. На ГУКВ возлагались задачи отбора казаков из лагерей военнопленных и восточных рабочих, их вербовка в казачьи части вермахта, а также устройство казачьих семейств, стариков и инвалидов.

В условиях начавшегося советского контрнаступления в 1943 г. казакам, перешедшим на сторону Германии, пришлось спешно эвакуироваться вместе с отступавшими немецкими войсками. С ними уходили члены их семей и все те, кто опасался возвращения советской власти. Согласно данным К.М. Александрова, на Украину зимой 1943 г. эвакуировалось 135 850 донских казаков, подвергавшиеся в пути интенсивным бомбардировкам советской авиации [13]. Чтобы задержать наступавшие советские войска, немецкое командование спешно формировало кавалерийские и пластунские части из казаков. В боях за Новочеркасск 12–13 февраля участвовали 1-й Донской казачий полк походного атамана Павлова (900 чел.), казачий боевой отряд абвера № 201 полковника Т.К. Хоруженко (1 тыс. чел.) и еще до 2 тыс. «неорганизованных» казаков. В Ростове-на-Дону советским войскам противостоял 17-й Донской казачий пластунский полк войскового старшины Т.Г. Бударина. В арьергардных боях также участвовал отдельный казачий конный полк полковника Шведова, сформированный в апреле 1942 г. под Харьковом. На Миус-фронте против частей РККА сражался 1-й Донской казачий конный полк донского атамана генерала от кавалерии графа М.И. Платова (до 1,5 тыс. чел.) под командованием полковника И.С. Луизова.

Необходимо отметить, что среди непосредственных противников казачьих частей вермахта в это время находились 4-й Кубанский и 5-й Донской гвардейские казачьи корпуса РККА. Об отношении друг к другу казаков, оказавшихся по разные стороны фронта, свидетельствуют приводимые К.С. Симоновым слова 64-летнего донского казака старшего лейтенанта П.С. Куркина, воевавшего в составе 5-го гвардейского корпуса: «Ох, и злые мы сейчас, в эту войну, на этих немецких казаков, которые у них со значками, что добровольцы. Загнал бы их всех в Крутую балку и пожег» [14].

Весной основная масса ушедших с юга казачьих групп и отрядов объединилась под началом донского походного атамана С.В. Павлова, который был признан походным атаманом всех казачьих войск. С середины лета до конца осени 1943 г. количество казаков в подчинении Павлова выросло с 3 до 18 тыс. чел. Созданное им полувоенное передвижное поселение получило название Казачьего стана. В 1944 г. Казачий стан перебрався из Подолья в Белоруссию, где немецкое командование предоставило ему 180 тыс. га в районе города Новогрудок, рассчитывая с помощью казаков подавить здесь партизанское движение.

Жизнь в Казачьем стане была организована в соответствии с казачьими традициями. Строевые части были объединены по войсковому принципу в 10 пеших полков по 1,2 тыс. чел. каждый. Первоначально 1-й и 2-й Донские полки составили 1-ю бригаду полковника Силкина, 3-й Донской вместе с 4-м Сводно-казачьим, 5-м и 6-м Кубанскими, 7-м Терским – 2-ю бригаду полковника Вертепова, 8-й Донской с 9-м Кубанским и 10-м Терско-Ставропольским – 3-ю бригаду полковника Медынского. В дальнейшем состав бригад и полков неоднократно менялся.

Казачи обрабатывали землю, разводили скот, построили церковь, больницы и школы, а также вели активную борьбу с партизанами. После гибели С.В. Павлова новым походным атаманом стал уроженец станицы Мигулинской Т.И. Доманов. Уже после ареста, на предварительном следствии в Главном управлении контрразведки СМЕРШ он указал, что являлся секретным сотрудником НКВД [15]. В июле 1944 г., опасаясь советского наступления, Казачий стан через Польшу, Германию и Австрию совершил переход на север Италии. Здесь казакам предоставили земельные владения и дома, привлекли к борьбе с местными партизанами. В конце апреля 1945 г. в Казачьем стане насчитывалось 31,5 тыс. чел., включая 1,5 тыс. офицеров, 16,5 тыс. рядовых и сержантов.

В апреле 1943 г. в польском городе Млава (Милау) под командованием кавалерийского полковника, а затем генерал-майора Г. фон Паннвица началось формирование 1-й казачьей дивизии из наиболее боеспособных казачьих полков вермахта. Дивизия состояла из двух конных бригад – 1-й Донской подполковника фон Вольфа (1-й Донской, 2-й Сибирский, 4-й Кубанский полки) и 2-й Кавказской полковника фон Боссе (3-й Кубанский, 5-й Донской, 6-й Терский полки), двух конноартиллерийских (Донского и Кубанского) дивизионов и других подразделений. Конные полки состояли из 2 дивизионов, каждый из которых включал по 3 кавалерийских, пулеметному, минометному и противотанковому эскадрону. По штатному расписанию в полку насчитывалось 2 тыс. чел., включая 150 немцев. Все командиры полков, кроме И.Н. Кононова, являлись немцами, в каждом эскадроне на хозяйственных должностях находилось по 12–14 немецких солдат и унтер-офицеров. Всего в дивизии к 1 ноября 1943 г. насчитывалось 18 555 чел., в том числе 4049 немцев [16]. В Млаве были также сформированы учебно-запасной полк, унтер-офицерская школа и школа юных казаков для нескольких сотен подростков, лишившихся родителей. К июлю 1944 г. это учебное заведение насчитывало 450 чел., большую часть которых составляли беженцы с Кубани и Дона.

Помимо соединения Паннвица на советской оккупированной территории продолжали действовать и создавались новые казачьи части, в основном для охраны военных и стратегических объектов, борьбы с партизанами. Однако ГУКВ приказал всех годных строевых казаков в возрасте 18–35 лет из числа беженцев, военнопленных и эмигрантов направлять в Берлин, в распоряжение казачьего отдела Министерства по делам восточных оккупированных территорий. Оттуда они следовали в запасной полк 1-й казачьей дивизии, где получали назначение в соответствии с профессиональной пригодностью, а не прежними чинами. Всех остальных казаков надлежало направлять в Казачий стан.

1-ю казачью дивизию немецкое командование первоначально предполагало использовать на Восточном фронте, но изменившаяся обстановка заставила перебросить ее в сентябре 1943 г. в Югославию. В междуречье Дуная и Тисы дивизия вела боевые действия с партизанами, охраняла коммуникации и другие стратегические объекты. Благодаря своей подвижности и маневренности она оказалась лучше приспособлена к горным условиям Балкан и действовала более эффективно, чем немецкие пехотные и моторизованные дивизии. В течение лета 1944 г. дивизия предприняла ряд самостоятельных операций в горных районах Хорватии и Боснии, уничтожив целый ряд партизанских опорных пунктов. В то же время казаки не раз реквизировали лошадей, продовольствие и фураж у местных жителей – в соответствии с приказами немецкого командования о самообеспечении. Эти действия часто выливались в массовые грабежи и насилие по отношению к жителям деревень, население которых подозревалось в пособничестве партизанам.

В конце войны соединение Г. фон Паннвица вело бои против частей РККА, вышедших в долину реки Драва. В дальнейшем казаки продолжали удерживать фронт против болгарских и югославских войск, а затем с боями прорвались в Австрию. Еще до этого в августе 1944 г. все иностранные национальные формирования Третьего рейха были переданы в ведение СС. Пополненная другими казачьими частями, 1-я казачья дивизия 25 февраля 1945 г. была преобразована в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС. Обе кавалерийские бригады были переименованы в дивизии, почти без изменений в численности и структуре, конноартиллерийские дивизионы – в полки, а на базе 5-го Донского полка Кононова началось формирование пластунской бригады из двух полков. Общая численность корпуса к этому времени достигала 25 тыс. солдат и офицеров, в том числе от 3 до 5 тыс. немцев.

К середине мая 1945 г. Казачий стан, 15-й казачий корпус и другие части, сдавшиеся англичанам, сосредоточились на стыке австрийской, итальянской и хорватской границ в Тирольских Альпах, в долине реки Дравы. По соглашению, подписанному лидерами антигитлеровской коалиции на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., всех советских граждан, оказавшихся за границей, следовало вернуть на родину. Весной – летом 1945 г. в СССР были репатриированы до 50 тыс. казаков, включая не менее 3 тыс. эмигрантов, на которых ялтинские соглашения официально не распространялись. Большинство оказалось в советских лагерях, часть расстреляли по возвращении домой. В январе 1947 г. были казнены казачьи генералы П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро, С.Н. Краснов, Т.И. Доманов вместе с Г. фон Паннвицем и черкесским князем и генералом Султаном Клыч-Гиреем. Длительные сроки заключения получили некоторые офицеры и рядовые, остальные казаки вместе с семьями были отправлены на спецпоселение сроком на шесть лет. Но части казаков все же удалось избежать выдачи в СССР и скрыться. Среди них был и И.Н. Кононов, который долго и безуспешно пытался создать в эмиграции антикоммунистическую организацию [17].

Переход части донских казаков на сторону противника во многом объясняется предшествующими событиями истории. Однако в рядах коллаборационистов ока-

зались далеко не все недовольные советской властью казаки. Многие казаки Дона добросовестно служили в частях РККА, боролись с противником в период оккупации в составе партизанских отрядов и подпольных организаций, саботировали мероприятия захватчиков. Часть казаков, а также советских граждан неказачьего происхождения, в основном из числа военнопленных, пошла на сотрудничество с Германией вынужденно, чтобы выжить. Однако поражение Германии в войне стало и поражением той части казачества, которая связала с ней свою судьбу, вне зависимости от того, произошло это сознательно или вынужденно. Эти трагические события нашли свое отражение в исторической памяти населения региона, что до сих пор придает болезненный характер обращению к ним на Дону.

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология (проект № 17-18-01411)».

Примечания

1. Кринко Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153–163.
2. Кринко Е.Ф. Участие казачества юга России в Великой Отечественной войне: формирование, состав и возможности комплекса источников // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 231–245.
3. Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 160.
4. «Казаки» со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 73.
5. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 159.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 862. Л. 46.
7. Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха. М., 2009. С. 684.
8. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Ростовской области (далее – УФСБ по РО). Д. Штаб Войска Донского. Т. 1. Л. 65об.
9. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 446. Л. 6.
10. Архив УФСБ по РО. Т. 1. Л. 7.
11. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 294.
12. На казачьем посту. 1943. № 14. С. 2.
13. Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. Сб. статей и материалов. М., 2005. С. 92.
14. Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 2. 1942–1945. М., 1981. С. 218.
15. «Казаки» со свастикой. С. 73.
16. Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж, 1990. С. 69.
17. Крикунов П.Н. Казаки между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. М., 2005. С. 597.

А.С. Мартынов

ПРОЯВЛЕНИЯ КАЗАЧЬЕГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ДОНБАССЕ В 1943 г.

В настоящей статье на основе исторических источников, в том числе материалов донецких архивов, автор вкратце обобщает коллаборационистскую деятельность прогерманских казачьих организаций в Донском бассейне на завершающем этапе нацистской оккупации края (зима – лето 1943 г.).

Активное формирование казачьих военных отрядов на оккупированной территории СССР гитлеровцы начали в 1942 г. Во время битвы за Кавказ пропагандистские и вербовочные мероприятия среди казачьего населения Дона, Кубани и Ставрополя расширились, в том числе в результате проявления самостоятельных инициатив со стороны казачьих эмигрантских кругов. Так, на Северном Кавказе еще в сентябре 1942 г. организацией казачьих частей занималось командование группы армий «Юг» при участии полковника фон Паннвица; была даже разработана теория о германском происхождении казаков от остготов, а не славян. В Краснодаре началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии, на Кубани создавалась казачья часть «Свободная Кубань» [1, с. 101–102].

15 ноября 1942 г. походный атаман Сергей (Ерофей) Павлов передал германскому командованию «Декларацию Войска Донского», которая фактически воспроизводила «Основные Законы Всевеликого Войска Донского» 1918 г. и предлагала немцам «признать суверенитет Дона и вступить в союзные отношения с Донской Республикой для борьбы с большевиками» [2, с. 202–203]. В конце ноября 1942 г. при «штабе Войска Донского» в Ростове-на-Дону была создана «Особая комиссия по казачьим делам», которая 23 января 1943 г. подготовила «вопросы, подлежащие обсуждению» с проектами обустройства Земли Войска Донского под германским протекторатом [3, с. 65–67].

В феврале 1943 г. прогерманские казачьи части принимали участие в боях с советскими войсками под Новочеркасском и Ростовом, затем отступили на Донбасс. На Миусском фронте немцы сформировали 6-й Семигорьевский казачий пластунский полк, участвовавший в боях под Таганрогом. Другие казачьи формирования воевали в районе Кубанского предместного укрепления [3, с. 70–72]. В период с 25 января по 20 февраля 1943 г. через Сталино (Донецк) – Матвеев Курган – Таганрог – Мариуполь – Таманский полуостров – Керчь отступило 312 550 чел. казаков, включая мужчин, женщин и детей, из них 135 850 донских казаков, 93 957 кубанских казаков, 23 520 терских казаков. С 10 июля по 10 октября 1943 г. при штабе казачьих войск Кубани, Терека и Дона было зарегистрировано 71 368 казаков (не считая членов семей), из которых формировались 1-я казачья дивизия и другие казачьи части «восточных войск» вермахта [3, с. 78]. По оценкам бывшего генерал-майора вермахта, известного немецкого военного историка Буркхарта Мюллера-Гиллебранда, в начале 1943 г. в «восточных войсках» вермахта числи-

лось 176 батальонов и 38 рот (всего около 130–150 тыс. чел.), из них 24 батальона и 1 учебная часть казаков; в июне 1943 г. общее число «добровольцев вспомогательной службы» при вермахте составляло уже около 220–320 тыс. чел. [4, с. 389–390]. Таким образом, к весне 1943 г. казачьи батальоны составляли почти одну седьмую от всех «восточных» батальонов вермахта.

Коллаборационистский казачий контингент, отступивший на запад в результате наступления Красной армии на Дону в феврале 1943 г., был заново реорганизован немецким командованием для укрепления Миус-фронта и сдерживания дальнейшего продвижения советских войск в Донецкий бассейн. Местные оккупационные власти Сталинской (Донецкой) области уже в феврале начали сбор находившихся в Донбассе казаков. Например, в документах ортскомендатуры Волновахского района сохранился приказ коменданта районной управы от 24 февраля 1943 г. бургомистру Архангельской сельской управы, где говорится: «Согласно распоряжению Штаба Войска Донского, согласованного с Ортскомендатурой, всех проезжающих эвакуированных донских казаков направлять в г. Мелитополь» [5].

Отступившие с немцами казаки-коллаборационисты либо размещались в населенных пунктах Донбасса, либо же направлялись в соседние оккупированные области, где из них формировались новые казачьи части. Так, в середине 1943 г. одна казачья сотня была переведена в поселок Петровский Сталинской области, в марте 1943 г. другая казачья сотня эвакуировалась в деревню Доля Сталинской области, где находилась до сентября [6, с. 399]. В главной оккупационной газете региона «Донецкий вестник» 14 марта 1943 г. на первой полосе было опубликовано обращение хорунжего и командира казачьей сотни Ерина «Ко всем русским людям» с призывом вести борьбу с большевизмом и вступать в ряды «Русской освободительной армии». В начале статьи цитировались слова Гитлера «Бог не помогает лентяям и тунеядцам. Народ сам себе должен помочь». Хорунжий Ерин предлагал «заключить почетный мир с Великой Германией, чтобы положить основу вечному содружеству народов Германии и России». В завершение командир казачьей сотни писал: «Мы, казаки-добровольцы германской армии, служим и воспитываем в себе качества германского воина-рыцаря. Мы стараемся честно служить, чтобы тем самым через нас добиться доверия со стороны германского народа и фюрера ко всем нам, русским людям». Как сообщала редакция «Донецкого вестника», данное обращение печаталось по просьбе казаков-офицеров, посетивших на днях редакцию [7, с. 1]. Как явствует из этой публикации, она отражала настроения определенной части антисоветского казачества, которое рассчитывало на будущее автономное положение после победы Третьего рейха. Характерно, что сам Ерин ассоциировал себя не с отдельным народом казаков, а с русским народом и предлагал сотрудничество с РОА. В это же время, в марте 1943 г., издававшаяся в Берлине власовская газета «Заря» напечатала пропагандистские фотоматериалы о боевой подготовке казаков Дона, Кубани, Терека и их борьбе за «новую Россию» [8, с. 4]. Затем газета «Заря» опубликовала обращение «добровольцев» – донских казаков Захара Скокова, Н. Климова и терского казака Ефима Родионова «Выступаем на борьбу с большевизмом». В своем обращении казаки агитировали читателей «под

руководством генерала Власова, в союзе с Германией, уничтожить ненавистный большевизм» [9, с. 2]. 7 апреля 1943 г. «Донецкий вестник» со ссылкой на сводку германского командования, похвалившую борьбу «местных отрядов на восточном фронте против большевиков», опубликовал пропагандистскую статью «Казачи воюют против Сталина». В статье приводился пример 26-летнего терского казака, перешедшего в Крыму со своим отрядом на германскую сторону: утверждалось, что этот казак проник на 20 км «вглубь красного тыла, взяв в плен в занятой большевиками деревне всю команду одного танка». Другой казак якобы взорвал в уличном бою три дома, занятых большевиками [10, с. 3]. Итак, в феврале – апреле 1943 г. гитлеровцы и казачьи коллаборационисты значительно активизировали свои усилия, в том числе пропагандистские, по реорганизации эвакуированных казачьих частей, в том числе в сотрудничестве с власовцами.

Одновременно нацисты развернули пораженческую агитацию среди военнослужащих Красной армии и перебежчиков. Так, верховным командованием германской армии был подготовлен пропагандистский приказ № 13 от 21 апреля 1943 г. о принятии перебежчиков в «добровольческие» отряды РОА и вермахта; к приказу прилагался пропуск для переходящих на сторону РОА украинских, кавказских, казачьих, туркестанских и татарских «освободительных отрядов» [11, с. 660–661]. После этого 29 апреля 1943 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник К. Цейтцлер издал приказ № P/500/43 «Местные вспомогательные силы на Востоке – добровольцы». Этот документ регламентировал благоприятное отношение к перебежчикам из Красной армии, их снабжение и укомплектование в качестве «добровольцев» вермахта [6, с. 543–544]. 21 апреля 1943 г. германское командование издало приказ о формировании 1-й казачьей кавалерийской дивизии под командованием генерал-майора Гельмута фон Паннвица, в состав дивизии вошли кубанские и донские казаки [12, с. 142–143].

В эти же дни, 25 апреля 1943 г., в Берлине вышел первый номер журнала «На казачьем посту» с обращением к казакам генерала П.Н. Краснова, который призывал казаков идти в германские войска на стороне «новой Европы Адольфа Гитлера». Весной 1943 г. начальником всех казачьих войск являлся немецкий генерал-лейтенант фон Клейст, руководивший Донским, Кубанским и Терским казачьим войском [12, с. 141–142]. Кроме казачьих военных частей, в конце 1942 – начале 1943 г. на территории рейхскомиссариата «Украина» и в тыловом районе группы армий «Дон» были сформированы семь казачьих батальонов «шума» для борьбы с партизанами. По состоянию на 5 мая 1943 г. в составе «восточных войск» вермахта находилось 3 казачьих полка «Платов», «Фон Юнгшультц» и 5-й Кубанский, 26 батальонов и дивизионов, 8 рот и эскадронов, 1 отдельная батарея, всего около 25 тыс. чел., в основном из «добровольцев» Дона, Кубани и Терека, пострадавших от советских репрессий 1920–1930-х гг. [13, с. 637]. Власовская газета «Заря» 25 апреля 1943 г. разместила большую подборку пропагандистских материалов о борьбе терских, кубанских и донских казаков с большевизмом под общим заглавием «В боях за свободную Родину». Статьи были подписаны войсковым старшиной Терского казачьего войска Кулаковым, начальником отдела

пропаганды штаба Войска Кубанского П.П. Иваницей и др. Казачьи деятели заявляли о своем единстве с РОА и генералом Власовым в борьбе с большевизмом [14, с. 6]. Подобная пропаганда активно проводилась в оккупационной прессе, в том числе в Донбассе, всю весну и лето 1943 г., когда развернулись ожесточенные танковые сражения на Курской дуге и Миус-фронте.

Во время операции «Цитадель» (Курская битва) вермахт понес серьезные потери, которые уже невозможно было восполнить внутренними немецкими резервами, поэтому с целью удержания линии фронта от наступающей Красной армии, а также для борьбы с партизанами и стабилизации своего тыла командование вермахта вынуждено было формировать всё новые отряды «восточных добровольцев», в том числе казаков. По оценкам Б. Мюллера-Гиллебранда, с июля по октябрь 1943 г. убыль личного состава германской действующей армии на Восточном фронте составила 911 тыс. чел., тогда как пополнение – всего лишь 421 700 чел., т. е. за период сражений лета 1943 г. вермахт потерял более половины своих войск на востоке [4, с. 410]. Не удивительно, что гитлеровцы форсировали свою пропагандистскую и вербовочную кампанию по набору как можно большего количества «пушечного мяса» из числа советских коллаборационистов, чтобы с их помощью хотя бы частично решить проблему дефицита военных кадров и сэкономить сократившиеся немецкие резервы.

В июле – августе 1943 г. возросло количество пропагандистских материалов казачьих частей и РОА в оккупационной прессе Донбасса. Например, в местной газете города Рыково (Енакиеве) «Новая жизнь» была опубликована «Краткая историческая справка о казачестве» (с привычными лозунгами борьбы с большевизмом на стороне Германии) за подписью командира одной из казачьих добровольческих сотен Письменского [15, с. 2]. Затем в «Новой жизни» были напечатаны статьи о возрождении на Кубани Первого Волгского полка Терского казачьего войска и формировании его первой и второй сотен [16, с. 2], а также о совместной борьбе «добровольцев» – донских и кубанских казаков, украинцев и русских, их усиленной подготовке под распевание украинских и казачьих песен [17, с. 2]. В июле 1943 г. «Донецкий вестник» поместил на первой полосе материал из германской прессы о «добровольческих отрядах из местного населения освобожденных областей», готовящихся германским командованием: «В гарнизонах и войсковых лагерях Востока образуются всё новые добровольческие батальоны, стремящиеся принять решительное участие в борьбе против большевизма... Здесь мы видим представителей всех освобожденных от большевистского ига народов: русских, белорусов, украинцев, казаков, татар, кавказцев и других народов. Они представляют собой бойцов неоспоримой выдержки и исключительной боеспособности» [18, с. 1]. В начале августа 1943 г. «Донецкий вестник» опубликовал статью в украинском националистическом духе о казаках на Кубани – «наследниках запорожцев», их борьбе за «самостоятельность» и эмигрантах-кубанцах [19, с. 4].

В енакиевской газете «Новая жизнь» в августе была напечатана статья бывшего есаула 34-го Донского кавполка А. Редичкина, в которой автор заявлял: «Казачья сразу пошла в полицию и Донскую армию для борьбы с большевизмом. Мы вы-

соко ценим германскую нацию и армию, которые всегда будут высшим идеалом казачества. ...Мы ждем общего клича для объединения нас в родную Донскую армию. Смерть и презрение тем, кто попытается изменить германскому командованию. Основоположник казачьей идеи атаман Краснов всегда учил нас, что только Германия может спасти нас от большевиков» [20, с. 4]. Данная публикация свидетельствует, что для коллаборационистов из числа казаков старшего возраста, участвовавших в Гражданской войне, переход на сторону германских оккупантов рассматривался как возможность военно-политического реванша за поражения прошлого. Согласно некоторым документам донецких архивов, ряд казаков были раскулачены либо репрессированы перед войной, что обусловило их выбор. Так, в автобиографии одного из полицаев отмечено, что в 1939 г. он был репрессирован НКВД, затем работал начальником полиции при немцах, потом вступил в казачий полк, где прослужил пять месяцев [21]. В материалах другого местного коллаборациониста сообщается, что его отец, бывший белый офицер-казак, был репрессирован НКВД в период колхозной кампании 1930–1931 гг. как «агитатор против колхозов» и умер на Двине; его сын с приходом немцев угнал большое количество колхозного скота, так что «коммунистам и жидам не оставил ни одной головы» [22], за что получил поощрение от оккупантов. Родной брат этого казака добровольно вступил в «казачий немецкий полк» [22].

Как следует из вышеизложенного, казачий коллаборационизм в Донбассе был представлен ограниченно, стимулировался военной политикой нацистских оккупантов, а также реваншистскими устремлениями местных и эмигрантских казачьих кругов антисоветской ориентации (в основном из числа бывших участников Гражданской войны). Социальную базу казачьего коллаборационизма в Донбассе весной – летом 1943 г. составляли эвакуированные казаки, отступившие вместе с гитлеровцами с Северного Кавказа, Кубани и Дона, а также небольшое число местных жителей-казаков. Основными формами деятельности данного контингента являлись пропаганда, вербовочная и организационная работа по формированию прогерманских военных отрядов. Добровольно и сознательно став пособниками оккупантов, колонизаторов и врагов России, сражаясь против своих соотечественников в Красной армии, казаки-коллаборационисты объективно совершили национальную измену, и никакие идейно-политические лозунги не могут оправдать этого преступления.

Примечания

1. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004.
2. Ермолов И.Г. Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941–1944 гг. М., 2013.
3. Александров К. Русские солдаты вермахта. М., 2005.
4. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. М., 2002.
5. Государственный архив ДНР (ГА ДНР). Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

6. Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М., 2005.
7. Хорунжий Ерин. Ко всем русским людям // Донецкий вестник. 14.03.1943.
8. Казаки // Заря. 21.03.1943.
9. Выступаем на борьбу с большевизмом // Заря. 01.04.1943.
10. Казаки воюют против Сталина // Донецкий вестник. 07.04.1943.
11. Великая Отечественная война. 1943 год. Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2013.
12. Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М., 2010.
13. Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2011.
14. В боях за свободную Родину // Заря. 25.04.1943.
15. Краткая историческая справка о казачестве // Новая жизнь. 01.07.1943.
16. Возрожденный казачий полк // Новая жизнь. 03.07.1943.
17. Воодушевление к борьбе // Новая жизнь. 22.07.1943.
18. Свежие силы // Донецкий вестник. 14.07.1943.
19. Серед нащадків запорожців // Донецкий вестник. 08.08.1943.
20. Редичкин А. Патриотизм казачества // Новая жизнь. 21.08.1943.
21. ГА ДНР. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
22. Там же. Л. 32.

В.М. Шелюто

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ КАЗАЧЬЕГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Тоталитарная политическая идеология во многом подобна мифологической среде. Миф является ее организующим центром. В минувшем столетии такие идеологии существенным образом повлияли на мифотворчество европейского человечества. После Первой мировой войны для распространения различных модификаций фашистской идеологии существовала подготовленная всем ходом исторического процесса мифологическая почва. В Европе того времени найдется сравнительно небольшое число стран, которые смогли избежать соблазна данной идеологии. Особое влияние эта идеология оказала на слои русского общества, которые категорически не приняли Октябрьскую революцию 1917 г. и вынуждены были либо покинуть Россию, либо уйти во «внутреннюю эмиграцию». К их числу принадлежало и казачество.

Фашистская идеология в ее различных модификациях заявила о себе как идеология «третьей силы», противопоставив себя не только расширяющему простран-

ство своего влияния коммунизму, но и западной демократии. В отличие от других, более рационалистических идеологий, сердцевина данной идеологии была сконцентрирована именно на мифах «крови и почвы». Мифология фашизма, в отличие от религиозной мифологии, являлась порожденной «верностью земле», о которой говорил Ф. Ницше. Поэтому специфический отклик она находила у тех социальных слоев, которые были непосредственно связаны с землей в плане хозяйственной и культурной деятельности, однако в силу неблагоприятных исторических обстоятельств вынуждены были покинуть родную землю. К числу таких социальных групп относилось и казачество.

Рассматривая проблематику казачьего коллаборационизма, не следует говорить обо всем казачестве, поскольку его часть осталась в Советской стране и, несмотря на репрессивную политику большевиков, была верной этой стране и внесла, как и другие народы СССР, свою лепту в разгром фашизма. Именно об этой части казачества поется в песне «Едут по Берлину наши казаки» и снят фильм И. Пырьева «Кубанские казаки». Однако казачество было расколото. И другая его часть, в особенности находящаяся в эмиграции, влилась в ряды коллаборационистов и поддержала «Хитлера» в годы Второй мировой войны.

Проблема казачьего коллаборационизма приобретает особую актуальность в настоящее время, когда в Прибалтике, на Украине, а также в некоторых странах Восточной Европы возрождаются нацистские движения, воскресают нацистские мифы, оправдываются преступления прошлого. Политическая мифология коллаборационизма получила широкое распространение среди русских белоэмигрантов: «Вероятно, по крайней мере в 1941–1942 годах, среди эмигрантов, проживавших в Рейхе и оккупированной Европе, настроения в пользу борьбы против СССР на стороне Германии преобладали над другими переживаниями. Позиция генерала А.И. Деникина была в значительной степени одинокой и не влияла на поведение тысяч чинов белых армий и их детей, готовых нести военную службу на стороне Германии и ее союзников» [1].

Проблематика коллаборационизма времен Великой Отечественной войны, в том числе и казачьего, была исследована во множестве книг и статей, изданных в годы перестройки в СССР и в современной России. Из работ, в которых в той или иной мере затрагивается данная проблематика, следует отметить книги К.М. Александрова, О.В. Будницкого, Д.А. Жукова, И.И. Ковтуна, Б.Н. Ковалева, П. Крикунова, А.В. Мартынова, С.И. Дробязко, М.И. Семиряги и др.

Если в советский период любой коллаборационизм в отношении фашистской Германии осуждался, то начиная со времен поздней перестройки, и особенно в современной России, всё сильнее и сильнее стали звучать голоса историков, филологов, писателей, оправдывающие коллаборационизм. И в настоящее время продолжают выходить книги и статьи, в которых авторы пытаются всячески обелить коллаборационистов, в том числе и казаков, сотрудничавших с немецкими оккупантами. Это способствует тому, что история советского периода начинает походить на мутное пятно с крайне расплывчатыми оценками событий. На наш взгляд, данная ситуация в исторической науке создается намеренно и целенаправленно

и связана с политической конъюнктурой, в значительной степени диктуемой США и Евросоюзом. Такая ситуация приводит к непониманию места и роли такого явления, как коллаборационизм, в отечественной и мировой истории, а значит, и возможности повторения подобного явления в будущем. В некоторых современных государствах, образовавшихся на месте бывших советских республиках, подобная неопределенность оценок уже привела к трагическим последствиям. Это наглядно проявилось в киевском майдане, повлекшем за собой государственный переворот, возрождение радикального национализма и гибель мирных жителей Донбасса, а также радикальный разрыв в политическом и культурном отношении между Украиной и Россией и культивирование в Украине воинствующей русофобии. Сопутствовало всем этим процессам оправдание украинского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. За последние десятилетия на Западе, а также в государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, сформировались устойчивые политические мифы, в которых уже не только Советская Россия, но и Россия других исторических эпох рассматривается как персонификация мирового зла. Поэтому объяснение происхождения казачьего коллаборационизма только жестокой политикой расказачивания, проводимой большевиками, и зверствами НКВД будет только способствовать углублению ревизии всей истории России.

Формирование политической мифологии казачества уходит вглубь веков. Эта мифология в концентрированном виде заявляет о себе в период революционного противостояния в русском обществе начала XX в. Как отмечает П. Крикунов, «позиция казаков в период противостояния 1917 – 1920-х гг. уходит корнями в историю их взаимоотношений с центральной властью в России, которые складывались постепенно в течение нескольких веков и носили очень непростой характер. Власть поощряла развитие казачьей колонизации на границах Русского государства и мирилась с особенностями казачьего военно-земледельческого быта, допуская при этом большую или меньшую независимость казаков и не стремясь к абсолютной регламентации их действий. Однако действия казаков не раз обращались против Москвы. Это обстоятельство вызвало затяжную и кровопролитную внутреннюю борьбу, которая велась с перерывами до конца XVIII века, когда после подавления пугачевского бунта вольному юго-восточному казачеству был нанесен окончательный удар. Оно постепенно начало утрачивать (по крайней мере внешне) свой оппозиционный характер и со временем даже приобрело репутацию одного из самых консервативных государственных элементов, став опорой престола. Власть, в свою очередь, демонстрировала свое расположение к казачеству, всячески подчеркивая его исторические заслуги и обещая сохранить “казачьи вольности” и неприкосновенность казачьих угодий и владений» [2]. Октябрьская революция 1917 г., приведшая к разрушению сословного общества в России, способствовала тому, что значительная часть казачества, являвшегося ранее опорой российского самодержавия, явилась той социальной группой, которая активно не приняла новую власть и готова была насмерть с ней бороться.

Казачество являлось одним из наиболее консервативных и архаически мыслящих слоев населения Российской империи и лозунг «За веру, царя и Отечество»

имел для него глубокий сакральный смысл. Это были три главных слагаемых казачьей политической мифологии. Революция же отвергла религию, царя не стало, а Отечество очень сильно изменилось.

Значительная часть казачества – патриотически и монархически настроенная часть Белого движения – активно сотрудничала с фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны. Причем в открытой, незамаскированной форме, как, например, сотрудничала с немцами выдавая себя за «третью силу» бандеровская УПА. На наш взгляд, идейная причина казачьего коллаборационизма заключается в той трансформации политических мифов, которая произошла в сознании казачества в период между двумя войнами. Следует отметить, что некоторые политические мифы, которые, на наш взгляд, активно способствовали формированию идеологии казачьего коллаборационизма, живы и в настоящее время. Одним из них является религиозно-фундаменталистский миф, рассматривающий «безбожную» советскую власть как царство Антихриста. Белоказачи рассматривали эту власть подобно тому, как на рубеже XVII–XVIII вв. староверы рассматривали власть основателя Российской империи царя-реформатора Петра Великого.

Отголоски подобного мировоззрения мы видим и сейчас на страницах некоторых религиозных изданий. Вот как, например, «объясняет» природу большевистской власти журнал «Спасите наши души»: «Дело в том, что вождь III Интернационала Ленин создавал не просто политическую партию, а религию, религиозную секту, где кумиром или идолом должен быть вождь (диктатор), то есть прежде всего сам Ленин. Эта религия по духу и смыслу антихристова и является подготовительной (репетиционной) ступенью к настоящей религии люцифера как “бога” при воцарении его ставленника – антихриста. Такая религиозная секта берет свое начало во всемирной иудео-масонской церкви дьявола и является одной из многих ее ветвей. Эта церковь, как и всякая религия, в своей основе непременно предполагает и имеет жертвоприношения, но в данном случае – кровавые человеческие жертвоприношения» [3]. Данная мифологема формирует не просто активное неприятие большевистской власти. Она предполагает борьбу с ней вплоть до ее окончательного уничтожения. Идеологи казачьего коллаборационизма говорят о новой власти исключительно в мифологическом аспекте, не стремясь разобраться во всех ее плюсах и минусах. Они руководствуются мифологемами, которые можно образно охарактеризовать как пещерный антикоммунизм. Вот почему 22 июня 1941 г. воспринималось многими казаками-белоэмигрантами как божья кара большевикам. Даже после победы советского народа в Великой Отечественной войне один из ведущих историков казачества А.А. Гордеев пишет следующее: «Идеология коммунизма не имеет никакого творческого начала в прошлом. Не имеет никаких творческих перспектив в будущем. Господство этой мощной группировки демагогов установлено на идеях разрушения и неслыханном терроре, держится только на них и окончится лишь с ее ликвидацией» [4].

Необходимо отметить, что все революционные и левые силы в рамках радикально правого религиозного фундаментализма рассматриваются как исключительно враждебные человечеству силы. В отношении коммунизма, как считали

крайне правые клерикальные круги Европы того времени, должен быть совершен «крестовый поход».

Опирающееся на политико-религиозную мифологию мышление коллаборационистов является сверхтоталитарным. В сознании значительной их части «безбожная» власть Советов рассматривалась как абсолютно враждебная, в то время как к фашизму как политической доктрине они относились с известной симпатией. Ведь даже католическая церковь в годы войны не осуждала идеологию и практику нацизма и фашизма. Более того, у Ватикана установились довольно близкие контакты с фашистским режимом Италии, который смог разрешить долговременный кризис между церковью и государством Латеранскими соглашениями 1929 г.

После того как в 1943 г. глава советского правительства И.В. Сталин встретился с высшими иерархами Русской православной церкви и фактически восстановил поддержку государства со стороны религиозного сообщества, казачий религиозно-политический миф, основанный на противостоянии казачества советской власти – противостоянии добра и зла, утратил всякий смысл, а казачий коллаборационизм утратил религиозно-этическое оправдание.

В казачьем движении до начала Второй мировой войны существовали три ветви. Первая из них была представлена убежденными монархистами, вторая ветвь – умеренными республиканцами, третья – националистически-сепаратистским казачьим движением [5]. «Самостийники» выступали за создание независимого государства на обломках СССР. Именно они первыми выразили свои симпатии фашизму.

Однако и монархически настроенные казаки не избежали соблазна сепаратизма и германофильской позиции. Еще в начале Гражданской войны атаман П.Н. Краснов придерживался прогерманской ориентации. Немецкие власти признали Дон в качестве отдельного государственного образования, а атаман «сам просил иноземного императора, виновного в победе большевизма, полноправно, в качестве хозяина, решать русские дела и кроить русские земли, а от освобождения России на деле отрекался – лишь бы Дон не трогали» [6]. Даже в 1944 г., когда поражение Германии в войне представлялось для многих делом времени, атаман П.Н. Краснов оставался на прежних позициях, видя в Германии главную опору казачества в борьбе с большевиками. Фактически до конца войны казаки не избавились от той политической мифологии, которая формировалась еще в ходе гражданского противостояния в 1917–1922 гг.

Сепаратизм казаков подогревался также мифом об особом происхождении казачества. В конце 30-х гг. XX в. «приобрела популярность “теория”, согласно которой казаки считались потомками готов и, следовательно, не славянами, а народом германского корня...» [7]. Подобные «теории» подрывали политического миф, связывающий казаков с «великой и неделимой» царской Россией и исконно русским началом казачества.

В отличие от других антисоветских коллаборационистских движений – бандеровцев, прибалтийских националистов – значительная часть казаков, сдавшихся в плен западным союзникам, была выдана СССР. Это было не случайно. Казачество рассматривалось западными странами как слой общества, уже отыгравший свою

роль в истории, вследствие своей мифологии слой, чуждый западной рационалистической цивилизации. В силу мифологического, иррационального, эсхатологического мировоззрения белое казачество считало советскую власть мировым злом. Оно склонялось к позиции православного фундаментализма. Его мировоззрение являлось религиозно-политическим. Оно характеризовалось синтезом религиозных и политических мифологем. Ликвидация традиционных устоев монархии и православия, расстрел царской семьи потрясли сакральную основу казачьего мировоззрения и побудили казачество к коллаборационизму в большей степени, нежели репрессивная политика советской власти.

Примечания

1. Александров К.М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. С. 237.
2. Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М., 2005. С. 24–25.
3. Большевизм – религия Антихриста // Спасите наши души. Всеукраинский православный журнал для верующих и неверующих. 2009. № 11 (127). С. 18–23.
4. Гордеев А.А. История казачества. М., 2006. С. 633.
5. Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М., 2005. С. 39.
6. Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М., 1999. С. 122.
7. Дробязко С.И., Романько О.В., Семёнов К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха. М., 2009. С. 677.

Р.Н. Манченков

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ СУДЬБАХ КАЗАКОВ СТАНИЦЫ ОЛЬГИНСКОЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ. ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ К XXI В.

Изучение судеб донских казаков станицы Ольгинской семьи Манченковых, а также части их родственников стало предметом исследования монографии «Душа казака». Основные действующие лица: Иван Игнатьевич Манченков – атаман станицы Ольгинской в 1918 г.; мой отец Николай Иванович Манченков – атаман станицы Ольгинской с 1991 г.; мой дед – Иван Акимович Манченков.

Началом для настоящего доклада и издания книги послужил невероятный случай. В марте 2017 г. в картотеке Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) удалось найти запись о хранении в ее фондах книги «Душа казака. Памятка, записанная гражданским писарем Ольгинского станичного прав-

ления, И.И. Манченковымъ, при объявлении мобилизации въ стан. Ольгинской 17 июля 1914 года». Книга была издана в Новочеркасске в 1915 г. в типографии Ф. Туникова [1].

Автору памятки я довожусь правнучатым племянником. Мне посчастливилось заполучить копию этого документа. Еще в начале двухтысячных годов, работая в архиве ФСБ России по Ростовской области над проектом кандидатской диссертации, удалось изучить дело Манченкова Ивана Игнатьевича с расстрельным приговором и получить копию его фотографии.

Итак, в первой части книги «Душа казака» читатель знакомится с уникальными и поистине трагическими страницами из жизни расстрелянного атамана станицы Ольгинской Ивана Игнатьевича Манченкова. Благодаря Ивану Игнатьевичу, составившему памятку о мобилизации казаков станицы Ольгинской на Первую мировую войну, мы буквально в почасовом режиме изучаем события по сбору казаков на войну. Перед нами предстанет картина со слезами и болью казачек, искренней верой в Бога и неувядающей удалью казаков.

Во второй части книги – «Доля казака» – на конкретном примере Манченковых показана непростая доля казаков, которым довелось по несколько раз быть осужденными, подвергнуться пыткам и всевозможным лишениям.

Автор памятки Иван Игнатьевич Манченков расстрелян в июле 1920 г. Несмотря на то что по традиции казачья община отстаивала своего прежнего атамана и написала прошение о помиловании, защиту сочли неуместной, так как, по мнению суда, подсудимый мог помогать большевикам и «за хорошее знакомство» [2]. Судьба всех детей атамана на данный момент неизвестна. Его сын, Андрей Иванович Манченков 1915 года рождения, героически погиб 27 июля 1943 г. у Красной Поляны под Ворошиловградом. Извещение о гибели получила мать бойца Сущенкова Мария Александровна.

В 1924 г. Тихона Игнатьевича Манченкова общее собрание граждан станицы Ольгинской избрало директором местного сеного рынка. В 1929 г. за спекуляцию сеном его отправили в ссылку, где погибла первая жена Мария Яковлевна. Вернулся из ссылки в 1931 г. без документов. Был повторно осужден в 1936 г. вместе с младшим сыном Василием и отправлен в безвозвратную ссылку [3].

Второй сын Тихона Игнатьевича, Илья, был мобилизован на фронт. Пропал без вести под Сталинградом и причислен к сдавшимся в плен противнику. Позже его тело было найдено среди погибших и перезахоронено в братской могиле советских воинов, погибших в дни Сталинградской битвы, находящейся в центре хутора Краснодонский [4].

Владимир Игнатьевич Манченков дослужился до писаря Сальского округа. В 1918 г. у себя на постоялом дворе в станице Ольгинской угощал горячим борщом Африкана Петровича Богаевского и штаб начинающегося Ледяного похода. Впервые был осужден в 1921 г. за службу в Манычском отряде у белых и незаконную покупку сена для макеевских заводов [5]. Высшая мера наказания была заменена на пять лет тюремного заключения. Повторно осужден в 1929 г. и выслан без права возвращения в станицу Ольгинскую. Вернувшись из ссылки в 1932 г., он мы-

тарствовал из Ростова-на-Дону в Злодейскую. Пытался закрепиться в Воронежской области, устроившись на мельнице перевозчиком хлеба. В момент ареста он трудился учетчиком тракторной бригады колхоза «Большевик» в Батайске. Последний раз Владимира Игнатьевича арестовали 19 октября 1940 г. по обвинению по ст. 58. Арест производился по утвержденному постановлению начальника УНКВД по Ростовской области ст. майора госбезопасности Абакумова. Будущий министр государственной безопасности СССР Виктор Семёнович Абакумов во время допросов применял физическую силу для получения признательных показаний от подсудимых. Заслуженный врач Российской Федерации, травматолог Игорь Петрович Антонец, рассмотрев копию фотографии из личного дела Манченкова Владимира Игнатьевича, предположил, что череп подвергся деформации. Вероятно, не случайно писарь Сальского округа на последних допросах расписывался «крестиком» [5, с. 51].

Сын врага народа разведчик Георгий Владимирович Манченков за проявленный героизм и мужество в годы Великой Отечественной войны неоднократно награждался орденами и медалями: орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги». Первой медалью «За отвагу» Георгий был награждён в 1942 г., находясь в должности топовычислителя штабной батареи и ординарца командира полка. Их штаб попал в засаду, но боец Манченков лично уничтожил троих фашистов. Вторую медаль «За отвагу» разведчик получил 23 июня 1944 г. за обеспечение переправы при форсировании реки Реста, находясь под шквалистым артиллерийским огнем противника [6].

Вернемся к судьбе старшего из братьев Игнатьевичей. Аким Игнатьевич погиб еще в январе 1920 г., в первый день взятия Ольгинской частями 1-й Конной армии, когда его сын Иван отступал с белыми частями из станицы. Иван Акимович Манченков вернулся вместе с друзьями (казаками Василием Зубовым и Матвеем Разорителевым) попрощаться с отцом. На подворье Радченковых им встретились красные. Казаки зарубили несколько буденновцев, попрощались с казненным Акимом и ушли обратно к своим. Иван отступал с белой армией до Новороссийска. В 1920 г. сражался против Польши. По возвращении в станицу Ольгинскую занялся торговлей на собственном речном судне «Белый лебедь». Затем трудился в колхозе, предварительно передав в него всю свою собственность. С 1942 г. участвовал в Великой Отечественной войне. Неоднократно ранен и контужен. После войны трудился в колхозе. Сводная сестра Ивана Акимовича, Евдокия Фёдоровна Сущенкова, была осуждена по политической статье.

В третьей части книги опубликованы воспоминания Николая Ивановича Манченкова о своем военном и послевоенном детстве: о голоде и вражеской оккупации, расстрелах и гибели невинных людей. Но вместе с тем он с гордостью вспоминает о крепкой дружбе и взаимовыручке в казачьей общине. Именно она спасала наших предков даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях.

В этой части Николай Иванович вспоминает об оккупации, в том числе о пребывании в доме Манченковых немецких офицеров, среди которых был известный историк и автор «Катастрофы на Волге» Иоахим Видер. Историк брал на руки ма-

ленького Николая, угощал шоколадом и говорил хозяйке, что война с Россией – это большая ошибка Германии. Благодаря этим воспоминаниям на конкретных примерах показано отношение оккупантов к местному населению и к коммунистам. Описан забытый подвиг Ульяны Андреевны Манченковой по спасению советского летчика капитана Войтецкого от фашистской погони и неминуемого расстрела. Летчик некоторое время прятался в колодце. Казачка ему приносила еду, а потом помогла выбраться и уйти к советским частям.

В заключительной части книги казачий идеолог, председатель Союза ветеранов казачьего движения Дона Пётр Севостьянович Косов поделился воспоминаниями о Николае Ивановиче Манченкове, с которым он был дружен до самой его смерти. Особые страницы книги посвящены проявленным человеческим качествам при защите Белого дома в Москве в августе 1991 г.

Манченков Николай Иванович скончался 1 января 2018 г. До выхода на пенсию в 1993 г. трудился в гражданской авиации. В 1988 г. выдвигался в лауреаты Государственной премии Советского Союза. С 1990 г. активный участник возрождения казачества. 24 февраля 1991 г. на первом Большом круге, собравшем 450 казаков, избран первым атаманом станицы Ольгинской. Осенью 1991 г. был избран первым атаманом Аксайского юрта.

Таким образом, на конкретном примере казачьего рода Манченковых мы увидели судьбы отдельно взятых братьев-казаков Игнатъевичей. В результате исследования выявлено, что дети и внуки Игната подверглись репрессиям или были казнены. Судьба некоторых из них остается неизвестной. Однако, несмотря на нечеловеческие лишения, оставшиеся в живых приняли деятельное участие в советском строительстве. Вопреки популяризируемому казакофобами казачьему коллаборационизму, они защищали Родину от фашистов в годы Великой Отечественной войны, в том числе и сыновья расстрелянного атамана Ивана Манченкова и врага народа Тихона Манченкова. Потомки Игната награждались орденами, медалями, грамотами и в мирное время.

С 1990 г. Манченковы принимают активное участие в возрождении казачества или поддерживают это движение. При этом абсолютное большинство относит себя к казачьей этнической группе России. Несмотря на утрату первоначального интереса к активному участию в возрождении казачества, этническая самоидентификация не утратилась. Более того, увеличивается интерес к генеалогическим исследованиям.

Итогом данной работы является обобщение архивных материалов, мемуаров, воспоминаний казаков, подвергшимся расказачиванию и гонениям. Особой ценностью является субъективный анализ процессов, происходивших в казачьей среде, изложенных непосредственными участниками событий.

Примечания

1. Душа казака. Памятка, записанная гражданским писарем Ольгинского станичного правления И.И. Манченковым при объявлении мобилизации въ стан. Ольгинской 17 июля 1914 года. Новочеркасск, 1915.

2. Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (далее – Архив ФСБ РФ по РО). П. 30500, дело № 560 по обвинению Манченкова Ивана Игнатьевича в расстреле лиц, сочувствовавших Советской власти и в службе у белых на ответственном посту. В кн.: Манченков Р.Н. Душа казака. Ростов н/Д, 2018. С. 10.

3. Архив ФСБ РФ по РО. П-29874, дело по обвинению Манченкова Тихона Игнатьевича и Василия Тихоновича по статье 58 п. 10. Начато 24 августа 1936 года. В кн.: Манченков Р.Н. Душа казака. Ростов н/Д, 2018. С. 42.

4. Манченков Илья Тихонович. Списки захоронения. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 16.03.2019).

5. Архив ФСБ РФ по РО. Дело № 224 по обвинению Манченкова Владимира Игнатьевича по статье 58 п. 2-10-11 УК РСФСР № 11-082. Начато 19 октября 1940 г. Окончено 17 января 1941 г. В кн.: Манченков Р.Н. Душа казака. Ростов н/Д, 2018. С. 45.

6. Манченков Георгий Владимирович. Сводная картотека. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 16.03.2019).

РАЗДЕЛ 2. РАСКАЗАЧИВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

А.В. Венков

ПОЛИТИКА РАСКАЗАЧИВАНИЯ: ПОПЫТКА ГЕНОЦИДА ИЛИ СТРАТОЦИДА?

Процесс раскасаживания начался еще во второй половине XIX в., когда в России ускорилось имущественное расслоение населения и начались реформы императора Александра II. Однако правительство, заинтересованное в дешевой квалифицированной военной силе, сдерживало его и консервировало экономические отношения внутри казачьего сообщества и социальную жизнь этого сообщества.

Большевики, пришедшие к власти в России в 1917 г., конечной целью считали мировую революцию. Всё, что предпринималось и творилось ими в России, в первые годы после захвата власти относилось к тактике удержания власти с целью подтолкнуть революцию в Европе. В ноябре 1917 г. в подготовительных документах В.И. Ленин отмечал: «Признание революции 25.X. за социалистическую революцию» [1]. Видя в казаках серьезную силу, большевики сначала с ними заигрывали. Представителей казаков включили в состав Советов, расширив название этих организаций – «Советы рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов». Одно это указывает, что большевики казаков народом не считали. 23 марта 1918 г. была создана Донская советская республика, во главе которой стояли революционные казаки В.С. Ковалев и П.Г. Подтелков.

Однако отсутствие в стране достаточно многочисленного рабочего класса и наличие большого количества вызревших внутри самой России острых социальных и имущественных противоречий вынуждали большевиков изменить свою программу, втянуться в начавшуюся гражданскую войну в городе и в деревне и даже идти на ее обострение, опираясь на политику террора, чтобы удержаться у власти, пока не началась революция в Европе.

Председатель Московского Совета П. Смилович говорил в сентябре 1918 г. с трибуны ВЦИК: «...Эта война ведется не для того, чтобы привести к соглашению или подчинить, это война – на уничтожение. Гражданская война другой быть не может» [2, с. 222].

5 сентября 1918 г. публикуется декрет о красном терроре, согласно которому репрессиям подлежали все, «прикосновенные» к заговорам и мятежам. Удар пал на дворянство и затем на духовенство. Уничтожались целые страты общества. Но именно в это время большевики пытаются создать новое казачье советское правительство – Походный Круг, а затем, в октябре 1918 г., главнокомандующий Вооруженными силами Республики И. Вацетис предлагает «укрепить в Донской области власть революционного казачества, стоящего на платформе советской власти» [3, с. 122].

Однако на Дону ситуация осложнялась тем, что революция подталкивала донское крестьянство на его борьбу с привилегированными землевладельцами-казаками. Борьба обострялась из-за того, что советская власть помещичьей земли крестьянам здесь, на Дону, не дала – все имения были преобразованы в совхозы. А казаки оказались наряду с дворянством и духовенством достаточно организованной силой, противостоящей большевистским преобразованиям. Весной 1919 г. член Донбюро РКП(б) С.И. Сырцов докладывал: «Ненависть против казаков, на которых крестьяне привыкли смотреть как на классовых врагов, только теперь находит свое выражение... Победы Красной армии вдохнули уверенность в крестьян, и они начинают расправу с казачеством» [4, с. 261].

Многочисленное местное крестьянское население, поддерживая красных, стало грабить казачьи станицы. Так произошло в станице Луганской: «Бери, бери, – говорили хохлы. – Цэ ж наше риднэ. Понаграбили козаки повнисеньки дома и сундуки усякого добра, но цэ все наше – бери...» [5].

Несмотря на то, что стихийное движение крестьянства нарушало классовый подход к решению вопроса, носило «антиказачий» характер и иногда выражалось в неприкрытых грабежах станиц, группа работников во главе с Сырцовым считала, что крестьяне в массе (за исключением небольшого процента отъявленных кулаков) представляют тот элемент, на который партиям в борьбе с казачеством придется опираться [4, с. 261]. То есть к казачеству относились как к достаточно многочисленной страте общества, подлежащей уничтожению, так же как и дворянство.

Начавшаяся революция в Германии укрепила большевиков во мнении, что с малочисленным (относительно всего населения России) казачеством можно расправиться одним ударом.

Была проведена соответствующая информационная работа. В нескольких номерах «Известий Народного комиссариата по военным и морским делам» печатается статья, озаглавленная «Борьба с Доном». Автором ее был, как ни странно, главнокомандующий Вооруженными силами Республики И. Вацетис. Вывод статьи гласил: «Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции. Стомиллионный русский пролетариат не имеет никакого нравственного права применить к Дону великодушие... Дон необходимо обезлошадить, обезоружить и обезногаить и обратить в чисто земледельческую страну» [6].

Основным инструктивным документом об организации работы на Дону было циркулярное письмо Оргбюро ЦК от 24 января 1919 г. Это письмо, ныне хорошо известное, не рекомендовало ничего, выходящего за рамки общей политики пар-

тии и правительства, известной впоследствии под названием военного коммунизма. Необычным был первый пункт – о массовых репрессиях.

Еще до выхода этого документа ряд видных работников Южного фронта высказал свое мнение по этому вопросу. С. Сырцов утверждал: «Иной политики, кроме политики быстрого и решительного обезвреживания контрреволюционеров, кроме террора, положение не могло диктовать...» [7].

Оргбюро ЦК поддержало линию Сырцова. Еще до того как письмо дошло до армейских политорганов, Я.М. Свердлов ответил на многочисленные запросы с мест о линии поведения на Дону: «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость недопустимы.

Полагаю, что приведенная мною выдержка ясно и точно отвечает на все ваши вопросы» [8].

Как только циркулярное письмо прибыло на юг, местные партийные органы надавили по своей линии: «В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний, Донское бюро предлагает провести через соответствующие советские учреждения следующее:

1. Во всех станицах и хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях (уличенные, согласно директиве ЦК, должны быть расстреляны) и отправить как заложников в районный революционный трибунал...

3. В состав ревкома ни в коем случае не могут входить лица казачьего звания (не коммунисты).

4. Составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех бежавших казаков (то же относится и к кулакам) и всякого без исключения арестовывать и отправлять в районный трибунал, где должна быть применена высшая мера наказания» [8; 10б].

Инструкция Реввоенсовета фронта, составленная в не менее решительной форме, была переслана армейским органам 8 февраля. По получении ее некоторые работники в опасении провокации выслали копии Ленину как председателю Совета обороны и наркомвоену Троцкому [9].

Во главе ревкомов, окружных и станичных, ставились «элементы, наиболее пострадавшие от Краснова...», которые, «вспоминая прежние обиды, допускали ряд безобразий, оказывались сплошь и рядом людьми нечистоплотными, бандитски настроенными» [10]. Посланный в Хопёрский район для организации совнархозов коммунист Нестеров докладывал в Казачий отдел, что в местных органах власти сидят бывшие правые эсеры и бундовцы, «причем часто этими элементами инструкция о терроре понималась как полное уничтожение казачества» [10, с. 321], а руководящим принципом служило «чем больше вырежем казачья, тем скорее утвердится советская власть на Дону» [10, с. 321].

Однако переход непосредственно к репрессиям задерживался. Дело в том, что большая часть белой Донской армии зимой 1918–1919 гг. разошлась по домам, припрятав оружие. Наконец, 6 марта приказом № 333 РВС Южного фронта упразднил «казачье-полицейское» деление области. Отныне она делилась на районы. Верхне-Донской округ после значительной урезки был переименован в Вёшенский район в составе Казанской, Мигулинской, Вёшенской, Еланской, Усть-Хоперской и Краснокутской станиц. Параграф 3-й приказа обязал районные ревкомы принять меры к созданию волостных и станичных ревкомов, при недостатке работников возможно было временное назначение в станицы и волости комиссаров. Параграф 4-й переименовывал Краснокутскую станицу в Подтелковскую волость, а хутор Ушаков Боковской станицы в хутор Кривошлыков. Вёшенскому ревтрибуналу приказано было провести расследование обстоятельств гибели подтелковской экспедиции и всех причастных к злодеянию предать беспощадному революционному суду [11, с. 48].

Проведение террора началось. С.И. Сырцов докладывал: «В районе проводились массовые расстрелы. Точных цифр не имеется (свыше 300). Настроение у казачьего населения с самого начала было подавленное, но оппозиционное. Намечавшийся заговор был раскрыт, участники расстреляны. Проведению террора мешало противодействие 8-й армии» [12].

Возможно, количество репрессированных достигло бы значительной цифры, но на самом деле к моменту восстания их было около 300, а если учесть, что округ населяло 170 тысяч жителей, из каждой тысячи расстреляли двоих. Казаки не позволили убивать себя. Через три дня после начала расстрелов вспыхнуло восстание.

Роль сыграла сама установка власти на террор, жертвой которого мог стать практически каждый, кто до этого служил у белых.

Один из членов Реввоенсовета Республики И.Т. Смилга признавал: «Советское правительство совершило, безусловно, громадную политическую ошибку в начале 1919 года, когда после ликвидации Краснова бросило лозунг о “расказачивании” казачества и физического истребления “верхов” и тех казаков, которые активно участвовали в борьбе против нас. Эта политика, продиктованная, к сожалению, зном борьбы, скоро дала свои губительные результаты. Положившее оружие казачество восстало почти поголовно...» [7, с. 19].

17 марта Реввоенсовет 8-й армии (Якир, Вестник) отдал приказ, в котором говорилось: «Предатели донцы еще раз обнаружили в себе вековых врагов трудового народа». Предписывались карательные меры – «поголовное уничтожение», процентный расстрел, сожжение станиц. Заклучался приказ словами: «Всем частям, действующим против восставших, приказывается пройти огнем и мечом местность, объятую мятежом» [8, с. 15].

Донское бюро РКП предлагало меры еще более жестокие: за каждого убитого красноармейца и члена ревкома расстреливать сотню казаков; выселить мужское население с 18 до 55 лет, за каждого бежавшего расстреливать пятерых [12; 180б.].

На попытки ряда хуторов «договориться» с красными был дан ответ 18 марта: «Никаких гарантий повстанцам не может даваться... Неуклонно должна быть проведена самая решительная расправа» [13, с. 165].

Однако все эти распоряжения о процентных расстрелах и расправах остались пожеланиями, так как восстание приняло массовый характер, и повстанцы начали правильные военные действия, в которых серьезные потери несли обе стороны.

16 марта 1919 г. состоялся пленум ЦК. Вот выдержка из протокола: «Сокольников поднимает вопрос о постановлении ЦК о казачестве и указывает, что постановление это невыполнимо для донского казачества и что в Донской области есть резкая разница между севером и югом, которая делает излишним вмешательство наше. Поднимается вопрос о несоответствии пятерки на Дону ее назначению.

Постановили: ввиду явного раскола между северным и южным казачеством на Дону и поскольку северное казачество может содействовать нам, мы приостанавливаем применение мер против казачества и не препятствуем его расслоению.

Передать вопрос о пятерке на Дону в бюро ЦК» [14, с. 163].

«Пятеркой на Дону» назвали Донбюро РКП(б), орган, предназначенный для организации разведки и агитации и пропаганды в тылу у белых, но взявший на себя партийное руководство организацией на Дону советской власти. Впрочем, никаких организационных выводов по отношению к «пятерке» не последовало, видимо, Оргбюро ЦК, занимавшееся этими вопросами, сочло деятельность Донбюро в общем правильной. Как считали некоторые политработники, «непосредственных крупных политических ошибок в деятельности Донбюро не было. Донбюро можно обвинить, что оно недостаточно боролось с перегибами, допускаемыми местными властями...» [15].

Однако все эти послабления стали делом временным. 8 апреля 1919 г. Донбюро РКП(б), та самая «пятерка», о несоответствии которой своему назначению говорил Сокольников, вынесло резолюцию об отношении к казачеству. «Политика центральных и местных (Донских) органов власти должна определяться положениями:

1) существование донского казачества с его экономическим укладом... стоит перед пролетарской властью неизменной угрозой контрреволюционных выступлений.

Положению советской власти, угроза успешного наступления на которую иностранного капитализма еще не устранена, наличие этого кадра живой силы контрреволюции грозит величайшей опасностью.

Всё это ставит насущной задачей вопрос о полном, быстром, решительном уничтожении казачества как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, активно контрреволюционных, распыление и обезвреживание рядового казачества и о формальной ликвидации казачества» [16]. То есть большевики предполагали уничтожение казачества «как особой экономической группы».

Донбюро предлагало упразднить войсковую собственность на землю, наделять войсковыми и юртовыми землями малоземельных крестьян и переселенцев «с соблюдением по возможности форм коллективного землепользования»; наложить контрибуции на отдельные станицы; провести чрезвычайный налог с таким расчетом, чтоб он главной своей тяжестью, наряду с крупной буржуазией, лег на

казачество. Предлагалось переселение крестьянских элементов из Центральной России. «Необходимо широко провести вывод казаков за пределы области, для этого должна быть разработана система частных мобилизаций» [16; 164–164об.]. С.И. Сырцов повез эту резолюцию в Москву на рассмотрение ЦК.

В Москве искали те средства, которые могли бы не только погасить пожар мятежа, но и обезопасить от последующих вспышек в местности, «где 80 % населения относятся к советской власти явно оппозиционно, угрожая постоянными восстаниями» (Коллегаев, Тарасов, Плятт 15 апреля Ленину) [4, с. 520].

22 апреля ЦК рассмотрел доклад Сырцова о положении на Дону и привезенную им резолюцию Донбюро, предлагавшую продолжить террор против активных контрреволюционных верхов казачества, распылить рядовое казачество посредством частных мобилизаций и начать переселение бедноты из центра на Дон. ЦК утвердил резолюцию Донбюро с добавлением, что крестьяне, живущие на Дону, должны быть вооружены, так же и переселенцы [16; 164об.]. Отныне резолюция Донбюро стала документом, определяющим политику партии и правительства по отношению к казачеству на Дону. Фактически это и была пресловутая политика расказачивания. Член ЦК А. Белобородов, известный тем, что в 1918 г. он подписал решение о расстреле царской семьи, был послан на Дон контролировать проведение в жизнь этих решений. Необходимо отметить, что официально политика расказачивания проводилась лишь в северных округах Дона и на территории Уральского казачьего войска.

7–8 июня 1919 г. верхнедонские повстанцы соединились с войсками Донской армии. Территория Донской области практически освободилась от большевиков. Политика большевиков повисла в воздухе. Теперь они никого не могли расказачить. Политика переносилась на будущее. Время ее окончания еще до конца было не определено. Однако известно, что, начиная очередное наступление на Дон в августе 1919 г., ВЦИК и СНК обещали никого не расказачивать насильно, обещали оставить казакам их земли и право ношения формы [17, с. 156].

Примечания

1. Ленин В.И. Тезисы о задачах партии + текущий момент // Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. 424 с.
2. Пятый созыв Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М., 1919.
3. Директивы главного командования Красной армии. М., 1968.
4. Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Т. 7. М., 1971.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1317. Оп. 1. Д. 10. Л. 28.
6. Вацетис И. Борьба с Доном // Известия Народного комиссариата по военным и морским делам. 1919. 8 февраля.
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 910. Оп. 3. Д. 665. Л. 25.

8. Там же. Д. 670. Л. 1.
9. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 100. Оп. 2. Д. 224. Л. 172.
10. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 15. Л. 320.
11. Венков А.В. Вёшенское восстание. М., 2016.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 6. Д. 81. Л. 19.
13. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997.
14. Известия ЦК КПСС. 1989. № 8.
15. ГАРФ. Ф. 7898. Оп. 1. Д. 39. Л. 62.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 163–164.
17. Ермолин А.П. Революция и казачество 1917–1920. М., 1982.

О.М. Морозова

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В СОСТОЯНИИ КРИЗИСА СОСЛОВИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Задолго до начала революционных событий казаки обсуждали выгоды и тяготы своего «состояния», что дает представление о том, при каких условиях они ценили казачьи лампасы, а при каких готовы были с ними расстаться. Теория цикличности утверждает, что в высшей точке экспансии (подъема) начинается фаза спада. По мнению самих казаков, упадок их сословия начался во второй трети XIX века. Положение 1835 г., ставшее результатом работы Особого комитета об устройстве Войска Донского и завершившее юридическое оформление прав и обязанностей казаков Дона, стало высшей точкой расцвета сословия. Как известно, это было сделано для того, чтобы уменьшить тяготы отбывания казаками воинской повинности. Но желанного благополучия это не принесло. Казачье офицерство было недовольно неравенством в условиях службы и жаловании с «русскими» офицерами, т.е. офицерами регулярной армии. Власть считала причиной «недоплаты» предоставление права на земельный надел. Но казаки были уверены, что они вошли в Россию со своею землей, и пользование ею полагали естественным и безусловным.

С пониженным жалованием в войске связана ситуация, вызвавшая появление слова «расказачивание» на страницах датированного 1832 г. письма. Молодой казак И.С. Ульянов, проявивший таланты и усердие к службе, был переведен из донского полка в конвойный полк при цесаревиче Константине Павловиче в Польше. Как офицер регулярной армии он получал повышенное жалование, но был лишен права на «льготу». Его задержка в Польше вызывала вопросы у родных, и своему шурина А.И. Карасеву он отвечал: «Успокойтесь, любезный братец, я не расказачился!..» – и обещал к концу сентября «выбросить свою душу и тело на родимую

землю, прямо на арбузы» [1]. Контекст написанного ясен: родных беспокоил соблазн предпочесть армейскую службу. Но Ульянов не сделал этот шаг и всю свою последующую жизнь выступал как противник превращения казачьих частей в регулярные. Сохранение им верности «казачьему званию» могло быть связано, во-первых, с существовавшими автономистскими настроениями. Например, во время Крымской войны генерал И.И. Краснов, дед атамана Всевеликого Войска Донского, не советовал сыну Ульянова стремиться в Севастополь, поскольку куда святее для казака «оборона нашей родины» [2], т.е. Дона. И, во-вторых, могли сыграть свою роль и материальные соображения. Исключение из войскового реестра вело к потере казачьего надела, без него семья не могла прожить лишь на офицерское жалование.

Тяготы службы – популярный сюжет обмена мнениями между казаками. К тяготам причисляли жизнь, отдельную от семей; заброшенность семейного хозяйства; нездоровый климат мест службы. Непосредственная военная опасность к ним никогда не относилась. Служба на Кавказе считалась хуже Сибири, чуть ли не равная чуме. Заразные болезни: малярия, холера, тифы; скученная жизнь в гарнизонных городках, произвол и пьянство офицеров отравляли жизнь казаков, отправленных на линию. Самодурство офицеров искупалось, разумеется, их храбростью в боевых обстоятельствах [3].

Во время Великих реформ, имевших скрытый, но всё же ощутимый посыл к упразднению сословности в жизни страны, казаки получили определенные послабления в отношении службы, но не всеми плодами реформ они смогли воспользоваться, в том числе и по своей вине.

Реформы в известной степени были ответом на ожидания казаков. В 1863 г. сроки вместо 25 лет полевой (в строевых частях) и 5 внутренней службы (в станичных командах) были сокращены для донцов до 22 лет (до 15 и 7 лет соответственно). «Положение о военной службе казаков Донского войска» 1874 г. и «Устав о воинской повинности Донского войска» 1875 г. устанавливали срок военной службы уже в 20 лет. Из них 12 лет считались строевой, но действительная служба была 4-летней. В течение следующих 8 лет «льготная» строевая служба требовала прохождения лагерных сборов. В это время казаки жили уже дома. После чего пять лет пребывали в запасе. Но казаки считали, что военная реформа 1874 г. обошла их. Если сословия, подлежащие призыву, выставляли на воинскую службу по жребию или по решению схода лишь определенное число новобранцев, то на Дону все достигшие 18-летнего возраста казаки зачислялись в полк. Уралец И.И. Железнов (1824–1864), сравнивая казака с крепостным, говорил, что если крестьяне получили волю в 1861 г., то казачество продолжает оставаться в кабале [4, с. 262–264].

В это время происходит упадок экономического благосостояния войска, вызванный целым рядом обстоятельств. История Пятисотского общества торговых казаков является частью этой тенденции. С 1804 г. по ходатайству атамана М.И. Платова занимающиеся торговлей казаки освобождались от строевой службы на время похода за взнос в особый капитал, предназначенный на снаряжение на службу бедных казаков. В пореформенное время торговые казаки добились

исключительных прав на территории Войска Донского [5]. И, казалось, судьба общества должна быть обеспечена. Но к началу XX в. оно обезлюдело, что было связано с присоединением в 1887–1888 гг. к Области Войска Донского Ростова-на-Дону, Нахичевани-на-Дону и Таганрога (относившихся ранее к Екатеринославской губернии) с многотысячным населением ремесленников и торговцев всех национальностей и сословий.

Время контрреформ (наступившее с 1881 г. десятилетие) названо в докладе Комиссии по вопросу о причинах обеднения Донского казачьего войска и о мерах к восстановлению его благосостояния (1898–1899 гг.) «временем прискорбных разочарований» [6]. В докладе ее члена, статского советника А.А. Донецкого, наряду с другими причинами «расстройства хозяйственного быта казачьего населения Дона» названы малоземелье и дороговизна сбора казака в армию (высокая цена и строгие требования к обмундированию, вооружению и амуниции, которые раньше вырабатывались в домашнем хозяйстве, теперь же должны покупаться) [7].

Ощущение себя «за бортом» преследовало казачество в вопросах банковском кредите и земстве. Областное дворянское собрание ходатайствовало о распределении деятельности Крестьянского банка и на казаков Войска Донского, чтобы и они пользовались теми льготами при покупке земли, что и крестьяне. Но министерство финансов отказало, мотивируя тем, что средняя величина казачьего надела существенно выше, чем в среднем по стране [8].

Важной в контексте темы представляется судьба земства на Дону. Оно просуществовало неполных шесть лет [9]. Соседство с крестьянами в выборных органах оказалось казакам не по вкусу, и по их просьбе отменить земство произошла отмена выборных органов самоуправления и замена их на управление земским хозяйством назначаемыми чиновниками; но были сохранены земские выплаты, налагаемые в основном на зажиточных казаков и, прежде всего, на донское дворянство. Таким образом, казаки оказались в проигрыше и 30 лет постепенно всё громче и громче просили вернуть им полноценное земство. Донские дворяне примерно с 1885 г. возбуждали вопрос о введении на Дону земских учреждений вновь [10]. Хотя единства в вопросе не было. Военное министерство возражало, поскольку земские сборы, а это до полумиллиона рублей ежегодно, поступали в распоряжение его чиновников. Смету расходов земских капиталов составляла Донская казенная палата. 68 % всего расходного бюджета шло на исполнение государственных повинностей (постовой, дорожной, этапной, воинской) и содержание гражданских учреждений. И только 32 % направлялось на собственно земские нужды: на врачебную и ветеринарную помощь, народное образование, лесоразведение [11]. Требовали земства социально и экономически активные слои казачества и населения Дона в целом. Станичные власти, чувствуя настрой начальства, высказывались против земства. Простые казаки относились к этому вопросу равнодушно. И тем не менее вольное обращение столичной власти с войсковым капиталом было одним из поводов недовольства казаков. К 1906 г. весь войсковой капитал (около 9 млрд руб.) был израсходован на покрытие убытков от неурожая и мобилизацию полков 2-й и 3-й очереди на войну с Японией,

т. е. потребности общегосударственного характера были оплачены из сумм войска [12]. И когда встал вопрос о поддержке сирот и семей погибших и получивших увечья, денег для этого не оказалось. Правительство попыталось успокоить донцов сокращением срока подготовительной службы до одного года в 1905 г. и назначением казакам-новобранцам пособия в размере 100 руб. на покупку строевого коня в 1907 г. Но пособие-то было возвратным.

О том, как вопрос о расходах казака по сбору на службу способствовал развитию просоветских настроений, свидетельствует рассказ Василия Федоровича Егорова, 1893 г. р. [13]. По причине своей бедности отец Егорова был снаряжен на Русско-японскую войну за станичный счет, из-за чего семья лишилась надела на 5 лет. Отец погиб на войне. На германскую войну таким же образом был экипирован и сам Василий, так, семья осталась без надела еще на 4 года. Маломощные казаки имели долги перед станичными правлениями за «арматур», который нужно было «справить» перед призывом. Покрывался этот долг из сумм, получаемых правлением за сдачу в аренду перешедших к нему в распоряжение наделов земли. В феврале 1918 г. Егоров вернулся домой и со своим конем вступил в красногвардейский отряд. Егоров понимал, что при старом порядке вещей весной этого года он свой надел засеять права не имеет.

Статистический материал подтверждает совпадение районов со значительной долей паев, забранных за долги, с высокой степенью революционизации казачества [14].

В последние десятилетия перед революцией падал не только финансовый, но и репутационный капитал казачества. Во-первых, казаков обвиняли в том, что они не оправдали надежд на поле боя в Японскую войну [15]. Зазвучали обвинения в превращении казаков в жандармов в дни Первой русской революции. На заседании Государственной думы 13 июня 1906 г. три депутата от казаков: товарищ прокурора Таганрогского окружного суда М.П. Араканцев, священник о. Клавдий Афанасьев и учитель Новочеркасского реального училища Ф.Д. Крюков – говорили о том, что казаки тяготеют службой и считают свое участие в усмирении не военной, а полицейской службой [16].

Значимость принадлежности к казачеству снижалась. Уже в 1899 г. в докладе Донецкого констатируется, что многие казаки переходят в ряды мещан. Казак А.А. Дорошев, отец будущих большевиков Ипполита и Александра Дорошевых, после упадка семейного хозяйства переписался в мещане, чтобы избавиться от ежегодных сборов. Имея трех детей, он поступил конторщиком на рудник. Это позволило дать образование сыновьям. После реального училища Ипполит поступил учиться в Психоневрологический институт, а Александр – в Московский коммерческий институт [17].

Отречение императора открывало дорогу к бессловному строю. 3 марта 1917 г. в совместном воззвании Временного правительства и Петросовета говорилось о скорой отмене сословных, вероисповедальных и национальных ограничений и привилегий. В казачьих войсках Сибири и Дальнего Востока поднялось движение за расказачивание. Казаки хотели достичь равноправия с остальными гражданами. В решениях казачьих съездов озвучивалось желание иметь воинскую

повинность, подобную другим слоям российского населения, особенно в части обмундирования и снаряжения [18, с. 44–45].

Чем же была вызвана популярность линии на укрепление войсковых начал на Дону? Если весной 1918 г. казачество, по словам члена ревкома станции Куберле М.П. Дубровина, «ишло рука об руку с солдатами старой армии (т. е. иногородними. – О. М.) и совместно строило советы и советскую власть на Дону», то позже между ними произошел раскол [19]. Его причиной называется «суровая политическая работа» советских органов, открывшая дорогу активизации традиционных психологических установок: у казаков – страха потерять «добытое кровью», у иногородних – давнего ощущения бесправного пребывания на донской земле.

Исследователи связывают переход советской власти к карательным мерам с условиями военного времени и нарастанием напряженности вооруженного противостояния [20]. Они подчеркивают, что расказачивание осуществлялось и Донским казачьим правительством. По законам, принятым Большим войсковым кругом, лишались звания лица, не желавшие служить в Донской армии и запятнавшие себя сотрудничеством с большевиками. Этим же актом утверждались меры противоположного характера – зачисление крестьян в казаки. Чем же эта мера отличается от тезиса об уравнивании казаков и пришлых иногородних в советской директиве от 24 января 1919 года? Только тем, что зачисляемый сражался против Красной армии. Что касается репрессивной стороны отношения к казачеству основных противоборствующих сил, то она осуществлялась из соображения нанесения ущерба противнику. Ростовский историк Д.С. Бабичев со ссылкой на архивные документы писал, что в годы Гражданской войны белыми (казаками и добровольцами) на Дону было казнено 45 тыс. казаков – сторонников советской власти [21, с. 3–4].

После тяжелых боев лета и осени 1918 г. стал проявлять себя соблазн определять врагов и союзников по старым сословным признакам. Ведь в условиях необходимости оперативного реагирования на угрозу широко используются решения с запрограммированной массовой реакцией. Но Вёшенское восстание 1919 г. заставило большевиков отказаться от обозначившейся линии наступления на казачество как класс. Этим они доказали свою гибкость, ставшую одной из причин их победы. М.Ф. Болдырев в письме своему товарищу М.Т. Донецкому (настоящая фамилия Пустошкин; оба из казаков) развивает свое видение политики в отношении казачества: «Беда заключается в том, что посланные сотрудники особых отделов... желая показать свою работу, проявляют массу ретивого рвения и тем оказывают общему делу коммунистической [борьбы] медвежью услугу, если не сказать больше. Только вспомни Хоп[ерский] округ <...> по хуторам и станицам они считали должным известить десятка два арестов[анных] казаков. Иначе нельзя – работы не видно. Создавали работу. Всякий отлично понимает, что все казаки (80 %) – контрреволюционеры. Но ведь нужно исходить из точного учета сил, что можно сделать, а что и нельзя (в последнем случае – гибкая политика). <...> Да, нам нужны, повторяю, и Особ[ые] от[делы], и Ч[резвычайная] К[омиссия]. На них лежит чрезмерной важности работа...

Там должны быть сотрудники кроткие, как голуби, мудрые и решительные, как змеи» (30 сентября 1919 г.) [22].

Итак, кризис казачества как сословия нарастал постепенно и был частью общего процесса разрушения феодальной структуры общества. Все сословия теряли четкость своих границ, утрачивали привилегии и права, обрастали несвойственными для них обязанностями. Само государство стремилось к унификации структуры общества для упрощения управления им и усиления давления на общество.

Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантами Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-00115\19.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 122об.
2. Там же. Д. 34. Л. 452об.
3. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 313. Л. 86–93.
4. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. В 3 т. 3-е изд. СПб., 1910. Т. 1.
5. Савельев Е. Очерки по истории торговли на Дону: Общество донских торговых казаков. 1804–1904 гг. Новочеркасск, 1904. С. 40–41; ГАРО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2об.; Д. 70. Л. 1, 2.
6. ГАРО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 47. Л. 148.
7. Там же. Л. 145–149.
8. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 60. Л. 22.
9. Волвенко А.А. Земская реформа в Области Войска Донского, 1864–1882 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
10. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 60. Л. 8, 42.
11. Там же. Л. 38.
12. Там же. Л. 60–61.
13. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 808. Л. 12.
14. Морозова О.М. Левобережные казаки и ранние страницы истории Первой конной // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / под ред. А.В. Посадского. М., 2015. С. 326–336.
15. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 615. Л. 116–117.
16. Там же. Д. 601. Л. 122.
17. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 345. Л. 5 об.
18. Футорянский Л.И. Проблемы казачества: рассказывание // Вестник ОГУ. 2002. Вып. 2.
19. ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 360. Л. 32.

20. Козлов А.И. Рассказывание: Дон, 1919 // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 162–192.
21. Бабичев Д.С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д, 1969.
22. ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 338. Л. 7–8об.

**В.И. Попков, Л.И. Будченко,
Ю.Ф. Болдырев, О.В. Назарова, С.Д. Назаров**

ВЕРХОВОЕ ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО. 1919 ГОД: ЭТАПЫ РАССКАЗЧИВАНИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

30 мая 1918 г. Советом народных комиссаров был утвержден декрет «Об организации Советской власти в казачьих областях» [1].

Донская область рассматривалась как монолитный, надежный плацдарм в борьбе против советской власти. Однако события лета и осени 1918 г. показали, что «казачья Вандея» раздираема внутренними противоречиями. Весь ход Гражданской войны на Дону и в других районах страны подводил к переломным изменениям настроения среди крестьян и казаков. Это было всероссийским явлением, которое нашло свое отражение и в специфических донских условиях.

Приближался 1919 год, который ознаменовался мощным наступлением Красной армии на Южном фронте. Общестратегическая задача в то время состояла «в быстром, решительном и общем наступлении на Краснова». Многие казачьи части в январе 1919 г. открыли фронт наступающим частям Красной армии. Именно это «бегство» казаков с фронта ускорило крах «красновщины», крах иллюзий использовать в интересах Белого движения автономистские и «самостийнические» настроения среди казаков. Начало 1919 г. ознаменовалось восстановлением советской власти на большей части донской земли [2].

При проведении советскими органами власти земельной и продовольственной политики в ходе борьбы с контрреволюцией в казачьих районах Донской области в 1919 г. были допущены серьезные ошибки. Советская власть в северодонских округах восстанавливалась в начале 1919 г. в трудных условиях. Трудовое казачество начало поворачиваться к советской власти, подтверждением этому было открытие верхнедонскими казаками фронта перед Красной армией зимой 1919 г., но атаманско-офицерские верхи казачества и не думали складывать оружия. Они продолжали борьбу против советской власти. Необходимо было обезвредить контрреволюционную верхушку казачества в целях укрепления народной власти. 22 января 1919 г. Реввоенсовет Южного фронта передал по телеграфу в красноармейские части инструкцию политкомам «Об организации властей в освобожденных от красновского гнёта территориях». В ней говорилось: «Подозрительные

и ненадежные элементы подлежат аресту и отправке в Борисоглебск и Балашов» [3]. Особо подчеркивалось, что «массовый террор в занимаемых областях совершенно нежелателен и недопустим, помогая красновскому запугиванию и затрудняя наше продвижение» [3]. Предписывалось: «Террор применять только к выдающимся деятелям белогвардейского лагеря» [3]. 2 февраля 1919 г. член РВС Южного фронта Г.Я. Сокольников заявил, что в связи с разложением белоказачьих войск и их переходом на сторону красных им предъявляется требование сдать оружие и выдать своих командиров. После этого сдавшиеся части отводились в глубокий тыл [4]. К сожалению, эти правильные установки были заменены другими, которые были выдвинуты Донбюро РКП(б) за сопротивление атаманско-офицерской верхушки казачества советской власти во второй половине 1918 – начале 1919 г. Руководители Донбюро упустили начавшийся поворот значительной части среднего казачества на сторону советской власти и сделали явно поспешный вывод о том, что большая часть казачества настроена враждебно к ней.

Свой вывод Донбюро соответствующим образом обосновало. В январе 1919 г. один из его руководителей, С.И. Сырцов, писал в секретариат ЦК партии: «Принимая во внимание, что значительная часть Донской области по самой природе своей враждебна социалистической власти, что отдельные сочувствующие единицы тонут в море темной, невежественной буржуазной казачьей массы (“трудовое революционное казачество” больше существует как агитационная формула, чем на самом деле), предоставить самой массе, почти однородной в экономическом отношении, строить местные органы власти было бы ошибкой» [5]. Сырцов подчеркивал: «Нельзя доверять населению Дона» [5].

При этом под подозрение попадали даже донские коммунисты, отдельные советские работники, командиры только потому, что они были казаками. Коммунист В.С. Ковалев, уроженец Усть-Медведицкого округа, представил в январе 1919 г. в Донбюро доклад о задачах советской власти на Дону. Он поставил вопрос о привлечении к советскому строительству известных казакам лиц, в том числе и беспартийных [6], и выступал за восстановление Донского Советского правительства. Последнее положение было ошибочно. В целом же доклад Ковалева заслуживал внимания. Мысли Ковалева не являлись плодом «его воспаленного ума». Он исходил из знания местных донских условий, которые необходимо было учитывать при восстановлении советской власти на Дону в начале 1919 г. Важность учета местных условий указывалась и в докладах, направляемых из освобожденных районов области в Казачий отдел [7]. В заключении Донбюро по докладу Ковалева, подписанном членом Донбюро А. Френкелем, отвергалась мысль о воссоздании Донского правительства. Донбюро заявило о недопустимости включения беспартийных казаков в состав органов власти. В этом же документе В.С. Ковалев характеризовался как «не способный к политической деятельности» [8]. И это было сказано о члене партии с 1905 г., прошедшем в 1908 г. военный суд, а затем до весны 1917 г. отбывавшем каторгу и ссылку. Донбюро вместо классового принципа стало проводить «рассказывание». Это касалось хозяйственного, правового положения и быта всего казачества. В апреле 1919 г. Донбюро в одном из своих документов

писало: «Существование донского казачества с его экономическим укладом жизни, остатками экономических привилегий, прочно укоренившимися традициями стоит перед пролетарской властью неизменной угрозой контрреволюционных выступлений. Всё это ставит вопрос о полном, быстром и решительном уничтожении казачества как особой бытовой экономической группы, разрушении его хозяйственных устоев» [9]. Речь шла не только о борьбе с верхами казачества, а о «распылении» и обезвреживании рядового казачества и формальной ликвидации казачества [9]. При освобождении северо-восточных округов Дона в январе-феврале Донбюро «подняло вопрос об уничтожении на Дону некоторых административно-исторических пережитков», так как они, – говорилось в докладе Донбюро VIII съезду партии, – «обособляя казачество, удерживают его в закостенелости и темноте» [10]. Чего же добивалось Донбюро?

Донбюро предложило немедленно расчлнить Донскую область, включив северо-восточные округа в состав Саратовской, Тамбовской и вновь образуемой Царицынской губерний, а из южных округов создать Ростовскую губернию.

Это должно было, по мысли Донбюро, разобщить контрреволюционное казачество («оторвать куски мяса контрреволюции друг от друга») и привести к тому, что «на севере и на юге казачество растворилось бы с течением времени после некоторых мероприятий среди остального населения» [11].

Уже 28 февраля 1919 г. в телеграмме в Царицынский комитет нарком внутренних дел РСФСР сообщил о создании Царицынской губернии, а 24 марта 1919 г. постановлением коллегии НКВД создание губернии было оформлено юридически. Только 4 апреля 1921 г. постановлением ВЦИК была окончательно учреждена Царицынская губерния [12]. Первый Царицынский губернский съезд Советов открылся лишь 16 мая 1920 г.

Преследуя ту же цель «растворения казачества», сторонники расказачивания спешно провели в марте 1919 г. новое районирование Донской области. И это несмотря на то, что ЦК партии телеграммой от 15 февраля 1919 г. за подписью Я.М. Свердлова отклонил предложение о немедленном расчленении Донской области. ЦК указывал, что «перераспределение округов, разбивка Донской области на новые районы целесообразно лишь после созывов районных съездов Советов и выборов исполкомов» [13]. Как подчеркивал в своем докладе, направленном в ЦК партии, видный советский военный работник В.А. Трифонов, «Донбюро исходило из двух соображений: 1) очевидная контрреволюционность казачества вообще и 2) победоносное шествие и мощь павших армий. Казаков, явных контрреволюционеров, необходимо уничтожить, тем более что Красная армия в состоянии это проделать – такова была главная мысль Донбюро» [14].

В этих условиях 24 января 1919 г. и появилась директива Оргбюро ЦК РКП(б), в которой, в частности, говорилось: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое и косвенное участие в борьбе с советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым

выступлениям против советской власти... Провести полное разоружение, расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи». Под террор попадали и казаки, обманом вовлеченные в белые отряды. При этом не делалось разницы между богатым и средним казачеством. Последнее обстоятельство особенно важно, так как именно середняк был основной фигурой донского казачества. 29 января эта директива была разослана на места.

Важно указать, что директива была принята вопреки обнародованным в это же время тезисам Казачьего отдела ВЦИК о политике советской власти в отношении казачества. Тезисы содержали следующие положения: привлекать казачьих бедняков и середняков к активному участию в строительстве советской власти в казачьих областях; учитывать особенности казачьих районов; объявить амнистию рядовым белым казакам – трудящимся, введенным в заблуждение белогвардейской агитацией. Эту позицию Казачьего отдела и не учло Оргбюро при принятии вышеуказанной директивы.

Вместе с тем нельзя не отметить и следующее обстоятельство. РВС Южного фронта, рассылая уже упомянутую директиву Оргбюро в политотделы 8-й и 9-й армий, предупреждал: «Ликвидация контрреволюции на Дону... должна проводиться с необходимым тактом, осторожностью, дабы вызвать расслоение казачества» [15]. То есть политотделам давалось понять: подходить к казачеству надо с классовых позиций, делая различия между кулаками, с одной стороны, и середняками и бедняками – с другой, а также не покушаться на особенности казачьего быта.

Расказачивание началось после последовавшего 3 февраля приказа председателя РВСР Троцкого провести массовые репрессии против всех казаков, служивших в белой армии [15]. На местах начались массовые репрессии, захватившие не только кулацко-офицерские верхи, но и рядовых казаков, обманом и насильем вовлеченных в ряды белогвардейщины. Вопиющими были нарушения в деятельности Хопёрского районного ревтрибунала. К.К. Краснушкин в докладе Казачьему отделу ВЦИК писал: «Деятельность ревтрибунала... с безапелляционными приговорами, без участия защиты, при закрытых дверях была настолько вызывающая и настолько не соответствовала духу партии и советской власти, что это бросается в глаза при поверхностном ознакомлении с его делами» [16]. Политика ревтрибунала была охарактеризована К.К. Краснушкиным как «террористическая по отношению к мирному населению» [16]. «Трибунал, – писал он, – разбирал в день по 50 дел, а поэтому можно судить, насколько внимательно разбирались дела. Смертные приговоры сыпались пачками, причем часто расстреливались люди совершенно неповинные – старики, старухи, дети» [16].

Грубые беззакония творились и в Верхнедонском округе. В известном письме А.М. Горькому М.А. Шолохов привел такие факты: без суда и следствия были расстреляны 62 казака-старика в станице Мигулинской. Число расстрелянных в станицах Казанской и Шумилинской в течение 6 дней достигло 400 с лишним человек. В Верхнедонском округе, как и в Хопёрском, зачастую под пулю шли рядовые казаки [17]. Положение усугублялось тем, что С. Сырцов и другие руководители Донбюро стремились проводить свою политику через отдел гражданского управления при

реввоенсовете Южного фронта. Во главе окружных и станичных РВК они часто ставили людей, наиболее пострадавших в период красновщины [18]. Ни о какой чуткости и такте по отношению к казачеству в таких случаях не могло быть и речи, ибо вспоминались прежние обиды. Следовательно, сословные моменты сразу же оказывались на первом месте. Часто в органы советской власти в северных округах Донской области попадали чуждые элементы, своими действиями настраивавшие казачество против советской власти. Один из армейских работников, коммунист А. Крымов, писал 6 апреля 1919 г. из станицы Усть-Медведецкой в ЦК партии: «Масса темных личностей, контрреволюционеров, лиц, враждебных советской власти, проникли в ревкомы, стали комиссарами станиц и хуторов и творят свое преступное дело по отношению к советской власти» [19]. «Естественно, – писал в связи с этим позже М.А. Шолохов, – что такая политика, проводимая некоторыми представителями советской власти, иногда даже заведомыми врагами, была истолкована как желание уничтожить не классы, а казачество» [20]. Причины извращения линии советской власти в Донской области, как подчеркивается в «Истории Коммунистической партии Советского Союза», заключались в том, что «классовый подход к казачеству был нарушен, применялись репрессии не только к казакам-кулакам, воевавшим против советской власти, но и к обманутым ими середнякам» [21].

Местные ревкомы проводили «расказачивание»: станицы переименовывались в села, запрещали казакам носить лампасы, изгоняли из обращения само слово «казак». Всё это озлобило казачество, увеличило число противников советской власти [21].

Известно, что январская директива ЦК была захвачена деникинцами и колчаковцами и широко использовалась ими в агитации. «Белогвардейская пропаганда кричала о насилиях, о том, что коммунисты ведут борьбу со всем народом, не только с крупными, но и с мелкими собственниками. В своем докладе о работе в Хопёрском округе В.Ф. Ларин писал: «Благое пожелание Донбюро (решительная чистка донщины) при наличии тупоумных на местах работников, прямолинейно понявших директиву, при отсутствии сил привело к обратному: из меры революционной частенько превращалась в меру контрреволюционную» [22].

Ошибки, преступления, беззакония, допущенные в освобожденных округах Донской области в первой половине 1919 г., были использованы А.И. Деникиным в политических целях. Во многих станицах плелись заговоры, шла подготовка к мятежам против советской власти. Так, восстания готовились в станицах Аннинской и Усть-Хопёрской [23]. 10–11 марта 1919 г. начался мятеж в районе станиц Казанской и Вёшенской [24]. Вспыхнув в станице Казанской, мятеж распространился на Мигулинскую и Вёшенскую станицы. Первоначально казаки вооружились заранее спрятанным в реке, колодцах и на кладбищах оружием. Затем восставшие захватили оружие, часть обозов и складов тыловых частей Красной армии. Революционные комитеты Мигулинской, Казанской и Вёшенской станиц оказали сопротивление восставшим, но в их распоряжении были слишком малые силы (два заградительных отряда – всего 120 чел. – и боевая дружина из александровско-грушевских и сулинских рабочих) [25]. Мятеж быстро охватил почти весь

Верхнедонской округ. В сводках советского командования сообщалось, что «в восстании принимает участие чуть ли не поголовно все население от 16 до 60 лет» [25].

В рядах мятежников было много казачек [26]. В рядах повстанцев сражались иногородние, создав свои так называемые иногородние дружины, и «дрались ожесточеннее, а следовательно и лучше казаков-повстанцев» [27].

За короткий период повстанческие вспышки обернулись организованным выступлением, превратив Верхнедонской мятеж в массовое восстание. Безусловно, в этом свою роль сыграла вражеская агитация. Однако, следует указать, что всякое массовое движение возникает только в результате экономических и политических процессов. Известно, что мелкобуржуазное мышление не единожды в течение революции показывала себя как самый опасный враг пролетарской диктатуры. И восстание на Верхнем Дону как раз и было одним из таких моментов, когда мелкая буржуазия, недовольная новыми порядками, выступила объективно врагом пролетариата, хотя в субъективном плане этого не признавала и в значительной своей части не осознавала. Среди трудового казачества бытовало мнение, что можно будет еще устроить свою жизнь без диктатуры пролетариата посредством демократического всеказачьего круга и «всеказачьих советов». В местностях, охваченных восстанием, первоначально была сохранена даже советская форма власти. Мятежники выступали под флагом казачьей «самостийности». Но объективный ход событий привел их к подчинению деникинской белогвардейщины.

Словное противостояние в ходе восстания уступало классовому. Об этом говорило участие в мятеже иногородних. С еще большей силой об этом говорило и то, что ряд хуторов: Вязовский, Гремячий, Ежов, Попов – не присоединились к восстанию. Туда были направлены отряды для насильственной мобилизации казаков [28]. Не удалось верхнедонцам поднять на восстание хопёрцев. Казаки станицы Усть-Бузулукской не допустили разъезды мятежников в свой юрт: отвергли переговоры с мятежниками казаки хуторов Зотовской станицы [29]. О поддержке советской власти заявили казаки Новоаннинской станицы, собравшиеся на районное заседание хуторов [30].

Следовательно, неверно было бы утверждать, что казачество северных округов повсеместно поддержало весной – летом 1919 г. вёшенских мятежников.

Антисоветский мятеж на Верхнем Дону стал серьезной опасностью для тыла советских войск на Южном фронте. Командование фронта сообщило 21 марта 1919 г. Главкому, что восстание распространилось на запад до р. Подгорной, на восток до р. Хопёр, на север примерно до линии Н.-Криуша – Солонка и на юг до линии Каменская – Краснокутская. По данным разведотделения штаба фронта, на 21 марта мятежники располагали 7000 штыков и сабель. Подавление мятежа затягивалось.

Встал вопрос о выравнивании линии по отношению к среднему казачеству. Были внесены изменения в январскую директиву ЦК. 16 марта 1919 г. ЦК обсудил вопрос о казачестве. Учитывая, что часть казачества не только не выступила против советской власти, но и содействовала ей, Центральный комитет партии решил приостановить применение против казаков мер, указанных в январской директи-

ве. Смысл этого решения состоял в том, чтобы перетянуть на сторону советской власти новые слои казачества [31].

Решающее значение для установления правильных отношений с середняком, в том числе с трудовым казачеством, имел VIII съезд партии, состоявшийся 18–23 марта 1919 г. В связи с поворотом масс среднего крестьянства к советской власти, увеличением удельного веса середняков в деревне (в результате аграрных преобразований советской власти в деревне увеличился процент середняков) для привлечения основных масс крестьянства (середняков) к борьбе против белогвардейцев и интервентов съезд провозгласил переход от политики нейтрализации середняка к политике прочного союза с ним при опоре на бедноту. После партийного съезда ЦК партии советским правительством были намечены конкретные меры, направленные на укрепление диктатуры пролетариата в освобожденных округах Дона. 25 апреля 1919 г. состоялось заседание Казачьего отдела ВЦИКа, в работе которого принял участие председатель ВЦИК М.И. Калинин. На заседании принимается постановление, предусматривающее, «чтобы в трех округах Донской области – Хопёрском, Усть-Медведицком и 2-м Донском – военные учреждения не вмешивались в гражданские дела и не производили бы самочинных реквизиций без ведома местных ревкомов» [32]. Смысл этого постановления в упорядочении деятельности советских и военных властей, разграничении их функций. На заседании выступил М.И. Калинин. Он подчеркнул, что советская власть смотрит на казачество не с узкой точки зрения как на особую воинскую часть, охранявшую самодержавие. Казаки такие же трудовые люди, как и все крестьяне. Советская власть доверяет трудовому казачеству и искренне желает, чтобы «казачество скорее сбросило с себя несвойственные ему наносы и единодушно встало на защиту завоеванных революцией прав, стремясь к полному слиянию со всем остальным трудовым народом» [33]. Претворяя в жизнь указания партийного съезда и советского правительства, местные органы власти начали перестраивать свою работу. Хопёрский районный ревком 15 апреля 1919 г. вынес постановление об отмене «инструкции станичным и хуторским комиссарам», разработанной в конце марта на основе январской директивы ЦК. Эта инструкция, которой руководствовались местные комиссары, смешивала среднее казачество с кулацкими верхами. Мартовская инструкция хопёрского ревкома рассматривала середняков и казачью бедноту в общей массе с эксплуататорами. Всё население округа по этой инструкции объявлялось кулацким и торгашеским. Против него была разработана система репрессивных мер. В своем постановлении от 15 апреля хопёрский райревком дал указание органам советской власти на местах «в своей деятельности среди казачества руководствоваться постановлениями VIII съезда Коммунистической партии... Никакие насилия, конфискации, принуждения в какой бы то ни было форме коммунальной обработки земли среднего казачества недопустимы. Необходимо агитацией, просвещением, примером показать важность и необходимость коммуны для среднего казачества» [34]. В приказе № 47 председатель Хопёрского ревкома В.Ф. Ларин, обращаясь к комиссарам округа, писал: «Расхлябанность и произвол, царистско-атаманско-жандармское поведение... будут беспощадно караться.

Ставим в прямую обязанность всем комиссарам и агентам советской власти агитацию, пропаганду и разъяснение всех мероприятий советской власти среди населения» [35]. Члены хопёрского ревтрибунала, нарушавшие революционную законность, благодаря стараниям ряда коммунистов, в т.ч. К.К. Краснушкина, были смещены и преданы суду [36].

Конференция членов РКП(б) и сочувствующих Усть-Медведицкого подрайона в своих решениях записала, что она принимает к беспрекословному исполнению решения VIII съезда партии. В резолюции по докладу о VIII съезде партии говорилось: «Программа партии – точная и обязательная инструкция для каждого члена партии и сочувствующего». В резолюции «О задачах партийной работы на Дону и в нашем подрайоне» сказано: «Никакого принудительного привлечения трудового казака в коммуны не должно быть» [37]. Устранялись ошибки в работе органов советской власти и в других округах Дона [38]. Большую роль в исправлении ошибок, допущенных в казачьих районах, и успокоении трудового казачества сыграли мероприятия, проведенные РВС Южного фронта. Были отменены приказы об организации полковых трибуналов, которым присваивались функции судов над местным населением; о конфискации у казачьего населения повозок с лошадьми, фуража. 17 апреля был опубликован приказ № 125 войскам 9-й армии от 5 апреля. В нем говорилось: «...для успешной борьбы с контрреволюцией на Дону приказывается неуклонно руководствоваться следующим: по отношению мирных жителей не прибегать к террору, преследовать только активных контрреволюционеров; строжайше преследовать произвольные реквизиции. Тщательно организовывать расплату за законные реквизиции, поставку подвод, не допускать реквизиции рабочего скота. Абсолютно воспретить взимание контрибуции. Организованное обложение чрезвычайным налогом производить только по особому распоряжению РВС Южного фронта. Немедленно приступить к составлению списка граждан, понесших убытки от действий контрреволюционных банд, грабежей, незаконных поборов, беспощадно карать всех должностных лиц, виновных в злоупотреблениях» [39]. Этот приказ широко распространялся в Хопёрском и Усть-Медведицком округах [40].

Борьба за преодоление ошибок в казачьем вопросе, за отрыв середняцких слоев казачества от контрреволюционных атаманско-офицерских верхов требовала, прежде всего, знаний и учета социально-экономических, бытовых условий жизни казачьего населения, осторожного подхода к нему. Только так можно было обеспечить успех, привлечь массу трудового казачества на свою сторону.

Но это не было учтено рядом местных партийных, советских и военных работников на Дону и, прежде всего, членами образованного в мае 1919 г. Донского ревкома (А. Белобородов, С. Сырцов и др.). Сторонники рассказывания по-прежнему говорили с казаками только на языке административных мер. Методы советского строительства подменялись самоуправством. Действия сторонников рассказывания находились в противоречии с политикой, разработанной VIII съездом партии, ослабляли роль партийного руководства в освобожденных районах Дона. Поэтому против установок на рассказывание, наносящих вред советской власти, выступили многие партийные, советские и военные работники. Подробный доклад о поло-

жении на Дону, где вскрывалось все пагубное значение политики расказачивания, представила Совнаркому в июле 1919 г. особая комиссия Казачьего отдела [41]. О положении на Дону, об искривлениях в казачьем вопросе и о необходимости их немедленного исправления писал в двух своих докладах от 24 июня и 8 июля 1919 г. Ф.К. Миронов [42]. Политику расказачивания подвергли критике председатели хопёрского и усть-медведицкого ревкомов В.Ф. Ларин и И. Карпов [43].

Резко выступили против расказачивания работавшие в Хопёрском округе коммунисты К.К. Краснушкин и М.В. Нестеров, присланные сюда из Москвы [44]. Большой доклад в Оргбюро ЦК РКП(б) 10 июня направил В.А. Трифонов. В нем он подверг уничтожающей, но в то же время конкретной критике действия сторонников расказачивания [45].

Исторические факты говорят, что в политике по отношению к казачеству была выработана генеральная линия, бравшая за основу классовый принцип и рассчитанная на привлечение трудовых масс казаков на сторону советской власти. Существовавшие же сословные перегородки, политическую отсталость масс казачества, влияние атаманско-офицерских верхов не возводились в абсолют и не рассматривались как непреодолимое препятствие между казаками и рабочим классом, трудящимся крестьянством всей страны. Существовала твердая, непоколебимая убежденность, что только советская власть способна вывести к новой жизни всех трудящихся, в том числе и трудовых казаков. Но эта линия в силу ряда обстоятельств в первые месяцы 1919 г. была нарушена. Это привело к обострению политической обстановки на Дону. А в это время с юга, поддержанный международным империализмом, начал наступление Деникин.

В заключение отметим, что начало 1919 г. ознаменовалось мощным наступлением Красной армии на Дон. Антинародный красновский режим переживал глубокий кризис. Трудовое крестьянство сразу же было настроено против Краснова. Оно с нетерпением ждало прихода Красной армии, приветствовало восстановление советской власти, видя в ней свою защитницу и заступницу. Большие изменения произошли в позициях трудовых казаков. Казачество средних округов в начале 1919 г. прекратило сопротивление, открыв Красной армии фронт. Большая часть Донской области вновь стала советской. Предстояла работа по привлечению колеблющихся казаков на сторону советской власти, убеждению их в справедливости революции.

В служебной записке Председатель Царицынского губернского комитета РКП(б) Р.Я. Левин в ЦК РКП(б) 4 сентября 1919 г. отмечал: «В связи с успешным продвижением Красной армии на Южном фронте (главным образом, на левом фланге его) во весь рост встает вопрос об организации советской власти в Донской области, вопрос, разрешить который является необходимым в ближайшие дни... Организационные формы советской власти на Дону должны быть те же, что и в остальной Советской России... Части Донской области, тяготеющие к соседним губерниям, должны быть к ним присоединены. Это даст возможность вести агитацию не только словом, но и делом, т.е. удовлетворять экономические нужды казачества» [46].

Работа эта, как указывали и донские коммунисты (В.С. Ковалев и др.), должна была учитывать специфику казачьего края. Политическое положение обострило массовое казачье восстание на верхнем Дону. В нем участвовало и иногороднее население. Мятеж явился выражением колебаний, переживаемых казачеством в 1919 г. Наряду с этой причиной были серьезные ошибки, допущенные советскими и партийными органами в казачьем вопросе. В период Вёшенского восстания казаки снова «прислонились» к белым. Потребовалось время, чтобы они окончательно поняли, что белогвардейцы им чужды.

Примечания

1. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1959. Т. 2. С. 375–378.
2. Болдырев Ю.Ф. Борьба трудящегося крестьянства и казачества Донской области против белогвардейской диктатуры Краснова в 1918 году // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1990. № 2. С. 46–47.
3. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 100. Оп. 2. Д. 94. Л. 51, 51об.
4. Там же. Оп. 9. Д. 100. Л. 158, 159.
5. Цит. по: Бирюков Ф.Г. Если опираться на принцип историзма... // Русская литература. 1971. № 2. С. 52.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1285. Оп. 82. Д. 15. Ч. 1. Л. 320.
7. Там же. Л. 809а, 809б.
8. РГВА. Ф. 100. Оп. 9. Д. 100. Л. 4.
9. Цит. по: Хмелевский К.А. Гражданская война на Дону: (Крах красновщины и декишинщины): дис. ... докт. ист. наук. Л., 1967. С. 537.
10. Исторический архив. 1960. № 5. С. 35.
11. Там же.
12. Борьба Сталинградской партийной организации за восстановление и развитие народного хозяйства губернии, 1920–25 гг.: [сб. док.]. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1979. С. 168.
13. Свердлов Я.М. Избранные произведения: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 3. С. 172.
14. Трифонов Ю.В. Отблеск костра. М., 1966. С. 158–159.
15. Рыбалкин В.П. Донское казачество в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918–1920 гг.) // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918–1920 годы). М., 2009. С. 177–178.
16. ГАРФ. Ф. 1285. Оп. 82. Д. 15. Ч. 1. Л. 175 об.
17. Письмо М.А. Шолохова А.М. Горькому от 6 июля 1931 г. // Литературное наследство. М., 1963. Т. 70. С. 696.
18. ГАРФ. Ф. 1285. Оп. 82. Д. 15. Ч. 1. Л. 320.
19. Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. М., 1972. Т. VII. С. 128.
20. Литературное наследство...

21. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. Т. 3. Кн. 2. С. 301.
22. ГАРФ. Ф. 1285. Оп. 82. Д. 15. Ч. 1. Л. 32 об.
23. Там же. Оп. 83. Д. 8. Л. 36.
24. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 201. Л. 1.
25. Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. М., 1972. Т. VII. С. 268–269.
26. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 201. Л. 1.
27. Там же. Л. 2об. Литературное наследство. М., 1963. Т. 70. С. 625.
28. РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 201. Л. 2об.
29. Красный Хопёр. 1919. 18 мая (№ 18).
30. Хрестоматия по истории родного края. Волгоград, 1970. С. 216–217.
31. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. Т. 3. Кн. 2. С. 357–358.
32. Казачий отдел ВЦИК: краткий очерк и отчет Казачьего отдела ВЦИК по октябрь 1919 г. М., 1919. С. 39.
33. Там же.
34. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 411. Оп. 1. Д. 4. Л. 57, 57об., 76, 76об.
35. ГАВО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 51. Л. 70.
36. ГАРФ. Ф. 1285. Оп. 82. Д. 15. Ч. 1. Л. 176.
37. Красноармеец. 1919. 25 мая (№ 41).
38. ГАРФ. Ф. 1285. Оп. 83. Д. 8. Л. 56.
39. ГАВО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.
40. ГАВО. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 7. Л. 39.
41. ГАРФ. Ф. 1285. Оп. 83. Д. 8.
42. ГАРФ. Ф. 1285. Оп. 82. Д. 15. Ч. 1. Л. 392–394, 394–397.
43. Там же. Л. 320–324; Оп. 83. Д. 6. Л. 64, 64об.
44. Там же. Оп. 82. Д. 15. Ч. 1. Л. 174–177, 312–315.
45. Подробнее см.: Трифонов Ю. Указ. соч. С. 159–160.
46. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 214. Л. 11–16.

В.А. Смирнов

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В КАЗАЧЬЕЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Гражданская война является одним из тяжелейших потрясений XX в. в истории нашей страны. Все социальные противоречия, и без того проявлявшиеся еще во время революции и до нее, в 1918–1922 гг. раскрываются с полной силой, что состав-

ляет трагедию данного периода. Одна из печальных страниц этой истории – борьба казачества в составе Белого движения против власти большевиков. Впоследствии в эмиграции было выпущено много работ, посвященных противостоянию белых и красных, среди них были и публикации казаков. Для нас представляется важным изучить материалы, написанные очевидцами Гражданской войны.

Казачество приняло активное участие в борьбе Белого движения, составив одну из его основ. Донской казак Соколов в своей статье «Короткая память или замалчивание?» из журнала «Родимый край» (1958 г.) отмечает: «...на Дону, а не в другом месте обширной России, зародилось и обрело свою колыбель Белое движение... казачество выдвинуло... своих лучших сыновей – патриотов, людей долга и чести, готовых жизнь свою положить за родные края, за право, справедливость и свободу...» [1]. Зарождение противостояния казаков и большевиков прошло тяжело, и изначально все было не так героично, как может показаться из вышеприведенной цитаты. Донской атаман А.П. Богаевский в своих воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Донская летопись» (1923 г.), писал о казаках, увиденных им 1 января 1918 г. на станции Миллерово, следующее: «Первое впечатление о первой Донской воинской части, которую я увидел на Дону, было не особенно благоприятное: не было намека на выправку, подтянутость, соблюдение внешних знаков уважения при встрече с офицерами. Казаки одеты были небрежно, держали себя развязно. У офицеров не было заметно обычной уверенности начальника, знающего, что всякое его приказание будет беспрекословно исполнено... здесь не чувствовалось уверенности в себе и желания упорно бороться с наступающими большевиками... Шли уже разговоры о том, что нужно хорошенько узнать, что за люди большевики, что, может быть, они совсем не такие злодеи, как о них говорят офицеры...» [2].

Практически такая же ситуация, по описанию атамана, была и в донской столице Новочеркасске: «...настроение жителей было невеселое. События 1917 г. отразились и на них, чувствовалась какая-то подавленность и неуверенность в будущем. В Новочеркасск прибыло много русских людей, бежавших от большевиков из внутренних губерний... их рассказы о пережитом... мало способствовали поднятию бодрости духа донских обывателей, еще большему падению которого помогали также сведения о “революционном” настроении в казачьих частях» [3]. Получалось, что большая часть казачества к началу Гражданской войны, по крайней мере на юге России, находилась в состоянии неопределенности. Многим не совсем было ясно, чего ждать от большевиков. В плане боевой эффективности казачьих частей наблюдался упадок. Казаки устали от войны и физически, и морально, к тому же возвращаться с фронта было тоже нелегко. Полковник В. Добрынин, находившийся в штабе Донской армии, писал о том, что некоторым казакам, стремившимся поскорее добраться домой на Дон, «...в виде выкупа... приходилось сдавать осененное боевыми подвигами оружие...» [4]. Именно на фронте часть казачества подверглась революционной пропаганде, породившей своего рода симпатию к большевикам: «Казак поверил, что проникнутые духом интернационализма вожаки большевизма... ближе им, чем свои офицеры...» [5], и доходило даже

до того, что казаки, по выражению В. Добрынина, пытались «спасти свою шкуру», выдавали офицеров, в результате чего сильно пострадал офицерский состав. При таком положении вещей, конечно, нельзя было говорить о серьезном выступлении против сил большевиков. Бороться готовы были немногие, А.П. Богаевский описывает положение на Дону в январе 1918 г. так: «...определились на Дону два фронта: Ростовский – к западу и северу от Таганрога, и Донской – на линии железной дороги на Воронеж, к северу от Новочеркасска. Первый фронт защищали добровольцы, на втором боролись казаки, вернее, несколько мелких партизанских отрядов, составленных из кадет, гимназистов, реалистов, студентов и небольшого числа офицеров. Кроме того, в районе ст. Миллерово и Глубокой стояла 8-я Донская конная дивизия и постепенно разлагалась: казаки митинговали и потихоньку разъезжались по домам. Впрочем, большевики с этой стороны и не наступали до двадцатых чисел января, когда при первом же серьезном наступлении казаки бросили фронт и разъехались по домам, оставив на произвол судьбы орудия» [6].

Немалую роль в осуществлении и так слабого сопротивления играло и отсутствие поддержки со стороны городских обывателей г. Ростова-на-Дону. Часть жителей и городская дума весьма неоднозначно отнеслись к движению казаков, фактически показывая свою расположенность к большевикам, но при этом не отказывая и казакам в поддержке. А.П. Богаевский так описывал положение в городе: «Городская дума и управа в это время по своему составу были весьма левого направления. Всякое распоряжение атамана и военных властей всегда встречало там ожесточенную критику, а то и прямое неисполнение под разными предлогами. Находя поддержку себе среди многочисленного рабочего населения Ростова, а отчасти и еврейства, городская дума была яркой противницей всяких военных мероприятий» [7]. Особенно ярко проявилось это отношение во время боев под Ростовом: «Положение становилось все более и более тяжелым. Кучка добровольцев... состояла из офицеров и интеллигентной молодежи. Она быстро таяла в боях от ран и болезней; пополнений поступало очень немного. Средства были ничтожны. Не хватало ни оружия, ни патронов, ни одежды. Денег было очень мало. Богатый Ростов смотрел на своих защитников как на лишнюю обузу, может быть, и справедливо считая, что горсть героев все равно не спасет его от большевиков, а вместе с тем помешает как-нибудь договориться с ними» [8].

Таким образом, в совокупности все вышеперечисленные проблемы, по мнению А.П. Богаевского, сыграли роковую роль для казачьего сопротивления в январе 1918 г., и уже к концу месяца ситуация в немногочисленных казачьих рядах становилась критической. Добровольцам и партизанам приходилось все чаще отступать, казаки все так же продолжали уходить с фронта. А.П. Богаевский писал: «Разбрелись казаки по своим станицам, и каждый эгоистически думал, что страшная красная опасность где-то далеко в стороне и его не коснется. Отравленные пропагандой на фронте, строевые казаки спокойно ждали советской власти...» [9].

Перелом в среде казачества произошел достаточно быстро. Уже к маю, познакомившись с большевиками и их властью, настроения на Дону изменились. Наиболее ярко об этом в своей статье писал Г. Янов, возглавлявший Совет оборо-

ны повстанцев в г. Ростове-на-Дону в 1918 г.: «Накопившееся чувство ненависти к советской власти, ясное представление, что у большевиков правды нет, оскорбленное самолюбие фронтовиков, понявших, что они обманым образом притянуты к большевизму под видом служения интересам “трудящегося народа” требовало выхода. И станицы начали готовиться к смертному бою» [10].

Выступление повстанцев на Дону весной 1918 г., как известно, имело определенный успех. По этому поводу В. Добрынин писал следующее: «Вряд ли успехи весеннего выступления правильно объяснять главным образом тем, что во главе движения явились люди сильного характера, твердой воли, страстные патриоты, способные владеть умами казаков. Пожалуй, больше значения нужно придать, с одной стороны, особенностям темперамента казаков, а с другой – внешним обстоятельствам, благоприятствовавшим казачьему движению, а именно – приближению к Дону немцев...» [11]. По мнению В. Добрынина, именно в начале мая 1918 г. казачество «...от способа партизанской борьбы... переходит к нормальному способу ведения борьбы» [12]. Такие изменения в среде казачества, разумеется, привели к необходимости создать организованную армию, способную противостоять силам большевиков. Уже в августе эта армия была создана атаманом Всевеликого Войска Донского П.Н. Красновым. Добрынин пишет об этом событии так: «Неотразимое впечатление на членов Круга произвела представленная атаманом 16 августа Донская молодая армия. Даже опытный военный глаз не мог отличить эту молодежь от бывших славных полков...» [13]. Практически с таким же восхищением он упоминал и о самом П.Н. Краснове, говоря о создании Донской армии: «Заслугу в этом отношении по справедливости нужно отнести исключительно к нему (Краснову. – В. С.), вложившему в дело всю душу и мечтавшему создать из Дона действительно что-то мощное, грозное, а не мифическое, колеблющееся и пытающееся приноровиться к русской пословице “и нашим и вашим”» [14]. Но при этом в ходе изучения литературы нам попала еще одна заметка о П.Н. Краснове, показывающая его несколько с другой стороны. Г. Янов в своей статье, посвященной периоду нахождения Дона под властью красных в 1918 г., писал о том, что когда П.Н. Краснов в апреле находился в ст. Константиновской, к нему обратилась депутация казаков с просьбой принять на себя руководство восстающими казаками 1-го Донского округа с прицелом на то, чтобы поднять и объединить все казачье движение. Пётр Николаевич принял депутацию очень грубо и ответил: «Я казакам не верю и никакого дела с ними иметь не желаю» [15]. Также автор добавляет, что в этот период Краснов не проявил никакого желания участвовать в восстании и рисковать в случае возможных неудач. Насколько эта информация соответствует истине, судить сложно, однако, можно заметить, что в событиях с января по март 1918 г. имя П.Н. Краснова ни в одном из прочитанных нами источников не упоминается.

На наш взгляд, в рамках рассматриваемого вопроса стоит выделить еще статью казака И. Чаусова в журнале «Родимый край» (1931 г.), в которой он попытался объяснить, почему же между казаками и большевиками шла непримиримая борьба, почему они не смогли договориться и найти некий компромисс. По мнению автора,

причина кроется в следующем: «Встретились два “чужеродных тела”, два быта, два мировоззрения, или идеологии, взаимно друг друга исключают: казачья и большевицкая. Одна основана на деспотизме, на насилии, на попрании священнейших человеческих прав; она вместо обещанных свобод насадила позорнейшее рабство... и таким путем довела великую и богатую страну до полной нищеты и унижительного положения среди других культурных народов. Другая в корне отрицает это насилие над человеческой личностью и всегда стояла и стоит на страже человеческого достоинства, защищая исконное право человека устраивать свою жизнь по своему разумению и за свою ответственность. На этом ведь принципе и создавалось исторически казачество...» [16]. С данным мнением, конечно, можно спорить, однако в большей степени, на наш взгляд, оно является верным, т.к. четко передана основная суть борьбы – столкновение разных мировоззрений.

Таким образом, в исследованных нами публикациях казаков-эмигрантов заметно разделение описываемых событий на два этапа. Первый этап – с января по май 1918 г. А.П. Богаевский и В. Добрынин вспоминают, что в это время казаки находились в состоянии неопределенности по поводу своих политических предпочтений, наблюдалось нежелание донцов сражаться с приближающимися силами Красной армии, имело место падение дисциплины в казачьих частях и пр. Второй этап охватывает промежуток с мая по август 1918 г. включительно. Здесь мы видим другую картину – Г. Янов пишет об уже переменившемся настроении казаков, о появившейся у них ненависти к большевикам и возникшем желании бороться с «красными». В статье В. Добрынина представлено описание Донской армии, созданной П.Н. Красновым. Автор говорит о том, что казаки наконец-то отказались от партизанского способа ведения боевых действий и перешли к более организованному противостоянию армии большевиков. Безусловно, воспоминания отличаются выраженной субъективностью, но для нас их анализ был важен с точки зрения выявления тех событий, которые в памяти их очевидцев предстали как наиболее ключевые.

Примечания

1. Ст. Соколов Короткая память или замалчивание? // Родимый край. 1958. № 15. С. 5.
2. Богаевский А.П. «Воспоминания» (Поездка на Дон с фронта) 1918–1924 гг. // Донская летопись. 1923. № 1. С. 75.
3. Там же. С. 78.
4. Добрынин В. Вооруженная борьба Дона с большевиками // Донская летопись. 1923. № 1. С. 95.
5. Там же. С. 97.
6. Богаевский А.П. Указ. соч. С. 84.
7. Там же. С. 79.
8. Там же. С. 85.
9. Там же. С. 89.

10. Янов Г. Дон под большевиками весной 1918 года // Донская летопись. 1924. № 3. С. 22.
11. Добрынин В. Указ. соч. С.100.
12. Там же. С.102.
13. Там же. С.106.
14. Там же.
15. Янов Г. Указ. соч. С. 25.
16. Чаусов И. Казачья идеология и большевизм // Родимый край. 1931. № 4. С. 19.

А.В. Шадрина

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ДОНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В 1920-х гг. КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛАТЕНТНОГО РАСКАЗАЧИВАНИЯ

В последнее время проблема рассказывания нередко выступает в качестве предмета исследования, что обусловлено в первую очередь интересом историков и широкого круга исследователей к этой еще недостаточно изученной теме. Поскольку репрессии приходского духовенства Донской области (с 1924 г. Северо-Кавказского края) ранее не рассматривались как составляющая латентного рассказывания, поставленная проблема представляется актуальной.

Источниковую базу настоящего доклада составляют уголовно-следственные дела донского приходского духовенства, хранящиеся в Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (Архив УФСБ РФ по РО). Поскольку хронологические рамки доклада ограничиваются 1920-ми годами, из изученного массива уголовно-следственных дел были отобраны, во-первых, дела духовенства, не выходящие за пределы 1930-го г., во-вторых, групповые дела, свидетельствующие о том, что священнослужители нередко включались в группы осужденных казаков.

Рассказывание, затронувшее в годы Гражданской войны и после ее завершения донское казачество, как историческое явление характеризуется многоаспектностью. В январе 1919 г. рассказывание было инициировано представителями РКП(б) и регламентировано «Директивой о рассказывании», подписанной Я. Свердловым 24 января 1919 г. «Директива» оговаривала проведение «массового террора против богатых казаков» и «принимавших какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью». Кроме этого, в «Директиве» оговаривалось уравнение «во всё» иногородних с казаками и выселение последних в другие области. Как видно, кроме политической составляющей, позволяющей определить рассказывание на первом этапе как государственную политическую акцию, документ содержал намерение уничтожить казачество как социально-экономическую группу, лишив ее земли и имущества. Однако через короткое время представители

РКП(б) поняли ошибочность своей политики, направленной против казачества, поскольку физически невозможно было уничтожить и переселить все население Области Войска Донского, составляющее около 2,5 млн человек, оставив дающий значительный доход регион без рабочих рук.

После отмены «Директивы» активная фаза антиказачьей политики перешла на бытовой уровень – в состояние латентного расказачивания, которое также предполагало лишение донских казаков всех политических и имущественных прав, но в скрытой форме. Эта форма отразила в большей степени позицию не правительства, но местных органов советской власти. В ее основу были положены несколько составляющих: во-первых, противостояние между казаками и крестьянами, корни которого уходили в XIX в. Главной причиной этого явления была земля, принадлежавшая донским казакам и доступная крестьянам только на правах аренды. Во-вторых, противостояние между казаками и иногородними, желавшими уравнивания в правах с казачьим населением, при этом отказывавшимися нести военную службу, и, в-третьих, скрытое противостояние с советским деятелям. Причиной противостояния с последователями большевиков были идеи социализма и желание подчинить казачество общим правилам социалистического общества, что было глубоко чуждо патриархальному складу жизни и традициям донцов.

Одной из форм проявления латентного расказачивания было преследование приходского духовенства Донской области (до 1918 г. Области Войска Донского, в 1918–1919 гг. Всевеликого Войска Донского). Несмотря на то, что духовенство в системе сословий Российской империи и Войска Донского считалось самостоятельным [1, л. 4об.], в глазах советских деятелей донские священнослужители были частью казачества. Можно назвать следующие причины, лежавшие в основе таких воззрений. Помимо идеологического неприятия советской атеистической властью духовенства, в отличие от «бедноты», на которую делали ставку большевики, священнослужители Донской и Новочеркасской епархии были вполне обеспеченной социальной группой [2, с. 170], что с точки зрения представителей советской власти не лучшим образом характеризовало донское духовенство. После учреждения в мае 1918 г. Всевеликого Войска Донского его правительство, руководствуясь принятым законодательством, в основе которого лежали законы Российской империи [3, с. 29], считало Церковь и духовенство важнейшим компонентом политической системы, за которую боролось Всевеликое войско Донское [3, с. 142]. Как следствие, войсковое правительство издало ряд приказов, направленных на материальную и социальную защищенность духовенства [4, с. 51–52]. Забота войскового правительства о священно- и церковнослужителях также в глазах большевиков давала повод мыслить духовенство как часть казачества. Важнейшей причиной было и то, что донское приходское духовенство было связано с казаками не только особым отношением Войска и социальным положением, но и «кровными узами». Многие из сыновей духовенства избирали путь военной службы, становясь как рядовыми казаками, так и урядниками. При этом следует оговорить, что начиная со второй половины XIX в. для донцов перестало иметь значение «казачье» или «иногороднее» происхождение священно- и

церковнослужителей. К концу XIX в. они понимались как «донское духовенство» без учета происхождения.

Обозначенные причины стали основанием для советских деятелей, наблюдавших на местах безоговорочную поддержку священнослужителями Добровольческой армии, для понимания духовенства как части казачества (сегодня не выявлены случаи поддержки духовенством большевиков в годы Гражданской войны и после нее). Эта позиция донских священнослужителей стала одной из причин репрессий духовенства, которые представляются составляющей латентного рассказывания.

Наиболее показательными поводами для репрессий донских священнослужителей в 1920 г., свидетельствующими о латентном рассказывании, были расстрелы и осуждение духовенства в соответствии с советским законодательством за участие в отступлении Добровольческой армии в 1919 г., хотя это участие было не актом доброй воли духовенства, а исполнением приказа правительства Всевеликого Войска Донского [5, л. 11; 6, л. 83]. Также священнослужители осуждались советским правительством за участие в военно-полевых судах [7–8], инициатором которого выступало руководство Добровольческой армии. Это участие было скорее почетным, чем реальным, поскольку священник в силу священного сана не мог подписывать приговор о расстреле.

Примерами репрессий донского духовенства, которые можно трактовать как латентное рассказывание, в 1920 г. были следующие процессы. 27 июля 1920 г. Революционным военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа к высшей мере наказания были приговорены 108 казаков, в том числе 6 священно- и церковнослужителей 1-го Донского округа, взятых в заложники и осужденных за «организацию контрреволюционного восстания в 1-м Донском округе» [6, л. 1–2]. Поскольку военные действия Гражданской войны продолжались, приговор был приостановлен. После пересмотра дела священно- и церковнослужители были приговорены к принудительным работам «по окончании врангелевского фронта» [6, л. 255–267].

27 июля 1920 г. был арестован, а затем приговорен к расстрелу священник Покровской церкви станицы Кривянской Александр Харитонович Попов [9, л. 23, 29]. Поводом для ареста послужил тот факт, что родным братом А.Х. Попова был генерал от кавалерии, донской атаман Петр Харитонович Попов. Обвинение гласило: «Священник Попов в 1918 г. вел подпольную организацию казаков станицы Кривянской, и когда казаки указанной станицы были готовы к восстанию, то он посылал курьеров к своему брату генералу Попову... и сообщил ему, что станица готова к восстанию» [9, л. 23]. Приговор о расстреле не был приведен в исполнение, благодаря октябрьской амнистии [9, л. 26]. Однако в 1927 г. священник П.Х. Попов был вновь арестован и заключен в Соловецкий лагерь сроком на 5 лет [10, л. 251], после освобождения из которого скончался на поселении в Коми АССР [11, с. 128].

26 сентября 1920 г. был арестован священник Николаевской церкви станицы Егорлыкской Игнатий Александрович Ефремов. Он обвинялся как один из организаторов восстания казаков под руководством станичного атамана Харланова [8, л. 65]. Приговорен к 5 годам концентрационного лагеря, но по октябрьской амнистии приговор был заменен на условный [8, л. 225].

Уголовно-следственное дело священника Покровской церкви станицы Елизаветинской Павла Сальского показывает, что чтение и разъяснение прихожанам постановления исполкома Донской области о проведении декрета об отделении церкви от государства, опубликованного в газете «Советский Дон» 28 августа 1920 г.» [12, л. боб.], было истолковано представителями советской власти как политическое преступление и «защита белогвардейцев». Так, следователь партбюро после завершения следствия сообщал: «Священник П. Сальский все силы употреблял для натравливания (так в документе. – А. Ш.) прихожан и вообще населения против советского правительства... пользуясь своим священническим саном, он не опускал ни одного случая как бы вызвать негодование и недоверие к советской власти, в то же время вызывая у граждан соболезнование и защиту белогвардейских банд» [12, л. 4]. Поскольку прихожане сообщили в письменном виде, что священник П. Сальский «никаких политических партий руководителем и защитником не был» [12, л. 5], 18 ноября 1920 г. по постановлению Донского областного революционного трибунала уголовное дело было прекращено «в связи с октябрьской амнистией» [12, л. 28].

Особую группу репрессий духовенства 1920-х гг., которые можно понимать как примеры латентного раскалывания, составляют, в соответствии с терминологией уголовно-следственных дел, дела о «кулацко-поповских группировках». Так, в 1927 г. священник Николаевской церкви Багаевской станицы Яков Степанович Емельянов обвинялся как участник созданного, по мнению советских деятелей, в станице Багаевской «Штаба обороны», который «организовался... с целями всемерного искоренения революционного движения и... является верховной властью на территории Багаевской и Бессергеновской станиц» [13, л. 27]. При этом священник обвинялся: 1) «в активном участии в деятельности Штаба обороны, выразившейся в призыве с амвона к борьбе с красными, в распространении вымышленных слухов» [113, л. 27] и т. п.; 2) в «проведении антисоветской деятельности, выразившейся в поддержке антисоветской группировки Полковникова, в распространении ложных слухов о приходе белых, о падении соввласти» [13, л. 27]. При всей сомнительности обвинений священник Я. Ефремов был приговорен к заключению в концлагерь сроком на 5 лет [13, л. 40].

Священник Николаевской церкви г. Миллерова Алексей Лукич Александренков в 1927 г. на основании имевшихся в распоряжении Секретного отдела Таганрогского окружного отдела ОГПУ материала обвинялся в участии в деятельности действовавшей на территории Миллерова группы «зажиточных и антисоветски настроенных лиц» [5, л. 52]. «Вдохновителями» этой группы, по мнению советских органов безопасности, были зажиточный казак Г.Х. Погорелов и священник А.Л. Александренков, которые, помимо «систематического распространения среди крестьян контрреволюционных слухов», «проявляли свою активность и в переыборной кампании с/совета. Также систематически они призывали крестьян к организации крестьянского союза» и т.д. [5, л. 52] Кроме того, священник А.Л. Александренков призывал крестьян «изгнать из общества неверующих и коммунистов» [5, л. 53, 54]. За свою антисоветскую позицию священник был приговорен к заключению в Соловецкий концлагерь сроком на 3 года [5, л. 62].

Сын урядника Войска Донского священник Григорий Иович Аведиков [14, л. 28] в 1929 г. обвинялся в основании «кулацко-поповской белогвардейской контрреволюционной группировки» [14, л. 31], целью которой было «ослабление и подрыв соввласти» [14, л. 31]. К «контрреволюционной группировке», кроме священника, были отнесены 5 казаков [14, л. 57], которые «систематически вели агитацию среди казачества, направленную против существующей власти и ее отдельных мероприятий» [14, л. 57]. Священник Г.И. Аведиков был заключен в концентрационный лагерь на 5 лет [14, л. 68].

В 1930 г. был выслан в Северный край на 5 лет [15, л. 341] священник церкви хутора Верхняковский Алексей Степанович Андреев. Он обвинялся в том, что состоял членом контрреволюционной повстанческой организации (112 казаков, из которых 18 было расстреляно) [15, л. 341] и принимал участие в ее деятельности [16, л. 132].

Приведенные примеры показывают, что для представителей советской власти духовенство, проживавшее и служившее в донских храмах, было частью донского казачества. Как следствие, к священнослужителям применялись методы латентного рассказаживания – насильственное лишение имущества, репрессии и высылки. При этом священники в значительном числе случаев осуждались в составе групп зажиточных казаков.

Примечания

1. ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Д. 2624.
2. Шадрин А.В. Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века. Ростов н/Д: Антей, 2014. 364 с.
3. Гражданов Ю.Д. Всевеликое войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов н/Д: Антей, 2015. 240 с.
4. Шадрин А.В. Особенности положения Донской и Новочеркасской епархии в Донской республике в 1918–1919 гг. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): мат-лы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–21 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 49–55.
5. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-48762.
6. Там же. Д. П-60461.
7. Там же. Д. П-53837.
8. Там же. Д. П-53623.
9. Там же. Д. П-9455.
10. Там же. Д. П-53198.
11. Щербак Д.А. Любящий отец. Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2018. 206 с.
12. Там же. Д. П-9456.
13. Там же. Д. П-52466.
14. Там же. Д. П-41014.
15. Там же. Д. П-44207. Т. 3.
16. Там же. Д. П-44207. Т. 4.

А.П. Сатарова

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ХОПЁРСКОГО И УСТЬ-МЕДВЕДИЦКОГО ОКРУГОВ (ОСЕНЬ 1920 г. – ВЕСНА 1924 г.) КАК РЕАКЦИЯ НА ПОЛИТИКУ РАСКАЗАЧИВАНИЯ

В начале 1920-х гг., уже после окончания Гражданской войны, страну охватило мощное социальное движение, обозначаемое в историографии как повстанческое. Одним из очагов повстанчества были земли Хопёрского и Усть-Медведицкого округов. Здесь в начале 1920-х гг. антибольшевистские выступления носили характер протеста проводимой большевиками политике «военного коммунизма», мероприятиям и методам, которые на казачьих землях приобрели характер расказачивания. Под видом борьбы с антисоветским элементом внутри казачьего населения в годы повстанчества, большевики продолжили борьбу с самим казачеством, начатую в 1919 г.

Необходимо отметить ряд принципиальных отличий антиправительственного движения в казачьих Хопёрском и Усть-Медведицком округах. Значительную поддержку повстанчество получило в лице казачьего населения округов, как открыто вступавшего в его ряды, так и тайно оказывающих поддержку повстанцам, укрывая их в домах, снабжая продуктами и одеждой. Отряды возглавлялись преимущественно бывшими красными командирами (Я.Е. Фоминым, Г.С. Маслаковым, К.Т. Вакулиным), которые продолжали надеяться на введение государством для себя, как бывших красных партизан, льгот и привилегий [1], а пополнялись отряды дезертирами из местных жителей, уклонявшихся от мобилизации в ряды Красной армии и оседавших в малонаселенных хуторах и станицах верхнедонских округов. В отрядах действовала строжайшая дисциплина, и организованы они были по принципу казачьих частей. В самой повстанческой среде были сильны традиции общинной сплоченности, характерные казачеству. Прошло не так много времени, чтобы те, кто был расказачен, забыл историю своей самобытности. Отряды действовали под лозунгом «Единая и неделимая Россия», воспевали казачью волюность, вели открытую белогвардейскую пропаганду.

Целый комплекс условий и факторов вынудил верховое казачество выступить с оружием в руках против советской власти уже после завершения Гражданской войны.

С одной стороны это были общие для всей страны условия: тяжелейшее экономическое положение, ставшее следствием Первой мировой, затем Гражданской войн; введенные правительством продовольственная разверстка и сменивший ее продовольственный налог, ужесточение мер по изъятию налоговых сборов; неблагоприятные погодные условия и хозяйственная разруха, приведшие население страны к голоду.

С другой стороны, для казачьих Хопёрского и Усть-Медведицкого округов было характерно наличие ряда особых, побуждающих к выступлению против большевиков, мотивов. Само по себе казачество большинством советских служа-

щих на всех уровнях власти рассматривалось исключительно как крайне не надежный в политическом отношении элемент [2], веками являвшийся опорой самодержавной власти, даже уже после завершения Гражданской войны, не хотевший мириться с отменой всех привилегий [3]. Отсюда и отношение к казакам как к антигосударственному [4] элементу и стремление завершить расказачивание. Работа по выявлению тех, кто мог и хотел навредить советской власти, была масштабной и разноплановой, в округах началась «охота на ведьм».

По глубокому убеждению царицынских губернских властей, состав власти на местах был засорен сочувствовавшими «бандитам», и было просто жизненно необходимо во всех советских учреждениях провести чистку «от белогвардейского засилья» [5]. В связи с этим предусматривалось пересмотреть состав советов, полностью ликвидировать не вызывавшие доверие советы и на их месте создать ревкомы с широким кругом полномочий [6, с. 159], провести перевыборы в советы, укомплектовав их надежными людьми, широко применять назначение на должность и, наконец, провести чистку рядов РКП(б) с членством от 1917 года [7].

Объектом такого пристального внимания было не только казачество, являвшееся частью советских органов власти, но и все казачье сообщество в целом. За проживающими и вновь прибывшими в округа следили созданные при станичных и волостных исполкомах станичные и волостные комиссии по борьбе с дезертирством, в станицах и хуторах вводилось осадное [8] и военное положение [9], комендантский час [10]. В домах рядовых казаков расквартировывались бойцы Красной армии.

На постоянной основе в Хопёрском и Усть-Медведицком округах производился контроль и учет контрреволюционного и белогвардейского элемента [11]. И даже на волне объявленной в годы новой экономической политики политической амнистии ведение этого учета продолжилось. Поименно отслеживались реэмигранты. Так, по подсчетам органов ОГПУ Сталинградской области, после войны в трех казачьих округах Царицынской губернии (Хопёрском, Усть-Медведицком, 2-м Донском) проживало 546 реэмигрантов [12]. По мнению ОГПУ, все возвратившиеся, прибывшие в округа в период 1921–1923 гг., были направлены в СССР руководителем РОВС генералом Ф.Ф. Абрамовым с заданием подготовить и провести мероприятия, направленные на свержение большевистского правительства в стране, а также сформировать казачьи повстанческие организации [13].

Вместе с тем советская власть посредством воззваний, широко проводимой агитационной работы всячески заверяла казачество в своей к нему лояльности, призывая как трудовое, так и бывшее белое казачество не бояться возвращаться домой и приступать к строительству новой мирной жизни, одновременно формируя при всех станичных и волостных исполкомах комитеты по изъятию имущества у лиц, бежавших вслед за отступающими белыми частями. Зачастую конфискации в отношении «антисоветчиков» принимали характер самосудов [14].

В своем развитии повстанчество переживало на территории Хопёрского и Усть-Медведицкого округов три крупных этапа: осень 1920 г. – весна 1921 г. – рождение движения; весна 1921 г. – зима 1922 г. – период наиболее мощных по силе

выступлений, формирования подпольных групп и отрядов; зима 1922 г. – весна 1924 г. – период затухания повстанческих выступлений, перерастание имеющего политическую окраску движения в уголовный «бандитизм».

На территории Хопёрского и Усть-Медведицкого округов повстанческие выступления принимали формы «открытого бандитизма» и «скрытого повстанчества».

Выступления как крупных, многочисленных повстанческих формирований, действовавших на территории Хопёрского и Усть-Медведицкого округов (среди которых были отряды К.Т. Вакулина, «Молния» Я.Е. Фомина, отряды И.П. Колесова, И.С. Колесникова, Г.С.Автономова, доходившие в своем составе до трех тысяч человек [15]), так и многочисленных банд от 5 до 10 человек представляли собой форму открытого повстанчества. Их лидеры и бойцы открыто с оружием в руках выступали против советской власти, проводили митинги с призывами к населению вступать в их ряды, организовывать народную власть на принципах равенства, без коммунистов [16, с. 10]. С ними возможно было вести открыто вооруженную борьбу, что не скажешь об участниках скрытого повстанчества.

Именно скрытое повстанчество представляло наибольшую опасность для большевиков, это были те, кто тайно поддерживал повстанцев, предоставляя им кров, пищу, одежду, те, кто работал в советских учреждениях, те, кто организовывал и входил в состав тайных антисоветских «заговорщицких» групп, действовавших в Хопёрском и Усть-Медведицком округах.

Так, в 1921–1923 гг. на территории Хопёрского и Усть-Медведицкого округов действовали тайные антисоветские организации, совмещавшие идею о свержении советской власти с работой по проведению «активного вредительства, развала, саботажа в сельском хозяйстве» [17].

Весной 1921 г. в станице Урюпинской Хопёрского округа силами ОГПУ был раскрыт контрреволюционный заговор, названный в оперативных сводках эсеровским [18, с. 119], в числе участников которого значились члены Хопёрской организации РКП(б).

В конце 1922 г. на территории Усть-Медведицкого округа действовала клетско-распопинская группа. Ее участники основной своей целью считали подготовку и последующее выступление против советской власти.

Для борьбы с бандитизмом в Хопёрском и Усть-Медведицком округах формировались штабы обороны, районные ревкомы [19], отряды рабоче-крестьянской милиции [20], проводилась чистка в рядах окружных отрядов милиции, действовали выездные сессии ревтрибуналов, формировались политические тройки, облеченные чрезвычайными полномочиями, проводившие меры репрессивного характера на местах.

Борьба с повстанчеством велась в основном силами немногочисленной милиции, состоявшей преимущественно из неграмотных, морально неустойчивых милиционеров [21, с. 158], сотрудниками уголовного розыска, отрядами Красной армии и ОГПУ.

Широкую практику получила мобилизация самых «надежных» коммунистов округа. Сформированные отряды устраивали облавы, проверяли балки

[22], изымали огнестрельное, холодное оружие, боеприпасы. В числе изымаемого имущества значились даже велосипеды, считавшиеся средством передвижения «бандитов», за их сокрытие уличенные лица подлежали передаче военно-полевого суду [23].

С теми, кто оказывал помощь и скрывал контрреволюционеров, жестоко расправлялись, признавалось необходимым брать заложников из наиболее провинившихся и расстреливать на месте пособников повстанцев.

Военная мощь советского государства, объективно превосходящая в артиллерии и пулеметах, тактике военного командования, позволила подавить антибольшевистские выступления на территории верховых округов.

Спад активности повстанческого движения в Хопёрском и Усть-Медведицком округах произошел только к осени 1923 г. [24, с. 79]. Далее появился так называемый уголовный бандитизм. К 1923 г. в политических сводках, отправляемых местными исполкомами на имя центральных органов власти, всё реже встречались сведения о повстанческих выступлениях, а к 1924 г. они совсем исчезли. Некоторые формирования, перейдя на нелегальное положение, продолжали свою работу [25]. С новой силой антисоветские выступления и заговоры проявились в годы хлебозаготовок.

В заключение следует подчеркнуть, что повстанческое движение начала 1920-х гг. на территории Хопёрского и Усть-Медведицкого округов стало следствием политики военного коммунизма, имевшей на казачьих землях специфику рассказывания. Желание нивелировать казачество в крестьянской среде, искоренить казачьи традиции и самобытность не покинет умы большевистского руководства и уже после ликвидации повстанческого движения, что станет питательной средой для новых антигосударственных заговоров начала 1930-х гг.

Примечания

1. Архив Управления ФСБ по Волгоградской области (далее – АУФСБ по Волгоградской области). Ф. 7 (Сборник материалов по контрреволюционным казачьим повстанческим организациям). Д. 572. Т. 1. Л. 351.
2. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 75. Л. 12.
3. АУФСБ по Волгоградской области. Ф. 7. Д. 572. Т. 1. Л. 343.
4. Там же.
5. ГАВО. Ф. Р-1721. Оп. 1. Д. 2. Л. 248.
6. Синельников С.П. «Русская Вандея»: вооруженное сопротивление крестьян советской власти в 1920–1923 гг. (По материалам Царицынской губернии) // Белая гвардия. 2002. № 6: Антибольшевицкое повстанческое движение.
7. АУФСБ по Волгоградской области. Ф. 2. Оп. 485, порядковый № 1. Л. 4.
8. ГАВО. Ф. Р-412. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.
9. ГАВО. Ф. Р-2534. Оп. 1. Д. 7. Л. 200.
10. Там же.

11. АУФСБ РФ по Волгоградской области. Ф. 7 (Сборник материалов по контрреволюционным казачьим повстанческим организациям). Д. 572. Т. 1. Л. 343.
12. Там же.
13. Там же. Л. 357.
14. ГАВО. Ф. Р-399. Оп. 1. Д. 40. Л. 59.
15. ГАВО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 16. Л. 23.
16. Яценко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923 гг. М.: ЛИБРОКОМ, 2008.
17. АУФСБ по Волгоградской области. Сводка № 2. Д. 385. Л. 5.
18. Перелистывая документы ЧК. Царицын – Сталинград 1917–1945 гг.: сб. док. и материалов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1987.
19. ГАВО. Ф. Р-412. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.
20. Там же. Л. 8.
21. Федосеев А.П. Царицынский уголовный розыск в борьбе с бандитизмом и хулиганством в 1921–1925 гг. // Вопросы краеведения. Волгоград, 1991. Вып. 1.
22. ГАВО. Ф. Р-2334. Оп. 1. Д. 7. Л. 238.
23. ГАВО. Ф. Р-1835. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.
24. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010.
25. АУФСБ по Волгоградской области. Сводка № 2. Д. 385. Л. 5.

М.П. Мерзляков

ТРАНСФОРМАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СТАНИЦЫ РАЗДОРСКОЙ В 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Административно-территориальное устройство современного Раздорского района складывалось на протяжении длительного времени, будучи обусловленным рядом причин и факторов. Первый пик изменения административных границ, количества населенных пунктов, трансформации топонимики на указанной территории в XX в. пришелся на 1920-е гг., что было связано с процессами установления и укрепления позиций советской власти на Дону.

До революции 1917 г. Область Войска Донского делилась на 10 административных округов: 1-й и 2-й Донские, Черкасский, Усть-Медведевский, Хопёрский, Донецкий, Верхне-Донской, Сальский, Таганрогский и Ростовский. Станица Раздорская и ее окрестности входили в 1-й Донской округ. В 1920 г., с окончательным установлением советской власти, большая часть территории Области Войска Донского вошла в Донскую область с центром в г. Ростове-на-Дону. Большевики ввели новые для казачьего Дона названия административных единиц. Так, на смену юртам пришли волости. Возложенная Декретом СНК РСФСР от 27 января 1918 г.

на местные советы рабочих, крестьянских и казачьих депутатов обязанность по изменению внутреннего устройства округов породила необоснованное дробление их на множество мелких волостей [1, с. 1].

Надо признать, что новая власть быстро осознала пагубные последствия такого административно-территориального деления. Был принят декрет Совета народных комиссаров от 15 июля 1919 г., лишивший местные власти широких полномочий и передававший вопрос об изменении границ губерний, уездов и волостей под юрисдикцию Народного комиссариата внутренних дел. При этом количество волостей следовало сократить. В среднем население волости должно было составлять 10 тыс. чел. [2].

В 1920 г. станица Раздорская (на правах волости) входила в 1-й Донской округ. В ее составе значились хутора: Виноградный, Даниловский, Каныгин, Керчик, Киреево-Кадамовский, Мокрологский, Ольховский, Пухляковский, Попово-Сусатский, Сусатский.

К 1-му Донскому округу в этот период относилась и станица Кочетовская, переименованная к этому времени в волость. К 1920 г. она включала часть хуторов, переданных впоследствии Раздорскому району: Апаринский, Броницкий, Дубровский, Ещеуловский, Золоторевский, Крымский, Лиманский, Молчановский, Ново-Кузнецовка [1, с. 12].

Отправной точкой серьезных территориальных изменений в регионе можно считать решение междуведомственной приемо-сдаточной комиссии представителей Донской области и Царицынской губернии от 21 апреля 1921 г. «О переделе войсковой земли» [1, с. 13]. Согласно этому решению, 2-й Донской, Усть-Медведицкий и Хопёрский округа были переданы Царицынской губернии, а ряд округов перешли к Донецкой области. В итоге в Донской области остались округа: Верхнедонской, Донецкий, Морозовский, 1-й Донской, Ростовский, Сальский, Черкасский.

Вместе с тем часть интересующего нас 1-го Донского округа в этом же году, как и части Донецкого, 2-го Донского, Верхнедонского округов, отошла к вновь организованному Морозовскому округу. Непосредственно в составе станицы Раздорской на 1 октября 1922 г. числилось 7 хуторов: Виноградный, Каныгинский, Мокрологский, Ольховский, Попово-Сусатский, Пухляковский, Сусатский. Таким образом, количество хуторов относительно 1920 г. уменьшилось. И уже постановлением областной административной комиссии от 12 декабря 1922 г. станица Раздорская (как волость) была упразднена, ее территория включена в состав Семикаракорской волости [1, с. 15]. В состав этой волости тем же постановлением была передана и Кочетовская станица (как волость). В нее входили 12 хуторов: Апаринский, Броницкий, Бугровский, Дубровский, Ещеуловский, Керченский, Костинский, Крестовский, Крымский, Молчановский, Плешаковский, Чебачий. Впоследствии все эти хутора станут частью современной станицы Раздорской.

Следует подчеркнуть, что к декабрю 1922 г. в Донской области уже не осталось ни одного округа и волости, не претерпевших изменений в своих границах. В то же время обращает на себя внимание еще один аспект, характерный для транс-

формации административно-территориального устройства именно казачьих поселений, тесно переплетающийся с процессами расказачивания. В декабре 1922 г. вышло постановление Областной административной комиссии об упразднении станицы как административной единицы, что законодательно ликвидировало еще одну традиционную территориальную и хозяйственную казачью структуру. Это постановление было опубликовано в газете «Трудовой Дон» 4 февраля 1923 г. Оно разрушило прежний мир донских поселений. Вслед за волостями в казачьих районах появляются села и слободы, поселки, выселки.

Так и станица Раздорская – гордость казачьего края – стала Раздорским селом и утратила на время свое административно-хозяйственное значение до середины 1930-х гг. [3, с. 440].

На основании Постановления ВЦИК от 2 июня 1924 г. и Крайэкономсовета юго-востока России от 4 июля 1924 г. Донская область как административно-территориальная единица была упразднена, а ее территория была разделена на 4 округа с непосредственным подчинением краю: Донецкий, Морозовский, Ростовский, Сальский [4].

В рамках очередного административного деления хутора и станицы будущего Раздорского района вошли в состав Семикаракорского и Нижнекундрюченского районов Ростовского округа. Однако уже буквально через год происходит крупная государственная административная реорганизация, отразившаяся как на истории складывания современной территории Ростовской области в целом, так и Раздорского района в частности.

Декретом ВЦИК от 26 января 1925 г. было утверждено «Положение о Северо-Кавказском крае с центром в г. Ростове-на-Дону». Край делился на 10 округов: Армавирский, Донской, Донецкий, Кубанский, Майкопский, Морозовский, Сальский, Ставропольский, Терский, Черноморский и 4 автономные области – Адыгейская (Черкесская), Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская. Город Грозный входил в край на правах 11-го округа [5]. Соответственно Ростовский округ был переименован в Донской, а Морозовский – Декретом ВЦИК от 16 июня 1925 г. был упразднен и присоединен к Шахтинскому округу. Последний, в свою очередь, 5 октября 1925 г. был переименован в Шахтинско-Донецкий округ [6, с. 551–552]. Все округа делились на районы.

В рамках обозначенных выше преобразований в 1925 г. будущий Раздорский район перешел под юрисдикцию Константиновского района Шахтинского округа, затем Шахтинско-Донецкого округа, вплоть до выделения в самостоятельную административную единицу в 1935 г.

В заключение следует отметить, что установление и закрепление позиций советской власти на Дону ознаменовалось чередой административно-территориальных преобразований, вызванных как постоянными изменениями политической и хозяйственной жизни страны, так и процессами, направленными на разрушение традиционного казачьего уклада.

Примечания

1. Административно-территориальное деление Ростовской области. (Донская область 1920–1924 гг.). Ч. I. Ростов н/Д, 1989.
2. Декрет о порядке изменения границ губернских, уездных и проч. от 27 января 1918 года. URL: http://libussr.ru/doc_ussr/ussr_209.htm (дата обращения 10.01.2019).
3. Список населенных мест Северо-Кавказского края. Ростов н/Д, 1925.
4. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 976. Л. 1, 2–2 об.
5. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. М., 1925. № 11. Ст. 76 (Инв. № 3653). С. 115–140.
6. Территориальные преобразования и переименования населенных пунктов Ростовской области за 1937–1970 гг. Ростов н/Д, 1976. С. 10; Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. М., 1925. № 44. ст. 326 (Инв. № 3655).

А.П. Скорик

**«БЫТЬ ПРЕДАННЫМ ЕЯ РАБОТНИКОМ»:
ОЖИДАНИЯ ДОНСКОГО КАЗАКА-РЕПАТРИАНТА
И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

Изучая историю донского казачества, мы нередко сталкивались с информацией о казаках-репатриантах, в том числе проживавших и вернувшихся домой из Болгарии, но обнаруженные сведения носили преимущественно отрывочный характер [1]. Когда же волею судеб нам попали в руки эго-документы казака-репатрианта П.И. Утишева, то мы попытались разобраться, как же сложилась жизненная траектория отдельного человека после возвращения на малую родину.

Пётр Иванович Утишев, 1900 года рождения, казак хутора Земцова станицы Боковской Верхне-Донского округа, переписи 1921 г., оказался в Болгарии, где активно работал в должности окружного секретаря Хасковского отделения «Союза возвращения на Родину». За эту деятельность его вначале отчисляют из юнкеров Донского Атаманского военного училища [2], а затем переводят «на беженское положение с исключением из списков» 2-й сотни 5-го Донского казачьего Атамана Платова полка [3]. Свои возможные намерения Пётр подтвердил, подписав декларацию «о переходе на сторону советской власти, о желании вернуться на Родину», «быть преданным ея работником в строительстве социализма», опубликованную в белоэмигрантской газете «Новая Россия» [4].

В течение первого года после возвращения в 1923 г. на малую родину П.И. Утишев занимался земледельческим трудом, помогал своей матери восстанавливать разрушенное индивидуальное казачье хозяйство, поскольку отец к тому

времени умер от тифа. 14 сентября 1924 г. Пётр поступает на службу в Боковский волостной исполком на должность делопроизводителя налогового стола по сбору единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) и работает в этой должности до 24 мая 1925 г., что подтверждается соответствующей справкой в архивном деле [5]. В первых числах июня месяца 1925 г. Боковский волостной исполком в результате проведённого районирования Донецкого округа вливается в состав Вёшенского райисполкома, и наш герой остаётся безработным.

В июне месяце 1925 г. семейство Утишевых постигает большая человеческая беда: в результате стихийного бедствия (сильного пожара) индивидуальное хозяйство матери попадает в очень критическую ситуацию и практически полностью расстраивается. В распоряжении погорельцев тогда остались: разрушенный дом, пара быков, одна лошадь, косилка и ход (нижняя ходовая часть повозки), прочий сельхозинвентарь. Мелкий скот, свиньи и большая часть кур погибли от пожара. Пётр стал помогать матери в восстановлении хозяйства после губительного пожара. Весенний сев 1926 г. не принес желаемого облегчения: хорошо отсеяться не удалось, поскольку вести сельскохозяйственные работы оказалось не на чем. Большое семейство Утишевых из 12 душ за прошедшую зиму утратило («проело») единственную лошадь, ведь надо было на что-то питаться. Из живого тягла в хозяйстве сохранилась только пара быков [6]. Прожить в хуторе становилось всё труднее и труднее.

В таких условиях Пётр принимает решение поступить на государственную службу и уезжает в первых числах мая месяца в окружной город Миллерово, где у него получается устроиться на должность делопроизводителя к судебному исполнителю 1-го участка Донецкого округа, в которой он проработал с 1 мая 1926 г. по 1 июня 1927 г. [7] Очевидно, благодаря занимаемой должности ему удается отбить первую попытку административного давления на него, когда П.И. Утишев в 1927 г. лишается Миллеровской городской избирательной комиссией избирательных прав, но сразу же восстанавливается в правах тем же Миллеровским горизбиркомом (протокол № 4 от 20 января 1927 г.) [8]. В июле 1926 г. П.И. Утишева принимают в окружное отделение профессионального союза советских и торговых служащих (СТС) СССР. Но 1 июня 1927 г. управление уполномоченного Северо-Кавказского краевого суда по Донецкому округу расформировали и соединили с такой же структурой Шахтинско-Донецкого округа с местонахождением в городе Каменск (Шахтинский), куда перевели и камеру судебного исполнителя. После произошедшего административного реформирования П.И. Утишев уезжать из Миллерова в Каменск не согласился, уволился и поехал искать работу в станице Боковской. Там ему предложили временно поработать секретарем сельского совета, и в этой должности он трудился три месяца, с 4 июня 1927 г. по 1 сентября 1927 г. Затем три месяца Пётр оставался безработным, в связи с семейными обстоятельствами [9].

В последних числах ноября 1927 г., имея за душой всего 10 копеек денежных средств, П.И. Утишев отправляется пешком из хутора Земцов в город Миллерово (расстояние напрямую составляет не менее 110 км), где встает на учет в качестве

безработного в окружном отделении профессионального союза советских и торговых служащих (СТС). В профсоюзе учли тяжелое материальное положение своего подопечного и направили на работу в народный суд 1-го участка Донецкого округа, а там предложили должность делопроизводителя с окладом 28 руб. в месяц. Устроившись на работу, Пётр в течение дня трудился в народном суде, а вечером посещал счетоводно-бухгалтерские курсы при профсоюзе СТС, изучая счетное дело, и промышленно-экономические курсы «машинистов» при Донецком окружном отделе народного образования, где учился печатать на пишущей машинке. 18 января 1928 г. освободилась должность технического секретаря окружного отделения профессионального союза работников просвещения (Рабпроса), включавшего работников школ, детских садов, детских домов и политико-просветительных учреждений. Занимавший это место Любченко перешел на педагогическую работу, поэтому П.И. Утишев воспользовался этой возможностью и занял новую должность. У него имелись для этого неоспоримые профессиональные преимущества: знание счетно-финансовой работы профсоюза, умение свободно печатать на пишущей машинке и полученные навыки по общему делопроизводству. Поданное им заявление рассматривалось на заседании окружного правления Рабпроса, и в результате его приняли на должность технического секретаря с окладом 50 руб. в месяц. По согласованию с окружным отделением профсоюза СТС Пётр переходит на работу в окружное отделение профсоюза Рабпроса [10].

Примечательно, что во время его работы делопроизводителем в народном суде Пётр получает 14 января 1928 г. личную книжку запасного РККА, оригинал которой сохранился в архивном деле [11]. Из симптоматичных сведений этого эго-документа следует отметить указание должности на военной службе «кавалерист-юнкер»; фиксирование обучения с января 1920 г. и убытия из Новочеркасского военного кавалерийского училища 22 февраля 1922 г.; отсутствие информации о пребывании за границей; снятие 26 марта 1926 г. с особого учета: «Состоял на особ[ом] учете быв[ших] белых и снят с такового» и обозначение в качестве основной гражданской профессии «письмоводитель» [12]. Таким образом, максимально нивелируется его пребывание за границей и военная служба в составе подразделений белой армии.

30 марта 1928 г. П.И. Утишев успешно оканчивает курсы «машинистов» (удостоверение № 19), а 5 июня 1928 г. завершает обучение на счетоводно-бухгалтерских курсах (свидетельство № 9). В должности технического секретаря окружного отделения профсоюза Рабпроса он проработал восемь с половиной месяцев [13]. 10 октября 1928 г. по просьбе заведующего средней общеобразовательной школой-девятилеткой города Миллерово Пётр переходит туда на совмещенную должность секретаря школьного совета и счетовода с окладом в 88 руб. в месяц (семью-то кормить надо). Он с головой окунается в новое для него дело, и нередко технические служащие школы Минаева и Кияшева запирали школьную канцелярию после ухода молодого секретаря в два и три часа ночи [14]. Переход на другую должность в школу-девятилетку (по советской классификации – школу 2-й ступени) согласовывался лично с председателем окружного отделения профсоюза Рабпроса

Плоткиной. Увы, это решение для П.И. Утишева стало в жизни роковым, поскольку 6 апреля 1929 г. его увольняют в связи с поступившей жалобой на «бюрократизм и грубое обращение с посетителями» [15], после чего начинаются мытарства нашего героя, пытавшегося восстановиться на работе и отстоять свое доброе имя.

Исходную жалобу написала (точнее, подписала нужную бумагу, судя по почерку и тексту) некая гражданка Михайлова, на кулацкое происхождение П.И. Утишева указал бывший сотрудник милиции и сожитель (муж) Михайловой некий Флянтиков, родом происходивший, вероятно, из хутора Земцова и работавший в 1925 г. вместе с Утишевым в Боковском сельском совете, где, как говорится, и нашла коса на камень. Протекцию (личную рекомендацию) Утишеву при трудоустройстве на должность секретаря в средней школе-девятилетке оказал хуторянин Никонов, что, в свою очередь, подтвердили заведующий школой Соколов и председатель школьного месткома Ващаев [16]. А еще, по мнению школьных работников, П.И. Утишев «иногда бывает груб, иногда несвоевременно дает справки, в общественной работе т. Утишев недостаточно активен» [17]. Однако ключевую роль все же сыграло обстоятельство службы П.И. Утишева в составе белогвардейских подразделений и его пребывание за границей, о чем свидетельствует рукописное заявление П.Ф. Михайловой (проживавшей в городе Миллерово по адресу: ул. Пролетарская, № 1) в Донецкую окружную рабоче-крестьянскую инспекцию. Прочитируем этот весьма симптоматичный для рассматриваемой исторической эпохи документ, датированный 18 февраля 1929 г., полностью (с сохранением орфографии):

«В школе II ступени находится на Службе в качестве Секретаря Некто Утишев Пётр Иванович, который Учился в Юнкерской школе, в момент Гражданской Войны он был офицером и с белыми отступил к чёрному Морю, был за границей в Болгарии, в 1922–1923 году он возвратился в Россию, как белый эмигрант. Утишев П.И. житель станицы Боковской Вёшенского района, происходит из семьи кулаков. Я несколько раз обращалась к нему по отношению назначения степендии моему сыну. Утишев обращался со мной грубо и разные чинил на смешки, которые не допустимы с не грамотной и не развитой женщиной, а так же грубо обращается с сыном. Я по Этому прошу Вас Р.К.И. снять с работы белогвардейца, которому не место в Сов[етском] Учреждении. О результатах прошу Уведомить меня» [18].

Донецкое окружное бюро жалоб РКИ в ответ на поступившую жалобу гражданки П.Ф. Михайловой приняло 14 марта 1929 г. постановление (протокол № 5, § 2) об увольнении («снятии с работы по 1-й категории») секретаря школы «с запрещением гр-ну УТИШЕВУ работы во всех государственных, кооперативных и общественных организациях» [19], а это фактически оставляло нашего героя без работы и безо всяких средств к существованию. Любопытно, что мать ученика Михайлова за пять дней до подачи своей жалобы получила 13 февраля 1929 г. при проверке расходования в образовательном учреждении бюджетных средств финансовым контролером Пузанковым из спецсредств школы сумму 2 руб. 50 копеек, а вот двум другим ученикам выдали еще 26 января 1929 г. даже по 5 руб. [20]. То есть ангажированность поданной жалобы вполне очевидна (кто-то же сообщил

нужные данные и подтолкнул «неграмотную женщину»), а непосредственный повод теперь установить сложно.

Естественно, П.И. Утишев пытался «найти правду» в окружном и краевом бюро жалоб РКИ, но основание увольнения по 1-й категории фактически стало приговором: «Не только за бюрократическое грубое отношение к посетителям, но и за службу в белой армии как юнкер и уход с таковой за границу» [21]. Пётр Иванович остаётся в Миллерове, скитается по квартирам, пытается восстановить на работе, доказывая, что бедняцкий стипендиальный фонд в размере 250 руб. в школе потратили на закупку учебной литературы для учащихся с ведома заведующего школой И.Я. Соколова, а он был вынужден отказывать посетителям в решении насущного вопроса о выдаче стипендии, хотя от него практически ничего не зависело. Причем допущенные заведующим школой финансовые нарушения в расходовании денежных средств подтверждаются заключением двух финансовых контролеров (но этого никто не замечает!) в лице заведующего подотделом горфинконтроля Осипова и старшего контролера Пузанкова [22]. В поисках справедливости П.И. Утишев уезжает домой в хутор Земцов, собирает последние денежные средства, продает часть личных вещей, едет 5 октября 1929 г. в краевое бюро жалоб в Ростов-на-Дону (ул. Энгельса, 63), разыскивает свое дело № 18.8444 и пытается получить ответ. Но, увы, все его старания оказываются напрасными, ибо советская бюрократическая машина не воспринимает обращения гражданина из числа бывших белых: его увольнение многократно (четырежды) признается правильным именно по этому основанию. Никакие оправдывающие документы не помогают, как например, справка о работе в школьной комиссии содействия распространению 2-го займа индустриализации в качестве секретаря и сборщика взносов [23]. Не выручила даже справка земельного общества хутора Земцов, «что его мать Утишева Агриппина Трофимовна действительно занимается земледелием и других видов дохода не имеет, из имущества имеет: пару лошадей и корову, по расслоению середняка» [24].

Последний документ (заявление) [25] в изученном нами архивном деле датирован 21 декабря 1929 г., и на этом личностная история обрывается. Как житель станицы Боковской, П.И. Утишев обращался 90 лет назад к председателю краевой РКИ Северо-Кавказского края с просьбой учесть новые документы и принять решение по его жалобе, но ответа в деле не зафиксировано. Дело № 1892-6 вернули в январе 1930 г. в Донецкую окружную РКИ для рассмотрения в присутствии П.И. Утишева [26]. Судя по всему, наш герой не избежал дальнейших репрессий, что 25 февраля 2019 г. нам подтвердил в личной беседе действующий сотрудник администрации Земцовского сельского поселения В.И. Кружилин, оказавшийся дальним родственником Петра Ивановича по материнской линии.

Примечания

1. Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. С. 447.

2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6037. Оп. 1. Д. 10. Л. 69об.
3. ГАРФ. Ф. Р-6908. Оп. 1. Д. 11. Л. 103об.
4. Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД ШРО). Ф. Р-754. Оп. 1. Д. 32. Л. 29.
5. ЦХАД ШРО. Ф. Р-754. Оп. 1. Д. 32. Л. 34.
6. Там же. Л. 30.
7. Там же. Л. 38.
8. Там же. Л. 31об.
9. Там же. Л. 30.
10. Там же. Л. 30об.
11. Там же. Л. 65–72об.
12. Там же. Л. 65, 66об., 66.
13. Там же. Л. 58.
14. Там же. Л. 25.
15. Там же. Л. 1.
16. Там же. Л. 1–2.
17. Там же. Л. 4.
18. Там же. Л. 6–6об.
19. Там же. Л. 7.
20. Там же. Л. 39.
21. Там же. Л. 12об.
22. Там же. Л. 40–41.
23. Там же. Л. 60.
24. Там же. Л. 59.
25. Там же. Л. 45–45об.
26. Там же. Л. 20.

С.М. Сивков

РАСКАЗАЧИВАНИЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА: ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

По сей день не утихают споры различных специалистов по проблеме расказачивания. Действительно, данное явление имело место, однако при рассмотрении проблемы необходимо учитывать ситуацию, сложившуюся в каждом из тогда существовавших казачьих регионов на текущий момент. В полной мере это относится и к Кубанскому краю, где в то время проживала самая большая часть кубанского казачества, второго по величине в России.

Большинство специалистов (А.И. Козлов, Л.А. Футорянский, Р.А. Медведев, А.В. Венков, В.П. Трут и многие другие) сходятся во мнении, что расказачивание

стало закономерным явлением задолго до прихода к власти большевиков, оно носило естественный характер.

Анализируя историю Кубани, следует отметить, что уже в конце XIX в. она утратила роль фронта, т.е. пограничной зоны. С донским казачеством это произошло значительно раньше. Вхождение Кубани в состав Российской империи привело к отодвиганию на юг российских границ, участие донских казаков в боевых действиях ограничилось лишь несопределенной с Доном территорией.

Окончание Кавказской войны привело к некоторому замирению с представителями горских народов, что также снизило и роль кубанского казачества в регионе.

Достаточно массовое переселение крестьянского населения после отмены крепостного права и завершения Кавказской войны способствует некоторому растворению казачьего населения в Кубанской области. Данный процесс в конце XIX – начале XX в. стал носить массовый характер.

Начало XX в. ознаменовалось революцией в военном деле: появление пулеметов, танков привело к снижению эффективности того, что казаки умели лучше всего, – использования конницы. Можно считать, что Первая мировая война стала последним в истории мировых войн событием, когда конница использовалась в массовом порядке.

Конечно, мы не рассматриваем здесь события в России, получившие название Гражданской войны 1917–1922 гг., которые можно считать естественным продолжением мировой войны. Оппоненты могут возразить, что кавалерия использовалась и во Второй мировой войне, но масштабы ее применения несравнимы с Первой. Да, лошади использовались, но в большей мере как тяговая сила.

Бесспорно, что при благополучном для Российской империи разрешении этой войны, встал бы вопрос о расформировании конницы, в том числе и казачьей.

Следует обратить внимание на то, что российская императорская власть отчетливо понимала перспективы казачества. Уже в ходе событий, известных под названием Первой русской революции, наблюдается рост использования казачества как полицейской силы в ходе подавления общественных беспорядков. Безусловно, в среде простых обывателей это не встречало широкой поддержки и способствовало отрицательному восприятию образа конного казака. К моменту событий 1917 г., по словам известного русского журналиста, участника Белого движения Бориса Алексеевича Суворина, накануне большевистского переворота «...казачество все еще крепко держалось старых заветов и традиций» [1, с. 28].

На первом этапе существования советской власти, ее руководство предпринимает попытки заигрывания с казачеством. На общем собрании представителей казачьих частей 4 (17) ноября 1917 г. было постановлено «образовать революционным порядком при ВЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов казачий комитет». Одним из первых документов стало обращение Второго Всероссийского съезда Советов к казакам, принятого не позднее 26 октября (8 ноября) 1917 г. В этом несколько эмоциональном документе говорилось: «Советы хотят отнять у казаков землю. Это ложь. Только у казаков-помещиков революция отнимет земли и отдаст их народу.

Организуйте Советы казацких депутатов. Присоединяйтесь к рабочим, солдатским и крестьянским Советам.

Братья-казаки! Всероссийский съезд Советов протягивает вам братскую руку.

Да здравствует союз казаков с солдатами, рабочими и крестьянами всей России!» [2].

25 ноября (8 декабря) 1917 г. выходит «Обращение к трудовым казакам о завоеваниях Октябрьской революции и о борьбе с контрреволюцией» от имени Совета народных комиссаров. В этом документе говорилось: «Ваша судьба, казаки, в ваших собственных руках. Наши общие враги: помещики, капиталисты, корниловцы-офицеры, буржуазные газетчики – обманывают вас и толкают вас на путь гибели. В Оренбурге Дутов арестовал Совет и разоружил гарнизон. Каледин угрожает Советам на Дону. Он объявил там военное положение и стягивает туда войска. Караулов расстреливает туземцев на Кавказе. Кадетская буржуазия снабжает их своими миллионами. Их общая цель – задушить народные Советы, подавить рабочих и крестьян, ввести снова палочную дисциплину в армии и увековечить рабство трудового казачества».

9 (22) декабря 1917 г. выходит обращение «Ко всему трудовому казачеству» и постановление об отмене обязательной воинской повинности и о других льготах, объявившее казакам о следующем:

1. Отменить обязательную военную повинность казаков.
2. Принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на воинскую службу
3. Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, смотры, лагеря, военную подготовку.
4. Установить полную свободу перемещения казаков [2].

Б.А. Суворин негативно воспринял данный нормативный акт и оценил его следующим образом: «Революция закрепила эти права и обязанности, и казачеству ничего привлекательного не могла обещать голодная демагогия большевизма» [1, с. 28].

Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 10.11.1917 значительно запутал и без того сложную ситуацию по данному вопросу [2].

В январе 1918 г. была изменена формулировка предстоящего очередного съезда Советов, получившего название Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

В обращении, принятом на III Всероссийском съезде Советов от 16 января 1918 г., отмечалось: «Рабочие и крестьяне верили, что трудовое казачество не пойдет против трудящегося народа и примкнет к той великой борьбе, которую ведут трудовые массы. Вы оправдали нашу надежду, товарищи трудовые казаки» [2].

Во второй половине 1918 г. по предложению М.И. Калинина казачий комитет был реорганизован в казачий отдел ВЦИК.

Оценивая ситуацию данного периода Гражданской войны, А. Суворин пришел к выводу, что «Молодые казаки, пробывшие уже три года на войне, были рады отдохнуть и принять революцию как освобождение от некоторых своих обязанно-

стей. С другой стороны, казачество, всегда гордое и самостоятельное, не мирилось с мыслью, что они должны защищать Россию, когда русские солдаты бегут с фронта. Эта молодежь сыграла тяжелую роль в истории казачества» [1, с. 29].

К концу 1918 г. положение казачества по-прежнему оставалось неопределенным.

РКП(б) и советское правительство не считали казачество особой национальностью, таковым считали казачество его атаманы и генералы. Так, атаман Краснов не стесняясь возглашал: «Кзаки! Помните, вы не русские, вы, казаки, самостоятельный народ» [3, с. 164].

Большие дискуссии начались после обнародования в период перестройки в журнале «Известия ЦК КПСС» (1989 г.) текста циркулярного письма. Документ не имел даты, а подписан он был не принявшим его Оргбюро, а ЦК РКП(б) [4, с. 177–178].

Известный советский и российский историк Рой Медведев, занимавшийся этой проблемой, писал: «Январская директива противоречила всем предыдущим постановлениям Совнаркома о работе в казачьих районах, всем недавним декабрьским декларациям СНК, ВЦИК, РВС республики и лично Ленина и Свердлова в их обращении к казачеству, что советская власть не будет наказывать тех казаков и казачьих офицеров, которые добровольно оставят армию генерала Краснова, что советская власть не будет покушаться на основы казачьего быта, что казачеству будет предоставлена полная самостоятельность в устройстве своей жизни, что земли трудового казачества не будут затронуты новым аграрным законодательством, что право на землю в казачьих районах будет сохранено только за трудящимися, оседло живущими на войсковых территориях» [5].

По мнению авторов фотоальбома «Кзаки в Гражданской войне на Юге России. 1917–1920», «...верховые казаки сами до этого способствовали установлению её (советской власти. – С. С.) на своих территориях, добровольно взяв курс на “мирную платформу” с большевиками» [6]. После очередного надругательства красногвардейцев над девушкой в хуторе Шумилинском Казанской станицы, терпение казаков лопнуло. Сбежавшаяся толпа перебила насильников. «Кзачьи женщины топтали их живьем ногами в грязь» [6, с. 9].

Одновременно с этим следует обратить особое внимание на тот факт, что советское руководство в указанный период далеко не всегда церемонилось с инициаторами антисоветских выступлений, например во время восстания рабочих (пролетариев – опоры революции) Путиловского завода в марте 1919 г. По мнению Игоря Сапронова, «некоторые ключевые события Великой русской революции и Гражданской войны в России не отражены даже строчкой в отечественных учебниках истории. И прежде всего – бунт рабочих Путиловского завода и его подавление» [7, с. 35]. По оценке В. Череновой, «На Путиловский завод вводится вооруженная охрана – матросы из Кронштадта и около 200 коммунистов из разных районов города» [8, с. 43]. В одной из листовок, распространяемых в Петрограде, говорилось, что «Красноармейские и матросские части стрелять в рабочих отказываются, расстреливают рабочих китайские и латышские наймиты, а также большевистские коллективы» [8, с. 43].

А в марте 1921 г. такой же жертвой репрессивной политики становятся и кронштадские моряки, «краса и гордость русской революции», по мнению Льва Троцкого.

Стоит ли удивляться отношению советской власти к казачеству, почти поголовно примкнувшему к антисоветскому лагерю? Оно уже на данном этапе было обречено на репрессивные меры, а по стремлению кубанцев к самостоятельности – не только со стороны большевиков, но и союзников по борьбе.

Особое место в череде данных событий необходимо отвести кубанскому казачеству на данном историческом этапе расказачивания. Советская власть на Кубани была установлена на достаточно непродолжительный отрезок времени: март – октябрь 1918 г. К ноябрю 1918 г. советская власть на территории этого казачьего войска была полностью ликвидирована, а восстановлена она была только в марте 1920 г., из чего следует вывод, что январская директива в течение рассматриваемого периода не имела юридической силы на территории Кубани. К счастью для кубанских казаков, репрессивная политика советской власти по отношению к казачеству не затронула их интересов.

16 марта 1919 г. казачий вопрос рассмотрел Пленум ЦК РКП(б), который пересмотрел директиву и «предписывает партийным работникам приостановить проведение массового террора»; «Не применять ничего, что может обострить отношения и привести к восстанию»; «В соответствии с принятым решением, отменить приказы о создании ревтрибуналов, конфискации лошадей, повозок, седел, фуража».

Обращает на себя внимание и тот факт, что политика расказачивания на Дону и тем более на Кубани не нашла своего отражения в кубанских исторических источниках того времени. Нет никаких упоминаний о зверствах большевиков в отношении братьев-донцов ни в приказах Кубанского войскового правительствa, ни в протоколах заседаний Кубанской Рады.

Необходимо продолжить исторические исследования, начатые еще в конце прошлого века по проблеме расказачивания еще А.И. Козловым [9].

Примечания

1. Суворин Б.А. Героическая эпоха Добровольческой армии 1917–1918 гг. М.: Вече, 2018. 272 с.
2. Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: ГИПЛ, 1957.
3. Венков А.В., Шишов А.В. Белые генералы. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
4. Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.
5. Медведев Р., Стариков С. Жизнь и смерть командарма Миронова // Подъем. 1989. № 1–5.
6. Кулаков О., Сарычев М., Марковчин В. Казаки в Гражданской войне на Юге России. 1917–1920. Фотоальбом. Воронеж: Фауст, 2008. 200 с.
7. Сапронов И. Путиловский бунт: восстание рабочих знаменитого завода в марте 1919 года осталось белым пятном в российской истории // Родина. Март 2019. С. 35–41.

8. Черенева В. «Белогвардейцы сыпали наждак в подшивники: хроника забастовки, ставшей «левоэсеровской провокацией» // Родина. Март 2019. С. 42–44.

9. Козлов А.И. Рассказачивание: Дон, 1919 // Судьбы российского крестьянства. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 162–192.

И.Ю. Васильев

РАСКУЛАЧИВАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТАРОЖИЛОВ КУБАНСКИХ СТАНИЦ

Проблематика раскулачивания на Кубани и в других регионах уже весьма полно раскрыта в работах различных исследователей [1]. Детально исследован и социально-экономический контекст этого явления. Но изучение восприятия раскулачивания очевидцами по-прежнему весьма значимо [2].

В конце 1920-х гг. специфика малых крестьянских хозяйств, которых стало гораздо больше и которые оказались менее хозяйственно эффективны, перестала устраивать советскую власть, которой нужны были быстрые сверхприбыли для осуществления амбициозных проектов. Между тем, в 1927 г. валовое производство зерна составило 95 % от уровня 1913 г., а его товарность – лишь 13,3 % [3, с. 356].

Судьба «единоличного хозяйства» была предрешена, решено было насильственно заменить мелкое семейное производство на крупные товарные хозяйства.

Коллективизация, сопровождавшаяся раскулачиванием и высылкой, запомнилась станичным старожилам как одна из самых тёмных страниц их жизни, жизни родителей. Создание коллективных (фактически государственных) хозяйств сопровождалось изъятием у населения имущества, арестом и высылкой многих станичников (раскулачиванием). Информанты называли разных людей, кого раскулачивали как по имущественному и социальному составу, так и по личным качествам, общественной позиции. Среди них указывали богатых, казаков, уважаемых, трудолюбивых людей, не хотевших вступать в колхоз. А также просто тех, «кто попал под горячую руку». Раскулаченные нередко выселялись в отдалённые регионы, многие не возвращались. Их имуществом активно пользовались вновь созданные колхозы, а иногда пользуются и по сей день...

«Самых богатых (раскулачивали. – И. В.). У кого работники. Жил один на нашей улице. Это казаки были. Кто имел рабочую силу. Отца хотели раскулачить. Как начнёт молотить – вон сколько подвод зерна у него было. Нанимал? Нет. Он молотит. Я к нему еду, помогаю. Две подводы отвезу. Им. И они мне две. А сосед завидовал, писал. А он ничё не хотел делать» [4].

«Да пораскулачивалы, з хат повыгонялы, и по миру пустылы и всё, от это всё казачество и есть. Ну хто мог защитить? Ны казак, ныхто. А щаз это казаки? У нас було тры конякы и раскулачили всих» [5].

«Кулачили. И забрали у их. Жёлтик. Его родители были. Это не человек, а золото. Это не знаю, какой был бригадир. И родители у него... Мама Кондакова была. Такой дом был, всё забрали. Ничего, всё забрали, но мы жили» [6].

Например, жителей станицы Уманской массово выселили в Казахстан, на Урал, в Калужскую область. В суровых условиях Казахстана многие уманцы умирали. Высылали не только казаков, но и иногородних, например, занимавшихся предпринимательством. Власти не приветствовали возвращение высланных станичников на Кубань [7].

Но при этом даже коммунисты и активисты сами не хотели идти в колхоз. Для давления на них отдельно применялись т.н. партийные чистки, проверки благонадежности, осуществлявшиеся «проверками» [8].

«Не хотел (отец идти в колхоз. – И. В.). Они все не хотели. А потом по одному, по одному, по одному. Я ж говорю ж. Забрали и в лесу жили. Там занимались табаком. Один год побули там. А он говорит матери: “Що ж дом недостроенный. Я казак и скрываюсь!”. Пришёл и говорит: “Я иду в колхоз”. Плотником в колхоз. В колхозе плотником доделал дом» [9].

«Вин (отец. – И. В.): “Нет, я ны пиду у колхоз!” А када отдилялы, совет дал 2 гектара на овощи и 4 гектара на пиныцию, на Сорокиной, як на Краснодар йидишь Сорокина, там у нас була пиныция, 4 гектара. Вот это отдилялы. Тада пры царизме мама казалы, шо на каждого сына давалы. И вин ны пишов. Ны пишов и чириз 3 мисяца умэр. Мама осталася з намы, 5 душ и беременна шистым. Ну как же, хлопцы-то здорови вже, воны помогалы все. Ну, мама кажэ: “Ну, шо ж, диты, я пиду у колхоз, а шо ж делать”. Тот, шо 11-го году, 19 лет ему было, вин сразу найшов соби организацию, тут булы американски геологи в Горячем, взяли його на работу, и то вин нас дэржал, американску муку прыносил, помню як щас, 10 килограмм мешок. Давалы всэ американцы. Вин там мало поработав. А той шо 14-го года, той тут був. То скотыну пасэ» [10].

Объектами психологической обработки становились коллективы вновь создаваемых колхозов. Например, в начале 1934 г. в станице Запорожской отстающим колхозам и колхозным бригадам вручали рогожное знамя [11].

Также велась пропаганда путем создания привилегированных / элементарно сытых условий жизни для особо преданных советской власти людей и их объединений – коммун. Но чаще станичникам во время коллективизации и раскулачивания приходилось выживать самостоятельно. Нередко кубанские станичники спасались от коллективизации в неславянских регионах и на Украине.

«Уезжали. И в Грузию, и в Среднюю Азию, и на Украину уезжали. Куда кто думал, туда и уезжал. И попржиживались люди. Прожили вот века. Теперь умирают. Только сейчас мы знаем, что умер такой-то: говорят, умер такой-то» [12, с. 57]. Ещё до начала коллективизации и раскулачивания значительная часть наиболее богатых и предусмотрительных жителей станицы Отрадной ликвидировала своё дело и уехала на окраины СССР [13].

Некоторые даже весьма зажиточные люди смогли выжить и даже отчасти преуспеть, сразу и без нажима подчинившись «новому порядку», отказавшись от прав

собственников и активно включившись в деятельность колхоза. *«Это в 29-м уже коллективизация пошла. Лошадей тада позвозили, всё подывали своё. Коллективное хозяйство начали. Як быв мельником, так и был (мельник Нестеренко. – И. В.). Пасечником был тоже. Пасека большая была. Социализма коммуна была до войны була»* [14].

В какой-то степени пострадавшим оказывалась и традиционная станичная взаимопомощь. *«Когда детей в конце концов возвратили в свою хату, у них ничего не было для прожития. Люди помогли. Той там картошечки дав, той того, там чувальчик якый дав. Ны спать, ны лыжать ничёго. Затем стали работать, в колхоз приняли»* [15]. Но в целом население кормилось с мизерных пайков, которые выдавались в колхозе за работу. Для их получения требовалось вырабатывать норму – определенное количество трудодней. С середины 1930-х гг. колхозники несколько подняли свое приусадебное хозяйство и стали кормиться и с него. С конца десятилетия приусадебное хозяйство получало поддержку в виде «заработанного на трудодни» зерна и иногда приплодом скота. В 1933 г. в колхозе на один трудодень могли выдавать 200 г кукурузы в початках, в 1935 г. – 250 грамм, в 1936 г. два килограмма пшеницы и кукурузных початков [15].

«Робыли за палочку. Прошёл год, расписались. Хочь не хочь, идти надо на работу, бо исты нечего. Там хоть яку-нибудь бурдыжу зварять. Днём табак ломаемо. Ночью снопы вяжемо. Утром рано копыцы кладэм. А тоди опять табак полоть, рвать, жать. Такэ наша жизнь. Була. Есть ничё було тоди. То груши. Хорошо, у нас лис. То дичка груши были. Богато! То мы хоть наих жили» [16].

«Родители работали “за палочку”, трудодни булы. Диньгамы вообще ны платылы. Зерном заплатаят, картошку свою вырастят, в Краснодар отвезут, продадут» [17].

При этом для единоличников, зажиточных людей с середины 1930-х гг. стали создавать искусственные препятствия для вступления в колхоз. *«В колхоз надо было всем обязательно вступать? – Ну что ты! Сразу не принимали таких (зажиточных. – И. В.)!»* [18].

Существование такой жестокой и несправедливой системы поддерживалось террором. *«Берут ночью человека и с концами. А отца всё время спрашивали: “Получишь ты за зерно?” – “Ну, если дадите, не откажусь”. А у него Петро был председатель ревизионной комиссии. Друг. И он: “Не вздумай сказать, что ты получишь!” И он это всё повторял: “Как хотите!” И вот этим только и спасся»* [19].

В целом ранний колхозный период запомнился старожилам как время каторжного полуголодного труда, когда не было ни нормального досуга, ни возможности развивать свои таланты и умения. Однако еще сохранялись элементы традиционной культуры: стариками праздновались церковные праздники, маленькие колхозы по составу работников и территории соответствовали краям (районам) станицы.

«Вечером занимали очередь. Кто день простоят, кто до ночи там дежурил, чтоб несчастные штаны купить. Разов пять ходил, но всё равно не достаётся. А спрос на полсотни и больше. Очень тяжело, это нечеловеческая жизнь была. Тогда

думали только о том, что бы покушать. Воровать не умели мы. И на огороде выращивали всё» [20].

«Был колхоз “Заря” и “Май”. На ту сторону станицы, на север – это была “Заря”. А сюда к нам – “Май”. Станица делилась пополам. – А где граница проходила? Где центр? – Да, вот где центр и магазин. Вот как раз во тут вот была граница. Центр – там стояла большая церковь. И два колхоза было. Колхоз “Заря” и колхоз “Май”» [21].

Во время голода 1933 г., высылки и репрессии было легче выжить тем станичникам, у кого были тесные родственные связи на уровне родных и двоюродных братьев/сестер. Институт семьи среди кубанцев демонстрировал устойчивость и жизнеспособность. Но из-за материальных трудностей середины XX в. семьи создавались нередко без длительного ухаживания, сватовства, иногда не было свадеб как таковых [22].

Примечательно, что после коллективизации неоднократно происходила смена населения станиц: «Ставропольцев сюда присылали, наших куда-то в другое место. В Дядьковскую много переслали ставропольцев. (Батуры, по-моёму, с Ставрополя. Харьковские, Батуры... Харьковских-то нету сейчас)» [23].

В период коллективизации произошел коренной слом уклада жизни казачьей станицы, восточнославянского населения в целом, его разрушение как целостной системы. В течение XX столетия от него сохранялось немало отдельных элементов, но они всё больше менялись и затухали. Seriously пострадали и представители многих других народов региона.

Примечания

1. Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: Исследования, воспоминания, документы. Сыктывкар, 2005; Кущетеров Р.М. Аграрная политика советского государства. 1917–1991 гг. По мат-лам Северо-Кавказского региона: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998; Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Тезисы докладов научной конференции. Краснодар, 1992. 325 с.

2. Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее / Н.А. Серогодский, В.Н. Рагушняк, А.С. Демченко, Е.А. Чайка, Д.С. Завгородний. Краснодар: Традиция, 2017. С. 102; Захарова И.Ю., Меликьян К.В. Сельское хозяйство Кубани в довоенный период 1937–1940 гг.: показатели и проблемы развития // Электронная библиотека «Киберленинка». URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskoe-hozyaystvo-kubani-v-dovoennyy-period-1937-1940-gg-pokazateli-i-problemy-razvitiya> (дата обращения: 19.03.2018).

3. Жинкин А., Паламарчук О. Кубань: история, культура, курорты и туризм. Краснодар, 2003.

4. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее – ПМ КФЭЭ) – 2010. АК 4216. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Мизин Г.П., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И.Ю.

5. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4219. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Прима Н.А., 1927 г. р. Иссл.: Бондарь Н.И.

6. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4237. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Горбачёв И.А., 1927 г.р. Иссл.: И.Ю. Васильев.
7. Тёр В. Подвиг выживания // Родная Кубань. 2013. № 4. С. 58–70, 75.
8. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-586. Оп. 1. Д. 290. Л. 5.
9. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4222. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Мажневская В.Г., 1937 г. р. Иссл.: Бондарь Н.И.
10. ПМ КФЭЭ-1992. АК 312. ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Карпенко М.Т. Иссл.: Раевская.
11. ГАКК. Ф. Р-586. Оп. 1. Д. 290. Л. 5.
12. Смирнов С.П. Круги памяти. Воспоминания о станице Отрадной и отраденцах 1920-х – 1930-х гг. Отрадная, 2018.
13. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3923. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Калько М.И., 1929 г. р. Иссл.: Васильев И.Ю.
14. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3940. Ст. Бакинская Горячеключевского р-на. Инф.: Лазаренко В.Н., 1939 г. р. Иссл.: Жиганова С.А.
15. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4216. Ст. Платнировская Кореновского р-на. Инф.: Минин Г.П., 1923 г. р. Иссл.: Васильев И.Ю.
16. ПМ КФЭЭ-1992. АК 355. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Шаповал Л.Н.
17. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4257. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Андреева В.Н., 1921 г. р. Иссл.: Рыбко С.Н.
18. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4249. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Ёктова П.С., 1927 г. р. Иссл.: Воронин В.В.
19. ПМ КФЭЭ-1992. АК 316. Ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Сидоренко М.Г., 1906 г.р. Иссл.: Митина.
20. ПМ КФЭЭ-2010. АК 4239. ст. Мартанская Горячеключевского р-на. Инф.: Кацеба Е.Г., 1926 г. р. Иссл.: Васильев И.Ю.
21. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4090. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Бондарев Н.П. 1924 г.р. Иссл: Васильев И.Ю.
22. Тёр В. Подвиг выживания // Родная Кубань. 2013. № 4. С. 58–60, 74.
23. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3695. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Лютый В.Н., 1938 г. р. Иссл.: Бондарь Н.И.

А.Ю. Перетяцько

А.Н. КУРОПАТКИН И КАЗАЧЕСТВО: НЕУДАЧНЫЕ ПОПЫТКИ ОСТАНОВИТЬ ПРОЦЕСС ЕСТЕСТВЕННОГО РАСКАЗАЧИВАНИЯ

История взаимоотношений донского казачества с военными министрами Российской империи до настоящего дня остается изученной далеко не достаточно. В этом сыграли свою роль и особенности историографии. Так, для дореволю-

ционной правой литературы характерно преувеличение роли монархов в истории Дона за счет военных министров и войсковых атаманов (в этом отношении особенно характерна книга П.Н. Краснова «Картины былого Тихого Дона» [1]). Левые и либеральные авторы были склонны демонизировать центральную власть и выставлять ее представителей вовсе равнодушными к казачьим нуждам: в частности, С.Г. Сватиков без каких-либо ссылок писал, что в конце 1890 г. «петербургское начальство как бы сомневалось в действительности казачьей нужды» [2, с. 440–441].

Между тем в действительности это было совсем не так, и именно с военным министром А.Н. Куропаткиным связано публичное признание имперскими властями проблемы обеднения казачества, или «естественного расказачивания». До него в секретной переписке Военного министерства уже встречались упоминания об этой проблеме, например, в 1888 г. Главное управление казачьих войск согласилось со следующим прогнозом донской администрации: «В недалеком будущем войсковое население может оказаться совершенно неспособным и в нравственном, и в материальном отношениях выполнять свое назначение быть доблестной частью вооруженных сил Империи, являющейся на службу по первому призыву Монарха с собственным обмундированием и воинским снаряжением» [3]. Однако в то время Военное министерство рассчитывало исправить ситуацию чисто административными методами, путем усиления контроля над станичными правлениями [4]. А.Н. Куропаткин сделал шаг навстречу казачеству, решив облегчить его повинности и помочь ему сверху. Не претендуя на глубину анализа, в своем небольшом сообщении мы бы хотели отметить основные события этого сюжета.

«В очередном Дворянском собрании 1898 года постановлено было ходатайствовать перед государем императором о назначении комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт Донского казачьего войска, и о способах к поднятию его благосостояния; Михаил Степанович [Марков] (донской предводитель дворянства. – А. П.) всеми силами своей души отдался мысли об осуществлении этого ходатайства донских дворян. Встретив препятствие со стороны местной администрации, Михаил Степанович лично отправился в Петербург, где нашел сочувствие военного министра Куропаткина, через которого и было передано прошение государю, милостиво принявшему и сказавшему, что он распорядился исполнить желание дворянства. Следствием этого было назначение составленной из всех групп казачьего сословия (дворян, станичных обществ и торговых казаков) под председателем известного генерала Н.А. Маслаковца высочайше учрежденной комиссии для изыскания мер к восстановлению благосостояния казаков Донского войска» [5, с. 302–303]. Со сборником «Донцы XIX века» в донской историографии принято связывать с местными причинами открытие знаковой комиссии Н.А. Маслаковца. А.П. Скорик, помимо ходатайства донских дворян, отмечает роль и.о. донского атамана А.П. Короченцева, позже поддержавшего это ходатайство [6, с. 79–80]; А.А. Волвенко считает определяющей именно инициативу дворянства [7, с. 120]. Однако с нашей точки зрения, если бы не сочувствие военного министра Куропаткина, никакие местные инициативы не заставили бы Военное министерство поставить вопрос о необходимости

восстановления благосостояния казаков донского войска, в том числе и за счет государственной казны.

А.Н. Куропаткин воспринял ходатайство с Дона куда серьезнее, чем традиционно считалось историками или, возможно, это ходатайство вообще послужило только поводом для новоназначенного министра, чтобы продемонстрировать собственное отношение к насущным казачьим вопросам. Еще до открытия комиссии Н.А. Маслаковца, в начале 1899 г., военный министр отправил ему, а также ряду атаманов казачьих войск любопытнейший документ, рукопись которого обнаружена нами в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) [8]. Момент был выбран максимально неудачно: приказ об отправке рукописи не совсем ясного статуса (сам А.Н. Куропаткин назвал ее «Выводами военного министра из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год» [9]) датирован 9 января [10], между тем первое заседание комиссии Н.А. Маслаковца состоялось через три дня, 12 января [11, с. 1]. Пойдя на уступки местной элите и согласившись на создание местной комиссии, военный министр попытался навязать ей свое видение ситуации, но явно запоздало.

В принципе, многие утверждения А.Н. Куропаткина для донских дворян и интеллигенции звучали вполне бесспорно. Министр признал не только «надрызг Донского войска» от неадекватно тяжелой военной повинности [12], но и то, что, «продолжая усиливать военные требования без соображения с экономическим упадком казачьего населения, мы подорвем в корне казачьи войска и обессилим их навсегда» [13]. Однако выводы, которые он из этого делал, по сравнению с комиссией Н.А. Маслаковца были очень ограниченными и чрезмерно общими. Не рассматривая проблем ни внутреннего устройства казачьих войска, ни степени адаптации казаков к товарной экономике, А.Н. Куропаткин делал рекомендации, звучащие почти анекдотически. Так, он предлагал «изыскать способы к скорейшему разрешению в казачьих войсках дел земельных», ни слова не говоря, как именно он считает возможным решить ключевую для донских станиц проблему малоземелья [13]. Фактически позитивная программа военного министра состояла всего из двух пунктов: первый предполагал «несколько» облегчить воинскую повинность казачества, а второй, без детализации, предписывал властям заняться решением всех проблем в войсках, от указанного выше малоземелья до народного образования, от ирригации до борьбы с конокрадством [14].

Вскоре после «Выводов военного министра...» произошло еще одно важное для темы нашего исследования событие. Чтобы финансово обеспечить предполагаемые реформы, А.Н. Куропаткин в январе 1899 г. решил увеличить субсидирование Донского войска из государственной казны на 500 000 руб., удовлетворив давнюю просьбу войсковой администрации [15]. Однако 13 апреля 1899 г. С.Ю. Витте дал отрицательное заключение на этот счет, причем во внутренней переписке Военного министерства сохранилось обоснование А.Н. Куропаткиным необходимости дополнительных ассигнований: «С развитием промышленности в казачьих областях не следует пока спешить; вследствие чего военный министр, признавая нежелательным принять соответствующие меры к быстрому развитию промыш-

ленности в казачьих областях, находит необходимым отпуск из казны казачьим войскам особых субсидий» [16]. Таким образом, внутреннее экономическое развитие казачьих войск А.Н. Куропаткин находил опасным для самого казачества, но зато признавал вполне справедливым изменение баланса расходов по снаряжению казаков на службу в пользу государства. Это делало невозможным его компромисс с местной донской элитой. Ее представители рассматривали проблему обеднения казачества комплексно, требуя не столько облегчения казачьей службы, сколько общего улучшения положения дел в крае. Комиссия Н.А. Маслаковца в итоге даже поддержала, за некоторыми исключениями, программу видного донского общественного деятеля А.А. Донецкого, включавшую в себя 6 неприемлемых для Военного министерства пунктов: 1) передать станицам весь запас войсковых свободных земель; 2) распределять в равных частях между станичными обществами и войском вознаграждение за винный откуп; 3) применить к Области Войска Донского положение о земских учреждениях; 4) отменить предварительную цензуру на Дону; 5) передавать на предварительное заключение донского дворянского собрания местные вопросы, которые подлежат разрешению в законодательном порядке; и 6) исключить из расходной войсковой сметы непроизводительные статьи [17, с. 8–11]. В итоге, несмотря на то что часть пунктов (например, 5 и 6) своей властью снял с голосования Н.А. Маслаковец, другие (1, 2 и 3) были рекомендованы комиссией к исполнению [11, с. 183–185].

И поэтому взаимопонимания между А.Н. Куропаткиным и донскими казаками не получилось. Вроде бы с сочувствием отнесшийся к казачьим проблемам в 1898 г. министр затем не спешил реализовывать пожелания созданной с его помощью комиссии, а в 1900 г. сам приехал на Дон, чтобы лично проверить ее выводы. И произнесенная им в конце путешествия перед донскими дворянами речь напоминала скорее речь прокурора и не оставляла никаких иллюзий на возможность серьезных реформ казачества.

«Из знакомства моего с условиями жизни казаков даже беднейших станиц я вынес более отрадное впечатление, чем то, что можно было ожидать на основании заявлений донского дворянства и работ комиссии Маслаковца. К счастью, угрожающего на Дону еще не так много. Несомненно, упадок экономического благосостояния казачьего населения существует; этого отрицать нельзя. <...> Должен, однако, отметить, что в упадке экономического благосостояния Донского края виноваты, прежде всего, сам казак и его ближайшие руководители» [18]. В продолжении речи, такой же агрессивной по форме, как и приведенный нами отрывок, А.Н. Куропаткин еще раз подчеркивал, что казаки сами виноваты в своих проблемах, а также доказывал, что упадок Дона относителен и в российских губерниях живут куда хуже [19]. И в итоге военный министр озвучил уже не атаманам казачьих войск, а донским дворянам ту программу, которая была предложена им еще в «Выводах военного министра из отчетов войсковых наказных и наказных атаманов за 1897 год». Он подробно расписывал милости имперской власти, уже выделившей субсидию в 538 000 руб. Донскому войску ежегодно для помощи бедным казакам, исправляющимся на службу, и уменьшившей числен-

ность донских частей, а затем призывал казачество заняться улучшением всех сторон своей жизни [19].

Таким образом, позитивная программа А.Н. Куропаткина в отношении донского казачества сводилась к облегчению казачьей службы, и даже развитие края он оставлял инициативе местных сил, которым, впрочем, был готов помогать. Зато здесь его слова не расходились с делом: в 1900 г. он ходатайствовал разделить расходы на снаряжение каждого донского казака пополам между ним и казной, что и было исполнено (при выходе на службу казаку выдавалось 100 руб.) [20]. В 1901 г. была разработана программа для очередной комиссии М.А. Газенкампа, уже при Военном министерстве, рассматривавшей вопрос об «облегчении воинской повинности в действующих и льготных частях казачьих войск» [21]. До самого начала Русско-японской войны А.Н. Куропаткин пытался заботиться о казачестве, однако вопрос о том, насколько эффективной была эта забота, представляется нам дискуссионным.

После своих обвинений в адрес казаков, якобы виноватых в упадке своего благосостояния, А.Н. Куропаткин едва ли мог рассчитывать на их любовь. Его лечение проблем казачества было чисто симптоматическим, он облегчал воинскую повинность Донского войска и забрасывал его деньгами, отказываясь признавать более глубокие, отмеченные комиссией Н.А. Маслаковца проблемы малоземелья, перекося системы финансирования казачьих войск в пользу войсковых институтов и отсутствия местного самоуправления. И все-таки именно он стал первым военным министром Российской империи, который осознанно боролся с «естественным рассказыванием». Мы полагаем, что А.Н. Куропаткину не хватало ни таланта, ни масштаба личности, чтобы решить те серьезнейшие проблемы, что встали перед казачеством накануне XX в. И всё-таки он хотя бы открыто признал проблему, в отличие от своего предшественника П.С. Ванновского.

Примечания

1. Краснов П.Н. Картины бывшего Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
2. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 70. 1889 год. Д. 86. Л. 10об.
4. РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. 1889 год. Д. 86. Л. 11об. – 14.
5. Донцы XIX века. Ростов н/Д, 2003.
6. Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015.
7. Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов н/Д, 2017.
8. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 92–98.
9. Там же. Л. 96.
10. Там же. Л. 92.

11. Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899.
12. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 96об.
13. Там же. Л. 97об.
14. Там же. Л. 97об. – 98.
15. Там же. Л. 94.
16. ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 3об. – 4.
17. Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донецкого. Новочеркасск, 1899.
18. РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 48. Л. 51 об.
19. Там же. Л. 51об. – 52.
20. Там же. Л. 113.
21. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 90.

Р.Г. Тикиджьян

РАСКАЗАЧИВАНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

На современном этапе развития и совершенствования методологии гуманитарной науки серьезное внимание было сосредоточено и на переосмыслении теории модернизации. Особое внимание ученых привлекал контекст взаимозависимости эволюционных реформ и контрреформ, экономических и политических кризисов и революционных «взрывов», природы их цикло-волновой динамики на российском материале. Однако сложные процессы трансформации такого уникального этнокультурного и социально-политического феномена, как российское казачество, в контексте российских модернизационных циклов еще недостаточно глубоко и всесторонне изучены. Одной из самых сложных и дискуссионных, весьма политизированных проблем современных исследований по-прежнему остается проблема отношений российского государства и казачества, понимания трактовки термина и процесса т.н. рассказывания. Данная научная проблема имеет свою устоявшуюся историографическую традицию, но по-прежнему требует серьезных корректив и уточнений [1]. В контексте 100-летия Российской революции и Гражданской войны 1918–1922 гг. вновь обострилась полемика на научных конференциях и в прессе, особенно после публикации и обсуждения монографии историка Н.Н. Лысенко «Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг.». Критикуя концепции оппонентов, своей главной новацией автор определяет то, что рассказывание как термин и политику государства можно определять только лишь до 1917 г. Затем после декрета советской власти об отмене сословий, с 1918 по 1933 г., политика по отношению к казакам определяется им только как «ге-

ноцид казачьего народа» и под эту «новую концепцию» подводится огромный доказательный материал. Включаясь в полемику, мы в основном разделяем критические оценки, уже сделанные в серьезной и обстоятельной рецензии авторитетного историка А.В. Венкова на данную монографию и проблему в целом. А.В. Венков, рассматривая исследуемую Н.Н. Лысенко проблему, в итоге делает акцент на искусственности и натянутости ряда выводов, неверный проблемный посыл и наслоненные вокруг него, зачастую искусственные противоречия. Указывается, что Н.Н. Лысенко, используя интересные и, безусловно, подлинные документы и материалы, предельно политизировал монографию, что в итоге сказалось на ее научности и объективности [2]. Мы предлагаем свою трактовку данного сложного дискурса в контексте концепта влияния российских имперских модернизаций и советской социалистической модернизации на политику рассказывания и трансформацию казачества Юга России. Процесс формирования государственного политико-правового и социально-экономического регулирования казачьих служилых «по прибору» социально-корпоративных групп и сообществ изначально был связан с военно-охранительными потребностями Российского государства и его развитием в XV–XVII вв. Здесь государство само способствовало и стимулировало процесс «показывания», «оказывания». Поэтому, на наш взгляд, применять термин «рассказывание» вплоть до периода Великих реформ 60–70 гг. XIX в., носивших либерально-модернизационный характер, некорректно с научной точки зрения. Можно говорить лишь о существенных корректировках регулятивной политики к данным казачьим пограничным территориям, а также сословно-этническим группам (служилых и вольных) со стороны Российского государства. На этом «домодернизационном» этапе фиксируется т.н. рассказывание уже с середины XVII в., особенно после принятия «Соборного уложения» 1649 г. и создания Казачьего приказа. Здесь явно прослеживается достаточно жесткая государственная регулятивная политика активного внешнего и внутреннего воздействия как на служилые, городские (реестровые), так и на вольные (служилые по договору) казачьи сообщества. Первый цикл российской имперской «догоняющей» модернизации, механистической «вестернизации» привел к началу постепенной трансформации вольнонаемных сообществ казаков юга России и Украины (конец XVII – середина XIX вв.). В этих условиях государственная политика выражалась во включении территории земель донских, яицких, запорожских казаков в состав империи (потеря суверенного территориального статуса и превращение в пограничную область империи). Это выражалось иногда и в прямых репрессиях, лишениях квазигосударственных элементов и атрибутов, ряда основополагающих политических прав и свобод (выборности атаманской власти, демократических традиций круга, права «С Дона выдачи нет!»). Основопологающим стал вводимый повсеместно новый принцип пользования землей за государеву службу и создание поземельной казачьей общины, постепенное превращение казака-воина одновременно и в казака-земледельца (т.е. частичное «окрестьянивание» основной массы рядовых казаков). Одновременно заработали и механизмы своеобразной «переплавки» социально-статусных и этнокультурных традиций казачества (XVI–

XVII вв.), началась его инволюция в управленческую, правовую и социально-экономическую систему Российской империи и сословно-корпоративного сообщества как формирующегося военно-служилого сословия. По точному определению историков А.И. Агафонова и А.И. Козлова и В.А. Матвеева, уже с середины XVIII в. завершалось складывание переходной, «имперско-старшинской политической системы, затем окончательно оформленной в имперско-милитаризированную», унифицированную систему казачьих областей-поселений с наказным атаманом (по чиновному статусу – военным губернатором) во главе и назначавшимся императором не из казаков. Завершился этот процесс к 30–40 гг. XIX в. Важно отметить, что и на этом этапе данный процесс также отличался дуалистичностью, был сопряжен с использованием уже самим имперским государством опыта «показачивания» (в том числе включения в казачье военное-служилое сословие иных, не только казачьих социальных и этнических категорий населения). В новых геополитических условиях это было связано с созданием очередных правительственных «реестровых» иррегулярных казачьих войск на новых пограничных линиях, на завоеванных или присоединенных периферийных южных и восточных окраинах империи. Российское государство активно стремилось встроить казачьи приграничные территории и население в формирующуюся систему имперской административно-бюрократической и военной машины, особенно накануне и в ходе Кавказской войны. При этом с конца XVIII до первой половины XIX в. в политике имперского режима практически перестали учитываться характерные этнические, культурно-бытовые особенности и традиции казачества. Так, в ходе многолетней подготовки «Положения об управлении Войском Донским» от 1835 г. правительство упорно не принимало в расчет имевшийся специфический культурный уклад жизни и быта казаков, донских татар и калмыков. Имперское государство видело в основной массе казаков только законопослушных воинов, лично свободных полукрестьян-землевладельцев, военизированную элиту служилых дворян и войсковых чиновников из казаков. Казачьим войскам стала постепенно навязываться несвойственная ранее для них внутренняя полицейская служба по сохранению правопорядка в империи, подавлению различных антигосударственных выступлений. Эта негативная тенденция, подавлявшая с конца XVIII в. дальнейшее саморазвитие донского казачества как самобытной этнической группы (субэтнуса), стала преобладающей уже к середине – концу XIX в. Второй цикл российской имперской модернизации и дальнейшая трансформация казачьих сословно-служилых, хозяйственно-экономических и социокультурных сообществ проходил со второй половины XIX до начала XX в. (1856–1917–1921 гг.). В рамках данного цикла рассказывание как процесс и существенный элемент (направление) государственной политики приобретает уже достаточно реальное, новое содержание в эпоху подготовки и проведения серии модернизационных реформ и контрреформ либерально-буржуазного характера. Следует особо отметить, что именно в этот период (1856–1865 гг.) при обсуждении проектов реформ казачьих областей впервые в официальной правительственной, министерской и военной переписке, а затем и в либеральной земской прессе появляется и сам термин «рассказывание». Отметим,

что эта историческая новелла сегодня, бесспорно, требует более серьезных дополнительных изысканий и специальных работ. Имперская бюрократия и донское общество разошлись во мнениях, обсуждая перспективы дальнейшего рассказывания, т.е. возможности перехода казаков в гражданское состояние, отмены обязательной службы и сопряженных с ней правовых и материальных привилегий казачества. В итоге реформы лишь частично, в виде «донского эксперимента», коснулись казачества в период с 1868 по 1875 г. и были свернуты уже в 1882 г. Охранительный политический курс Александра III предполагал в том числе сохранение и консервацию казачьей общины и войсковой организации. Рассказывание на этом этапе стало не выгодно слабеющему самодержавному режиму, отсюда и охранительная политика искусственного сохранения казачьих военных областей – губерний, полуфеодальной системы муниципально-общинного землевладения и землепользования и соответственной системы службы, усиление идеологического воздействия на рядовое казачество. В итоге вполне реальная альтернатива либерального сословного рассказывания и саморассказывания за счет перевода в гражданское состояние и возможного «казачьего этнического ренессанса» при поддержке государства так и не была реализована в пореформенной России. Начавшиеся процессы рыночной капитализации неизбежно приводили к постепенному эволюционному рассказыванию и саморассказыванию в условиях социально-классового расслоения ранее единого казачьего сообщества и размывания общины («Слава казачья, да жизнь собачья»). В итоге к 1917 г. казачество в областях юга России (Дон, Кубань, Терек) уже составляло меньшинство населения (38 %, 29 % и 42 % соответственно), обострились его отношения с неказачьим, в особенности иногородним, новым пришлым населением. Данная ситуация в итоге способствовала возникновению острого социального конфликта и военно-политического противостояния в период двух российских революции и Гражданской войны (1905–1920 гг.) [3]. Третий цикл – советская «социалистическая модернизация» и проблема самосохранения российского и донского казачества (1919 – нач. 1980-х гг.). Здесь следует констатировать, что и новая советская власть в 1917–1918 гг. (в рамках партийно-политической диктатуры) не до конца глубоко осознавала особую природу и специфику казачества. Лидеры большевиков – В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин и другие – рассматривали основную его трудовую часть лишь как особую, большую, «исторически сложившуюся группу военизированного крестьянства», особое «служилое сословие». При этом они не без основания опасались, что казачьи области могут при определенных обстоятельствах стать базой контрреволюции – «Русской Вандеей». Особым декретом СНК отменил все ранее существовавшие в империи сословия и группы с их привилегиями, фактически превратив казаков в гражданское население Советской России. Одновременно в других, популистских декретах и обращениях к трудовому казачеству конца 1917 – начала 1918 г. рядовым казакам гарантировалось сохранение их трудовых земельных наделов, а остававшимся на службе в армии – полное гособеспечение. Позднее с января 1919 г. большевистская политическая элита, увидев серьезные колебания середняцких слоев казачества в пользу контрреволю-

ции (на Дону и Кубани, Урале и Сибири), перешла от методов агитации и пропаганды к использованию насильственных методов (массового террора, выселений, бытовых запретов) от политико-правового расказачивания к этапу применения массового «красного террора» и этносоциального расказачивания в период политики «военного коммунизма» и прорыва к мировой революции. Отметим, что в тех условиях подверглись устрашающему стратоциду кроме казаков дворяне и духовенство. Однако уже вскоре, через несколько месяцев, после последовавшего Вёшенского восстания, признав эти методы ошибочными и неэффективными, советская власть вновь вынуждена была вернуться к оправдавшим себя ранее методам агитации и убеждения. Эти основные «проказачьи и антиказачьи линии» в политике советской, большевистской элиты будут прослеживаться весьма четко и впоследствии, в период НЭПа (1921–1927 гг.), при переходе к чрезвычайным хлебозаготовкам 1928 г. и в период сплошной коллективизации сельского хозяйства, военной и конституционной реформы 1936 г., накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. Здесь четко прослеживается позиция новой советской государственно-политической элиты в казачьем вопросе, где нет отдельно определявшейся «казачьей политики» как самостоятельного постоянного направления. Изначально была определена политика постепенного расказачивания, проводившаяся через отмену и постепенные изменения сословно-правового, военного и хозяйственно-поземельного статуса казачества. Это была вполне логичная позиция завершения окончательного «окрестьянивания» казачества, перевода большей его части в статус нового советского, колхозно-кооперативного крестьянства при допущении этнокультурных традиций в ходе советской социалистической модернизации. Последним этапом «востребованности» казачества, стало обострение внешнеполитической ситуации накануне Второй мировой войны, компания «За советское казачество» и создание казачьих частей в составе РККА (1936–1945 гг.). В послевоенный период казачьи части были расформированы.

Четвертый цикл – возрождение и феномен «неоказачества» в условиях современной российской постмодернизации (с 1989 г. по настоящее время). Процесс переоценки ценностей, реальные возможности возродить казачью культуру и дух уже дали свои результаты. Попытки определять политику расказачивания как «геноцид казацкого народа» в годы советской власти не состоятельны. Расказачивание на разных этапах истории имело различное содержание и как процесс, и как государственная политика. Как весьма сложный социальный, политический и этнический феномен, казачество постоянно находилось под давлением государственно-бюрократической машины, а с 60-х гг. XIX в. – объективных инновационных законов развития модернизирующегося современного индустриального общества. Практический отказ государства с начала XIX в. рассматривать казачество как особый народ (этнос, субэтнос) в итоге привел к противоречиям в политике, к ошибкам в регулировании отношений между государством, казачеством и формирующимся гражданским обществом в России в конца XIX – начале XX в. Не избежали этих серьезных ошибок лидеры нового советского государства, поставившие казаков на грань этносоциального вымирания и превращения их в обычных совет-

ских граждан [4]. В современном демократическом правовом государстве лидеры «неоказачества» и российской политической элиты должны знать и помнить все тяжелые последствия трагедий казачества, чтобы навсегда избежать их повторения. Научная полемика по поводу данного дискурса продолжается, и это свидетельствует о необходимости дальнейшего, более глубокого изучения данной проблематики междисциплинарного характера в современном научном сообществе.

Примечания

1. Перехов Я.А. Рассказачивание: некоторые проблемы историографии // Российское казачество: проблемы истории и современность. Мат-лы Всеросс. науч. конф. Краснодар, 2006. С. 196–200.

2. Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 275–290.

3. Тикиджьян Р.Г. Опыт российской модернизации второй половины XIX – XXI в. и донское казачество: историко-политологический анализ // Ученые записки ДЮИ. Памяти С.В. Римского. Т. 31. / под ред. Е.И. Дулимова. Ростов н /Д, 2007. С. 178–191.

4. Тикиджьян Р.Г. Рассказачивание как понятие, процесс и государственная политика: актуальные проблемы изучения // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. научных статей Вып. 3 / под ред. акад. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 218–231.

А.В. Дюкарев, И.А. Дюкарева

ПРОБЛЕМА РАСКАЗАЧИВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ КАЗАЧЕСТВА

В отечественной историографии тема российского казачества заняла прочное место, где одним из дискуссионных вопросов является проблема рассказывания. Долгое время исследователи возлагали ответственность за сам процесс рассказывания и ответственность за его последствия на советскую власть, ее политику в отношении казачьего населения в 20–30-е гг. XX в. Однако наряду с этим получило развитие и другое мнение о том, что рассказывание началось еще в дореволюционный период и было предопределенно естественным социальным развитием.

Проблема рассказывания стала обозначаться к последней четверти XIX в. еще в формате империи, окончательно реализовавшись уже в условиях нового социалистического государства. Об этом можно судить по эволюции системы нравственно-этических ценностей и регламентированных правил поведения казачества.

К завершению имперского периода истории у российского казачества сложилась система ценностей и поведенческих моделей. Определенное своеобразие этой системы объясняется местом и ролью казачества в структуре Российской империи: с одной стороны, казачество было военно-служилым сословием, а с другой, – практически все казацкие войска являют собой образец этнокультурной группы.

Российское казачество как социальный феномен и как служилый элемент российского государства прошло длинный исторический путь, в ходе которого подвергалось трансформации, адаптируясь к изменяющимся вызовам времени, социальным запросам и интересам государства.

Пространственной средой для казачества были окраины Московского царства, а затем Российской империи, но при этом можно утверждать, что исторические корни уходят на Дон и в Запорожье. Два этих анклава свободы и определили изначальную духовную сущность казацких традиций и норм поведения, формирование которых происходило на протяжении веков.

«Воля» и «свобода» впоследствии станут как путеводной звездой для всех бежавших на Дон и в Запорожскую Сечь от крепостного и национального гнета, так и одной из основополагающих духовно-нравственных ценностей многих поколений казаков. Воля понималась казачеством как абсолютная свобода, как освобождение от любых проявлений зависимости и подчиненности. Запорожские казаки так обосновывают один из главных идеалов своего бытия – «Волю имеем за дрожащую вещь, потому что видим: рыбам, птицам, также и зверям и всякому созданию есть она мила» [1, с. 10].

Весомым доказательством того, что концепт «воля» представлял собой «абсолютную ценность в казацкой среде...» [2, с. 153], является его отражение в пословицах и поговорках донских казацких говоров. «Пиду на Низь, чтоб никто головы не грыз»; «Степь и воля – казацкая доля»; «Ходи прямо, гляди смело»; «Человек без права – не человек» [3].

Опираясь на волю и свободу как неоспоримую основу своей жизни, казачество тем не менее не восприняло идеи анархии и вседозволенности, насилия ради примитивного разбоя и грабежа. В развернувшейся дискуссии среди казацкой эмиграции второй половины XX в. идеалам казачества было уделено большое внимание: «...Воля это не узкосоциальная свобода Запада, а достоинство, независимость и, самое главное, ответственность: не анархия, а железная дисциплина верности воле своего народа» [4].

Располагаясь в пограничной зоне, на стыке интересов Московского царства, Речи Посполитой и Османской Порты, казачество, наследуя принципы европейского рыцарства, стояло на страже православной веры, став заслоном как экспансии католичества с запада, так и ислама с юга. Поэтому на первое место в ценностной иерархии казацкого мировоззрения возводилось беспрекословное следование православной христианской вере. Казаки ставили в прямую зависимость от воли Господа и казацкую волю, и свою судьбу, и жизнь: «Пуще всех благ и самой жизни ставь казацкую волю! Но помни – воля твоя в воле Божьей, а потому, свободно выбрав путь, иди не страшась по нему» [5].

Исследователи выдвигают гипотезу, что «основу морально-нравственных устоев казачьих обществ составили десять Христовых заповедей» [6; с. 182, 24–25], в дальнейшем став структурным каркасом своеобразного кодекса казачьей чести. В этом нет ничего удивительного, влияние религии на умы людей и общественное самосознание было велико, она являлась одним из социализирующих инструментов. А в условиях пограничного социума, усиливающегося давления со стороны государства или иной религии традиционное вероисповедание, в нашем случае православное, являлось единственным духовным стабилизатором.

С течением времени копилка нравственных ценностей российского казачества пополнялась новыми духовными традициями. Их должны были усвоить и передать дальше несколько поколений, ибо поведенческим регулятором традиции станут только тогда, когда будут восприниматься как «что-то общепринятое, привычное, достойное, уважаемое, как нравственные неписанные законы. Традиции тогда становятся действующими (т.е. законом), когда становятся образом жизни и передаются из поколения в поколение» [7, с. 180].

В системе ценностей казачества видное место занимали воинское искусство, ратные подвиги и боевая доблесть, а важнейшим побудительным мотивом в поведении казака выступала слава [8, с. 444]. Понимание славы как важнейшей духовной ценности и стремление к ней казака-воина воплотилось в устном фольклоре: «Жизнь хоть собачья, да слава казачья». Казаки считали своим долгом оставить детям и потомкам «честное и благородное имя», передавая его из поколения в поколение. Как когда-то прирожденная воля, так и унаследованная слава вела воина вперед и во многом определяла пафос существования [9, с. 54].

Воинская доблесть объединяла и обобщала такие ценности, как удаль, храбрость, силу, безусловную верность своим, установку на защиту религиозных святынь и христианскую непривязанность к жизни земной и ее благам [10, с. 51].

В ходе своей эволюции российское казачество, помимо ярко выраженных военно-служилых компетенций, осмыслило и стало культивировать духовно-нравственные ценности, необходимые и в мирной, повседневной жизни – ценности, объединенные традицией семейного жития и воспитания. Перечень традиционных семейных ценностей российского казачества достаточно широк и самобытен, однако нас будут интересовать кодифицирующие нормы и запреты, которые определяли моральные границы дозволенного или неприемлемого в поведении и поступках казака.

Настоящий казак, воспитанный и живущий по законам казачьей чести, должен уважать и почитать представителей старшего поколения, внимать их мудрость, заботиться и обеспечивать достойную старость. Без благословения родителей настоящие казаки не начинали никакую работу, не принимали решения по наиболее важным делам. Важное место в казачьей культуре отводилось «старикам» – уважаемым в станице людям, чья жизнь характеризовалась высокими моральными качествами. Они выступали не только хранителями народных традиций, но и наблюдали за всей жизнью в станице [11, с. 27]. Такая нравственная позиция по отношению к родителям и старикам в целом находит отражение в казачьем фольклоре:

«Господа старики – первейшие казаки»; «Родительское благословение в воде не тонет и в огне не горит» [12].

Как запорожские, так и донские казаки в период XVI–XVII вв., являясь мужскими военизированными сообществами, «братством вольных казаков», исповедовали и соответствующие этические принципы, которые раскрываются в характеристиках модели раннего казачества: «...полиэтничность, однородный половой состав, наличие системы возрастных классов и социального равенства, отказ от производящих сфер хозяйствования в пользу присваивающих (военные набеги и военная служба); коллективная собственность; властные структуры, приближенные к так называемой военной демократии; военизированный уклад жизни; крайняя суженность семейно-брачной сферы жизни» [13, с. 161].

Поведенческие стандарты, которые генерирует раннее казачество, просты, в какой-то степени архаичны, но они понятны – свобода слова, поступка, выбора, взаимное уважение, взаимовыручка, братская жертвенность, равноправие, народоправство, презрение к стяжательству, ценность и ценимость душевных порывов, а не эгоистичного расчета, честность и открытость. Именно этих категорий не хватало в условиях государственного, классового, сословного притеснения.

Некогда вольное казачество, подчиняясь историческим условиям, со временем будет меняться структурно, функционально и идейно. В течение XVIII–XIX вв. казачество превращается в военно-служилое сословие Российской империи, обретая при этом новые обязанности и права. На место вольных военизированных сообществ («товарищества») приходит поземельная община («общество»); однополый мужской контингент казачества сменяется институтом патриархальной семьи, в жизни казака появляется женщина со всем многообразием ее социальных ролей. Это приводит и к трансформации морально-этических ценностей, нравственных установок, поведенческих стереотипов.

Однако самой существенной трансформацией смысловой матрицы российского казачества становится закрепление идеи «служения». Смыслом жизни и воспитательным инструментом становится идея служения православной вере, государству, монарху. Идеологически это постепенно оформилось в девиз «За веру, царя и Отечество».

Но именно существующая в Российской империи система казачьей службы лишала основную массу казачьих хозяйств возможности гармонично вписаться в модель стремительно капитализирующейся экономики конца XIX – начала XX в. Находясь длительное время на военной службе, участвуя в походах и военных действиях, казачество не имело возможности широко культивировать новые агротехнологии и внедрять технические новинки в свое хозяйство, тем самым демонстрируя низкую конкурентоспособность в экономической модели капиталистического формата. Это сигнализировало о неизбежности социального преобразования российского казачества в системе российской государственности.

После революции 1917 г. трансформация российского казачества и его морально-этической ценностной основы приобрела иной вектор и происходила под воздействием нескольких факторов: отмены сословности, антиказачьей политики

советской власти в 1919 – начале 1920-х гг., социально-экономических последствий катаклизмов вследствие разрухи и голода, социалистической модернизации казачьих регионов.

Уничтожается местное казачье самоуправление и исчезают такие поведенческие характеристики, как самостоятельность, ответственность, решительность; ликвидируется обязательная военная служба для казаков и рушится система подготовки будущих воинов. Из обязательной системы ценностей казака уходят лихость, смекалка, отвага, умение обращаться с конем, владеть холодным и огнестрельным оружием, знание способов выживания в экстремальных условиях, обладание высокой психологической устойчивостью.

В 1936 г. советское правительство возвращает казакам возможность военной службы в рядах Красной армии, и в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. уже советское казачество с успехом применяло исторический опыт и воинское искусство своих предков.

Среди немногих ценностно-смысловых категорий казачества сохранилась идея служения Родине, где поменялось идеологическое содержание: идеологема «За веру, царя и Отечество» получила новое звучание – «За нашу советскую Родину».

В рамках советского государства, лишившись привилегий и отличий, став унифицированной частью населения, казачество прошло через различные этапы процесса рассказаживания, через его наиболее радикальный и болезненный вариант.

Одной из иллюстраций и доказательств неизбежности рассказаживания в судьбе российского казачества является трансформация его нравственно-этических ценностей и поведенческих моделей, которые менялись вместе с историческим предназначением, местом и ролью в системе российской государственности.

Примечания

1. Супруненко В.П. Запорожская вольница. М., 2007.
2. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: монография. Волгоград: Перемена, 2003.
3. Тайны русского языка. Казачьи пословицы. URL: http://tayny-yazyka.ru/poslovicy_i_pogovorki/kazachi_poslovitsy (дата обращения: 16.03.2019).
4. Улитин В.Г. Казачество в славном прошлом России. URL: <http://www.xx13.ru/kadeti/kazaki.htm> (дата обращения: 16.03.2019).
5. Заповеди казачества. URL: http://kazakdona.ru/index.php?nma=catalog&fla=stat&cat_id=7&nums=43 (дата обращения: 18.03.2019).
6. Нагорная В.А. О традициях духовно-нравственного и военно-патриотического воспитания казаков-кадетов // Образование и саморазвитие. 2012. № 2(30); Мурзина И.Я. Традиции казачьего воспитания: этический аспект // Человек в мире культуры. 2015. № 2.
7. Нагорная В.А. О традициях духовно-нравственного и военно-патриотического воспитания казаков-кадетов // Образование и саморазвитие. 2012. № 2(30).
8. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1998.

9. Григорьев А.Ф. Система ментальных ценностей гребенских казаков в песенном фольклоре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4 ч. Ч. IV.
10. Васильев И.Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанских казаков (конец XVIII– начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306.
11. Мурзина И.Я. Традиции казачьего воспитания: этический аспект // Человек в мире культуры. 2015. № 2.
12. Казачьи пословицы и поговорки // Белгородский казачий отдел. Союз казаков России. URL: www.kazak31.ru/forum/index.php?topic=8.0 (дата обращения: 19.03.2019); Казачьи пословицы и поговорки // Казачья вольница. Культура. URL: www.kazak-mo.ru/kultura/kazachi-poslovicy-i-pogovorki.html (дата обращения: 19.03.2019); Максимов С.Г. Казачьи пословицы и поговорки. Русские воинские традиции. URL: www.oldrushistory.ru/library/Russkie-voinskie-traditsii/58 (дата обращения: 19.03.2019).
13. Рыблова М.А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6.

Л.В. Табунщикова

РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ ДОНСКОГО ДУХОВЕНСТВА (1918–1938 гг.)

Тема репрессий донского духовенства, несмотря на свою важность, до сих пор не получила должного рассмотрения в научной литературе. В настоящее время существует несколько работ, в той или иной степени затрагивающих данную проблематику [1; 2; 3; 4].

Захватив власть, большевики были уверены в скорейшем отмирании Церкви как социального института. С их точки зрения, достаточно было физически уничтожить священнослужителей, чтобы дни Церкви закончились. На Дону первыми жертвами большевистского террора стали священник Всехсвятской церкви Константин Верецкий и священник Никольской церкви Иоанн Талантов [5; 6], убитые в Ростове примерно в одно время. Отличительной особенностью данного периода гонений времен гражданской войны является тот факт, что в подавляющем большинстве случаев мы не располагаем следственными делами арестованного духовенства. Первые дела мы получаем только с января 1920 г. Священников на данном этапе убивали без суда и следствия. Всего на настоящий момент известно более 20 имен пострадавшего донского духовенства в годы гражданской войны.

Следующая волна репрессий приходится на 1922 год. Вслед за организованной агитационной кампанией и первой волной изъятий на Дону в 1922 г. совет-

ская власть приступила к решению главной задачи – дискредитации духовенства путем организации судебных процессов над церковнослужителями, обвиняемым в «хищениях» церковной собственности. Судебные процессы в Донской области прошли в период с мая по август 1922 г. [7]. Два процесса состоялись в Новочеркасске, два – в Ростове, один – в Азове, один – в Морозовском округе, «процесс над 4 попами» состоялся в Первом Донском округе. Кроме того, известно о целом ряде арестов, в том числе игуменьи Старочеркасского монастыря [8]. В ростовской Оидигтриевской церкви по делу о хищениях были арестованы священник и староста церкви. Несомненно, «апофеозом» донских судебных расследований в ходе кампании по изъятию церковных ценностей явилось дело епископа Арсения (Смоленца) в августе 1922 г. Всего по суду, помимо епископа, проходило 35 человек.

Первая публикация в печати о хищениях прозвучала в статье «Трудового Дона» 6 мая 1922 г.: «Ростовское духовенство, держащее сторону “князей церкви”, грубо оскандалилось перед верующими и тем более перед голодающими, став на путь “татей nocturnых”» [9]. «За симуляцию краж и расхищение церковного имущества» духовенство приговаривались к высшей мере наказания, а также к сроку заключения на пять и два года. Любопытно, что священнослужители обвинялись не только в краже драгоценностей, но и в святотатстве: хранении офицерских погон в алтаре, сморкании там же, пошиве платья из «святой» материи и т.д. [10]. Суды проходили в местных театрах ближе к полуночи, среди населения распространялись билеты, как на театральное представление. Местное обвинение чаще всего представляли советские работники, далекие от юриспруденции. Так, на суде в Азове местные обвинители Давили и Кукушкин простосердечно заявили: «Мы не знаем юридических тонкостей, наши речи просты, ибо мы новые юристы, от станков» [11].

Всего, по данным донской периодики, пристально освещавшей ход судебных процессов, к настоящему времени выявлено 76 человек, обвиненных в сопротивлении изъятию церковных ценностей.

Следующая массовая кампания по аресту донских священнослужителей, связанная с их противостоянием обновленчеству. В конце 1922 г. – начале 1923 г. были арестованы все, кто в той или иной мере оказывал сопротивление обновленческому расколу: епископ Аксайский Митрофан (Гринев), священники А. Трефильев, П. Чехранов, дьякон Д. Новочадов, новочеркасские священники Волагурин и И. Артемьев. Все перечисленные священнослужители, кроме священника И. Артемьева и диакона Д. Новочадова, впоследствии отбывали срок заключения в Соловецком лагере. Решающим этапом в борьбе с обновленчеством стала деятельность протоиерея, а впоследствии епископа Захарии (Лобова), обратившегося к населению с воззванием «Ко всем истинно верующим православным чадам». В феврале 1924 г. епископ был арестован и приговорен к двум годам концентрационных лагерей [12]. В апреле 1924 г. были арестованы активные «лобовцы» – священники П.М. Ледковский, П.А. Фалевич, С.К. Краснов, В.А. Сериков и И.И. Пироженко [13].

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. ознаменовались, ввиду изменения курса советского государства на ужесточение церковно-государственных отношений, новым витком репрессий. Особенностью данного этапа было стремление власти

«обнаружить и обезвредить» не отдельных личностей, как это было в предшествующий период, а целые массовые организации. Некоторые такие организации были довольно масштабны, и охватывали несколько регионов. Так, в 1930 г. в Донской области был ликвидирован Бекреневский монастырь. Общее число осужденных составило 62 человека [14]. Примером многочисленности может служить дело филиала «церковно-монархической» организации Миллеровского района 1933 г., насчитывающей 57 человек (по числу арестованных) и охватывающей своей деятельностью 19 населенных пунктов Миллеровского, Тарасовского, Морозовского и Шахтинского районов [15]. Из 57 арестованных данной организации 28 человек было приговорено к высшей мере наказания – расстрелу, остальные получили 10, 8, 5 и 3 года заключения.

С 1935 г. начинается вторая волна массовых репрессий, достигшая пика в 1937–1938 гг. Характерной чертой следственных дел данного периода являются повторные аресты. Как правило, священнослужители, арестованные в середине 1930-х гг., уже привлекались к ответственности органами власти. Примером подобной биографии может служить «послужной список» священника с. Ново-Николаевка Азовского района В.Е. Голика, арестовывавшегося с 1924 г. по 1937 г. шесть раз [16].

Другой важной особенностью данного этапа является то, что в отличие от предыдущего времени удар наносился не преимущественно по «тихоновской», «староцерковной» Церкви, но и по обновленчеству, прежде находившемуся под негласным покровительством государственной власти, и по другим конфессиям. Так, в состав ростовского «контрреволюционного» обновленческого «союза», руководимого митрополитом Петром Сергеевым, кроме обновленческого духовенства, входили и староцерковники, связь с которыми была установлена через греческого священника Делавериди. Филиалы данной организации существовали в г. Новочеркасске (возглавлялся епископом Иулианом Симашкевичем, и в Шахтах (возглавлялся епископом Сергеем Болгаровым). «Практическая контрреволюционная деятельность нашей организации проходила по трем линиям: по линии установления связи с зарубежными белогвардейскими церковными организациями, по линии развертывания контрреволюционной повстанческой и диверсионно-террористической деятельности и, наконец, по линии установления блока с разного рода церковно-сектантскими и религиозно-мистическими организациями: теософами, антропософами, спиритами и т. д.» – говорилось в материалах дела [17].

Показательным делом, характеризующим судебные процессы конца 1930-х гг. на территории Ростовской области, является уникальное дело о репрессиях самих чекистов за фабрикацию дел заключенных. В 1940 г. были осуждены Военным трибуналом НКВД Северо-Кавказского округа к различным мерам наказания сотрудники шахтинского НКВД – начальник Шахтинского горотдела НКВД К.С. Васин, его заместитель Г.М. Зеликсон и начальник отделения Шахтинского НКВД по Ростовской области Д.М. Жадовский за фальсификацию следственных дел, в том числе над церковнослужителями. Только за период с января по апрель 1938 г. ими было арестовано 306 человек за принадлежность к какой-либо иностранной разведке. Причем большинство арестованных – жители г. Шахт. «В целях понуждения

арестованных к даче показаний о своей мнимой причастности к к/р деятельности Васин применял к тем лицам, которые показания не давали, длительное содержание в карцерах, которые из себя представляли очень небольшую камеру, лишённую доступа воздуха. В этих карцерах арестованные не имели возможности ни лечь, ни спать, покрывались язвами, а некоторые, слабые здоровьем, умирали» – говорилось в материалах дела [18].

По показаниям свидетеля – сотрудника горотдела – избиениями арестованных ведал лично Васин: «Васин в качестве мер воздействия к арестованным широко применял карцер – несколько камер ДПЗ горотдела без окон. Эти камеры переполнялись арестованными до отказа, тем самым создавались невыносимые условия для арестованных, которые иногда умирали от этих условий... На одном из совещаний Васин информировал оперативный состав о разрешении применять физические воздействия к арестованным, но только с его санкции...» [19]. Кроме того, выяснилось, что людей осуждали тройкой к расстрелу после их смерти (в результате нечеловеческих условий содержания).

Свидетель А.И. Коробка показывал: «...при вызове ровно через сутки я писал под диктовку Жадовского заявление. Я только спросил Жадовского: “Как же так, вы требовали, чтобы я написал, что я повстанец, а теперь оказывается, что я троцкист”. Жадовский ответил: “А не всё ли равно для тебя, пиши то, что я говорю”» [20].

Фальсификация следственных дел в 1930-е гг. не была исключительным явлением Шахтинского района Ростовской области, а была характерным явлением в целом по стране. На чекистском «сленге» существовало разделение труда следователей на “литераторов” и “забойщиков”. “Забойщики” выбивали подписи под протоколами, а “литераторы” составляли тексты протокола. Иногда «забойщики» выбивали из человека подпись на белом листе, куда потом вписывался нужный следователю текст, а иногда подписи под протоколами просто подделывались [21].

На основании проделанной в соавторстве с к.и.н. А.В. Шадринной работы установлено количество священнослужителей, репрессированных на территории Ростовской области. Согласно данным, полученным из Архива ФСБ по РО, было осуждено 10 % от дореволюционного количества донского духовенства. Данная цифра является заниженной, поскольку не учитывает миграции населения (священника могли арестовать на территории соседнего Краснодарского или Ставропольского краев) и нуждается в дальнейшем уточнении.

Таким образом, проанализировав архивно-следственные дела, можно выявить несколько волн репрессий донского духовенства: гражданская война, когда убивали без суда и следствия; кампании по изъятию церковных ценностей и внедрению обновленческого раскола, преследовавшие цель расколоть и скомпрометировать духовенство; период коллективизации и индустриализации конца 1920-х – начала 1930-х гг. и появление первых «массовых» «контрреволюционных» церковных организаций; «большой террор» конца 1930-х гг., когда удар наносился по всем конфессиям без исключения. Изучение следственных дел позволило выделить ряд закономерностей в ходе карательной политики советской власти на Дону и итоговую цифру репрессированного духовенства.

Примечания

1. Табунщикова Л.В. Антицерковная репрессивная политика органов НКВД на Дону в 30-е гг. XX в. (по материалам следственных дел) // Материалы VIII Международной научной конференции «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР», 2–3 ноября 2013 г. Издательство: ООО «Экоинвест», Краснодар. Ч. 2. С. 145–146.
2. Табунщикова Л.В. Особенности уголовных следственных донских священнослужителей 1930-х гг. // Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь, 14 мая 2014 г. Ставрополь: Издательский центр СтПДС, 2014. С. 337–348.
3. Табунщикова Л.В. К вопросу о фальсификации следственных дел донского духовенства 1930-х гг. // Государство, общество, Церковь в истории России XX века: материалы XIII Международной научной конференции, Иваново, 12–13 марта 2014 г. В 2 ч. Иваново: Ивановский государственный университет, 2014. Ч. 1. С. 650–655.
4. Шадрина А.В. Уголовно-следственные дела Архива УФСБ РФ по Ростовской области как источник по истории церковных расколов 1920–1930-х гг. // Русский архив. 2018. № 6 (2). С. 97–106.
5. За Христа пострадавшие: гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Кн. 1-я. Изд-во ПСТГУ, 1997. С. 142.
6. Росинская Е. «...И обрящете покой душам вашим». Ростов н/Д: Альтаир, 2016. С. 24.
7. Гуров Н.В., Табунщикова Л.В. Суды над донским духовенством в ходе кампании по изъятию церковных ценностей 1922 года // Научные труды Донской духовной семинарии и кафедры «Православная культура и теология» Донского государственного технического университета. Ростов н/Д: Издательство ДГТУ, 2018. С. 187.
8. Изъятие церковных ценностей в Старочеркасске // Трудовой Дон. 1922. 13 мая. С. 1.
9. О чем говорят факты? // Трудовой Дон. 1922. 6 мая. С. 1.
10. Наизнанку (впечатления на суде) // Трудовой Дон. 1922. 19 мая. С. 1.
11. Суд над священниками в Азове // Советский Юг. 1922. 14 июня. С. 3.
12. Архив Управления федеральной службы безопасности РФ по Ростовской области (Архив УФСБ РФ по РО). Архивно-следственное дело П. 15250. Л. 112–113.
13. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сборник документов. Ростов н/Д: Антей, 2015. С. 37.
14. Архив УФСБ РФ по РО. П-47816. Т. 3. Л. 77.
15. Там же. П-17552. Т. 2. Л. 99–102.
16. Архив УФСБ РФ по РО. П-4934. Л. 6–7.
17. Там же. П-38862. Л. 52.
18. Там же. П-28507. Л. 69.
19. Там же. Л. 70.
20. Там же. Л. 72.
21. Кирилл Миловидов «Забойщики» и «литераторы»: как в НКВД фабриковались признания и отречения. URL: <http://www.nsad.ru/articles/zabojshhiki-i-literatory-kak-v-nkvd-fabrikovalis-priznaniya-i-otrecheniya> (15.12.2013).

И.Ю. Юрченко

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАЧЕСТВА (XX–XXI вв.): ПРОБЛЕМА РАСКАЗАЧИВАНИЯ И ЕГО ПЕРИОДИЗАЦИИ

Пожалуй, во всей новейшей историографии казачества нет более актуальной и болезненной (во всех смыслах) научной проблемы, чем рассказывание. В новейшей историографии проблемы рассказывания мы можем выделить несколько периодов и характерных для них исследовательских и политико-публицистических подходов. Это дореволюционная историография; «красная», «белая» и «самостийная» историография периода Великой русской революции и Гражданской войны; ранняя советская и белоэмигрантская довоенная историография; советская историография 1950–1980-х гг.; историография периода перестройки в СССР; новейшая постсоветская историография, главным образом российская и украинская. Ниже мы кратко рассмотрим главные особенности этих периодов и направлений, уделив внимание новейшим работам.

Прежде всего следует рассмотреть юридическую сторону проблемы. Начиная с 1991 г., когда Верховный Совет РСФСР принял закон «О реабилитации репрессированных народов», советское рассказывание стало квалифицироваться как репрессивная «политика клеветы и геноцида». Этот закон ныне действует в редакции Закона РФ от 01.07.93 № 5303-1, статья 2-я которого недвусмысленно причислила казачество к числу народов России, подвергнувшихся геноциду. В некотором смысле этот закон стал своеобразным «симметричным ответом» на закон США «О порабощенных нациях» 1959 г. Однако даже четкая юридическая квалификация рассказывания отнюдь не разрешила многочисленных научных проблем, связанных с определением его исторического содержания и периодизации.

Первые замыслы рассказывания как упразднения сословия казаков и их, так сказать, «русификации» путем распространения на казачьи области общеимперской административной юрисдикции появились в либеральных кругах еще в XIX в. На эти факты в своих недавних публикациях обратил внимание А.А. Волвенко, а Б.С. Корниенко исследовал эту тему в своей кандидатской диссертации, монографии и ряде журнальных статей, где утверждает, что «в период проведения Великих реформ 1860–1870 гг. ... консервативное движение “казакманов”, выступивших против угрозы “рассказывания” ... продолжало оперировать в своей пропаганде традиционными сословными категориями, защищая ... “старинные права и привилегии”» [1, с. 3]. Следует упомянуть и беглый историографический обзор А.Н. Демидовой, особо отметившей актуальность проблемы советского рассказывания, «которое было продолжением процесса рассказывания, начавшегося в XIX в. и продолженного по пути социалистических преобразований» [2, с. 75]. Гораздо более подробно она же ранее рассмотрела историографию проблемы рассказывания в Хопёрском округе в своей кандидатской диссертации, позднее опубликованной в виде монографии. В этом

же контексте можно назвать и недавние публикации А.Ю. Перетяцько и других исследователей.

Методологический фундамент политики рассказывания и ее оценок во всей последующей советской историографии был заложен В.И. Ульяновым (Лениным) в работах «Развитие капитализма в России» и «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов». Подробно эта тема была рассмотрена в специальной статье автора [3]. Здесь мы лишь кратко повторим, что главная цель ленинской политики в отношении казачества – это всемерно стимулировать и обострять классовую борьбу в казачьих областях, чтобы добиться раскола «особного», по словам Ленина, казачьего мира, втянуть казаков в революцию и гражданскую войну. При этом рассказывание мыслилось именно как ускорение социального прогресса, как он понимался в рамках исторического материализма, попытка насильственного, революционного форсирования естественного, уже начавшегося и исторически объективного, а следовательно, неизбежного, процесса пролетаризации основной массы казачества при одновременном (и тоже исторически детерминированном) обострении классовой борьбы.

В ранней «послеоктябрьской» советской историографии 1917–1920-х гг. рассказывание, особенно в пропагандистских материалах периода гражданской войны, представлялось исключительно как «освобождение трудового казачества» от гнета «кулацко-атаманской верхушки» и тягот поголовной военной повинности. В сталинской и постсталинской историографии 1930–1950-х гг., всецело базировавшейся на сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», с одной стороны, «советское казачество» было как бы реабилитировано, а с другой стороны, тема рассказывания в этом новом политическом контексте оказалась явно лишней. И единственным автором, обратившим внимание на эксцессы рассказывания, стал не историк, а писатель – М.А. Шолохов, вклад которого в историографию проблемы отмечали позднее советские историки, такие как К.А. Хмелевский.

Ситуация изменилась в период расцвета советской историографии 1970–1980-х гг. В это время начинается подлинно научное изучение казачества, и впервые дается взвешенная (хотя и крайне идеологизированная) оценка рассказывания, которое было определено как преступные «перегибы на местах», допущенные при реализации январского циркуляра Оргбюро ЦК политически малограмотными местными кадрами и скрытыми врагами, проникшими в органы советской власти. При этом особо подчеркивался белый террор в отношении рядовых «трудовых» казаков и казаков-фронтовиков. В качестве хорошего примера можно привести монографию А.П. Ермолина, который, рассматривая рассказывание, указывает на борьбу настоящих коммунистов под руководством В.И. Ленина с перегибами, которые «озлобляли казачество». В книге прямо назван и секретный январский циркуляр Оргбюро ЦК РКП(б) [4, с. 148]. Но при этом Ермолин сразу же оговаривается, что уже 16 марта 1919 г. Пленум ЦК «постановил приостановить применение репрессий против казаков» [4, с. 148] и цитирует телеграмму Ленина Реввоенсовету Южфронта от 3 июня 1919 г. о немедленном прекращении рассказывания [4, с. 149–150], но вынужден констатировать, что «довести до... работни-

ков казачьих районов... указание В.И. Ленина было уже невозможно» [4, с. 150]. Таким образом, мы можем развенчать устоявшийся и кочующий из работы в работу историографический миф о якобы полном отсутствии разработки проблемы рассказывания в советской «доперестроечной» историографии.

В период перестройки появились первые специальные работы, а также газетные статьи публицистического характера, посвященные проблемам рассказывания. Среди авторов научных работ можно назвать А.В. Венкова [5]. Однако главные его работы по казачьей проблематике вышли уже в постсоветский период. В целом этот период носил все черты переходного и характеризовался методологическим, историософским кризисом и началом кардинального пересмотра советских подходов.

В период становления новейшей российской историографии 1990-х гг. крупнейшим специалистом по проблемам рассказывания и репрессий выступил сотрудник Миннаца РФ, а ныне видный ученый ИРИ РАН, Н.Ф. Бугай, который впервые ввел в научный оборот целый пласт ранее засекреченных архивных документов по репрессированным народам в СССР. Благодаря его публикациям мы имеем прочную документальную базу в исследовании рассказывания. В очередной раз он затронул проблему рассказывания в широком контексте всей советской национальной политики в своей недавней статье [6]. Однако в целом период 1990-х гг. отличался частичным разрывом историографической преемственности, широко распространенным некритическим заимствованием западных и эмигрантских подходов, а зачастую огульным отрицанием всего советского исторического и историографического наследия.

Новый этап в развитии новейшей отечественной историографии рассказывания начался уже в наступившем XXI столетии. Как сложную и многоаспектную историческую проблему рассмотрел рассказывание в специальной статье Г.О. Мациевский. Он определяет рассказывание как «сложный, многослойный процесс, предполагающий несколько содержательных направлений», среди которых выделяет «этническое рассказывание», «сословное рассказывание», «внутрисословное рассказывание», «саморассказывание» и «революционный террор» [7, с. 11]. В этом контексте можно назвать и монографию Г.Г. Матишова [8]. Дискуссионным вопросом остается определение верхней хронологической границы рассказывания. Многие исследователи трактуют коллективизацию и репрессии 1930-х гг. как продолжение политики рассказывания в латентной форме. Противоположную позицию аргументировал в специальном параграфе своей докторской диссертации А.П. Скорик, который полагает, что после уравнивания казаков с крестьянами советские и партийные власти уже не проводили целенаправленной политики рассказывания, а были лишь отдельные антиказачьи акции [9, с. 257–279].

Наиболее бескомпромиссную позицию в оценке рассказывания как спланированного и целенаправленного геноцида казачьего народа занимают исследователи, которые стоят на позициях самостоятельной казачьей историографии. Из новейших работ надо назвать монографию Н.Н. Лысенко [10], одно название

которой провоцирует научную и политическую дискуссию. Книга уже вызвала отклик в пространной критической статье-рецензии А.В. Венкова [11]. Однако не со всеми положениями этой критики можно безусловно согласиться. Следует признать историографическое значение монографии Лысенко. Эта книга интересна, прежде всего, своей предельной откровенностью и бескомпромиссностью, как своеобразный манифест и итог столетнего развития самостийной историографии. Очевидно, что автор книги не столько ведет академическое исследование, сколько со всей остротой выносит на научную повестку «неудобные вопросы» и, как кажется, намеренно провоцирует дискуссию. Особенной непримиримостью в оценке расказачивания и «голодомора» на Кубани как намеренного геноцида всегда отличались западноукраинские исследователи. Так, профессор из Ровно Н.А. Супрун-Яремко в этнографической статье писала о «двухвековой» (Sic!) борьбе «за свои права и национальное достоинство, против массовых репрессий и геноцида, совершаемых в период “организованного расказачивания и раскулачивания”» [12, с. 7].

Противоположных взглядов придерживается Р.Г. Тикиджьян. Он рассмотрел «истоки политики советского расказачивания», которые ему видятся прямым следствием националистической политики «атамана-автократора» генерала П.Н. Краснова [13, с. 210]. При этом Тикиджьян довольно резко критикует ряд авторитетных ученых: «известные современные историки и политологи-“казакоманы”: А.В. Венков, В.П. Водолацкий, А.А. Зайцев, А.А. Озеров, В.П. Трут, А.П. Скорик и другие – по-прежнему игнорируют этот комплекс документов, предпочитают уходить от конкретных оценок данных известных документов и историографической полемики вокруг них» [13, с. 215].

Известный специалист по истории казачества 1920–1930-х гг. О.В. Рвачева в своих новейших публикациях неоднократно обращала внимание на репрессивные меры, проводившиеся властями по отношению к казакам. При этом она рассматривает расказачивание не только как репрессивную политику, но и как часть общего процесса модернизации российского и советского общества в конце XIX – первой половине XX в. О.В. Рвачева приходит к очень важному, на наш взгляд, методологическому выводу о природе казачьей идентичности, которая проявляется в «работе коллективной памяти, фокусирующей на трагических событиях Гражданской войны, репрессий большевиков, открытом и скрытом расказачивании в период коллективизации, которые «отражались на казаках как на едином сообществе», что способствовало «формированию “общей истории” и чувства групповой идентичности» [14, с. 160].

Своеобразием отличается подход к проблеме расказачивания клерикальной православной историографии казачества. Из новейших публикаций стоит упомянуть статью иерея Тимофея Чайкина – ответственного секретаря Синодального комитета по взаимодействию с казачеством. Здесь, разумеется, на первое место выносятся вопросы мученичества и преследования веры атеистическим большевистским режимом, а казаки характеризуются как «воины Христовы» [15, с. 21]. Расказачивание однозначно трактуется как жесточайший террор с массовы-

ми убийствами казачьих священников, стариков, женщин, детей. Фактически Т. Чайкин рассматривает весь период атеистической советской власти 1917–1991 гг. как продолжающееся рассказывание.

К сожалению, крайне ограниченный объем публикации не позволяет назвать всех исследователей проблемы рассказывания и привести перечень их трудов. Рассмотрим только библиометрическую статистику РИНЦ. За последние годы было опубликовано 87 работ, представленных в НЭБ РИНЦ, и прямо затрагивающих проблему рассказывания. В 61 работе, опубликованной после 2000 г., рассказывание стало главной темой, в их числе 2 кандидатских и 1 докторская диссертации, 6 авторских и 1 коллективная монография, 16 статей в сборниках научных трудов и материалов конференций, 36 статей в журналах, причем в 22 работах термин «рассказывание» был вынесен в заголовок. При этом 50 работ было опубликовано после 2010 г. (период 2011–2018 гг.).

Примечания

1. Корниенко Б.С. Русское казачество или казачья нация? Проблема самоопределения в идеологии казачьего национализма начала XX в. // Клио. 2011. № 1 (52). С. 3–10.
2. Демидова А.Н. Актуальные проблемы изучения советского периода истории донского казачества // Стратегические ориентиры инновационного развития АПК в современных экономических условиях: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: ВолгГАУ, 2016. С. 74–80.
3. Юрченко И.Ю. «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» В.И. Ленина как методологическая основа политики рассказывания и ее трактовки в советской историографии // В мире научных открытий. 2011. № 11.5. С. 1516–1532.
4. Ермолин А.П. Революция и казачество: (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1982. 224 с.
5. Венков А.В. Печать сурового исхода: к истории событий 1919 года на Верхнем Дону. Ростов н/Д: Рост. книжное изд-во, 1988. 189 с.
6. Бугай Н.Ф. Основы национальной политики России в 1920 – второй половине 1980-х годов: трансформация, реализация, приоритеты // Архонт. 2019. № 1 (10). С. 4–20.
7. Мациевский Г.О. Рассказывание как историческая проблема // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 5. С. 11.
8. Матишов Г.Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.): Заметки на полях истории / отв. ред. А.В. Венков. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2013. 272 с.
9. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований: дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2009. 540 с.
10. Лысенко Н.Н. Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг.: Опыт этнополитического исследования. Ростов н/Д: Альтаир, 2017. 636 с.
11. Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 275–290.

12. Супрун-Яремко Н.А. История Черноморского казачества в его песнях (на материале полевых исследований) // Культурная жизнь Юга России. 2006. № 3 (17). С. 7–13.
13. Тикиджьян Р.Г. Донская казачья государственность и истоки политики «советского расказачивания» 1918–1920 гг.: Продолжение известной дискуссии // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты: Сб. ст. 2-й Междунар. эл. науч. конф. Краснодар: Южный институт менеджмента, 2014. С. 209–221.
14. Рвачева О.В. Трагические события XX века и коллективная память казачества: постановка проблемы // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: сб. тез. конф. Симферополь: Ариал, 2016. С. 158–162.
15. Чайкин Т.К. Символизм изгнания донских казаков в контексте большевистской политики расказачивания // Архонт. 2019. № 1 (10). С. 21–25.

РАЗДЕЛ 3. ТРАДИЦИОННЫЙ УКЛАД КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Н.А. Мининков, Л.В. Мининкова

НЕ ТОЛЬКО ВОЙНА: ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НОВОЧЕРКАССКА 1919 г. (к столетию выхода книги: Богачев В.В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919)

В «боевой девятнадцатый год», сто лет назад, когда решались судьбы страны и казачества на фронтах Гражданской войны, Новочеркасск жил не только военными новостями. Важным событием культурной жизни донской столицы был выход в свет большого труда географа В.В. Богачева «Очерки географии Всевеликого Войска Донского», подводящего итог его многолетнего географического изучения Дона.

К началу прошлого века комплексная географическая характеристика целых стран или отдельных их регионов стала частью культуры разных государств. Определялось это изменениями во внутренней жизни разных стран и народов по мере развертывавшегося процесса модернизации и связанной с ним экономической активности, что предполагало постоянные поездки с деловыми целями и укрепление контактов между людьми и национальными культурами. Всё это создавало спрос на литературу, по которой можно было образованному читателю, не относящемуся к профессиональному цеху географов, этнографов или историков, получать добротные и исчерпывающие общие сведения о странах и их территориях. Кроме того, усиление противоречий между ведущими государствами и экономиками мира и формирование предпосылок мировых войн создавало предпосылки для появления на одном из первых мест геополитики как особой формы культуры. Такая форма культуры была способна интегрировать в единое целое комплексные сведения о стране и внешнеполитические интересы ее правящей верхушки, которые в условиях уже разделенного мира между крупнейшими державами обнаруживали свою всё большую агрессивность с претензиями на новые территории и с якобы «научным» и «историко-географическим» обоснованием права на них.

Эти обстоятельства способствовали появлению в качестве ответа на данный вызов времени сочинений, посвященных комплексной характеристике стран и территорий – географической, этнографической, исторической, экономической, культурной. При этом во взглядах на особенности такой литературы были заметны два разных подхода. Один из них сложился в Германии. Так, основоположник немецких геополитических идей конца XIX в. Ф. Ратцель первостепенное внимание уделял объективным физико-географическим условиям существования человечества. Поэтому у него на первом плане оказывалось описание физико-географических условий, а уже отсюда формулировалась идея жизненного пространства, ставшая популярной несколько позже, в условиях нацистского режима, которая стала обоснованием германской территориальной экспансии. Иной подход к проблеме территории и человека, объективных и субъективных условий существования сообщества на земле разрабатывала Французская школа «географии человека». Это крупное интеллектуальное сообщество, сложившееся на рубеже XIX–XX вв., особое внимание обращало не только на объективные, природно-географические условия существования человека и общества, но и на субъективные условия, зависящие от особенностей культур общества и качеств, характерных для человека этого общества. Французский географ П. Видаль де ла Блаш выдвинул в подходе к вопросу о взаимоотношениях между человеком и территорией идею POSSIBILISMA. Основана она была на учете возможностей общества и человека использовать окружающую природу для обеспечения наиболее благоприятных условий своего существования. Этим объясняется то, что роли человека и общества как фактора географической среды П. Видаль де ла Блаш придавал весьма большое значение. Речь уже шла не о территориальном жизненном пространстве, а о том, как сделать территорию проживания этноса или социума благоприятной для человека. Данный подход предполагал уже сам по себе значительных трудовых и интеллектуальных усилий, повышал требования к культурному развитию и к обеспечению условий для этого со стороны государства.

Такой подход сказался на фундаментальном труде страноведческой направленности, которым стало во второй половине XIX в. произведение другого французского географа, Э. Реклю, «Земля и люди», изданное в десяти книгах. Оно было переведено на европейские языки, в том числе и на русский, и пользовалось широкой известностью. В нем было удачно достигнуто правильное соотношение между характеристикой географической среды и природных условий с одной стороны, и человека с его культурой в условиях этой среды с другой. Преобладал при этом географический подход, поскольку структура географических описаний Э. Реклю строилась на основе такого географического фактора, как речные бассейны, что в новое время, в условиях модернизации и индустриализации, не обязательно совпадало с особенностями распространения культуры. В книге третьей, посвященной описанию Европейской России, Э. Реклю уделил внимание земле донских казаков, не только ее природным особенностям, но и ее населению, истории и культуре, прежде всего донского казачества как части населения с наиболее ярко выраженными историческими и культурными особенностями. Описывались го-

рода Донской земли, более подробно, чем другие – Новочеркасск и Ростов [1]. Труд Э. Реклю был хорошо известен и популярен в России.

Но в культуре самой России также формировалась традиция составления комплексных географических описаний страны. Инициативу в этом в пореформенный период проявляли разные деятели отечественной науки и культуры. Особую роль сыграл географ и демограф, создатель идеологии первой переписи населения в Российской империи П.П. Семёнов-Тян-Шанский. Он совместно с издателем М.О. Вольфом выступил также с идеей первого комплексного и иллюстрированного географического описания России, рассчитанного на широкий круг культурных читателей и доступного им по цене. Таким описанием стала «Живописная Россия», в которой Дону был посвящен ряд очерков, их автором был известный писатель и глубокий знаток казачества Д.Л. Мордовцев. В одном из этих очерков, посвященных казачеству, давалась не только его история, но и затрагивались острые вопросы, относящиеся к социальным противоречиям, прежде всего между казаками и крестьянами и вообще неказачьим населением области. По поводу же казачества Д.Л. Мордовцев указывал, что «самое казачество, как известная стадия исторического хода общества, представляется одною из вымирающих форм жизни», причем, по его словам, «чем скорее завершится полное вымирание, тем лучше» [2, с. 31], поскольку казачество – «явление средневековое в своей исторической основе и не соответствует новым условиям жизни» [2, с. 31].

«Живописная Россия» было популярным изданием в стране, распространявшим в доступной форме научные сведения о географии страны и ее населении. В отличие от труда Э. Реклю, в «Живописной России» характеристика регионов страны давалась не по рекам, а по крупным природно-административным и административно-экономическим зонам. Поэтому в этом издании описание Дона давалось в одной части с описанием Нижнего Поволжья и Приуралья. Но вместе с тем, всё более очевидными становились недостатки издания. Так, расчет издателей на то, что серия станет недорогой и сможет стать настольной книгой для российского читателя, в общем не оправдался, и издание вышло весьма дорогим. Кроме того, в нем преобладала описательность, хотя и сделанная на высоком художественном уровне.

Деловой человек пореформенного времени, совершавший поездки по стране, стремился к получению более точных сведений. Также отсутствовал справочный материал, не было карт. Поэтому возникла идея нового издания обобщающего труда по описанию страны, который был частично создан под общим руководством академиков П.П. Семёнова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского и назывался «Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей». Полному его изданию помешала свершившаяся в 1917 г. в стране революция.

Эта серия в большей степени имела научную направленность и более четкую структуру, чем «Живописная Россия», но также отличалась довольно большим количеством иллюстративного материала, отсутствием карт и статистических справок, относящихся к природе и экономике. Тем не менее общий уровень издания был вы-

соким. Принцип построения материала был таким же, как в «Живописной России». Но Дон был отнесен к Новороссии, а не к Нижнему Поволжью. По структуре в ней четко выделялись части: природно-географическая характеристика, история, демография и экономика. После этого шло описание отдельных частей больших регионов. Строилось оно таким образом, что описывались прежде всего города. Подробно описаны Новочеркасск, Ростов и Таганрог, отчасти Александровск-Грушевский, посад Азов, окружные станицы. Затем описание строилось по поселениям, располагавшимся по железным дорогам и водным путям. Среди городов и станиц Области войска Донского были особо выделены те, которые были известны своими историческими и культурными достопримечательностями. Среди них – Новочеркасск как город, связанный с именем М.И. Платова, Таганрог – с именем А.П. Чехова. По поводу станицы Потёмкинской Второго Донского округа было правильно указано, что это родина Е. Пугачёва. Но неправильно, что со Степаном Разиным связано село Кагальник на Азовском море. На самом деле разинский городок расположился после возвращения атамана из Каспийского похода около Кагальницкого городка, но не на Азовском море, а у впадения речки Кагальник в Дон справа, выше Северского Донца. По мнению автора очерка о донском казачестве Я.В. Ставровского, «воровские казаки» из донской голытьбы «покорили Ивану Грозному Сибирское царство». О самом Ермаке автор говорил, что еще до похода в Сибирь Ермак «был избран старшиной от Кагальницкой станицы (под Ростовом)» [3]. Такие досадные неточности снижают общий уровень издания, в значительной мере образцового для подобных трудов. Поэтому ко времени работы В.В. Богачёва над своими «Очерками географии» уже сложилась отечественная традиция создания подобной литературы.

Еще одна традиция была связана со статистическими описаниями, начиная с 1832 г., когда вышло в свет первое Статистическое описание Земли Войска Донского, в подготовке которого до своей ссылки на Кавказ принимал участие В.Д. Сухоруков, а в более позднее время Н.И. Краснов. В пореформенный период, в 1872 г., вышло фундаментальное Статистическое описание Дона выдающегося донского экономиста С.Ф. Номикосова. К предпосылкам может быть отнесена большая работа другого видного донского экономиста, И.В. Тимощенко, по экономическому описанию станиц, войсковых запасных земель и некоторых волостей Дона. Собрание этих описаний содержится в редком издании 1908 г. Сам В.В. Богачёв также хорошо знал Область войска Донского как член Статкомитета. Он очень хорошо знал литературу, относящуюся к этнографии и истории Дона, а в некоторых случаях и сам проводил своего рода фольклорные изыскания на местах, например когда сообщал по поводу услышанной им былины об Илье Муромце на территории юрта Багаевской станицы. Но исторические сведения в книге он приводил по литературе. Часть книги, очерк, посвященный донским казакам-калмыкам, был написан донским исследователем калмыков И.И. Поповым.

Структура «Очерков географии» не отличается от структуры фундаментальных трудов по российскому страноведению, издававшихся под общим руководством П.П. Семёнова-Тян-Шанского. В них выделяются часть, относящаяся к описанию

природы, кроме того, этнографическая часть, включающая в себя исторические разделы, а также части, связанные с описанием местностей. Последняя часть построена на основе учета административного деления Всевеликого Войска Донского. Экономическая характеристика – в разделе «Занятия и промыслы населения».

Обосновывая принцип подачи материала по описанию «местностей и значительнейших поселений», В.В. Богачёв указывал, что исторически заселение Дона происходило прежде всего по рекам, тогда как в стороне от рек, в степи, расселение происходило позже. Но, писал он, история отдельных поселений, прежде всего расположенных по рекам станиц, в значительной мере не известна [4]. Поэтому он полагал целесообразным рассматривать этот вопрос в соответствии с административным делением Всевеликого Войска Донского (автор не говорит о Доне как об области, но и не упоминает о нем как об отдельном государстве).

Особый интерес представляет в этом разделе характеристика культурно-психологических особенностей местного казачества. Так, в Черкасском округе «наиболее яркий низовый тип, гордый своим казачьим званием, щеголяющий одеждою и манерами, внешним лоском на городской лад» [4]. Двор у них «отличается бесхозяйственным видом», а сами они ввиду дороговизны земли сдают ее в аренду и «поступают на разные должности в города», в питании «много рыбы и всевозможных овощей» [4]. Новочеркасск «наполнен офицерами, чиновниками и учащимися» [4]. И при этом имеет место «отлив» «интеллигенции» в бурно развивающийся Ростов. В двух станицах Ростовского округа казаки занимаются «преимущественно рыболовством» [4].

Несколько иными были казаки Первого Донского округа. «Честность, спокойная храбрость, гордость казачьим званием, верность, исполнительность и аккуратность в делах, любовь к родине и сохранение старинного уклада жизни» [4], – такие черты отмечал у них автор. В этом округе казаки имеют значительные виноградники и делают много вина. Казаки Второго Донского округа, по его словам, «имеют облик великоросский», у них «мало энергии» и «большая пассивность» [4]. В округе много старообрядцев, у которых «старинный уклад жизни», и в этом заключается особенность местного казачьего населения. В Усть-Медведицком округе «наиболее разнообразия и в говорах, и в обычаях», причем выше по Медведице «много сходства с великороссами» [4]. Вообще казаки здесь «мало дорожат форменной одеждою, нередко можно видеть русский кафтан, зипун, лапти», а казачий говор «с великорусским “аканьем”» [4]. В Верхнедонском округе, указывал он, имеет место уже «слабее выраженное обособление от всего неказачества, проявляется стремление к слиянию с неказаками», «мало-помалу исчезают казачьи традиции» [4].

Данное наблюдение спорно. О живости традиции свидетельствует восстание на Верхнем Дону весной 1919 г., а также роман «Тихий Дон». Наконец, говоря о казаках Хоперского округа, автор отмечал, что эти казаки отличаются от жителей соседних великорусских губерний «лучшими способностями и умственным развитием» (как это он измерил? – *Прим. авт.*), «твердостью характера», «трудолюбием, отсутствием суетности, тщеславия», «простотою характера», «демократичностью» [4].

Обстановка гражданской войны сказалась на содержании книги. Говоря о ситуации 1919 г., он писал, что «в наши дни Дон оказался на пути утративших веру в свои силы, в будущее, и главное – любовь к родине» [4], и сравнивал красных, противостоявших Дону, с народами Азии эпохи Средневековья. Эти народы, «гонимые нуждой, земельной теснотой и бедностью природы», «сплывались и устремлялись в цветущие страны, неся разрушение, разорение мировой культуры» [4]. В этих словах видна идеология донского правительства этого периода: в гражданской войне Дон защищает не привилегии казачества, а мировую культуру от большевистского варварства.

При своей идеологической загруженности, которая фрагментарно проявляется в тексте, книга может быть признана образцом страноведческого описания Дона.

Примечания

1. Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география в 10 кн. СПб., 1898. С. 1096–1109.
2. Живописная Россия. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1899.
3. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1910. Т. 14. С. 153, 829, 866.
4. Богачёв В.В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. С. 14, 420, 425, 426, 436, 448, 456, 465–466, 477–478, 480.

О.В. Матвеев

КРИЗИСНЫЕ ЧЕРТЫ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (на примере института станичных атаманов)

В период начала возрождения казачества в 1990-х гг. традиции казачьего самоуправления конца XIX – начала XX в. нередко идеализировались. Тиражировались идеи о современных «войсках», «куренных», «станичных» обществах и прочие мифы, в которых представления о казачьей демократии основывались не на реальных знаниях о сложных взаимоотношениях внутри исторической казачьей общины, а на наборе лубочно-пафосных представлений о казачестве. Профессиональные исследователи смотрели на традиционное казачье самоуправление с долей скепсиса: в реалиях модернизации начала XX в. оно «представляло из себя малопродуктивную форму управления, направленную на сохранение и расширение самой себя» [1, с. 30]; «факты свидетельствуют об отсутствии благотворного влияния на дела местной администрации», «развитие капитализма неизбежно вело к исчезновению казачества как военного сословия» [2, с. 75]; «процессы институализации

казачества развивались всё более стремительно и не оставляли возможности возврата к архаичным дискурсам, формировавшим отличную от крестьянской этику, поддерживавшим «казачий дух» [3, с. 125]. В докладе предпринята попытка характеристики кризисных явлений казачьего самоуправления в Кубанской области в предреволюционный период на примере института станичных атаманов.

В конце XIX – начале XX в. станичные атаманы осуществляли свои полномочия на основе Положения об общественном управлении станиц казачьих войск от 3 июня 1891 г. Согласно ст. 20 Положения, станичный атаман отвечал «за сохранение порядка, спокойствия и благочиния в пределах общего станичного юрта, в этом отношении ему подчиняются все проживающие на этой земле обыватели как войскового, так и невойскового сословия» [4, с. 172]. Описанный в Положении круг общественных, военных, полицейских функций атамана требовал определенного образовательного уровня, знаний делопроизводственной документации, житейского опыта, определенного статуса ещё до выборов. Необходимо было разбираться в финансовых вопросах, ведать станичными суммами. В приказах по Кубанской области этого времени стали частыми распоряжения об удалении того или иного атамана от должности «за нерадение к общественным интересам». Так, атаман станицы Дядьковской Егор Ванифатьевич Шевель был снят с должности ввиду многочисленных жалоб за растрату общественных сумм. Атаман Кавказского отдела предлагал даже «предать его за это суду» [5].

13 июня 1897 г. начальник Кубанской области утвердил «распоряжение атамана Баталпашнского отдела об устранении от должности атамана станицы Отрадной казака Фёдора Чикильдина за бездействие по службе и нерадение к интересам общества» [6, с. 1]. Приказом по Кубанской области от 21 июля 1904 г. был удален от должности атамана станицы Воронежской урядник Александр Фильев, «ввиду его произвольных действий и неумение руководить станичным сбором» [7, с. 1].

Поддержание «казачьего духа» на уровне станичного самоуправления в условиях стремительно развивавшихся социальных отношений уже не всегда соответствовало интересам «лучших людей» станицы. Нередкими стали случаи избрания в атаманы людей слабохарактерных, за спиной которых избравшая «партия» могла решать общественные дела по собственному усмотрению. В приказе по Кубанской области от 12 марта 1894 г. отмечалось: «Ввиду того, что в ст. Новолабинской все части общественного станичного управления находятся в крайне неудовлетворительном состоянии, что все усилия ближайшего начальства привести дело станицы в порядок остались без всякого результата, что главною причиною этого служит то обстоятельство, что станица продолжительное время не имела опытного энергичного атамана, и не имела по той причине, что сбор старался выбирать на должность станичного атамана лиц слабого характера, малограмотных, малоподготовленных к исполнению обязанностей станичного атамана, таких лиц, которые находились в полном его подчинении, я признал необходимым удалить от должности атамана ст. Новолабинской урядника Дмитрия Степанова» [8, с. 2].

В начале XX в. во главе ст. Ладжской стал урядник Евсюков. Будучи человеком внушаемым, он оказался под влиянием жены генерала П.С. Чуйковой. Чиновник

из канцелярии начальника области писал: «Станичные власти её (Чуйкову. – О. М.) побаиваются – покорнейшие слуги, и потому всё делается по её желанию <...>. Когда ей нужно, посещает станичные сходы и в случае нежелания общества удовлетворить её просьбу, не стесняясь, заявляет публично: “Я обращаюсь к Василию Платоновичу (атаману отдела), Василий Платонович мне всё сделает”» [9]. В 1902 г. «общество почти единогласно избрало вахмистра Клыкова ... человека положительного и толкового» [10]. Однако писарь, находившийся под влиянием «генеральши» Пелагеи Сергеевны Чуйковой, настоял на том, чтобы станичники избрали ещё и кандидата на атаманскую должность, предложив фельдшера Сопсикина. Каково же было удивление ладожцев, когда «утверждённым в должности атамана оказался не Клыков, а Сопсикин. Настойчиво говорят, что Клыков был нежелателен г. Чуйковой и что только поэтому был утверждён Сопсикин» [10]. Один из проверяющих чиновников писал, что «Чуйкова очень часто врывается в станичное правление и самоуправничает под влиянием потворства ей со стороны атамана отдела и помощника его, поэтому у станичных атаманов этой станицы большая часть времени для разбора кляуз Чуйковой и давания объяснений, а не на полезные общественные дела. Для Чуйковой следует иметь отдельного атамана, ибо дел у ней бывает очень много» [11].

В политическом обзоре жандармских офицеров по Кубанской области за 1890 г. отмечалось, что нередко «иногородние путём спаивания станичного атамана, имея поддержку в родичах казаках, прекрасно обходят распоряжения начальства и этим вносят разврат в казачий элемент станицы» [12].

Люди образованные, имевшие опыт административной работы, – отставные офицеры, чиновники и др. не спешили занимать хлопотную должность станичного атамана из-за невысокого размера жалованья. Пользовавшиеся влиянием в станицах вахмистры, бывшие гвардейцы, урядники и казаки зачастую также стремились избежать этой должности, поскольку её социальный статус вступал в диссонанс с невысоким социальным положением «нижнего чина».

Инициативы волевых и рачительных атаманов часто блокировались группами выборных. Получает бурное развитие ранее нетипичная для казачьей среды склонность к доносам и жалобам. При этом демагоги, оказывающие психологическое воздействие на самостоятельных атаманов, часто апеллировали к «интересам общества» и традициям казачьего самоуправления. 2 декабря 1898 г. урядник Дмитрий Ильич Галай, отслуживший в лейб-гвардии Собственном Его Императорского Величества Конвое, был утверждён в должности атамана ст. Дядьковской. Новый атаман с энергией включился в заведывание станичным обществом. Местное училище, церковь, табун жеребцов, поддержание общественного порядка в станице, сдача пустующих земель иногородним, суммы за аренду которых шли на благоустройство станичного хозяйства, несли печать нелёгких трудов Дмитрия Ильича на пользу родной станицы. Однако справедливый и хозяйственный атаман далеко не всегда в это время устраивал партии выборных представителей в станице, преследующих свои цели и стремившихся к контролю как над станичным обществом, так и над атаманом. Обманувшему, по-видимому, их ожидания Д.И. Галаю они не

прощали ни одного промаха. В начале 1901 г. урядники Илья Вязовец и Иосиф Кривонос подали жалобу на атамана в Кубанское областное правление. На одном из сходов выборные от жителей станицы Дядьковской урядники Вязовец и Кривонос вступили в спор с атаманом, демагогически обвиняя его в преследовании корыстных интересов, а не в радении на пользу станицы. Возмущённый Дмитрий Ильич сначала решил составить протокол, чтобы зафиксировать оскорбление его чести и достоинства, но затем, видимо, устав от клеветнических нападок, решил отказаться от неблагодарной службы.

Для производства дознания был назначен атаман ст. Платнировской коллежский регистратор Верещака. Опросив остальных выборных дядьковцев, он пришёл к выводу: «Все обвинения не подтвердились» [13]. Тем не менее дядьковцы уже выбрали нового атамана – вышеупомянутого Алексея Ремыгу. В постановлении атамана Кавказского отдела генерал-майора Гетманова от 25 ноября 1901 г. отмечалось, что дознание по доносам на бывшего станичного атамана Д.И. Галая не подтвердило ни один из пунктов обвинений жалобщиков. Более того, изучение дела «показывало на заботу Галая к общественному хозяйству» [14].

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в начале XX в. в ст. Баталпашинской, местная учительница отмечала: «Сбор, преследуя личные интересы, как будто бы положил себе за правило изживать станичных атаманов. В январе прошлого года станичного атамана не было, помощник атамана исправлял должность его. Шли выборы атамана. Сколько выборных, столько и кандидатов предлагали. Наконец, избрали атамана. Утвердили. Но выборным скучно без магарычей. Начинают делать неприятности атаману и последний, приняв должность в конце марта, в ноябре уволился. Опять исправляет должность помощник и, наконец, в январе сбежал. Бросил должность. Исполняет должность другой помощник. Выбрали атамана. В марте поступил, в первых числах июня уволился. Служить нет никакой возможности. Оскорбление, сбор баламутов никого и ничего, кроме даровой выпивки, не признаёт» [15, с. 1].

Деятельность станичных атаманов утрачивала стабильную и созидательную преемственность: на смену распорядительному, ответственному администратору и хозяйственнику нередко приходил человек, который вел дела спустя рукава и наоборот. Об атаманах станицы Кирпильской газета войскового штаба сообщала в 1913 г.: «Одно время и наша станица было быстро зашагала вперёд в своём благоустройстве. Так, почти одновременно была выстроена церковь, здание правления, школьное здание. На площади появились три газокалильных фонаря. Приходилось глядеть и радоваться за кирпичи. Это было при старом атамане станицы г. Королькове. После него атаманствует г. Трубачёв, и быть может с его лёгкой руки приходится наблюдать печальное явление. <...> От фонарей, некогда освещавших площадь, остались одни столбы, гребля через реку пришла в невозможное состояние, не огорожена, и уже был случай – один из жителей утонул <...> Пьянство развивается среди жителей усиленным темпом» [16, с. 3].

В другой заметке житель ст-цы Журавской вспоминал «доброе старое североинское время», когда атаманом станицы был Северион Сидорович Артеменко,

и на «образцовой» гребле «были боковые перила и проложены доски, значительно облегчавшие передвижения пешеходов. От всего этого остались приятные воспоминания. <...> Когда-то эту греблю соединяли со школами (церковно-приходской и 2-мя министерскими), церковью и правлением деревянные тротуары, ходя по которым школьники не вязли по пояс в грязи. Теперь же тротуары куда-то исчезли и при новой администрации журавцы опять вязнут в грязи и опять ломают себе ноги» [17, с. 4].

В другом случае, в ст. Березанскую на смену безвольному атаману пришёл волевой, деятельный и строгий атаман. В корреспонденции отмечалось, что им «много затрачено труда и энергии на пользу благосостояния станицы, так что теперь уже не слышно в станице ни воровства, ни грабежей, ни убийств и даже нет драк между гуляющей молодежью, и труды атамана, как видно, не прошли даром. Раньше невозможно было пройти по станице не только ночью, но даже и днем, чтоб не нарваться на какой-либо комплимент, от которого невольно покраснеешь, даже некоторые свои же старики-станичники заплатились своими же боками за то, что вздумали наставлять их на хороший путь, но теперь, слава Богу, этого нет, спасибо атаману, искоренил. Несколько раз приходилось мне быть очевидцем, что какой-либо шутник из собравшейся на улицу молодежи скажет: “Атаман идет”, – как все бросаются разбежаться во все стороны, куда попало. Они прекрасно понимают, что если атаман поймает, то по голове не погладит. Даже не раз приходилось слышать от почтенных стариков: “Вот атаман, так атаман, спасибо ему, что наших сынков учит уму разуму”. Да, действительно, новый атаман искоренил в нашей станице хулиганство, и все вздохнули как-то свободнее» [18].

Однако в целом, институт станичных атаманов уже не оправдывал себя. Усложнение структуры общества, неотвратимые процессы социальной дифференциации станицы, отмечаемые источниками «постоянные беспорядки на сборах во время обсуждения общественных дел», «сварливость», «неуживчивость», «грубость» выборных станичников отразили кризисные черты важнейшего элемента казачьего самоуправления. Несмотря на то, что станичный атаман по Положению 1891 г. получил ряд дополнительных прав в отношении станичного сбора и станичного суда, в реальной жизни часто имели место факты «грубого и оскорбительного отношения с ним со стороны сбора» [3, с. 125]. Вмешательство атаманов отделов и наказного атамана в общинные конфликты ситуацию не спасало, поддерживать в неприкосновенности корпоративные интересы становилось всё сложнее. Нежелание идти навстречу реалиям времени явилось впоследствии одной из причин революционного слома традиционных потестарных структур.

Примечания

1. Ивченко И.В. Эволюция казачьего самоуправления на Кубани (на материалах законодательства) // Проблемы истории казачества: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во Волг. гос. ун-та, 1995.

2. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар: Кубанькино, 2003.
3. Мануйлов А.Н. Обычное право кубанских казаков. СПб.: Алетейя, 2007. 248 с.
4. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утверждённое 3 июня 1891 г. // Из культурного наследия славянского населения Кубани / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь. Краснодар: КЭЦРО, 1999.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 449. Оп. 7. Д. 488. Л. 32.
6. Кубанские областные ведомости (КОВ). 1897. № 127. 15 июня.
7. Приказ по Кубанской области № 185 от 21 июля 1904 г. // КОВ. 1904. № 163. 27 июля.
8. Приказы по Кубанской области марта 12-го дня 1894, г. Екатеринодар. № 31 // КОВ. 1894. № 2. 13 марта.
9. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 97. Л. 4.
10. Там же. Л. 5.
11. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2278. Л. 8.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 1890. Оп. 88. Д. 47. Ч. 55. Л. 10.
13. ГАКК. Ф. 449. Оп. 7. Д. 146. Л. 18.
14. Там же. Л. 27.
15. Учительница Бутова. Ст. Баталпашинская // КОВ. 1903. № 169. 2 августа.
16. Станица Кирпильская // Кубанский казачий листок (ККЛ). 1913. № 399.
17. Ягелло. Станица Журавская. Пути сообщения // Кубанский край. 1913. № 1171–269. 28 ноября.
18. Ст. Березанская // КОВ. 1912. № 42.

П.Я. Циткилов

СОСЛОВНАЯ СПЕЦИФИКА КАЗАЧЬЕЙ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ СЕМЬИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Казачью семью традиционно отличал сословно-корпоративный характер. Для ее главы было важно не только проявлять заботу о благосостоянии родных и близких людей, но и о соблюдении ими сословного статуса.

Жены казаков славились красотой и сильным характером. «Века постоянных тревог, – писал этнограф Г.В. Губарев, – выработали в казачке бесстрашную решительность. На реке она управлялась с каюком, скакала верхом на коне, ловко владела арканом и оружием. Умела защитить своих детей и свой курень...» [1]. Всё это вызывало у главы семейства к любящей супруге не только чувство восхищения, но и уважения.

По сравнению с крестьянскими семьями, в казачьих – детей было меньше. Объяснялось это походной жизнью отцов, постоянными опасностями и рисками служилого сословия. Сказывалось также приграничное, окраинное территориальное проживание казачества.

С трех лет мальчика из казачьей семьи сажали на коня, с семи – учили стрелять, а с десяти лет обучали орудовать шашкой. Свои особенности были и в воспитании девочек. Примерно с пяти лет они помогали матери ухаживать за более младшими братьями и сёстрами. Девочки-казачки зачастую учились у матери, у старших сестер красиво петь, плясать. На праздниках рядом со взрослыми женщинами им разрешали танцевать и подпевать. По данным исследователя Александра Ситникова, когда приходило время девушке-казачке думать о семье, дед дарил ей серебряное колечко, тем самым давал знать, что его внучка «не дитя» [2].

Получая дополнительные средства за аренду запасных станичных земель, казачьи общества располагали определёнными средствами для решения насущных социальных проблем станичников, включая помощь обедневшим казакам, вдовам, а также для обеспечения необходимого минимума образования детей. Субъектом поддержки семей небогатых казаков были не только станичные общества, но и общественные организации, церковные попечительства.

На заседаниях церковных попечительств, функционировавших в Области войска Донского, часто рассматривался вопрос об адресной помощи прихожанам и их семьям, испытывавшим нужду. Касалось это бедных станичников, немощных лиц, погорельцев, вдов и др. Так, попечительство при Христорожественской церкви казачьей станицы Нижнекундрюческой в ноябре 1867 г. решило оказать материальную помощь казачьей семье, из которой девочка 12 лет почти ежедневно ходила по станице и собирала подаяние. Члены попечительства пригласили на заседание ее отца. Он объяснил, что в его семье, кроме матери-калеки, еще четверо детей, из них упомянутая девочка – старшая. По причине крайней нужды этот казак был вынужден посылать дочь просить Христовым именем. Попечительство тогда приняло решение ежемесячно выдавать этой казачьей семье по четверику¹ пшеницы из приходских средств с тем, чтобы впредь девочку не посылали с сумой по станице, а «приучили к домашней работе» [3].

В казачьем быту пьянство не было распространенным явлением. Однако во второй половине XIX в. по мере распространения нигилистских воззрений в обществе, ослабления религиозного сознания, определенного падения нравственности это зло стало проникать и в казачью среду. В результате нарушалась устойчивость традиционных основ казачьей семьи.

Станичные общества совместно с церковными приходами противодействовали распространению пьянства. И дело не ограничивалось проповедями, призывами. По инициативе приходских священников созывались станичные сходы, на которых принимались решения о запрете деятельности местных питейных заведений. Так, в 1874 г. общественными приговорами были закрыты питейные дома в

¹ Четверик – единица измерения объема сыпучих тел. В метрических мерах четверик равен 26,24 л.

донских станицах Нагаевской, Филипповской, Цимлянской, Кулешацкой и др. [4]. Двумя годами ранее была прекращена работа питейных заведений в казачьих станицах Гугненской, Камышевской.

Среди казаков считалось недопустимым иметь неграмотных детей. Однако к концу XIX в. по мере усиления в казачестве социальной дифференциации не каждая семья могла дать минимальное образование детям. Поэтому в казачьих войсках стали особое внимание уделять обязательному обучению грамоте всех казаков приговорительного разряда.

Например, Кубанское казачье войско с 1894 г. ежегодно организовывало в период зимних сборов проведение с призывниками занятий по обучению грамотности. Они проходили в вечернее время с 1 ноября по 1 марта. За первый год проведения таких занятий в 1894–1895 гг. из числа казаков приговорительного разряда, принявших присягу в 1893 г., был обучен грамоте 2771 человек или почти 81 % казаков данного разряда [5].

К вольному сословию относились и торговые казаки. По имущественному положению они были ближе к купечеству, а по своему менталитету, традиционным устоям, семейному быту оставались частью казачьей сословной корпорации. Торговые казаки, как отмечалось в документах, «не составляли никакого исключения из общей среды казачьего сословия, обязанного поголовной воженной службой». Они могли быть освобождены «от этой службы лишь на время, пока каждый лично за себя платит в войсковой доход установленный сбор» [6].

На рубеже XIX – начала XX в. в административной столице Донского края, в г. Новочеркасске, почти половина всех торговых и промышленных заведений принадлежала казакам. Винной продажей активно занимались семьи торговых казаков А.Д. Соколова, С.С. Чеботарёва, Ф.Ф. Шапошникова и др. Особенных успехов в этом деле достиг Соколов. Свою винную продукцию он отправлял не только по России, но и за рубеж. Оборот его торговли в то время составлял огромную сумму – 1 млн 200 тыс. руб. [7].

В суконно-мануфактурной торговле преуспевало семейство казаков Абрамовых. Братья из этой семьи достигли торгового оборота в более чем 600 тыс. руб. [7]. Поставками леса и изделий из древесины занимались семьи казаков Лимарёвых, Пудавовых.

У казаков активными помощниками в торговом деле часто были жены. Их свободолюбивый дух, традиционное желание подсобить супругу не только в обыденной, но и в критической ситуации, находили своё выражение в торговле, где, как известно, высока доля рисков. Порой казачки сами вели торговлю и достигали на этом поприще хороших результатов. Например, в числе наиболее крупных по своим оборотам лесоторговцев была казачка Пешикова, а изделиями из железа прибыльно торговала на Дону казачка Заичкина.

Еще в начале XIX в. (указом от 12 сентября 1804 г.) по ходатайству атамана М.И. Платова из представителей казачества, занимавшиеся торговлей, было учреждено Общество донских торговых казаков. Оно просуществовало более 100 лет до марта 1919 г. Казаки, желавшие вступить в общество, были обязаны предоста-

вить свидетельства о наличном капитале не менее 1500 руб. серебром и подтверждение своей торговой или промышленной деятельности [6]. Кроме этого, необходимо было представить и свидетельство соответствующего станичного правления о своем «благонадежном поведении». При создании данного Общества было предусмотрено, что членом его может быть только один представитель казачьей семьи, обязанный проходить службу.

Общество донских торговых казаков, будучи определённым корпоративным объединением, защищало их интересы, обеспечивало взаимную поддержку, осуществляло контроль за торговлей, ведущейся на территории Войска Донского. При этом особое внимание уделялось наблюдению за коммерческой деятельностью иногородних лиц. Ведь по действующим законам они не могли приобретать ни землю, ни дома. По данным исследовательницы Е.П. Лукьяшко, в 1842 г. российским императором даже священнику неказачьего происхождения было отказано в праве построить дом в Новочеркасске [6].

Объединение донских торговых казаков также занималось благотворительными, социально значимыми делами. По инициативе этого общества в 1859 г. в Новочеркасске была открыта первая публичная библиотека. Для нее тогда удалось собрать 483 книги, приобретенные на средства общественности [8].

Участвовали торговые казаки и в создании в 1862 г. богадельни в Новочеркасске, в устройстве в 1898 г. приюта для малолетних преступников. Общество донских торговых казаков являлось членом областного приказа общественного призрения.

В 1913 г., незадолго до начала Первой мировой войны, на средства членов Общества донских торговых казаков Семёна Шапошникова и Ермила Бокова был построен противотуберкулёзный санаторий. Примерно тогда же на пожертвования семей торговых казаков в Новочеркасске была возведена областная хирургическая больница имени Н.И. Пирогова.

Определённая закрытость казачьего сословия сказывалась на устремлённости сохранить традиции, оградить от чрезмерного проникновения в их уклад жизни других сословий, особенно из числа пришлых, иногородних. В определённой мере это сказывалось и на казачьей семье. Например, считалось «плохим тоном» казаку брать в жены девушку «не казачьих кровей». Детей воспитывали в уважении к казачьим традициям, к нелегкой казачьей службе, сборам, походам.

Следовательно, на образе семейной, повседневной жизни казачества сказывалось сочетание двух главных посылов его сословного характера – приверженность к труду и служилому долгу. В основной своей массе казаки были труженики и патриоты Отечества. Традиции, нравы их семейной жизни формировались с учетом особого свободолюбия, казачьей вольницы. Применительно к казачкам проявлялось это в их повышенной ответственности не только за повседневный семейный быт, но и за безопасность семьи (при нередком отсутствии мужа).

Казачьей семье было свойственно соблюдение сословного статуса и традиций. Эта особенность отличала казачество независимо от возраста, пола и имущественного состояния.

Примечания

1. Губарев Г.В. Книга о казаках. Париж: Изд-во газеты «Казак», 1957. 332 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/publ_2087.html (дата обращения: 17.12.2018).
2. Ситников Александр. Золотые правила казачьей семьи, 1 марта 2016 г. URL: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/2990273.html> (дата обращения: 11.12.2018).
3. Отчёт Нижнекундрюческого Приходского попечительства Донской епархии за 1867 год // Донские епархиальные ведомости. 1869. № 6. С. 101–102; Фёдорова Н.В. Социальное служение церковных приходов Донской епархии в сфере благотворительности и здравоохранения в 60–70-е годы XIX века / ФГБЩУ ВО РГУПС. Ростов н/Д, 2017. С. 79.
4. Рапорт Цимлянского благочинного Цимлянской станицы Николаевской церкви священника Андрея Соболева от 17 января 1874 года, № 44 // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 2. Д. 6581. Л. 38 об. 39; Фёдорова Н.В. Социальное служение церковных приходов Донской епархии в сфере благотворительности и здравоохранения в 60–70-е годы XIX века / ФГБЩУ ВО РГУПС. Ростов н/Д, 2017. С. 45.
5. Обучение грамоте кубанских казаков. Разные известия и сообщения // Русская школа: общепедагогический журнал для школы. 1895. № 7–8. С. 393.
6. Лукьяшко Е.П. Общество донских торговых казаков. Донской временник (альманах). Краеведение Ростовской области. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m12/0/art.aspx?art_id=188 (дата обращения: 17.12.2018).
7. Богаевский В.С. Историческая записка о городе Новочеркаске и его управлении. Новочеркасск: Обл. Донского войска тип., 1895 (1901). С. 51.
8. Молчанов П.И., Репников И.Г. Новочеркасск: Историко-краеведческий очерк. Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1985. С. 25.

А.В. Фролова

**МОЛОДЕЖНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ИГРЫ
УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ В 1920–1930-е гг.²**

В начале XX в. уральские казаки составляли около 24 % населения Уральской области и играли достаточно важную роль в ее экономической жизни. Известная

² В статье использованы материалы полевых исследований, проводившихся в 2002–2006 гг. сотрудниками Российского этнографического музея (РЭМ) и Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (ОГИКМ) в селах потомков уральских казаков: Студеное, Мухраново, Затонное Илекского р-на; Иртеки, Кинделя, Бородинск, Болдырево Ташлинского р-на; Соболево, Сергиевка, Мирошкино и пос. Революционный Первомайского р-на. Поселения уральских казаков растянулись по юго-западной части современной Оренбургской области (Илекский, Ташлинский, Первомайский р-ны), которые ранее в военно-административном отношении относились к Первому военному отделу Уральского казачьего войска, а в административном с 1868 по 1920 г. входили в состав Уральской области.

социальная обособленность и замкнутость уральских казаков сформировала самобытность их самосознания, общественно-хозяйственного уклада. Своеобразная культура уральских казаков благодаря своей замкнутости сохранила много архаических черт [1]. Немаловажную роль играло и то, что в большинстве своем они исповедовали старообрядчество разных направлений. Уральские казаки рассматривали его как свою казачью веру и отступление от нее считали грехом.

Календарные праздники у уральцев обладали неповторимым колоритом. К концу XIX в. многие обрядовые составляющие календаря уже утратили свое значение и рассматривались лишь как развлечения.

Так, на Масленицу строили снежные городки, надевали «харюшки» – войлочные маски, рядились стариком и старухой, катались на лошадях и собаках. Сооружали «корабль», на мачте которого укреплялось чучело Масленицы, а на борту размещались ряженые и музыканты. Устраивали и другое масленичное развлечение – «рыбачьи челны». Двое ряженых ехали в старых лодках, привязанных к лошадиным хвостам, и разбрасывали сети, в которых барахтался «горбатый паяц», изображавший осетра. На Пасху любимой игрой было катание яиц – их катили по кошме. В Троицу – 50-й день по Пасхе – дома украшали зеленью, полы устилали травой. Как вспоминали старожилы, на весенние и летние праздники молодежь водила хороводы на улице под местные плясовые: «Скажем, лошади готовы», «Ой, барыня, гулять хочет». У уральцев бытовали и общерусские плясовые, такие как «Во лузях», «Во кузнице», «Уж вы, сени мои, сени».

Летом собирались на улице в центре села или на окраине. Место для гуляния обычно обустраивали так: делали площадку для танцев, ставили скамейки (лавки) или просто стаскивали бревна. В Илекском р-не такую площадку называли «тачок». Иногда молодежь выходила за пределы поселения: на берег реки или в луга. Здесь водили хороводы, плясали, танцевали, играли, пели песни.

Летом, помимо простых прятков («кулюковок», как называли их уральцы) играли в лапту, в мяч, третий лишний, «косой клин». Особой популярностью пользовалась лапта. По воспоминаниям старожиллов, было очень много игравших и еще больше зрителей. Играли даже женщины: «И ребята, и девчата, и молодые, и старые – всякие играли» [2, с.]. Сами изготавливали мячи, палки-панки для нее, причем и круглые и плоские. Мячи скатывали из шерсти коров или сшивали из тряпок, сверху обшивали твердой тканью. Играли двумя группам из 5 человек.

У уральских казаков молодежные посиделочные игры проходили в более усеченном виде, по сравнению с общерусской традицией, в которой эти игры начинались с Покрова (14 октября) и продолжались весь зимне-весенний период, до Пасхи. Запреты на проведение посиделок касались в основном постов (особенно Великого поста) и канунов праздничных дней. В пост молодежи запрещали и петь. Строгие правила распространялись и на первый день Пасхи. Родители ругали своих детей: «Христа мучают, а вы пойдете развлекаться!» [2, с. 44].

Молодежь могла свободно собираться на посиделки или вечерки зимой, в святочный и масленичный периоды. По строгим правилам, бытовавшим среди уральских казаков, девушке полагалось ходить на посиделки только в сопровождении

взрослого члена семьи, как правило женщины, например жены брата. Как вспоминали старожилы, «девку одну на посиделках не оставляли».

На вечерки собирались в домах или даже в отдельных больших комнатах, о чем предварительно договаривались с хозяевами. Играли на балалайках, гармошках, у состоятельных были гитары или мандолины, а те, что попроще и «под язык» сами себе мелодию напевали «тра-ля-ля-ля» и шли танцевать. Местные частушки-«припевки» обычно исполнялись под пляску [2, с. 56]:

*Пели песню до конца,
Нам по рюмочке винца,
Кому рюмочку, кому кусок,
Кому фигу под носок.
Где-то, где-то заиграли,
где-то затальянили.
Мою милочку женили,
Все стулья позаняли.*

Плясали парные танцы: «полечку», «краковяк», «подыспань», вальс, «подгоры». «Цыганочку», «барыню» выплясывали по одному и особым манером: выходили на середину, танцевали несколько фигур, а затем поворачивались к выбранным парню или девушке, сидящим на лавке. Подходили в пляске, кланялись и демонстративно топали ногой – приглашали.

На вечерках играли в «кольцо на лицо», «в ремень», «жмурки» (завязывали глаза девушке или парню и с удовольствием бегали, ловили друг друга).

В 1920-е гг. была очень популярна посиделочная игра «почта». Для нее все рассаживались по скамейкам, писали записки, выбирали бойкую девушку-почтальонку, чтобы записочки всем доставляла. Парень-кавалер мог написать девушке: «Будешь со мной дружить или не будешь?» или «Я хочу с тобой познакомиться». Почтальонка ходила между играющими и разносила эти записки со словами: «Вот тебе записка от такого-то» и забирала ответы. Многие играли еще проще: разделялись по номерам и парни писали письма девушкам, которые им нравились [2, с. 44].

Когда играли в «гольцо на лицо», также все рассаживались по лавкам. Парни и девушки клали руки на колени и складывали ладони вместе в лодочку. У водящего было кольцо в руках. Он также складывал ладони лодочкой и укладывал колечко внутрь таким образом, чтобы его было легко и незаметно вложить в ладони избранника. Затем водящий обходил всех играющих и оставлял кому-то колечко. После этого отходил на середину и выкрикивал: «Кольцо выйди на лицо!» У кого оказывалось колечко, выходил и при этом еще и исполнял припевку или должен был станцевать:

*Подарил мне мил колечко
Из чистого серебра.
И сказал круто словечко:
Через год будешь моя!
Колечко с печаточкой,
Маякнул с берчаточкой.*

Была и поцелуйная игра, в нее играли только парами – называлась она в «фан-тик» играть [2, с. 56].

Затем молодежь загадывала друг другу загадки:

Срость (сквозь) потолок черт кишку проволоку (труба);

Если б не бабкина мохнушка, замерзла б дедова толкушка (рукавица и рука);

Черный кот Матрѐнки трет, / Матренка схохочет – еще хочет (помазок и сковородка).

Все смеялись и подтрунивали над недогадливыми.

Непременно на гуляньях случались драки. «Уральцы, казаки такие самолюбивые, да гордые, обязательно на гулянье им себя показать нужно было: кто мы!»

Казаки не простаки.

Вольные ребята,

На них шапки-тумаки.

Все живут богато.

Участвовали в драках и взрослые казаки. «На все большие праздники: Рождество, Масленицу, Троицу, Казанскую обязательно выходил на борьбу весь казачий род от малых до старых. Концы сел друг на друга, улица на улицу».

Старшие казаки предпочитали дракам борьбу «под кушак». Это единоборство так называлось из-за пояса-кушака. Его туго завязывали на талии борцов, за него хватались и боролись, стараясь повалить соперника на землю. Еще боролись «по линейке», это когда ряд казаков шел на другой ряд.

Более популярными были ‘кулачки’, ‘кулацкий бой’ – кулачные бои. Начинали, как правило, «пацаны-малолетки, а потом парни, да молодые женатые мужики и так до стариков бородачей доходило. Но боролись молодежь с молодежью, а взрослые между собой».

Парни объединялись в «кучи» и выбирали «атаманов». Часто на кулаках дрались только атаманы. Перед боем обязательно задирались, обзывались: вы – кацапы, – те в ответ: А вы – хохлы! Пели припевки, петушились:

На мосту случилась драка,

Бьют товарища мово,

Вынимаю два кинжала,

Заступаюсь за нево

Один кинжал будет резать,

А другой будет рубить.

Два кинжала не помогут,

Из нагана буду бить.

В некоторых селах боролись на специальных площадках – на ‘ростошах’. Причем несколько сел устраивали состязания попеременно, и с разных его сторон. Драку останавливали старшие, они же и следили за соблюдением общепринятых правил. Дрались до первой крови или когда кто-то побежит с поля боя.

К 1930-м гг. традиции менялись – молодежь встречалась в клубах, даже во время поста: веселилась, танцевала, играла в карты. Однако еще на протяжении целого поколения юноши и девушки, наряду с хождениями в клуб, собирались

и на традиционные посиделки (вечёрки), и традиционные пляски и игры соотносились с посиделочными собраниями, а более современные танцы с клубным времяпрепровождением.

Примечания

1. Фролова А.В. Уральское казачество (краткий историко-этнографический очерк) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 37–49.

2. Материалы по этнографии. Т. V. Обряды жизненного цикла русского населения Оренбуржья. (Материалы полевых исследований 2002–2006 гг.). СПб., 2013.

Д.В. Филипчук

КАЗАЧЬЯ ТРАГЕДИЯ XX В. НА СТРАНИЦАХ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЫ (1920–1980-е гг.)

Верность традициям предков всегда была отличительной чертой российского казачества. Особенно она проявилась в XX в., когда казаки искусственно были поставлены в условия, при которых не только связь между поколениями, но и само существование казачества оказалось под угрозой.

В условиях развернувшейся после переворота 1917 г. и Гражданской войны казачество стало самой непримиримой частью противников новой власти. Насчитывающее на конец 1917 г. около 4,5 млн чел. (2,4 % от всего населения страны) оно в большинстве своём поддержало Белое движение. По разным оценкам, против Красной армии выступили около 60–80 % казаков. Всё это привело к тому, что казачество вызвало резко негативное отношение к себе не только со стороны большевиков и их лидеров, но и со стороны основной массы простого населения, по разным причинам поддержавшего советскую власть.

После поражения Белого движения в Гражданской войне довольно значительная часть казачества предпочла тяготы и лишения эмиграции компромиссу и сотрудничеству с большевиками. Попав в чужую среду, казаки-эмигранты стремились к сохранению своей культуры, обычаев и традиций. Особенно это было характерно для донцов и кубанцев, которые на чужбине бережно хранили реликвии и регалии своих предков. Наиболее показательным примером казачьей жизни за рубежом стали казачьи станицы в Болгарии, правительство которой разрешило въезд в страну 14 тысячам казаков. Большое количество казаков нашли прибежище в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (впоследствии – Королевство Югославия)

В условиях эмиграции проявились такие качества казаков, как взаимная поддержка, способность выстоять в любых экстремальных условиях. Во Франции, Чехословакии, Китае и других центрах казачьего рассеяния создавались и действовали казачьи станицы и союзы, благотворительные и студенческие организации и объединения.

Важную роль в деле сохранения традиций и исторического наследия казачества играли казачьи газеты и журналы. Они содержат колоссальный фактический материал, к которому, однако, ввиду некоторой его тенденциозности, следует относиться критически.

В увидевшем свет в ноябре 1931 г. первом номере журнала «Станица» – органе Парижской студенческой казачьей станицы было опубликовано обращение старейшего на тот момент терского казака-эмигранта, генерала от кавалерии Н.Н. Баратова: «Нет большей радости для старого казачьего сердца, как видеть, что новые поколения казаков, идущих на смену старым казакам, являются в своей жизни и работе не только носителями славы своих дедов и отцов, но и их продолжателями. И так оно и должно идти из рода в род, в каждой семье, в каждой станице и хуторе, в каждом конном полку, пластунском батальоне (у кубанцев) и батарее» [1, с. 5].

Материалы, опубликованные в газетах и журналах, издававшихся в Париже и Берлине, Белграде, Праге и Брюсселе, Софии и Харбине, содержат обширную информацию о жизни казачьей эмиграции, деятельности различных организаций. Среди изданий, выходивших в тот период, особо выделялись «Вестник Казачьего союза» (издание правления Казачьего союза в Париже, 1925–1928 гг.), «Вольное казачество», «Ковыльные волны», «Казачий голос» (орган независимой казачьей мысли, издание самостийников, Париж, 1937–1939 гг.).

На Дальнем Востоке казаки попали в совершенно чуждую культурную среду. Чужие язык, религия и культура Манчжурии и Китая требовали от них предельной концентрации и стремления к объединению. В Харбине, ставшем на долгие годы центром российской эмиграции в этом регионе, создается Союз казаков на Дальнем Востоке, органом которого стал журнал «Зов казака». Подобно периодическим изданиям, выходящим в странах Европы, этот журнал становится средством пропаганды казачьих традиций и казачьей самобытности: «В казачестве, как в более волевом элементе, в сравнении с русской массой, жизненные соки были и есть настолько сильны и импульсивны, что какие бы испытания не выпадали на его долю, оно в конечном счёте выходило из них с честью, сопровождаемой тем или иным успехом» [2, с. 2].

На страницах казачьей периодики регулярно публиковались художественные произведения П. Краснова, Ф. Крюкова, Н. Туроверова и менее известных авторов. Пристально следили эмигранты за отражением казачьей темы в советской литературе. Так уже упоминавшаяся нами «Станица» в одном из своих номеров опубликовала одобрительный отзыв о первой части романа М.А. Шолохова «Поднятая целина»: «Отличное знание образного казачьего говора, описание типов хуторян, мелочи их трудового дня дома и в поле, их прибаутки и остроты заставляют чита-

ющего этот роман казака вспомнить полузабытые за долгие годы изгнания подробности в языке, быте и природе далекого, но близкого нашим сердцам родимого края» [3, с. 9].

На страницах казачьих газет и журналов регулярно публиковались материалы, рассказывающие о жизни в СССР, в том числе о голоде начала 1930-х гг., коллективизации, репрессиях советской власти по отношению к недовольным. События, происходившие на Родине, ставшей в одночасье враждебной и далекой, болью отзывались в сердцах казаков: «Всё на том ли памятном мне косогоре группируются твои соломенные, чаконовые (под корешок), деревянные (под тёс), железные (под жель) крыши? Живы ли в нем светящиеся своей чистотой белые церкви, из которых одна смотрит на зеленое, полное пернатыми, озеро, а другая – на его темные сады? Так же широки и тихи улицы моего хутора и всё так же они его связывают с соседними хуторами и с “городскими” – станицей?» [4, с. 11]. У многих в Советском Союзе оставались родные и близкие, поставленные перед необходимостью жестокого выбора: искать пути побега из страны, уйти в подполье, занять выжидательную позицию либо сдаться на милость советскому победителю.

Осознавая внутреннюю силу казачества, советское руководство пошло на значительные уступки: казакам было разрешено вновь служить в армии, создавать небольшие казачьи части, носить элементы казачьей формы. В то же время говорить о «значительной нивелировке между казаками и другими группами населения», что допускают некоторые исследователи [5, с. 56], на наш взгляд, некорректно.

Постепенно в казачьей эмигрантской среде сформировались три политических направления, объединённых желанием поражения Советского Союза в грядущей войне и верой в освободительную миссию гитлеровского рейха в походе на Восток, готовностью участвовать в войне с оружием в руках на стороне Германии.

Споры возникали относительно будущего государственного устройства, места и роли казачьих земель в составе Российского государства. Сформировались движения т.н. «едино-неделимцев», главным образом из числа военной эмиграции, выступавших за единую Россию (сторонники П.Н. Врангеля и П.Н. Краснова) и «умеренных федералистов», к которым примкнули представители Донского, Кубанского, Терского и Астраханского войск за границей.

Постепенно значительный вес в эмигрантской среде стало набирать движение сторонников идеи отделения казачьих земель от России и создания Казакии – самостоятельного государства. Один из лидеров «самостийников» генерал И.Ф. Быкадоров так сформулировал идеи этого движения: «Только казачество может быть кузнецом своего счастья. Только в самостоятельном государственном бытии (суверенного государства или государств) казачество может осуществлять высшее благо – развитие, духовное и культурное, равноправное сожителство населения своих краев, как самостоятельного государства или государств, а отсюда и воля к тому – первый и главный этап к осуществлению» [6, с. 3].

Идею казачьей независимости отстаивали представители калмыцкой диаспоры в Чехословакии, которые видели будущее своего народа в качестве автономии в составе Казаккии. Калмыцкая организация «Хальмак Тангин Тук» работала в контакте с «Союзом казаков-националистов». Во Франции издавался калмыцко-казачий журнал «Ковыльные волны». Один из лидеров казаков-калмыков Шалма Балинов так сформулировал выбор «самостийников» в грядущем противостоянии с Советами: «Кзаки-националисты давно на эти вопросы имеют свой ответ: всегда и при всех случаях быть с теми, кто против Коминтерна, против большевиков, против марксизма, идти единым фронтом с угнетенными народами, в братском союзе с ними добиваться освобождения и возрождения казачества» [7, с. 14–15].

Гражданская война, в новых условиях, с новым оружием, стала суровой действительностью. Казачество вновь оказалось искусственно разделенным. Впервые лицом к лицу встретились казаки-эмигранты и казаки, почти двадцать лет вынужденные жить не по казачьим обычаям. Суровая, трагическая реальность: многие казаки добровольно пошли на службу к немцам, видя в них единственную возможность спасения от колхозно-большевистского рабства.

В годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. в пропагандистских целях казачья эмиграция продолжила выпуск журналов и газет разной политической направленности: «На казачьем посту» (журнал-официоз главного Управления казачьих войск, Берлин, 1943–1945 гг.); «Казачьи ведомости» (журнал, официальный орган Казачьего управления Дона, Кубани и Терека, Берлин, 1943–1945 гг.); «Казачий вестник» (журнал Казачьего национально-освободительного движения, Прага, 1941–1944 гг.); «Казачья лава» (центральная общеказачья еженедельная газета, печатный орган Главного Управления казачьих войск, Берлин, 1943–1945 гг.). В этих изданиях помещались аналитические обзоры политических и военных событий в мире, велись дискуссии о путях развития казачества, печатались различные художественные произведения казачьих авторов, публиковались приказы и воззвания, отчёты о важнейших событиях и мероприятиях, о деятельности казачьих атаманов, пространные отчёты о жизни оставшихся в СССР казаков.

В журнале «На казачьем посту» большой популярностью пользовались у читателей очерки П.Н. Краснова «Исторические очерки Дона», а также «Беседы старого казака с молодым». На страницах этого пропагандистского издания находилось место для воспоминаний бывших «подсоветских» казаков о своей жизни в СССР [8, с. 14–15], рассказывалось об отличившихся в боях с большевиками. Едко высмеивались казачьи формирования Красной армии, по мнению авторов, ничего общего не имеющие с казачеством [9, с. 15]. Следуя в фарватере гитлеровской пропагандистской машины, журнал регулярно предлагал читателю материалы об обмане казачества «жидо-большевистской» властью [10, с. 3–4; 11, 15–16].

Материалы о казачьей истории и о жизни казаков в эмиграции публиковались во многих европейских газетах – «Слово» (София, Болгария), «EstiHisag» (Венгрия), «Slovac» и «Gardista» (Словакия).

Кроме того, специальные печатные издания (небольшие газеты и боевые листки) издавались во всех крупных казачьих формированиях на Восточном фронте:

«Казак» (еженедельная газета при штабе Походного атамана С.В. Павлова, июль 1943 – октябрь 1944 г.); «Казачья земля» (газета Штаба походного атамана казачьих войск Т. Доманова, Толмеццо (Италия), 1944–1945 гг.); «Казачий клич» (еженедельная газета при штабе 1-й казачьей дивизии. 1943–1945 гг.); «Казачий листок» (печатный орган атамана П.Н. Краснова, Северная Италия, 1944 г.); «Казачий клинок» (еженедельная газета для казаков Дона, Кубани, Терека и горцев Кавказа, Краснодар – Симферополь, Украина, 1943–1944 гг.).

Большевики рассматривали казаков как самых опасных для себя врагов, всячески компрометировали их, добиваясь от англичан и американцев поголовной их выдачи в рамках секретных ялтинских соглашений.

В течение 1945–1947 гг. большинство казаков, находившихся на территории европейских стран, были насильно выданы Советскому Союзу. Символом трагедии стали события конца мая – начала июня 1945 г. в окрестностях австрийского города Лиенца.

Сведения о бессудной расправе над казаками и членами их семей, среди которых большинство были старики, женщины и дети, первым стал собирать и публиковать в прессе Генерального штаба генерал-майор В.Г. Науменко. В течение 15 лет им были подготовлены периодические «Сборники о насильственных выдачах казаков в Лиенце и других местах». Благодаря подвижничеству одного человека была пробита брешь в завесе лжи, а материалы сборников до сих пор являются важнейшим источником по истории участия казачества во Второй мировой войне.

Расширение советского влияния в послевоенной Европе, угроза новых выдач Советам вынудили перенести центр казачьего зарубежья за океан, в США, Канаду, страны Латинской Америки. Кроме того, публикации о казаках и казачьем коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны имелись в большинстве послевоенных эмигрантских газет и журналов. Среди них стоит выделить журналы «Родимый край», «Наши вести», на страницах которых публиковались материалы о казаках, служивших в Русском охранном корпусе на Балканах, а также «Часовой», где в начале 1950-х гг. развернулась оживленная дискуссия, посвященная проблемам внутриказачьего эмигрантского движения в конце войны.

Реалии холодной войны, противостояния между СССР и США, вновь остро поставили вопрос о позиции зарубежного казачества относительно текущего момента и места казачества в постсоветской России. Публикации на казачью тематику стали появляться на страницах газет и журналов во всех точках земного шара.

«Итак ... если завтра война ... то война не на жизнь, а на смерть ... при этом, вне сомнения, победит мир современного, модернизированного капитала с его свободой, личной инициативой, высокой производительностью, подчинённым отношением к государству и общественному мнению. А рабовладельческой звериной диктатуре – коммунистической партии, ныне стремящейся захватить весь мир, суждено будет погибнуть под обломками ими же вызванной войны.

Бесконечно больно за страдания всех народностей великой России, но история учит, что преступные политические партии “уходят от власти” только по причине народной революции, которая в свою очередь чаще всего возникает в результате непопулярной, безнадежной войны и нестерпимых условий жизни» [12, с. 5].

Сейчас казачество переживает новый этап в своей истории. Силами интузиастов, восстанавливаются разорванные связи между поколениями. Идёт очень сложный процесс преодоления состояния гражданской войны в душах и сердцах казаков, когда-то вынужденных с оружием в руках отстаивать свои идеалы по разные стороны линии фронта. Возвращаются на Родину регалии предков и реликвии казачьих войск, возвращаются забытые имена. Становятся доступными как для профессионалов, так и для всех интересующихся великой и трагической историей казачества периодические издания, мемуарные и литературные произведения казачьей эмиграции. Всё это вселяет надежду на то, что новые поколения российских казаков гордо будут нести честь и славу своих предков.

Примечания

1. Баратов Н.Н. Привет старейшего терского казака общеказачьей студенческой станице в Париже // Станица. Орган Парижской студенческой казачьей станицы (Париж). № 1, ноябрь. 1931.
2. Зуев Г.М. Общевоинской праздник енисейских казаков // Зов казака. Издание штаба казаков на Дальнем Востоке (г. Харбин). 1938.
3. Гусев П. Советская литература о казачестве // Станица. Орган Парижской студенческой казачьей станицы (Париж). № 3, ноябрь. 1932.
4. Елисеев В. Засмеюсь ли? // Вольный Дон (София) № 3. 1938.
5. Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–1990 гг.). М., 2000.
6. Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества // Дон. № 1/2. 1992. Ростов н/Д, 1992. С. 94–104.
7. Балинов Ш. К казакам. Русское «оборончество» и казачье «пораженчество». Ковыльные волны. Париж, 1936.
8. Пять месяцев в подвалах НКВД. Из воспоминаний кубанского казака // На казачьем посту. № 31. 1944. 16 с.
9. Моня-«казак» // На казачьем посту. № 19. 1944. 16 с.
10. Пугачёв Н. Змеи меняют кожу // На казачьем посту. № 20. 1944. 16 с.
11. Он ещё пригодится // На казачьем посту. № 22. 1944. 16 с.
12. Ильнев В. Если завтра война... // Общеказачий журнал (США). № 3. 1947.

М.А. Рыблова

ДОСУГ И ПРАЗДНИК НА ДОНУ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ¹

В первой трети XX в. традиционная культура донских казаков подвергалась жестким ломкам и трансформациям. В послевоенное время эти процессы замедлились, но не прекратились. Вместе с тем даже в недолгий период времени (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.) шел процесс именно трансформационный, а отнюдь не эволюционный. Многие культурные формы, вытеснявшиеся из повседневных общественных практик, находили новые ниши и оставались востребованными; многие из них видоизменялись, приспособляясь к новым условиям, но продолжали выполнять прежние функции. Череду подъемов и кризисов переживали и новые (социалистические) праздники и формы досуга, активно внедрявшиеся в повседневную жизнь донских казаков официальными структурами.

Выяснить в самом общем виде основные тенденции и направления развития сферы досуга и праздника в повседневности донских поселений послевоенного времени – основная задача статьи. Для решения этой задачи автором использовались полевые материалы, собранные в экспедициях 2008–2012 гг. и отражающие взгляд носителей трансформирующейся традиции, а также данные газетной периодики, как правило, игнорировавшие «низовую культуру» и отмечавшие исключительно достижения «соцкультбыта».

Послевоенное время на Дону, как и во всей стране, было отмечено трудностями восстановительного периода и вместе с тем – необыкновенным подъемом, оживлением общественной и культурной жизни. Эти процессы развивались в двух основных плоскостях: официальной (связанной с активизацией государственных структур) и «низовой» (собственно народной). Деятельность первых была направлена на дальнейшее вытеснение традиционных способов организации досуга сельского населения и внедрение новых (советских) праздников и форм отдыха. Главным объектом и участником этого процесса стала молодежь, те, кто родился уже в советское время и не был связан непосредственно с казачьими традициями. Стоит специально оговориться, что в 1940-х гг. не было какого-либо официального запрета на пропаганду казачьих народных традиций, однако сельская молодежь в большинстве своем выбирала новые веяния в культуре.

Наблюдалась значительная активность в этой сфере молодых и среднего возраста женщин, позволяющая говорить об общей феминизации культурно-досуговой жизни на селе, о вытеснении мужских ролей и статусов женщинами. Связано это было как с направленной деятельностью государственных учреждений соцкультбыта, так и с массовой гибелью мужчин на минувшей войне.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2019 г., № госрегистрации 01201354248.

В послевоенное время продолжалась электрификация станиц и хуторов, открывались новые клубы, активно работали «кинопередвижки», агитбригады. В это время уже по отлаженной схеме в районных центрах и на местах проводились так называемые «государственные» праздники: Великой Октябрьской социалистической революции, День Советской армии и Военно-морского флота, Первое мая и др. И если в довоенное время еще нередкими были случаи, когда в новые праздники включались элементы традиционной праздничной культуры казаков, то после войны схема советских праздников была унифицирована в соответствии с новой идеологией. Она включала в себя подготовку докладов в честь той или иной праздничной даты сотрудниками районных комитетов партии; чтение этих докладов на предприятиях, в колхозах и МТС района. После чтения докладов обычно проходил концерт художественной самодеятельности с песнями, танцами, физкультурными номерами, иногда – со сценическими постановками [1; 2; 3].

В сфере народного праздника, который продолжал сохраняться, официальные власти главные усилия направляли на борьбу с христианскими традициями. Особенно явно эти тенденции станут проявляться в период хрущевской антирелигиозной кампании. Не случайно, что из всех народных праздников дореволюционного времени советской праздничной культурой был востребован лишь один – Масленица, имеющий языческие корни и идущий вразрез с традициями православия (приходился на время подготовки к Великому посту). Показательно и то, что внедряемый на местах унифицированный сценарий Масленицы был связан не с казачьей, а с общерусской традицией.

Большую роль в деградации народных традиций сыграла активная антирелигиозная пропаганда 1950-х гг. Послабления в религиозной сфере со стороны властей в годы войны (с 1943 г.) были свёрнуты [4, с. 26–28]. Так, в конце 1950-х гг. были закрыты почти все действовавшие церкви, уничтожались «святые источники», места явленных икон и другие объекты народного православия; велась борьба с традицией празднования престольных праздников. Исключение из праздничной культуры элементов былой сословности (связанной с казаками-мужчинами и военной службой), а также яростная борьба властей с христианскими традициями способствовали тому, что молодежь послевоенного времени утрачивала собственно казачью идентичность, так как именно сословность и православие были основными факторами формирования и сохранения казачьей самобытности.

С начала 1950-х гг. в социокультурном пространстве казачьих поселений, связанном с официальными учреждениями, стали появляться новые тенденции, нашедшие отражение в донской периодике. В это время на страницах районных газет появляется масса критических заметок и статей по поводу работы учреждений «соцкультбыта». И простые граждане, и официальные лица жаловались на неудовлетворительную работу сельских клубов, изб-читален, в целом – на плохое культурное обслуживание населения [5; 6; 7]. Это явление стало прямым следствием процесса отчуждения граждан от культурного созидания, превращения их в простых потребителей сферы «культурного обслуживания». Критика в адрес учреждений соцкультбыта отражала отнюдь не социальную активность граждан, а напро-

тив – всё возрастающую социальную апатию: неспособность к самостоятельному разрешению простейших жизненных ситуаций, к налаживанию собственной досуговой сферы жизни и пр. Во всех подобных случаях авторы жалоб апеллировали к вышестоящим органам власти, даже если речь шла о чьем-то хамстве, грязи в избе-читальне или нежелании молодежи участвовать в кружках. Те проблемы социальной и культурной жизни, которые раньше (в дореволюционное время) успешно разрешались в рамках традиционной казачьей общины, теперь были частично или полностью возложены на официальные органы. Однако «низовая культура» в послевоенное время не только не была уничтожена полностью, но и в определенном смысле переживала некое возрождение.

Ещё в довоенное время (со второй половины 1930-х гг.) религиозные праздники в казачьих поселениях стали отмечаться лишь в кругу семьи. После разрушения церквей и гонений на священников функции сохранения христианских традиций взяли на себя пожилые люди. Особенно твердо и неукоснительно сохранялись религиозные традиции у казаков-старообрядцев. Повсеместно в домах старых казаков и казачек (несмотря на возможность репрессий) продолжали собираться верующие, отмечались религиозные праздники, сохранялись предметы культа [8]. Именно старые казачки взяли на себя функцию сохранения традиции и трансляции ее подрастающему поколению [9].

Дальнейшее развитие социалистических форм культуры и быта сопровождалось повсеместным вытеснением в приватную и семейную зоны традиционных культурных форм. От развернутых празднований важнейших дат традиционного календаря к этому времени оставались лишь небольшие фрагменты. Их соблюдали также преимущественно пожилые люди, сумевшие, однако, передать остатки традиции своим внукам. Так, функция традиционных праздничных обходов дворов, лежавшая ранее в первую очередь на мужских группах, окончательно перешла к женщинам и детям. При этом связанные с ними представления (о разделе общинной доли, об обеспечении благополучия общины и семьи и пр.) были утрачены. Большинство наших информантов 1930-х гг. рождения говорили о том, что в их домах именно бабушки сохраняли иконы, читали молитвы перед семейными трапезами. Рассказывали они и о том, как приходилось им скрывать факты участия в религиозных акциях от учителей и одноклассников.

На фоне антирелигиозной политики происходила деформация еще соблюдающихся религиозных практик. Закрытие и уничтожение церквей в сочетании с сохраняющейся еще в народе потребностью соблюдения памяти об умерших привели к тому, что такой элемент большинства христианских праздников, как поминовение, был перенесен на территории кладбищ. Крупнейшие православные праздники (Пасха, Красная горка, Радоница, Троица), организуемые самими жителями поселений (без участия священников), постепенно стали превращаться в подобие языческих тризн (с трапезами на могилах, в более позднее время – с алкоголем). «Обмирщались» и престольные праздники, которые нередко проводились там, где уже не было церквей, и на которые, тем не менее, съезжались сотни жителей соседних поселений [10].

Очень долго держалась на Дону и традиция организации «трóичных ссыпок», уже отчужденных от христианского праздника, но еще связанных непосредственно с общинным укладом жизни казаков. В послевоенное время прочно сохранились и унаследованные от общинного прошлого традиции так называемых «помочей» (коллективных работ), которые проходили по схеме праздничного обряда (с молитвой, обязательным застольем, танцами и пр.).

Вместе с тем в народной среде в это время наблюдалась и тенденция «оказывания» некоторых советских официальных праздников. Речь идет о попытках соединения новых праздничных и досуговых форм со старыми. Так, первомайские гуляния нередко проходили на природе («хождения в зеленя́», «в сосны»), с приготовлением ухи, складчиной и прочими традиционными элементами. Некоторые сельские праздники сопровождалась традиционными скачками.

По-прежнему в станицах и хуторах сохранялась традиция осенне-зимних молодежных посиделок, во многих местах – весенне-летних игрищ и хороводов. Зимние посиделки с традиционными «запряжками» проводились как в жилых домах, так и в избах-читальнях или клубах; в последнем случае им сопутствовали репетиции художественной самодеятельности. Молодежь тянулась к новым песням: особенно популярными были песни военных лет, вытеснявшие старинные казачьи.

Как и в дореволюционное время в казачьих поселениях продолжали существовать народные хоры, однако сама традиционная форма народного хорового творчества в эти годы претерпевала изменения. Во многих станицах и хуторах мужчин после войны было так мало, что основная роль в передаче песенной традиции легла на плечи женщин. Мужской казачий репертуар по-прежнему являлся основой деятельности хоров, состоящих преимущественно из женщин, пополняясь обрядовыми свадебными и хороводными песнями, поздней городской лирикой.

1950-е годы стали временем бурного возрождения свадебной обрядности, практически сошедшей на нет в 1930-е гг. Появлялись в ритуале и новые элементы: наряду со старинными казачьими, звучали современные песни под аккомпанемент гармошки или баяна; брачный поезд выезжал на грузовой машине и пр. Наши информанты подчеркивали, что главными радателями соблюдения старинных норм проведения обряда были по-прежнему пожилые женщины.

С середины 1950-х гг. стали развернуто (хотя далеко не так, как в дореволюционное время) провожать на службу призывников. Наблюдалось соединение прежних казачьих традиций с инновациями советского времени: торжественная часть в клубе и дальнейшая канва проводов по традиции. Так, в станице Тишанской после домашнего застолья и благословения родственники и сами призывники отправлялись на гору, где продолжались гуляния с песнями и угощениями на расстеленных на земле клеенках. Как и в старину, одностаничники собирали для призывника деньги. Призывник ходил на кладбище (расположенное на вершине горы), прощаться с умершими родственниками. На горе старики-родители стреляли из ружей [9].

В целом 1940–1950-е годы характеризовались дальнейшим вытеснением из казачьего быта традиционных организационных и культурных форм, домини-

рованием новых («государственных») праздников и нарастающим отчуждением граждан от процесса культурного созидания и творчества. По-прежнему «дву-составными» в это время были и «государственные» праздничные дни: 8 марта, 7 ноября, 1 мая. Однако включение в состав так называемых «государственных» праздников некоторых традиционных праздничных элементов не придавало им вида и характера прежних традиционных ритуалов. Попытки наполнить новые ритуалы неким смыслом были ограничены коммунистической идеологией и поэтому не могли придать им тот глубинный и многозначный смысл, которым обладали прежние (традиционные) праздничные ритуалы, регулировавшие сложные отношения как внутри общины, так и между двумя мирами – живых и умерших, людей и природы.

К 1950-м гг. в стране окончательно сформировалось понятие праздника как торжества социалистического труда. Поскольку, согласно официальной идеологии, главным делом каждого советского человека признавался труд на благо социалистической родины, то организацией его отдыха и праздника должны были заниматься специальные органы и учреждения так называемого соцкультбыта. Так, праздники для народа фактически пришли на смену собственно народным праздникам.

Однако вытесненная в приватную или маргинальную сферу общественной жизни народная традиционная культура не исчезла. Она трансформировалась, обмирщалась, редуцировалась, но сохранялась представителями старшего поколения и передавалась тем, кто не боялся неприятностей со стороны официальных структур и готовил почву для будущего интереса (уже своих детей) к культуре предков.

Примечания

1. Завтра Международный женский день // Колхозный Дон. 1946. № 25.
2. Накануне 21 годовщины со дня смерти В.И. Ленина // Колхозный Дон. 1945. № 5.
3. Торжественное заседание, посвященное Дню 1 мая // Колхозный Дон. 1946. № 41.
4. Мордвинов С.В. Русская православная церковь на Нижней Волге и Дону в 1941–1953 гг.: возрождение социокультурных традиций: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014.
5. Культурное обслуживание // Красное знамя. 1952. № 50.
6. Больше читать докладов и лекций для населения! // Колхозный активист. 1955. № 4.
7. Улучшить работу клубов и изб-читален // Колхозный Дон. 1946. № 80.
8. Полевые записи автора 2008 г. в ст-це Упорниковской Урюпинского р-на Волгоградской обл. Инф. Кравченко М.М., 1941 г.р.
9. Полевые записи автора 2008 г. в ст-це Тишанской Нехаевского р-на Волгоградской обл. Инф. Ежов Л.И., 1932 г. р.
10. Амосов Н. О вреде религиозных праздников // Колхозный активист. 1954. № 68.

М.Е. Бабичева

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО: КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО XX СТОЛЕТИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.И. КУБАНСКОГО

Федор Иванович Кубанский (настоящая фамилия Горб) родился 10 июня 1908 г. в станице Староминская Ейского отдела Области войска Кубанского (сейчас – Краснодарский край). Всю жизнь, особенно в эмиграции, он ощущал тесную связь с родной землей. История этого края и судьбы земляков стали основными темами его художественных произведений и автобиографии «По волнам моря житейского» (1967) [1].

Основу творческого наследия Ф.И. Кубанского составила масштабная эпопея о казачестве его родного края. Это четыре разных по стилю и жанру книги, связанных общей темой и единой системой персонажей.

Впервые к исторической судьбе своей малой родины писатель обратился в «бытовой повести», жанру его собственного определения, «На привольных степях Кубанских» (1955) [2]. В этой книге Кубанский создает художественное пространство, где разворачиваются события всех следующих произведений эпопеи. Здесь же заложена основа системы персонажей, каждый из которых представлен, главным образом, не личностно, а функционально. В первую очередь, это элементы единой системы, характеризующие кубанское казачество как социально-исторический феномен.

Центральное место в системе персонажей повести занимает традиционная для своих мест казачья семья Кияшко. Несколько поколений этой семьи живут вместе и сообща трудятся в собственном, большом и крепком крестьянском хозяйстве. Кияшко полностью социализованы, прочно вписаны в действительность, в которой существуют. Судьбы членов этой семьи отражают многовековую историю, основные тенденции развития и самые разные бытовые реалии жизни кубанского казачества.

Действие повести охватывает период с начала 1905 г. до лета 1914 г. Жизнь кубанской станицы в первой книге эпопеи представлена в двух ракурсах: через малый (годовой) и большой (от купели до погоста) циклы.

Годичный цикл регламентируется сельскохозяйственными работами, последовательность которых определяется природными условиями. Календарь в бытовом обиходе строится при этом на основе церковных (православных) праздников. Они являются своеобразными временными вехами, относительно которых выполняются действия и происходят события. Ф.И. Кубанский использует в повествовании привычный казакам отсчет времени: «После праздника Петра и Павла подошло время косовицы <...> До Ильина дня косовица хлебов была закончена. Началась молотьба» [2, с. 218, 224]. Пышные свадебные торжества начинаются в станице на третий день после Покрова и длятся до начала Рождественского поста.

В повести подробно описана самая суть и специфика земледельческого труда казаков. В этой деятельности семьи участвуют в полном составе: от пятилетних детей до стариков – разумно и справедливо распределяя нагрузки в соответствии с физическими возможностями каждого. Автор подчеркивает, что хозяйственные заботы в семьях казаков, при всей их значимости и большом объеме, органично сочетаются с разнообразным (в соответствии с возрастом) досугом.

Ф.И. Кубанский многократно возвращается к описанию продуктового изобилия в родных ему местах, использует для этого как простое механическое перечисление, так и характерные жанровые сценки.

Основные значимые события жизненного цикла кубанского казака наглядно продемонстрированы в повести также на примере членов семьи Кияшко. Рождение и сопутствующие ему крестины, четырехлетняя военная служба, проводы на нее и встреча с нее в родной станице, женитьба, (со множеством специфических свадебных ритуалов) и похороны (также строго регламентированные).

Кияшко, как и многие казаки станицы Староминской, гордятся своим происхождением, ощущают глубокую кровную связь с родной землей. Ф.И. Кубанский многократно подчеркивает красоту природы, с детства окружающей казаков. Это красота изобилия, полноты жизни, в то же время глубоко романтична. Она смягчает нравы, наполняет высокими чувствами суровую душу хлеборобов-воинов.

В целом картина, представленная Ф.И. Кубанским, – это субъективно окрашенная художественная иллюстрация признанных современной наукой исторических фактов [3].

Повествованию о кубанских казаках начала XX столетия в первой книге эпопеи предшествует «Краткий очерк истории Кубани и Кубанского казачьего войска». В конце повествования герои, включая Тараса Кияшко, получают возможность прикоснуться к этой истории в полном смысле слова. Оказавшись на своеобразной экскурсии в столице края – Краснодаре, они посещают здание войскового штаба, в котором хранились кубанские войсковые регалии.

Вторая книга эпопеи – «Орлы земли родной» (1960) [4] является продолжением первой с точки зрения тематики и сюжета. Однако по жанровой принадлежности это принципиально иное произведение. Вторая и третья («Степи привольные – кровью залитые» (1962) [5]) – книги Ф.И. Кубанского о казачестве представляют собой исторические романы. Автор опирался в этих работах на множество документальных источников: научные монографии, публицистические книги и статьи, интервью очевидцев и участников событий и лишь отчасти на собственные воспоминания.

Действие второй книги начинается в тот самый момент и в той самой точке, где оно закончилось в первой. Это двор Кияшко в день начала Первой мировой войны. Во второй книге эпопеи равномерно чередуются главы, показывающие повседневную жизнь кубанской станицы, и те, в которых представлены непосредственно боевые действия. Сюжетно они связаны между собой образами станичников, находящихся на фронтах Первой мировой войны.

Рассказывая о жизни в станице Староминской во время Первой мировой войны, Ф.И. Кубанский многократно подчеркивает двойственность сложившейся си-

туации. С одной стороны, ничего существенно не изменилось. Участие казаков в военных действиях вдали от родины – естественная составляющая бытия этого сословия. Однако в данном случае стал иным эмоциональный фон. Массовая мобилизация, затронувшая всех казаков «второй и третьей очереди», обусловила большие трудности в хозяйственной деятельности, нарушила гендерное равновесие в обществе.

Художественное пространство романов Ф.И. Кубанского отражает реальную социально-историческую действительность соответствующего периода. От научных исследований и популярных очерков на ту же тему [6, 7] эти произведения отличаются специфической двупланностью. Главы, где рассказывается о реальных исторических событиях и участвовавших в них конкретных исторических личностях, чередуются с собственно художественным повествованием, образуя органическое единство. Сюжет романа, таким образом, разворачивается на прорисованном историческом фоне и, в свою очередь, выразительно иллюстрирует его.

Третьей, по начальному замыслу автора, завершающей книгой эпопеи стал роман о событиях Гражданской войны 1918–1920 гг. в Кубанском крае. Автор подчеркивает «исключительную по важности роль» Кубанского края, его столицы – Екатеринодара в истории белого движения на юге России. В самой последней главе писатель впервые обращается к теме «казачьего исхода», которая будет продолжена и углублена в следующих его произведениях. Эта тема интенсивно изучается в современной исторической науке [8]. Ф.И. Кубанский пунктирно обозначил основные вехи судьбы Никифора Кияшко, отплывшим из Севастополя в 1920-м г. Она типична для многих его земляков: через остров Лемнос в Эгейском море они оказались в Сербии, где и осели. Писатель особо оговаривает, что казаки в изгнании сохранили свою идентичность, а также сумели наладить связь с родиной.

В финале третьей книги эпопеи автор показывает жизнь обитателей кубанской станции сразу после Гражданской войны. Здоровые нравственные устои помогают казакам, в основном, следовать своему предназначению, как они его понимают. Однако, картина получилась неопределенной, вектор дальнейшего жизненного пути персонажей неясен. Через полтора десятилетия автор вновь вернулся к теме, поднятой в эпопее.

Четвертой, действительно завершившей эпопею, книгой стал исторический роман «Сказание об орлах земли родной» (1977) [9]. По тематике – это непосредственное продолжение предыдущих произведений. Ф.И. Кубанский рассказывает об исторических событиях, произошедших в дальнейшем в его родном крае, и далее прослеживает судьбы своих земляков, в первую очередь, членов семьи Кияшко. Однако по хронологу «Сказание...» значительно отличается от других книг эпопеи: временной и географической охват событий в нем гораздо шире. Во всех трех первых книгах показан период с января 1905 по ноябрь 1920 г., при этом события 1906–1913 гг. опущены. Действие в четвертой книге разворачивается с января 1920-х и до середины 1960-х гг. Изображаемые события 1920-х гг. частично дублируют те, что показаны в предыдущей книге. Очевидно, что автор подчеркивает особую их значимость.

Художественное пространство в «Сказании...» велико и разнопланово: исторические катаклизмы XX в. обусловили массовое перемещение больших групп казаков как внутри СССР, так и за его пределами.

Большая плотность изображаемых событий определила стиль повествования. Ф.И. Кубанский четко и сжато излагает суть происходящего, соотнося его исторический, социальный и экономический аспекты с судьбами персонажей. Писатель живо и образно показывает, как ударила по кубанскому казачеству продрозверстка, доведя множество хозяйств до полного разорения. Как практически вернулись к исконному жизненному укладу кубанские станицы при нэпе. Правдиво и выразительно описан процесс рассказачивания, массовой депортации казаков на Северный Урал. С глубоким уважением и гордостью за земляков рассказывает Ф.И. Кубанский, как в глухом таежном краю, преодолевая огромные трудности, кубанское казачество упорным трудом восстанавливало хозяйство, сохраняя свой привычный уклад.

Писатель показывает также жизнь казаков на Кубани в 1930-х гг. Его персонажи в полной мере испытывают тяготы, порожденные строительством социализма в этих местах. Среди членов семьи Кияшко и их земляков есть жертвы массового голода, политических и экономических репрессий. Есть участники Финской кампании 1939 г., в том числе попавшие из финского плена непосредственно в ГУЛАГ.

В необычном для советской литературы ракурсе рассматривает Ф.И. Кубанский место и роль казачества во Второй мировой войне. Его персонажи принимают участие в боевых действиях как в рядах Красной армии, так и в составе специальных казачьих подразделений, создаваемых немцами на оккупированных территориях, а также вступают в особый Белый корпус, сформированный в Сербии из казаков-белоэмигрантов, воевавший на стороне Германии.

Со вниманием к бытовым подробностям писатель показывает массовую эмиграцию мирного кубанского населения вслед за отступающими немецкими войсками. Прослеживает взаимоотношения обитателей «казачьего стана» в Европе, уклад и психологический климат этого уникального историко-социального феномена. Рассказывает о «выдачах» казаков – насильственной репатриации, жертвами и свидетелями которой становятся его персонажи.

Послевоенная жизнь кубанского казачества в эпопее Ф.И. Кубанского представлена в двух аспектах: реалистическом (в эмиграции) и наивно-идеалистическом (в СССР). Известное писателю по личному опыту бытие кубанцев-«новоэмигрантов» в США в целом вполне благополучно, хотя и омрачена ностальгией. Эта часть рассеяния держится вместе, сохраняя за океаном свои традиции, историю и культуру, помогая друг другу, проводя совместные культурные мероприятия, поддерживая связь с родиной. Созданная Ф.И. Кубанским картина полностью коррелирует с результатами исследований современных историков [10; 11].

Однако представление о жизни в СССР у персонажей Ф.И. Кубанского, как и у самого автора, не вполне адекватно. В частности, в сюжете эпопеи очень благополучно проходит реэмиграция Никифора Кияшко, бывшего белогвардейца, воевавшего во Второй мировой в составе Белого корпуса.

Об отдельных аспектах жизни кубанских казаков Ф.И. Кубанский рассказал также в повестях «Девушка с Кубани» и «Памятник на реке Драва» [12; 13]. В первом из этих произведений отражена сложная ситуация в Сербии во время Второй мировой войны, показано место казаков в ней. Опираясь на документальные источники, автор показывает, что на компактной территории действовали одновременно собственно немецкие войска, сформированные под их эгидой 15-й кавалерийский корпус и Русский белый корпус, а также два противостоящих друг другу партизанских соединения: четники Михайловича и «красные» партизаны Тито. Ф.И. Кубанский подробно рассказывает о формировании казачьего кавалерийского корпуса, о его взаимодействиях с другими силами.

Вторая повесть – дань памяти жертвам кровавых «выдач». Об отдельной судьбе природного кубанского казака, прототипом которого стал сам автор, говорится в повести «День третий» [14]. Этот персонаж, воевал в Красной армии, прошел через немецкий плен, эмиграцию, насильственную репатриацию, советский концлагерь. И в итоге обосновался за пределами родины.

Приведенные выше примеры наглядно показывают, что в произведениях Ф.И. Кубанского судьба кубанского казачества в XX столетии представлена все-сторонне, последовательно, достаточно полно, исторически достоверно и в то же время художественно.

Представленная летопись событий в живых картинах адекватна версии, признанной современной исторической наукой. Особая заслуга писателя в том, что образно и эмоционально убедительно показана важнейшая характерная черта родного ему субэтноса: стремление и умение сохранять свою идентичность, отвечая при этом вызовам времени. Иными словами, способность оставаться казаками в любых обстоятельствах, буквально всем смертям назло.

Примечания

1. Кубанский Ф.И. По волнам моря житейского: сб. рассказов. Нью-Йорк, США, 1967. 52 с. Отпечатано на ротаторе.
2. Кубанский Ф.И. На привольных степях кубанских: повесть. Нью-Джерси, США, 1955. 441 с.
3. Горлова И., Манаенков А., Лях В. Культура кубанских станиц, 1794–1917. Ист. очерк. Краснодар: Юж. звезда, 1993. 129 с.
4. Кубанский Ф.И. Орлы земли родной: исторический роман в 5 частях. Нью-Джерси, США, 1960. 348 с.
5. Кубанский Ф.И. Степи привольные – кровью залитые: исторический роман в 6 частях. Нью-Джерси, США, 1962. 286 с.
6. История кубанского казачества / [О.В. Матвеев и др.]; под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Традиция, 2013. 413 с.
7. Ратушняк В.Н. История казачества / В.Н. Ратушняк, О.В. Ратушняк. Краснодар: Традиция, 2013. 231 с.
8. Пеньковский Д.Д. Казачество: исход и возрождение (1920–2013 гг.) / [изд. 2-е, доп. и перераб.]. М.: Восход-А, 2014. 571 с.

9. Кубанский Ф.И. Сказание об орлах земли родной: исторический роман в 7 частях. Буэнос-Айрес, Аргентина, 1977. 342 с.
10. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье в 1940–1960-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. 299 с.
11. Горлова И.И., Чумаченко В.К. «Казачья составляющая» в литературе русского зарубежья // Культурологический журнал: электронное периодическое рецензируемое научное издание (выходит с 2010 г.). 2(24). 2016. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/377.html&sj_id=27 (дата обращения: 11.03.2019).
12. Кубанский Ф.И. Девушка с Кубани: (повесть) // На память: сб. очерков, повестей и рассказов / в 2 ч. Нью-Джерси, США, 1958. С. 39–78.
13. Кубанский Ф.И. Памятник у реки Драва: (исторический очерк) // На память: сб. очерков, повестей и рассказов / в 2 ч. Нью-Джерси, США, 1958. С. 78–127.
14. Кубанский Ф.И. День Третий / Черный ураган: повести. Нью-Джерси, США, 1957. С. 99–211.

Л.Б. Аристова, Н.К. Семёнова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭМИГРАЦИИ КАЗАЧЕСТВА РОССИИ (начало XX в.)

Начало XX века ознаменовалось огромными переменами в жизни не только миллионов русских людей, но и изломом в судьбах целых сообществ, веками формировавшихся на территории России. Одним из таких сообществ были российские казаки (уральские, жившие по реке Урал, донские, терские, забайкальские и др.) [1, с. 6–7].

Революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1920 гг. заставили уральцев покинуть родные места и эмигрировать в другие страны, сохраняя свои традиции и устои. «Во дни порабощения России, ее бессилия и неустройств, на южных пределах ее, без ее участия и ведома сама собой вставала живая стена, составленная из воинов, удальством своим долго изумлявших окрестные края», – писал в 1900 г. о начале казачьей истории, горячий патриот донского казачества, будущий атаман П.И. Краснов. Вольные казачьи войска, городовые и «воровские» казаки, служившие в войсках Российской империи, общественные и государственные казачьи организации – всё это грани уникального явления российской истории – казачества, которое не может быть понято вне анализа всего исторического процесса России. Казакам довелось сыграть яркую роль в становлении и развитии нашей страны как великой евразийской державы, в событиях переломных эпох.

Неудивительно, что история казачества столь политизирована и содержит много мифов. Сам феномен казачества, его героическая воинская традиция, коло-

ритная культура, самобытная история всегда пробуждали большой интерес (и не только в России).

Состав казачьего населения к концу Гражданской войны был неоднородным. По своей культуре и образу жизни казаки отличались свободомыслием, у них ценилось чувство справедливости и собственного достоинства. Военные походы в районы Волги и Каспия, против турок, персов, ногайцев казаки называли «промыслом». Это были столкновения за свою территорию, места постоянного проживания, ведения хозяйства. Уральские (яицкие) казаки занимались рыболовством, охотой, сеяли хлеб, разводили плодовые сады, держали скот; были среди них врачи, юристы, но основу составляли воины [2]. Более 200 лет уральские казаки жили рядом с кочевыми казаками, башкирами. В XIX в. отношения сложились во взаимной торговле. В силу обостренного чувства справедливости уральцы всегда с уважением относились к обычаям и национальным традициям тех народов, с которыми они контактировали в социально-бытовой сфере [3].

В первоначальный период своей истории (XVII–XVIII вв.) яицкие казаки были практически независимы. Все сношения с Россией велись через Посольский приказ. Царь просил для боевых походов выставлять на службу определенное количество казаков за вознаграждение. С 1721 г. Петр I взаимоотношения с казачеством вел через Военную коллегию.

Судьба уральского казачества, как и других регионов России, после Революции 1917 г. и Гражданской войны была трагической. В 1918–1920 гг. части Красной армии многократно проходили по территории казачьего уральского войска. В марте 1919 г. войсковой атаман Владимир Сергеевич Толстов (1884–1956 гг.) на некоторое время смог переломить ход военных действий в пользу казаков. С приходом красных начались массовые расстрелы казачьего населения. До 1917 г. казачество России составляло значительную часть активного населения страны (13 казачьих войсковых частей – 4,2 млн чел.); в составе казачества были донские казаки – 1,5 млн чел., кубанские – 1,3 млн чел., оренбургские – 593 тыс. чел., забайкальские – 264 тыс. чел., терские – 255 тыс. чел.

Положение всего казачества к концу Гражданской войны оставалось сложным. Новая власть не сумела (или не хотела и опасалась) привлечь казачество на свою сторону. Острейший военно-политический конфликт между Советами и казачеством проявился в стойкости казаков, в их верности долгу, присяге, данной царю.

К 1917 г. состав казачества был неоднородным. В условиях военно-политического кризиса в 1918–1920 гг. часть казачества влилась в ряды белогвардейцев, часть – в ряды Красной армии, что связано с уже имевшим место социально-экономическим расслоением. Часть зажиточных казаков сначала поддержали новую власть. Однако жёсткая политика большевиков, насаждавших в сельских районах коммуны, разоружение казаков, захват земель неугодных, репрессии, конфискация имущества, продовольствия оттолкнули многих. Репрессии усиливали конфликтную ситуацию. Целый ряд документов, принятых органами власти, ущемляли права казачества. Уничтожалась экономическая база казачества

(рыболовство, лесные угодья и пастбища для скота). В первые века существования казачества на Урале рыболовство было главным промыслом, дававшим средства для существования. В конце XIX – начале XX в. в станицах низовья р. Урал рыбный промысел продолжал оставаться основным источником дохода. До 1914 г. казаки вылавливали и вывозили на продажу и за границу более 2 млн пудов рыбы. Хорошо налажены были торгово-экономические связи Уральска и городов Поволжья с центром России. По законам торговли в первую очередь обеспечивали потребности в рыбе местное население.

После гражданской войны вывоз рыбы не разрешался. Рыбные угодья в губернии становятся государственными с 1921 г., вся выловленная новыми бригадами рыба сдавалась губернскому представителю властей. Людям не разрешалось ловить под страхом наказания и ареста. В былые годы неурожаев рыболовство спасало казаков от голода. Во время голода 1921–1922 гг. ничего не было сделано для налаживания рыболовства.

Посевные площади в 1922 г. составляли лишь $\frac{1}{3}$, по сравнению с 1916 г. Гражданская война опустошила богатейшие сельскохозяйственные земли, питавшие промышленные регионы России. В послевоенный период народонаселение сократилось из-за голода, болезней и массовых расправ. Число русских в губернии Уральска к 1923 г. сократилось почти на 145 тыс. человек (по сравнению с 1917 г.). Более чем в 2 раза сократилось число русских населенных пунктов, с 300–500 дворов до отдельных хуторов (2–3 дома) [4, с. 125]. С 1918 г. уменьшилось трудоспособное число мужчин, особенно на бывшей казачьей территории. В Уральском уезде мужчин стало почти в 2 раза меньше.

Гражданская война, эпидемия тифа и голод унесли почти четверть казачьего населения. По данным на 1912 г. в сельской местности проживало 86 865 казаков, в 1917 г. – 94,1 тыс. чел., в 1927 г. – 23 122 чел. [5]. По данным губисполкома за 1925–1926 гг., богатый когда-то край буквально обнищал. Край понес огромные людские и материальные потери. Гражданская война сократила не только казачье население, но и всё население края.

С конца 1917 г. возвратившиеся с Западного фронта казачьи части постоянно сталкивались с частями красных. Одной из основных причин борьбы был отказ казаков (в т.ч. уральских) разоружаться. Саратовские и оренбургские власти требовали от уральцев признать советскую власть, сдать оружие и приглашали для переговоров самых уважаемых старых казаков. Однако делегаты были арестованы, со стороны властей начались грабежи и насилие в казачьих районах Урала (февраль 1918 г.). С этого момента казачество открыто вступает в борьбу за свои права, желание жить и трудиться на своей земле.

Репрессии и выселение казаков на север России из мест проживания привели к росту эмигрантов (до 2 млн чел.). Осенью 1920 г. через порты Чёрного моря донские казаки выезжали в Турцию, Болгарию, Сербию. В начале 1920 г. тяжелейший переход совершили уральские и оренбургские казаки в Персию, затем в Китай. Из восточной Сибири и Дальнего Востока в Китай, Монголию, Персию ушло более 0,5 млн чел. Около 50 тыс. казаков с семьями ушли в период 1920–1930 гг.

Значительное влияние на жизнь казачества оказало белое движение. Во время Гражданской войны генералы и атаманы Л.Г. Корнилов, А.И. Дутов, А.М. Каледин имели в своих рядах казачьи части.

В период 1918–1920 гг. военно-политическая ситуация в различных казачьих регионах России была сложной: часть казачества влилась в белогвардейскую армию, часть – не определилась по отношению к Советам и выжидала, часть примкнула к красным. Так, в Оренбургском казачьем войске атаман А.И. Дутов с казачьими частями и белыми офицерами и юнкерами, верными Временному правительству, не смогли противостоять красным и ушли на территорию уральского казачества. В Уральске большая часть казаков, не ориентируясь в политической обстановке, не имея единства в своих рядах, приняла выжидательную позицию. Расслоение и неоднородность казачества привели его к расколу. Усиливала расслоение и политика Советов. Так, на одном из съездов забайкальских казаков (март 1918 г.) было озвучено постановление Советов: «Казачество как сословие упразднить. Все капиталы и имущество войска передать Советским властям». Большая часть казачьих станиц отказалась выполнять постановление. Казаки стали поддерживать белую армию. Белогвардейские силы провели в Забайкалье рейды и временно восстановили права казаков под руководством атамана Г.М. Семёнова.

Боевые действия в Забайкалье показали, что большая часть казаков стала против новой власти. С приходом красных многие казачьи семьи эмигрировали в Китай, Монголию. Общие для разных регионов России процессы расслоения казачества, непонимание новой власти, усиливали эмиграцию казаков. Это же отрицательно сказалось и на военных действиях белогвардейцев.

Военно-политическая ситуация, сложившаяся между советской властью и казачеством с начала Гражданской войны, вынудила большевиков практически сразу сформировать жесткое отношение к казачеству. С мая 1918 г. были сожжены станицы в Оренбургской области, Уральском районе, в Забайкалье. Проводились расстрелы инакомыслящих, массовые захваты земельных участков, расстрел каждых 5 или 10 человек взрослого мужского населения из восставших хуторов и т. д.

В политике местных советов на юге Урала, в Оренбуржье нередко принимались заранее невыполнимые казаками решения (например, по вывозу хлеба, в 1919–1920 гг. практически весь урожай), то же было и в других районах. В концлагерях Астрахани и Волгограда в 1920 г. содержалось более 2 тыс. казаков разных войск.

9 июня 1924 г. был издан Декрет ЦИК и СНК СССР, по которому была объявлена амнистия всем рядовым солдатам белой армии и казачеству, находившемуся в Монголии и Китае, а позже и офицерам. С 1930 г. начинается новый этап политических и экономических репрессий. Началось массовое выселение зажиточной части сельского населения России и казаков (под предлогом раскулачивания). К началу Великой Отечественной войны насчитывалось 973 693 казака. Многие казачьи районы, лесные угодья были разграблены и переданы другим областям (на Юге России – Чечне и Ингушетии).

Политика Советского государства привела к гибели части казачества и большому исходу за границу. Массовая эмиграция казачества в разных регионах стра-

ны началась с 1918 г. и продолжалась вплоть до конца 1930-х гг. Массовое бегство казаков из России в Персию, затем в Китай и Австралию подробно описал в своих воспоминаниях атаман В.С. Толстов [6, с. 68–69]. «Из красных лап в неизвестную даль» – книга воспоминаний очевидца трагических событий и людских страданий, где приведены воспоминания очевидцев-уральцев. Казачество за границей нередко попадало в серьезные трудности. Адаптируясь к новым условиям, люди старались сохранить свой национально-культурный образ жизни, патриотизм и верность России и присяге. В Австралии уральцы вначале трудились почти исключительно на тяжелых работах. Еще до основного приезда эмигрантов в Австралию В.С. Толстов сумел организовать свою ферму, куда пригласил работать земляков-уральцев. Деньги на «свое дело» В.С. Толстов получил от своего друга А.В. Болховитинова (казака Донского войска), приехавшего в Австралию раньше. В 1927 г. А.В. Болховитинов в Квисленде открыл магазин своей продукции, позже переехал в Америку.

На ферме В.С. Толстова уральцы проработали много лет, выращивая сельскохозяйственную продукцию. Поселение Кордальба (380 км к северу от Брисбена) становится центром русского поселения. Казаки постепенно обзаводились хозяйством, приобретали фермы. Своего рода общественным и культурным центром казаков и других русских становится ферма казака Поторочина. Дом Поторочиных стал своеобразным клубом уральского казачества. Хозяева выписывали книги на русском языке, пластинки. По воскресеньям устраивали вечера народной музыки, песен. В начале 1930-х гг. в Кордальбе была учреждена «общеказачья станица». Ее цель – поддержка и сохранение общности казаков с Урала. Торжественно 21 ноября каждого года уральцы отмечали войсковой праздник Св. Архистратига Михаила, приглашались не только казаки, но и все русские.

Местные жители в Кордальбе отмечали, что многочисленные трудности (незнание языка, тяжелые работы и др.) не сломили уральцев на чужбине, они сохраняли свои устои, правила жизни, культуру, делились этим с местным населением.

В годы Второй мировой войны многие уральские казаки из Австралии участвовали в армии союзников СССР, в боевых действиях против Японии, получили награды [6, с. 68–69].

Эмиграция в Китай и Монголию имела ряд отличий, так как здесь уже были дореволюционные поселения русских (в Харбине и Трехречье). Здесь новые переселенцы сумели организовать несколько поселений, сохранить язык, находить работу (особенно в районах Китайско-Восточной железной дороги).

В 1920–30-е гг. десятки тысяч казаков Сибири и Дальнего Востока сумели выехать до коллективизации и последующих репрессий. Постепенно эмигранты стали изучать язык страны проживания, законодательство, вливаться в новую для них жизнь. Эмигранты оказали большое влияние на развитие экономики ряда стран Азии, Латинской Америки. Это был не только источник рабочей силы, но и восполнение недостатка технически грамотных людей. Казачество за границей стало частью русского зарубежья, создав в ряде стран свои союзы, объединения социально-экономического и политического направления.

В настоящее время в России начался процесс реабилитации казачества, их войсковых обществ. Принята федеральная целевая программа господдержки казачьих центров – закон «О государственной службе российского казачества» [7]. Казачество активно подключается к общей борьбе с терроризмом, наркоторговлей, участвует в мероприятиях по охране государственных границ РФ, ликвидации стихийных бедствий и последствий опасных природных явлений. Казачество с его традициями воспитания молодежи, отношения к природе, охране окружающей среды постепенно становится активной частью российского общества.

Примечания

1. Трегубов А.Г. От Гугни до Толстова – Атамана Яицкого казачьего войска. Уральск, 2000.
2. Трегубов А.Г. Уральцы в Австралии. Уральск, 2007.
3. Уральское казачество в Гражданской войне. URL: <http://wap.1918.borda.ru/?1-15-0-00000010-000-60-0>. (дата обращения: 11.03.2019).
4. Чесноков Н.Г. Расправа. Голод. Уральск, 2005.
5. Пеньковский Д.Д. Предпосылки эмиграции казачества. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Penkovskiy/> (дата обращения: 11.03.2019).
6. Аристова Л.Б. Уральские казаки в Австралии // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 67–70.
7. Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. N 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества». URL: <https://rg.ru/2005/12/08/kazachestvo.html> (дата обращения: 12.03.2019).

В.С. Семёнов

ЖИЗНЬ В ИЗГНАНИИ (на примере судьбы Н.Е. Парамонова)

Эволюция политических воззрений и общественной деятельности представителя известного казачьего рода, крупнейшего донского предпринимателя Николая Елпидифоровича Парамонова отражает перипетии сложной эпохи.

В обозначенном контексте его жизнь можно условно разделить на три самостоятельных периода, которые характеризуются заметными изменениями общественно-политических взглядов. Начальные два периода исследованы автором в ходе работы над статьей и докладом на конференции, тематически охватывающих годы формирования его общественно-политических воззрений и Первой русской революции, а также Первой мировой войны и Революции 1917 года в России [1]. Третий период в политической биографии Н.Е. Парамонова (1919–1951 гг.) характеризу-

ется резким переломом жизненного пути, вынужденной эмиграцией и жизнью вдали от Родины, что отразилось в поправлении его идей и установок, переосмыслении базовых ценностей.

***

Третий, эмигрантский период жизни Николая Елпидифоровича, предваряет ключевое событие, маркирующее новый период в эволюции его общественно-политических воззрений: в марте 1919 г. он подал в отставку с должности министра пропаганды Добровольческой армии. Стало очевидным, что попытки Н.Е. Парамонова способствовать реформированию страны в демократическом конституционном духе потерпели неудачу. Именно с этого момента свертывается его примирительная программа, что происходило параллельно кардинальному поправлению Белого движения в целом [2, л. 45]. Одновременно большевики продолжали настойчивую пропагандистскую работу и приобрели поддержку разных слоев населения. Позже, уже подводя некоторые итоги, Н.Е. Парамонов с горечью писал В.Л. Бурцеву, что успех большевиков был обусловлен не только талантливостью группы Ленина, что отрицать невозможно, но также и «беспредельной глупостью нашей» [3, л. 18].

Дон не устоял, катастрофа старого мира стала очевидным фактом. Единственным спасением для Н.Е. Парамонова и его семьи стала эмиграция.

Осенью 1919 г. на пароходе «Принцип» (и это было практически всё, что осталось от капитала некогда богатейшего клана донских предпринимателей) семья Парамоновых отправились из Новороссийска в Турцию. В 1921 г. Николай Елпидифорович с сыновьями и братом Петром отправились в Берлин, где попытались получить свои деньги, переведенные до войны немецкой фирме предоплатой за шахтное оборудование [4, с. 828]. Деньги вернуть не удалось, но Николай Елпидифорович остался в Берлине, куда вскоре переехала и его супруга. Он сумел начать на немецкой земле новое дело, купив за бесценок пустыри вокруг Берлина, а затем выгодно использовав их для создания предприятия автосервиса и гаражей [5, с. 211]. Бизнес развивался настолько успешно, что на полученную прибыль были построены доходные дома. Примечательно, что даже в эмиграции донской казак преуспел. Названные и иные предприятия он вел самостоятельно, практически все его проекты окупались и вскоре начинали приносить прибыль [6, с. 41]. В Германии он также продолжил издательскую деятельность.

В 1944 г. Н.Е. Парамонов свернул дела в Берлине и переехал в чешский Карлсбад, откуда по окончании войны перебрался с семьей в баварский город Байройт, в американскую зону оккупации. В 1946 г. при поддержке сына им налажен выпуск недорогих изданий классической русской литературы для перемещенных лиц, находившихся в лагерях. В 1951 г. Н.Е. Парамонов скончался, похоронен на кладбище г. Байройт. Таково внешнее содержание эмигрантского этапа его жизни.

***

Политические взгляды Н.Е. Парамонова, являющиеся основным предметом данного исследования, претерпели в названный период серьезные изменения. Прежде всего, речь идет о его очевидном политическом поправлении в связи с глу-

боким мировоззренческим кризисом. Предпринимателю пришлось переоценить многие установки, воспринятые и поддержанные им в молодости, а также свою предыдущую общественно-политическую деятельность в русле либеральных конституционно-демократических идей. Дальнейшее социально-политическое развитие Николая Парамонова во многом определяло амбивалентное отношение к советской России, которая оставалась его Родиной, но власть в стране принадлежала неприемлемым для него силам, а общественное устройство и экономическое развитие не соответствовали опыту и взглядам предпринимателя.

В эмиграции Н.Е. Парамонов даже примирился с генералом П.Н. Красновым на основе общего неприятия советской власти. Несмотря на прошлые конфликты в 1918–1919 гг., они поддерживают дружеские отношения. Предприниматель финансировал издание трех романов и одной повести генерала [7]. В Берлине участвовал в становлении и деятельности белоэмигрантской организации «Братство русской правды».

Особого внимания заслуживает продолжающаяся книгоиздательская деятельность Н.Е. Парамонова, занимавшая особое место в его жизни и в определенном смысле отражавшая эволюцию социальных воззрений. Издание книг всегда было для него не просто бизнесом, но еще и способом реализации своих общественно-политических установок и гражданской позиции. С 1922 г. он начинает сотрудничать с издательством «Слово» [8], а также являлся некоторое время соредактором журнала «Архив русской революции». Его основным стремлением в то время было наладить издание книг «противобольшевистского содержания» [9, л. 22].

Он разворачивает борьбу за полное руководство в издательстве «Слово» и книготорговом обществе «Логос», которые при его участии успешно развиваются. Однако в апреле – июле 1925 г. происходят неожиданные изменения, в результате которых Н.Е. Парамонов выбывает из президиума АО «Логос», после чего и «Слово» приходит в упадок. Причины данного события остаются невыясненными.

В этой связи можно упомянуть о скрытом интересе отдела печати германского МИД к вопросу о собственнике «Слова» и «Логоса», а также о редактировании Н.Е. Парамоновым книги Н.А. Соколова «Убийство царской семьи», в которой проводилась мысль об особой роли германского Генштаба в развитии деструктивных начал русской революции [8]. Тем не менее вопрос о мотивах выхода Николая Елпидифоровича из развивающегося дела остается загадкой. Можно полагать, что данный шаг не был обусловлен угасанием интереса к издательскому делу, поскольку после этого Н.Е. Парамонов участвует в работе берлинского издательства «Медный всадник», выпустившего серию сборников «Белое дело», публиковавшего работы И.А. Ильина, П.Н. Врангеля и др. Впрочем, данное издательство в 1928 г. прекратило свое существование [10].

Между тем советская власть тоже не забывала одного их крупнейших донских предпринимателей. Так, в материалах Шахтинского дела 1928 г. против Н.Е. Парамонова было выдвинуто обвинение в организации антисоветского движения в Донбассе. Как водилось в то время, его объявили агентом иностранной разведки и «вдохновителем инженеров-вредителей» [11, с. 2], не приводя никаких

реальных доказательств. Отношения Николая Елпидифоровича с новой властью обрели завершенность и полную ясность.

В начале 1930-х гг. происходит снижение социально-политической активности Н.Е. Парамонова. Как человек трезвомыслящий и умеющий объективно оценивать ситуацию, в этот период он уже понимает, что ожидать скорого падения советской власти не приходится. В этой связи отметим некоторые моменты в политической биографии Н.Е. Парамонова. В 1922 г. он присутствовал на лекции П.Н. Милюкова в Берлине, завершившейся покушением на него двоих монархистов и гибелью В.Н. Набокова [12]. Николай Елпидифорович, участвовавший в задержании одного из покушавшихся, должен был заметить, что боевики находились под воздействием наркотиков. Подобные события не способствовали укреплению авторитета монархического движения и демонстрировали углубляющийся раскол в русской эмиграции.

Еще один факт, подтверждающий охлаждение Н.Е. Парамонова к практике русской эмиграции: в 1932 г. он вышел из основного круга «Братства русской правды» [13], поскольку стала очевидной беспочвенность надежд на скорое уничтожение советской власти. «Братство» оказалось серьезно скомпрометировано агентами ОГПУ, идея реставрации монархии явно угасала.

Таким образом, становится очевидным наметившийся ранее отход Н.Е. Парамонова от «активизма» русской эмиграции, лидеры которой постепенно погружались в склоки и интриги, обвиняя друг друга во всех смертных грехах. Он всё более дистанцируется от участия в политических мероприятиях, поскольку не мог всерьез воспринимать и поддерживать настроения той части русской эмиграции, которая рассчитывала вернуться к власти посредством террора и заговоров. Будучи человеком практического склада, он предпочитал заниматься реальным делом и избегал пустопорожних собраний.

Изменению его политических проявлений способствовали и перемены, происходившие в Германии. Приход национал-социалистов к власти нашел отражение в политической биографии Н.Е. Парамонова. В 1933 г. Николая Елпидифоровича вызвали в гестапо и провели беседу относительно его настроений, отношения к большевизму, даже спрашивали мнение по «украинскому вопросу» [14, с. 829]. Очевидно, новая власть Германии рассчитывала привлечь крупного предпринимателя к сотрудничеству.

После 22 июня 1941 г. нацисты обещали вернуть ему все активы, оставшиеся у большевиков, и предлагали возглавить восстановление экономики советской России [15, с. 126]. Однако по своим убеждениям он не мог повторить ошибку атамана П.Н. Краснова. Как и многие видные представители русской эмиграции, Н.Е. Парамонов видел и понимал истинные намерения национал-социалистов в отношении своей Родины, поэтому отказался от сотрудничества с ними. Заметим, что каких-либо санкций в этой связи не последовало. Тем не менее одной из причин выезда Николая Елпидифоровича с семьей в 1944 г. в чешский Карлсбад, очевидно, стало желание переместиться подальше от излишнего внимания немецких властей и не быть принужденным к сотрудничеству с нацистами. По окончании войны он перебрался в баварский город Байройт, в американскую зону оккупации,

поскольку не без оснований опасался в Чехии советских органов безопасности, начавших аресты эмигрантов.

Но и в тяжелых условиях послевоенной разрухи Н.Е. Парамонов не мог остаться без дела. В 1946 г. он с помощью сына начал издавать произведения классической русской литературы. Последнее предприятие Н.Е. Парамонова и сына – «Книжный магазин русской и иностранной литературы» наладил печатание по минимальной стоимости произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Куприна и других классиков, по которым истосковались русские эмигранты. Отметим, что, несмотря на полукустарный характер производства, данное предприятие даже приносило небольшую прибыль [6, с. 43]. Лишь болезнь сердца заставила Николая Елпидифоровича прекратить в 1950 г. издательскую деятельность.

По воспоминаниям его сына Елпидифора, отец на закате жизни не любил вспоминать о своем раннем увлечении революционными идеями и лишь повторял: «Эх, были молодыми, да не тех людей слушали; теперь расхлебываем... Не надо было этого делать!» [16, с. 12].

***

Такова была жизнь и общественно-политические воззрения одного из крупнейших донских предпринимателей, занимавшегося общественной деятельностью, просветительством и благотворительностью, много сделавшего для экономического подъема Юга России и народного образования.

В становлении общественно-политических взглядов выходца из семьи казаков-староверов станицы Нижнечирской значительную роль сыграло неприятие староверами «антихристовой власти». Деловая хватка предпринимателя определила первоначальный образ действий Н.Е. Парамонова: он поддерживал практически все заметные политические силы в Российской империи, нацеленные на свержение царского режима, в том числе и социал-демократов. Даже определившись с личными склонностями, наиболее близкими к центристским идеям кадетов, он продолжал оказывать финансовую и иную поддержку широкому кругу противников самодержавия.

Однако логика острого социального противостояния в России отвергла его попытки, предпринятые в руководстве Добровольческой армии, способствовать реформированию общества в демократическом конституционном духе. Затем вынужденная эмиграция способствовала заметному «поправению» взглядов и деятельности Николая Елпидифоровича. Впрочем, разброд, радикализм и беспочвенные реставраторские идеи различных политических течений в российской эмиграции заставили дистанцироваться и от них. Издательское предприятие Н.Е. Парамонова 1946–1950 гг., развернутое в Байройте, имело сугубо просветительскую направленность и стало последним воплощением его стремления к правде и добру.

Примечания

1. Семёнов В.С., Семенова О.В. Формирование политических идей Н.Е. Парамонова и его деятельность в годы Первой русской революции // Русская старина. 2017. 8(1). С. 87–96.

2. Семёнов В.С. Развитие политических идей Н.Е. Парамонова и его деятельность в годы Первой мировой войны и революции 1917 года в России // Всерос. науч. конф. «Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.» (г. Ростов-на-Дону, 5–6 окт. 2017 г.). Ростов н/Д, 2017.
3. Письмо С.Г. Сватикова В.Л. Бурцеву от 18.03.1919 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5802. Оп. 1. Д. 535.
4. ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп.1. Д. 436.
5. Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое изд-во, 2007. С. 208–213.
6. Мосейкина М.Н., Мелихов Г.В. Российская диаспора в XIX–XX в.: выживание или исчезновение // Отечественная история. 2000. № 1.
7. Кошеверова С.В., Тарасова М.Н. Каталог издательства «Донская речь» Н.Е. Парамонова в Ростове-на-Дону / науч. ред. Н.В. Самарина. 2-е изд. Ростов н/Д: Эверест, 2006.
8. Бичехвост Н.Ф. Сыны славного Дона: Парамонов Николай Елпидифорович, донской промышленник, миллионер. URL: <http://www.serafimovich.org/paramonov-n-e.html> (дата обращения: 26.04.2019).
9. Кратц Г. Н.Е. Парамонов и книгоиздательство «Слово» в Берлине. URL: <http://libconf.narod.ru/2003/s8/kratc.htm> (дата обращения: 26.04.2019).
10. ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 463.
11. Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга русского зарубежья: из истории книжной культуры XX века. СПб., Петербургский ин-т печати, 2001.
12. Волошина М.М. Не перевелись еще Парамоновы на Дону // Наше время. 19.09.1992.
13. Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции. М., 1996.
14. Базанов П.Н. Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013.
15. Будницкий О.В. Николай Елпидифорович Парамонов: «Рано или поздно, правда и добро восторжествуют...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007.
16. Окопная О.П. Жизнь и деятельность Н.Е. Парамонова: дис. ... канд. ист. наук / ЮФУ. Ростов н/Д, 2007.
17. «Не надо было этого делать» // Новая городская газета. Март, 2000.

С.А. Кислицын

«КАЗАЧЬЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ» КОМАНДАРМА Ф.К. МИРОНОВА

Донской казак Филипп Кузьмич Миронов был одним из немногих выдающихся советских полководцев во время Гражданской войны, внесших значительный вклад в победы Красной армии и одновременно проявивших политическую само-

стоятельность и инициативность [1]. Все свершения и зигзаги его военно-политической биографии освещены в произведениях Р. Медведева, С. Старикова, Е. Лосева, А. Венкова, С. Константинова [2]. В данной статье сделана попытка рассмотреть идеи Ф.К. Миронова в контексте рассказывания на основе его опубликованных текстов в фундаментальном издании «Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг.» [3].

Ф.К. Миронов отличался неожиданными для рядовых казаков качествами – постоянным стремлением к самообразованию, чтению общественно-политической литературы, к критическому анализу деятельности общественно-политических партий в стране и неприятием социального сословного строя Российской империи. Обладая острым интеллектом, он был способен и к саморефлексии, к литературному труду, даже к поэзии... Он был на голову выше основной казачьей массы, большинства казачьих офицеров и атаманов. Понимая, что казачьи привилегии в новых условиях потеряли не только свою ценность, но и всякий смысл, он пришел к выводу о необходимости всеобщей социальной справедливости, то есть социализма в самом широком понимании этого термина. В идеологическом контексте он ближе всего к личности бунтаря XVII в. Степана Разина с его лозунгом казачьего «народоправства». Миронов не предлагал, как Разин, внедрять принципы казачьей круговой демократии и черты исторического опыта борьбы казачьих повстанцев, но, конечно, он прекрасно знал и помнил о них.

В силу широкой образовательной самоподготовки и личного участия в общественно-политической жизни Дона он хорошо знал программы социалистических партий России и отдавал приоритет радикальным социал-демократам. Он постоянно использовал понятия «советская народная власть», «пролетарско-крестьянская республика» и «великая русская революция» [3, с. 68]. Как родовой казак по происхождению, Миронов хорошо знал социально-психологические настроения трудового казачества, которые считал социалистическими. В своих обращениях к казакам он не только призывал казаков к социализму, но и дал свою трактовку этого понятия. «В общих чертах учение социализма заключается в следующем: социализм находит несправедливым, что одни люди обладают богатством, другие ничего не имеют и должны тяжелым трудом добывать себе средства к жизни.... Социализм не допускает совершенно частного владения землей и капиталом, но представляет каждому свободное владение и распоряжение жилищем, продуктами и т. д. ...Вообще социализм стремится к добру, совершенству, прогрессу, равенству, он ищет преобладания правосудия, разума, свободы <...> граждане казаки, мы все социалисты, но лишь понимать этого, не хотим по упорству понять, разве Христос, учение которого мы исповедуем, не думал о счастье человечества? Не за это ли счастье он умер на кресте?» [3, с. 35].

На наш взгляд, его нельзя считать просто апологетом «народного социализма», так как представление о нем достаточно полное. Миронов постоянно использует понятия «советская народная власть», «пролетарско-крестьянская республика» и «великая русская революция» [3, с. 68] и четко выделяет основные причины отсталости казачества, «темноты и невежества» казачества, определяя пути его ликви-

дации на основе долговременной высококвалифицированной агитации и пропаганды. При этом Миронов обращал внимание: «не было сомнения, что помещики и капиталисты постараются повторить опыт 1905–1906-х гг. и тем же путем и теми же средствами. Нужно во что бы то ни стало удержать донское казачество от рокового для него шага. <...> Используют генералы на почве темноты и невежества и “казачий жизненный уклад”, и “вольность казачью”, и даже великое историческое прошлое вольных и гордых атаманов Дона: Булавина, Разина, Ефремова» [3, с. 111].

Ф.К. Миронов составил целую программу «российской пролетарско-крестьянской республики», в которой заявил, что «злейшими врагами социальной революции являются справа – генерал Деникин, а слева, как это ни дико, – коммунисты» [3, с. 111]. После разгрома деникинцев и ухода коммунистов, по мнению Миронова, нужно построить настоящий социализм «на новых трудовых началах, но не путем насилия, а путем долгого терпеливого и любовного показа». Для этого нужно восстановить «доподлинную власть Советов», установить бюрократическую власть, упразднить СНК и передать его функции ЦИК Советов; упразднить чрезвычайные комиссии и ревкомы; установить для социалистических партий полную свободу слова, печати, собраний, союзов; обеспечить социализацию земли и средств производства; упразднить системы реквизиций и осуществление продуктообмена через потребительско-трудовую кооперацию; признать необходимости Красной армии. И, наконец, последний пункт: «всеми мерами и средствами остановить начавшееся коммунистами беспощадное искоренение казачества, раскрыв трудовому крестьянству, чьих рук это дело и скрытый смысл этого адского плана» [3, с. 168]. Обращает на себя внимание несоразмерность содержания казачьего и предыдущих пунктов, в которых ставились вопросы общероссийского характера. Миронов не стал рассуждать о роли казачества в функционировании кавалерии белых армий, о месте и роли казачества в будущем советском обществе, но в заключение призвал казаков объединиться вокруг Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. После начала рассказа Миронов в докладе РВС республики [3, с. 168] сформулировал среди 8 частных пунктов два общих требования, которые являются его программой казачьего социализма: «считаться с его (казачества. – С. К.) историческим, бытовым и религиозным укладом жизни», который включает в себя темноту, фанатизм, привитое казарменным воспитанием старого полицейского строя, проникшим в весь организм казаков. Вся обстановка повелительно требует, чтобы идея коммунизма проводилась в умы казачьего и коренного крестьянского населения путем лекций, бесед, брошюр и т.п., но ни в коем случае не насаждалась и не прививалась насильственно, как это обещается теперь всеми поступками и приемами случайных коммунистов» [3, с. 168].

Он выступал принципиальным противником насильственного рассказывания и террора. Разоблачая террор в отделении казачества, он не употребляет понятия «геноцид» и не возлагает, соответственно, никакой вины на представителей нетитульных национальностей, за исключением одной черновой записки, в которой он обвиняет в истреблении казачества «еврея Троцкого-Бронштейна» [3, с. 272]. Но Л.Д. Троцкий ценил Миронова как военного специалиста, впоследствии спас его

от расстрела по приговору трибунала, назначил командующим 2-й Конной армией, представил к награждению орденом Красного знамени и золотым революционным оружием. Тексты личных писем Миронова В.И. Ленину, различных обращений, материалы суда в Балашове свидетельствуют о том, что политику террористического раскачивания он оценивал не как политику партии и Советского государства, а как проявления действий отдельных ее представителей – «хулиганов и негодяев», «порочащих чистые идеалы революции» [3, с. 247]. Вот цитата из обращения Миронова к донским беженцам и дезертирам: «Отстаивая идею социальной революции (уничтожение частной собственности на землю и переход ее в руки народа без выкупа, уничтожение частной собственности на фабрики, заводы и т. п. промышленные предприятия, где применялся наемный труд; за переход железных дорог и богатств земли в распоряжение трудового народа, за уничтожение эксплуатации человека человеком и т.п. принципы, в коих коренится народное благополучие), в то же время я отрицаю стремления отдельных агентов советской власти, деяния и поступки которых враждебно настроили народные массы против самой идеи этой власти» [3, с. 247]. В письме В.И. Ленину он требовал проведения чистки партии по такому рецепту: «все коммунисты после Октябрьской революции должны быть сведены в роты и отправлены на фронт. Вы сами увидите тогда, кто истинный коммунист, кто шкурник, а кто просто провокатор и кто заполнил все ревкомы, особотделы. Пример – Морозовский ревком, зарезавший 67 человек, а потом расстрелянный» [3, с. 256].

Миронов постоянно намекал о скрытом провокационном смысле жестокостей против казачества. В письме В.И. Ленину он писал об «адском» плане анархо-коммунистического течения в партии: «нужно туда-сюда пройти по казачьим областям и под видом усмирения обезлюдить казачьи области, опролетарить, разорить остатки населения и, поселив безземельных, начать строительство коммунистического рая!» [3, с. 263]. И далее он призывал Ленина сделать уступки казачеству, среднему крестьянству и русским социалистическим партиям – меньшевикам и левым эсерам, всему общественному мнению страны: «Социальная жизнь русского народа, к коему принадлежат и казаки, должна быть построена в соответствии с его историческим, бытовым и религиозным мировоззрением, а дальнейшее должно быть предоставлено времени». Миронов заявляет о неприятии ситуации, когда «весь народ и все им нажитое рассматривается как средство для целей отдаленного будущего, абстрактного» [3, с. 270].

Филипп Миронов сделал очень многое в деле советизации Области Войска Донского и был объявлен личным врагом атамана Войска Донского Краснова. В июне 1918 г. Миронов посылает наркому по военным и морским делам Льву Троцкому довольно резкую телеграмму, в которой задается следующими вопросами: «я прошу отозвать от нас всех “чрезвычайных комиссаров” и дать право нашему ЦИК и его президиуму работать самостоятельно, если же Совет народных комиссаров решил покончить с этим дурацким сословием, то тогда больше назначайте чрезвычайных комиссаров, но предупреждаю, что лучше заняться революционным казакоманством, чем эту работу предоставить Краснову». Миронов не

только видел неадекватную политику части коммунистов по отношению к казачеству, но и в этом контексте сформулировал свое видение исторического феномена казачества, которое, на наш взгляд, во многом соответствует современным подходам историков. В частности, он писал, что коммунисты терроризировали казачество, виноватое «только в том, что оно по роковой ошибке случая родилось от свободного русского крестьянства, бежавшего когда-то от гнета боярского и батагов царских в вольные степи Дона; виноватого в том, что русский же народ при Петре I задушил ценой потоков крови его свободу ... что после навязанного рабства царская власть стала не веру внимательною к казачеству, а путем долго казарменного режима вытравило из него человеческие понятия и обратило в полицейского и стражника русской мысли, русской жизни ... что агенты Советской власти “оказали” ему еще больше внимания и вместо слов любви принесли на Дон и Урал месть, пожары и разорение» [3, с. 259]. Мы выделим ключевое слово месть, ибо террористическое рассказывание действительно было, наряду с социальной мотивацией, примитивной ответной местью большевизма за антибольшевистскую террористическую политику красновского правительства в Новочеркасске. Но эта политика вызвала новый всплеск антибольшевистского сопротивления казачества.

Конечно, сами коммунисты этого не признавали. Причины неудачи в подавлении Вешенского восстания казачества лидер донских коммунистов, руководитель Донбюро С.И. Сырцов видел в слабости политической работы в армии, что было связано с формальным подходом политотделов к пропагандистской работе, утомлением войск, соседством с армией Махно, украинскими частями, дивизией Думенко, которые, по его мнению, «заражали дезертирством, партизанским духом, антисемитизмом части 8[-й] армии» [4]. Особо он отмечает такой фактор, как «соприкосновение с кулацко-казачьим населением», которое приводило к разложению войск, к появлению среди красноармейцев настроений: «вот покончим с Красновым – возьмемся за коммунистов». Сырцов привел примеры передачи красноармейцами боеприпасов в огромных количествах казачьему населению. Охарактеризовав ошибки реввоенсовета Южного фронта и 8-й армии, отказавшихся вооружить рабочих и крестьян накануне Вешенского восстания, Сырцов подчеркивал, что «в настоящее время готовится новая ошибка», которая заключалась в позитивном отношении к авторитетному в среде казачества Ф.К. Миронову. Казачья программа Ф.К. Миронова была близка, по его мнению, к взглядам Ковалева, Сокольниковца, Трифонова. По мнению Сырцова, их позиции сводятся к тому, «чтобы дать возможность Миронову безвозбранно реализовать ту популярность, какой он пользуется в казачьей среде» [4]. Это Сырцов считал недопустимым, так как был убежден в том, что Миронов объективно стал центром притяжения казачества, недовольного политикой коммунистов, что в сочетании с его анархистскими и честолюбивыми качествами может представить угрозу Советской власти. Сырцов писал: «Я далек от того, чтобы делать предсказания, что Миронов, подобно другому советскому казачьему войсковому старшине Голубову, обязательно изменит. Даже вне его субъективных желаний в настоящее время он является той фигурой, вокруг которой концентрируются надежды казаков – врагов коммунистов» [4]. Вывод Сырцов сделал внешне логичный, но не оправдавшийся: «Все попытки

использовать чуждые нам, но популярные в той или иной массе элементы всегда оканчивались неудачей (атаман Григорьев, Махно). Мы не сомневаемся, что к цепи неудач в этой области прибавится новая, мы обогатимся новым крылатым словечком – “мироновщина”. Очень хотелось бы оказаться совершенно негодным пророком» [4]. Сырцов, как и большинство донских коммунистов, оказался не способным предотвратить мятеж Миронова в Саранске, и в целом не смог проводить гибкую политику без абсолютизации классового подхода, привлекать колеблющихся, заключать компромиссы, находить точки соприкосновения со своими оппонентами, в полной мере реально учитывать в своей политике необычайно сложную специфику региона. Но Сырцов не только в конце 1919 г. отказался от концепции раскачивания, а весной 1920 г. вступил в конфронтацию с С.Ф. Васильченко и другими большевиками, настаивавшими на продолжении преследования казачества «огнем и мечом». В апреле 1926 г. он выступил на пленуме ЦК РКП(б) с докладом-обоснованием политики реабилитации казачества и вовлечении его в советское строительство [4].

После того, как практика террористического раскачивания была прекращена, и произошел поворот в целом к среднему крестьянству, Миронов возвращается на службу большевистскому режиму. Он блестяще командует 2-й Конной армией в Крыму, получает все мыслимые большевистские награды и получает направление на работу в Донисполком. Понимая, что советские органы власти в новой политической системе подчиняются парткомам, Миронов вступает в коммунистическую партию. Однако такие большевики с дореволюционным партстажем, как Сырцов, Васильченко, Жаков естественно не восприняли его как своего и не допустили к обсуждениям текущего момента на пленумах Донкома и горкома РКП(б). В условиях сложного периода кризиса политики «военного коммунизма» и поиска новых путей развития страны Ф.К. Миронов активно и эмоционально участвовал в дискуссиях на местном уровне, давая резкие характеристики отдельным руководителям партии, чем вызвал подозрения чекистов в нелояльности к власти. На допросах он назвал себя «революционером-самородком» с не укоренившимися коммунистическими взглядами. Опасаясь поддержки популярного среди казачества Миронова со стороны воинских частей на Дону, власть приняла решение избавиться от этой проблемы путем уничтожения ее носителя.

Трагически погибший (фактически расстрелянный, хотя приказ о расстреле не найден) в Бутырской тюрьме в 1921 г., Ф.К. Миронов был реабилитирован только 16 ноября 1960 г. ИМЛ при ЦК КПСС в специальной справке сообщал, что «это был честный, храбрый человек, отдавший много сил в борьбе с контрреволюцией в годы гражданской войны. Он пользовался большим авторитетом среди казаков, боровшихся на стороне советской власти... Однако Миронов был очень сложной фигурой, отразившей в себе поведение значительной части средних слоев казачества, его колебания и сомнения. Он не имел твердых политических убеждений, подчас не мог правильно понять политику Советской власти и коммунистической партии, скатывался на позиции “третьего пути” в революции. На поведении Миронова сказались ошибки, допущенные в начале 1919 г. в решении казачьего вопроса, особенно неправильные действия некоторых представителей Советской власти на Дону.

В.И. Ленин, по заявлению комиссара Казачьего отдела ВЦИК Макарова, говорил: «Такие люди нам нужны. Необходимо их умело использовать». Однако военные власти не нашли правильного подхода к Миронову. Рядом с Мироновым не нашлось опытного политического руководителя, который бы помог ему разобраться в сложной обстановке гражданской войны, преодолеть влияние мелкобуржуазной идеологии и наметить правильную линию поведения» [5]. Спустя полвека исходные позиции анализа изменились, но вывод остался такой же: противоречивая личность, не разобрался за кого воевать, как служить, кому верить...

Командарм Ф.К. Миронов оказался интересным самостоятельным политическим мыслителем и смог на достаточно серьезном теоретическом уровне анализировать происходящие события с точки зрения российского крестьянства, боровшегося за землю и волю с позиций родного ему казачьего сословия, попавшего в жернова межклассовой борьбы. Он был намного ближе к мейнстриму реальной истории, чем все белоказачьи идеологи (М. Богаевский, П. Краснов). Ф.К. Миронов последовательно сформулировал идеологию не рабоче-крестьянской, а в целом общенародной Великой русской революции. Собственно он и попытался в конце Гражданской войны фактически соединить базовый марксистский теоретический концепт социализма с требованиями крестьянства, революционным казачеством и «любовью» к казачеству, с борьбой с расказачиванием, с идеалами христианства. Получился нежизнеспособный для реальных условий социальной революции и гражданской войны утопический «казачье-крестьянский социализм». Тем не менее эта идея в трансформированной форме частично реализовывалась на юге России в условиях нэпа середины 1920-х гг.

Примечания

1. Миронов Ф.К. (14.10.1872–02.04.1921) родился в станице Усть-Медведицкой. Окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище (1898), участник Русско-японской войны. В 1905–1907 гг. участвовал в антиправительственных выступлениях на Дону, был арестован. В Первую мировую войну награжден четырьмя орденами, получил чин войскового старшины. Примыкал к эсерам-максималистам. В декабре 1917 г. принял участие в установлении советской власти в Усть-Медведицком округе. В 1918 г. командовал полком, бригадой, 23-й стрелковой дивизией, группой войск 9-й армии в боях против белоказачьих войск. В феврале 1919 г. он выступил против большевистского расказачивания. В июле 1919 г. Миронов формировал Особый казачий корпус Южного фронта. В сентябре 1919 г. за самовольный поход на Дон своего корпуса Миронов был приговорен трибуналом к расстрелу, но помилован ВЦИК. 2 сентября – 6 декабря 1920 г. он командовал 2-й Конной армией. Был награжден орденом Красного Знамени и золотым оружием. В феврале 1921 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно. См.: Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Т. 9. Мальта – Нахимов, 1966.

2. Венков А.В. Трижды окруженный и разбитый на голову // Донской временник. Краеведческий альманах. Ростов н/Д, 2013; Лосев Е.Ф. Филипп Козьмич Миронов. М., 1991; Стариков С., Медведев Р. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989; Константинов С. Романтик революции. Восемьдесят лет назад был убит Филипп Миронов // Независимая газета. 2001. 28 июня.
3. Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. 792 с.
4. Кислицын С.А. Председатель Совнаркома советской России Сергей Сырцов / 2-е изд. М., 2013.
5. Литвин А.Л., Поликарпов В.Д., Спирин Л.М. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят. Тринадцать бесед / под общ. ред. В.С. Лельчука. М., 1988. С. 46–83.

РАЗДЕЛ 4. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ КАЗАЧЬИХ СТРУКТУР ПОСЛЕ 1991 г.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.Н. Алешина

ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КАЗАЧЕСТВА

Казачество – это уникальный социокультурный феномен, сформировавшийся в условиях агрессивной внешней среды.

Первоначально казачество – это чисто мужское военное сообщество, задачами которого являлось выживание в Диком поле. Разрозненные группы, объединенные только одними целями – выживания и ухода от власти государства, – с трудом вступали во взаимодействие с официальными силами, что часто вызывало конфликты с Московским государством.

Но с XVI в. ситуация несколько поменялась. Несмотря на то, что казаки (донские) признавали себя слугами государевыми, смирить их вольность и своеволие было довольно сложно. Нажим на Дон, предпринятый Москвой в XVII в., привел к тому, что на Дону образовалось два типа казачества: природное и пришлое. С природными казаками, рожденными на Дону, еще можно было договориться, но с пришлыми – нет. Принцип казаков «с Дона выдачи нет», который так раздражал Москву, и недовольство политикой Московского государства в отношении вольности казачества привел к конфликту, который, собственно, и вызвал восстание Степана Разина (1670–1671 гг.).

Давление государства – когда прямое, когда косвенное – постепенно привело к нивелированию и превращению казачества в особую социокультурную группу, которая значительно отличалась от российской культуры, сохраняя свои традиции и особый образ жизни. Тем не менее казачество заняло свое место в структуре Российского государства, выполняя оборонительные и вспомогательные функции в армии: казаки (донские) служили в качестве иррегулярных войск в армии (обязательная служба «в очередь») и сдерживали набеги на южные границы России, чем они занимались всегда.

Другие войска казаков в иррегулярной службе не участвовали, но несли неофициальную службу за жалование, охраняя опять же южные территории от набегов неприятеля там, где не хватало регулярных войск.

Несмотря на то, что казаки как бы вошли с начала XVIII в. в государственную службу, попытки защитить свою вольность сохранялись до конца века (восстание К.А. Булавина и Е.И. Пугачёва).

К середине XVIII в. казачество из особой социокультурной группы начинает превращаться в особое сословие Российского государства со своими традициями, обычаями, управлением и организацией. В некотором смысле, конечно, были свои территориальные особенности, но казачество становится универсальным сословием, несмотря на территориальное расположение. Казаков всех войск стараются привлечь к службе (в войне 1805–1807 гг. принимают участие и два уральских полка). Связано это было с тем, что служба и наличие заслуженного жалования, а также привилегии казачества как особой категории, выделяющей их среди крестьянского сословия, дисциплинирует и создает ауру уникальности и привилегированности.

Казаки достаточно свысока относились к крестьянам, хотя пополнение казачества до середины XVIII в. проходило извне. Тем не менее казачий образ жизни могли принять не все, кто попадал на Дон, – уйти некуда, жить без особой надежды на будущее, соблюдать довольно строгие законы военизированного сообщества, постоянно рискуя жизнью, вряд ли было под силу большому количеству людей. Крестьяне предпочитали стабильность.

Ситуация начинает меняться с конца XVIII в. Во-первых, казаки начинают сами не слишком «приветливо» относиться к пришлым, которые не совсем понимают казачью культуру и, соответственно, не могут в полной мере ей соответствовать. Во-вторых, условия службы требуют определенной дисциплинированности. В-третьих, система управления уже перестает соответствовать запросам, когда казачество присоединяется к управленческой системе Российской империи.

Устранение внешней угрозы после победных русско-турецких войн и присоединения Крыма привело к необходимости пересмотра роли казачества в системе Российской империи. В некотором смысле казачество начало «расслабляться». Не было уже необходимости в отражении атак степняков, служба становилась в тягость. Необходимы были реформы как со стороны государства, так и на Дону.

Первым, кто понял необходимость перемен, был атаман М.И. Платов, который и провел реформы, которые смогли помочь сохранить основные принципы казачества, упорядочить службу и изменить систему управления.

В некотором смысле М.И. Платов спас казачество как сословие, так как государство просто не представляло, что с казаками делать. Угрозы восстаний «из вольности» еще были живы. Делать казачество регулярными войсками не представлялось возможным по разным причинам, одна из них – отсутствие у казаков навыков стратегии. В этом казачество исторически не испытывало нужды, поскольку имело дело с противником, который тоже не имел стратегии. Призывать казаков в рекруты – тоже угроза недовольства.

Поэтому, сохранив казачество как сословие, государство предпочло использовать его как вспомогательную военную силу (как и раньше), практически устранив уникальную казачью тактику, а также функции войска по охране общественного порядка в империи.

События 1917 г. и последующих лет стали для казачества катастрофическими. Мало того, что произошел раскол в казачестве, оно потеряло много людей, которые предпочли эмиграцию жизни в Советском государстве, остальные оказались под угрозой полного уничтожения – и физического, и этнокультурного.

Сохранение Советской властью казачества как некоего бутафорского элемента должно было привести к постепенному вырождению тех исторических основ, на которых зиждились принципы казаков, и которые так стремился сохранить М.И. Платов.

Это не значит, что смогли уничтожить всё, – трудно выбить из народной памяти культурные обычаи и традиции, историю и гордость. Но если это не до конца смогли сделать с казачеством, то смогли сделать с народом. Казачество в советской традиции (фильмы, литература и т.д.) стало ассоциироваться с палачами и нечеловеческими слугами царского режима. Казачество воспринималось, за редким исключением, как экзотика или недоразумение.

Конечно, советское правительство во время Великой Отечественной войны, пытаясь опереться на историческую память, попыталось вернуть и казачество как часть боевой силы, но сделано это было в чисто пропагандистских целях, так же, как и с православной церковью: когда всё плохо, любые средства хороши.

С началом 1990-х гг. казачество начало свое возрождение, но семьдесят лет советской власти сделали свое дело. В этот период казачество воспринималось как бутафория, казаки – ряжеными, и никак по-другому. Возрождение казачьей формы, появление казаков в областях, где их никогда не было, – всё это выглядело, мягко говоря, странно.

То, что казачество пытается возродиться и восстановить то, что было утрачено, действительно заслуживает уважения. Казачьи полки, университеты, училища – всё это правильно. Но надо помнить, что казачество не только внешняя форма, но и образ жизни, уникальная ментальность. Чтобы вернуть уважение населения, мало ходить по улице с нагайками, охраняя порядок. Необходимо активно разъяснять людям, что казаки – не только кубанки и папахи, но патриотизм и верность Отечеству. Следовательно, необходимо:

1. Вести активную агитацию среди молодежи.
2. Взять под охрану памятники истории и ВОВ, выставляя там постоянные караулы.
3. Принимать участие в музейных экспозициях, демонстрируя казачью культуру.
4. Проводить собственные мероприятия.
5. Организовывать казачьи классы в школах.
6. Проводить соревнования по военному казачьему искусству (вспомним уникальную тактику казаков).
7. Устраивать временные летние лагеря для молодежи, где знакомить с историей и культурой казачества.
8. Принимать активное участие в политике, представляя интересы и принципы казачества, – на сегодняшний день это делается явно недостаточно.

Таким образом, если приложить максимум усилий, то вполне возможно если не восстановить былые традиции, то вернуть казачество как полноценную социальную группу общества. Патриотизм, исторический оптимизм, культурный феномен.

Казачи способны не только встроиться в новую реальность, но и сохранить в народе надежду на могучую и великую Россию.

Примечания

1. Краснов П.Н. История Войска Донского. Картины бывшего Тихого Дона. М.: Вече, 2011. 448 с.
2. Науменко В.Г. Великое предательство. М.: Посев, 2009. 544 с.
3. Шишов А.В. Казачество в 1812 году. М.: Вече, 2012. 432 с.

В.О. Богдашкин

КАЗАЧЬИ СТРУКТУРЫ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА НАЧАЛА XXI в.: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Формирование общественного движения, посвященного возрождению российского казачества, в Новосибирской области началось в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в рамках общероссийских социальных процессов, направленных на восстановление историко-культурных традиций и форм самоуправления казачества.

15 сентября 1990 г. инициативной группой из числа граждан, относящих себя к прямым потомкам казаков, было учреждено Новосибирское отделение землячества имени атамана Ермака Тимофеевича, положившее начало созданию казачьих организаций в области [1, с. 158]. Ежегодно этот день принято праздновать среди новосибирских казаков как день образования Новосибирского казачества.

Процесс возрождения казачества в Новосибирской области можно разделить на три условных периода:

– конец 1980-х гг. – 2003 г.: стихийный период, характеризующийся созданием многочисленных казачьих общественных организаций под руководством независимых друг от друга атаманов, который завершается в связи с созданием в 2003 г. Новосибирского отдельского казачьего общества Сибирского войскового казачьего общества;

– 2003–2012 гг. – консолидируемый период, в рамках которого оформились двух крупных центра казачьего движения – Новосибирская региональная общественная организация «Союз казаков Новосибирской области» и Новосибирское отдельское казачье общество Сибирского войскового казачьего общества, относящиеся к Государственному реестру казачьих обществ в Российской Федерации;

– с 2012 г. по настоящее время. Основным признаком данного периода является усиление роли казачества в решении государственных задач, выстраивание отношений государственно-социального партнерства в соответствии с принятой в 2012 г. Стратегией развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 г. (далее – Стратегия) [2].

На территории региона в Главном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Новосибирской области зарегистрированы 23 казачьи организации, в состав которых входят:

– 9 казачьих обществ, принадлежащих Государственному реестру казачьих обществ в Российской Федерации;

– 7 общественных объединений казаков, состоящих в централизованных казачьих организациях: Общероссийской общественной организации «Союз казаков России» и Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и зарубежья»;

– 7 автономных общественных объединений казаков, не состоящих в централизованных казачьих организациях.

Количественный состав казаков в области включает около 1000 человек из числа лиц мужского пола, достигших 18-летнего возраста.

В области сформирована нормативно-правовая база в сфере развития казачества, в том числе принят Закон Новосибирской области «Об отдельных вопросах развития российского казачества в Новосибирской области» от 3 октября 2017 года № 203-ОЗ, что способствовало правовому оформлению казачества как социально-го института [3].

В настоящий период в регионе реализуются многие направления Стратегии, предусматривающие:

– развитие казачьего кадетского образования в ГБОУ НСО «Казачий кадетский корпус имени Героя Российской Федерации Олега Куянова (школа-интернат)», МБОУ города Новосибирска «Средняя общеобразовательная школа № 165 имени В.А. Бердышева» и МКОУ Чулымский лицей, в которых обучается 319 чел.;

– гражданско-патриотическое воспитание молодежи в 24 казачьих военно-патриотических клубах в составе Новосибирского регионального отделения Межрегиональной детско-юношеской общественной организации «Казачья молодежь Сибири», а также в летних лагерях казачьей молодежи – общей численностью около 1000 чел.;

– возрождение казачьих традиций и самобытной культуры казачества с участием 12 казачьих творческих коллективов, координируемых отделом казачьей культуры ГБУК НСО «Областной центр русского фольклора и этнографии»;

– оказание содействия органам власти по различным направлениям: обеспечение охраны общественного порядка, безопасности дорожного движения и защиты государственной границы Российской Федерации, участие в природоохранных мероприятиях.

Анализ современного состояния развития казачества в Новосибирской области показывает, что в его составе образовалась устойчивая разнонаправленная

структура, процесс оформления которой еще не завершен в связи с общероссийской тенденцией конкуренции между реестровым и общественным казачеством.

Вместе с тем конструктивное участие новосибирского казачества в различных сферах деятельности на территории области позволяет ему быть важным социальным институтом, способным эффективно решать многие задачи государственно-социального партнерства.

Примечания

1. Сибирское казачество – Отечества служивая рать: сборник научных статей и материалов, посвященных 430-летию сибирского казачества / под. ред. М.С. Жигуновой, Г.Н. Привалова. Омск, 2012.

2. Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года. Утв. Президентом РФ 15.09.2012 № Пр-2789. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/16682> (дата обращения: 12.03.2019).

3. Об отдельных вопросах развития российского казачества в Новосибирской области. Закон Новосибирской области от 3 октября 2017 года № 203-ОЗ. URL: <https://minregion.nso.ru/page/6627> (дата обращения: 12.03.2019).

Н.В. Кратова

ВЕРХНЕКУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В общественно-политической и культурной жизни Карачаево-Черкесской Республики в течение всего постсоветского периода казачество играло и продолжает играть важную роль. Сама Карачаево-Черкесия как административное образование возникла на основе Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска. Длительное время казачество составляло значительную часть населения региона, оказав существенное влияние на формирование местной этнокультурной палитры. Следствием политики расказачивания, активно проводившейся большевиками в первой половине двадцатого века, стало значительное сокращение численности казачьего населения; были ликвидированы казачьи административные структуры, нанесен непоправимый урон самобытной культуре.

Всплеск этнического самосознания 1990-х не мог не затронуть казачий сегмент населения республики. Казаки приняли самое активное участие во всем спектре политических, экономических и культурных преобразований, осуществленных в регионе в переходный период.

Процессы, которые происходили в казачьей среде Верхней Кубани, во многом были схожи с тем, что происходило в других регионах. Однако были и существенные отличия, определенные особенностями этнополитической ситуации в республике. Как бы там ни было, вопросы развития верхнекубанского казачества

в современный период представляют значительный исследовательский интерес. Однако количество работ, посвященных этой проблематике, весьма незначительно.

В настоящей статье мы постараемся осветить основные направления работы казачьих объединений, действующих в Карачаево-Черкесской Республике.

Основным источником для подготовки настоящего материала стали законодательные акты, касающиеся реабилитации и определяющие государственную службу казачества, а также документы Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска.

На сегодняшний день казачество представляет собой достаточно неоднородную структуру с весьма размытым представлением как о собственной идентичности, так и о том месте, которое оно должно занимать в современном социуме.

Весьма показательны данные официальной статистики. Согласно переписи 2010 г., в республике проживает всего 465 казаков [1]. В то же время только в Баталпашинском отделе Кубанского казачьего войска (далее – БО ККВ) на учете состоят 7076 казаков вместе с членами семей [2]. Учитывая, что значительная часть казачьего населения находится в общественных казачьих структурах, а еще большая, не поддающаяся точному учету часть относится весьма индифферентно к любой общественной деятельности, эти цифры могут не отражать реальной ситуации. Косвенное подтверждение мы находим в результатах социологического опроса, проведенного в 2008 г. Российской академией государственной службы при Президенте РФ в Ставропольском крае, Ростовской, Волгоградской и Читинской областях. Опрос производился в местах компактного проживания казачьего населения. Однако членами какой-либо казачьей организации являлись лишь 20 процентов респондентов [3]. Есть все основания полагать, что в республике складывается схожая ситуация.

Как бы то ни было, интересы казачества учитываются при формировании внутренней политики региональных властей. Для обеспечения взаимодействия руководства республики с казачьими организациями в Администрации главы КЧР действует Управление по делам казачества. Начальник Управления назначается Указом главы КЧР. До 2015 г. начальником Управления становился избранный атаман Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска. С 2015 г. в связи с избранием атамана депутатом Народного собрания КЧР должность впервые занял человек, не являющийся руководителем казачьей организации.

Постсоветские десятилетия стали временем формирования основных институтов, отражающих интересы различных социальных групп, в том числе казачества. Попытки направить активность значительной социально активной части населения в приемлемое для государства русло привело к формированию так называемого реестрового казачества, то есть казачьих обществ, взявших на себя обязательство по несению государственной службы и включенных в Государственный реестр. Правовой фарватер такой службы определяется Федеральным законом «О государственной службе российского казачества». Этим законом определяются следующие направления казачьей государственной службы:

– содействие государственным органам в организации и ведении воинского учета членов казачьих обществ;

- организация военно-патриотического воспитания призывников, их подготовка к военной службе и вневойсковая подготовка членов казачьих обществ во время их пребывания в запасе;

- участие в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, в мероприятиях по гражданской и территориальной обороне, в природоохранных мероприятиях;

- участие в охране общественного порядка, обеспечении экологической и пожарной безопасности, защите государственной границы Российской Федерации, борьбе с терроризмом;

- иная деятельность на основе договоров (соглашений) казачьих обществ с федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Этим законом государство поставило достаточно четкие рамки своей заинтересованности в деятельности казачьих обществ, соблюдение этих рамок, по сути, стало условием финансирования их деятельности из федерального и регионального бюджетов.

Отношение к государственной службе является основным критерием, по которому различаются казачьи организации. Таким образом, совершенно справедливо дифференцирование казачества на «реестровое», то есть включенное в государственный реестр и взявшее на себя обязательства по несению государственной службы, и «общественное», в силу ряда причин осуществляющее свою деятельность в статусе общественной организации.

В Карачаево-Черкесии зарегистрировано 21 реестровое казачье общество:

- 1 отдельное казачье общество (Баталпашинский отдел Кубанского казачьего войска);

- 4 районных казачьих общества (Зеленчукское, Урупское, Усть-Джегутинское, Прикубанское РКО);

- 2 городских казачьих общества (Черкесское, Усть-Джегутинское ГКО);

- 9 станичных казачьих обществ (Зеленчукское, Кардоникское, Сторожевское, Исправненское, Преграденское, Урупское, Медногорское, Курджиновское, Кубанское СКО);

- 5 хуторских казачьих обществ (Кавказское, Ударненское, Красногорское, Фроловское, Ново-Исправненское ХКО).

На учете состоит 3307 казаков (без членов семей). Из них 2172 казака взяли на себя обязательства по несению государственной службы. В основном казаки задействованы в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (2018 казака). 144 казака задействованы в охране общественного порядка.

Наиболее многочисленные Зеленчукское и Урупское районные казачьи общества (1229 и 862 чел. соответственно). Значительно меньше казаков в Прикубанском РКО (428 чел.), Усть-Джегутинском (413 чел.) и Баталпашинском городском КО (375 чел.) [2].

Государственная поддержка местного реестрового казачества осуществляется через подпрограмму 1 «Гармонизация межнациональных отношений и этнокуль-

турное развитие народов Карачаево-Черкесской Республики на 2014–2019 годы» Республиканской государственной программы «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике на 2014–2019 годы». В 2019 г. на поддержку казачества в бюджете заложено 2899 тыс. руб. [4].

Помимо государственных субсидий, баталпащинское казачество получает доход от 1298,4 га сельскохозяйственных угодий, которые предоставлены казачьим обществам районными администрациями на правах аренды. Однако коммерческой деятельности казаки не ведут, отсутствие бизнес-плана экономического развития казачьих обществ дает основание предположить, что экономическая самостоятельность на сегодняшний день является лишь мечтой, хотя и декларируется как приоритетная цель [2].

Как бы то ни было, государственная поддержка позволяет реализовать целый комплекс мероприятий, направленных на сохранение и развитие культуры казачества.

Важным направлением работы является развитие казачьего образования. В самой республике в городе Черкесске, поселке Курджиново и станицах Кардоникской, Зеленчукской, Исправной действует 11 классов казачьей направленности, в которых обучается 166 чел. Юные казаки направляются на обучение в Южно-Российский лицей казачества и народов Кавказа в поселке Иноземцево (12 чел.), казачьи кадетские корпуса в г. Ейске и г. Кропоткине (3 чел.), Первый казачий университет в г. Темрюке (1 чел.), Краснодарский государственный университет физкультуры и спорта (1 чел.).

Возрождению и сохранению традиционной культуры, традиций и обычаев казачества способствуют 14 фольклорных ансамблей казачьей направленности (13 взрослых и 1 детский). Столько же в республике действует казачьих клубов, кружков и секций.

Важным направлением работы казачьих обществ является допризывная подготовка молодежи. В казачьих обществах зарегистрировано 327 чел. до 30 лет. Из них 27 чел. – допризывная молодежь. В 2018 г. было призвано 52 чел. Молодые казаки участвуют в спортивных мероприятиях и патриотических акциях. В 2018 г. прошло несколько крупных состязаний. 10 июня в станице Зеленчукской состоялись соревнования среди казачьей молодежи БКО по армейскому рукопашному бою. 19 сентября в ст. Преградная проводились соревнования по казачьим видам спорта на приз архиепископа Пятигорского и Черкесского Феофилакта. Кроме того, проведены отборочные соревнования по казачьим видам спорта, посвященные 224-й годовщине высадки черноморских казаков на Тамань.

Говоря о непосредственном несении казаками государственной службы, следует отметить, что из всего спектра видов деятельности, предусмотренных «Положением о привлечении членов казачьих обществ к государственной и иной службе», утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16.04.1996 № 563, наиболее востребованным в условиях КЧР является участие казаков в охране общественного порядка (в течение года совершено 102 выхода на дежурство).

Казаки привлекаются к мероприятиям по охране государственной границы, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, профилактике незаконного распространения наркотических средств.

Деятельность нереестрового, «общественного» казачества значительно скромнее. В республике зарегистрировано всего 3 казачьих общественных объединения. Известно лишь о единичных акциях, проведенных «общественниками». В 2016 г. по инициативе местного Баталпашинского казачьего отдела Союза казаков России был водружен поклонный крест на Романовом кургане вблизи с. Маруха Зеленчукского района, где осуществлялись массовые расстрелы казаков.

Общей задачей, которая объединяет как «реестровое», так и «общественное» казачество, является преодоление последствий политических репрессий, возрождение казачьей культуры и традиций. Следует признать, что в этом направлении сделано немало.

В рамках политической реабилитации воссоздан Баталпашинский отдел Кубанского казачьего войска, образованы городские, районные и станичные казачьи общества, в Администрации главы и правительства КЧР функционирует Управление по делам казачества, мероприятия по поддержке казачества включены в государственную программу. Результатом культурной реабилитации стала постройка храмов в местах проживания казаков, завершено восстановление Никольского собора в г. Черкеске. Функционируют фольклорные коллективы, в школах действуют классы казачьей направленности. Однако существует целый комплекс неразрешенных проблем, решение которых потребует значительных усилий.

Прежде всего, тревогу вызывает угроза потери идентичности и ассимиляции. Несмотря на значительное сокращение оттока славянского, в том числе казачьего, населения республики, перспективы восстановления позиций казачества весьма сомнительны. Виной тому высокая политическая индифферентность и низкая экономическая активность славян. Проблему могла бы решить федеральная или региональная программа по поддержке возвращения казаков в республику и расселения в местах традиционного проживания.

В республике нет ни электронных, ни печатных СМИ казачьей направленности. На государственном телевидении и радио, в республиканской прессе нет тематических рубрик. Нет и казачьего детского журнала, хотя абсолютно очевидна его востребованность. То же можно сказать о казачьей литературе. Что совсем удивительно, ни правление Баталпашинского отдела, ни Управление по делам казачества не располагают собственным сайтом. Отсутствует какая-либо поддержка научных (исторических, этнографических, фольклорных, лингвистических) исследований по казачьей проблематике.

Чрезвычайно важно обеспечить финансовую независимость казачьих обществ. К сожалению, практически прекращена практика привлечения казаков на муниципальную службу.

Можно сделать вывод, что существует достаточно большой круг проблем, требующих глубокого анализа и принятия действенных мер.

Примечания

1. Население по национальностям и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2019).
2. Отчет о проделанной работе Баталпашинским отдельским казачьим обществом по военно-патриотической и спортивно-массовой работе за 2018 год. (Архив автора).
3. Современное российское казачество: политический, социальный, экономический портрет; анализ тенденций и прогноз развития государственной службы российского казачества. Результаты выборочного социологического опроса населения. (Архив автора).
4. Республиканская государственная программа «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике на 2014–2019 годы». URL: <http://minnac-kchr.ru/ministerstvo/document/programma.php> (дата обращения: 10.03.2019).

Г.О. Мациевский

СОВРЕМЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Минуло почти три десятка лет с того времени, как в различных регионах исторического проживания казачества стали появляться различные общественные организации, творческие и военно-исторические клубы, фольклорно-этнографические коллективы, просто группы единомышленников, заложившие основу движения за возрождение казачества, пытающиеся в позднеперестроечную эпоху крушения смыслов, идеалов и государственности понять свое настоящее, переосмыслить прошлое, определить будущее. Характерной чертой того времени стало стремление возрождающегося казачества поддерживать порядок и стабильность, выступать в качестве гаранта целостности и безопасности в регионах своего проживания и всей России.

В данной статье рассмотрено возрождающееся кубанское казачество в качестве фактора стабильности в полиэтничном регионе посредством участия его в организации и обеспечении общественного порядка в первой половине 1990-х гг. Отдельные фрагменты проблем, связанные с ролью современного казачества в гармонизации межнациональных отношений, рассматривались в работах Г.С. Денисовой [1], Н.А. Шаожевой [2], А.В. Серикова [3] и др. Вопросы участия казаков в обеспечении правопорядка в той или иной степени становились предметом осмысления различных исследователей, к которым можно отнести В.В. Добровольского [4], О.Н. Дроботенко [5], О.Д. Сафонову [6], Ю.Н. Емельянова [7], С.В. Помазан, О.Н. Рябошапко [8], П.О. Ильина [9], Р.К. Овчаренко, И.А. Поченкову [10].

Начиная с 1991 г., с нарастанием политической и социально-экономической дезинтеграции СССР, увеличением потока мигрантов из национальных республик, усиливающейся атрофией политической воли у центральных и региональных органов власти, возрождающееся кубанское казачество начинает всё более активно участвовать в обеспечении стабильности в регионе и охране общественного порядка. В приказе № 71 от 28 мая 1991 г. «Об участии казаков в проверке прописки граждан» атаман Кубанской казачьей рады (ККР) В.П. Громов, отмечая, что «на Кубань продолжается приток переселенцев из Средней Азии и Закавказья» и «переселенцы проживают, как правило, без прописки, не работают, занимаются спекуляцией, совершают противоправные действия», это «вызывает справедливое возмущение коренного населения и грозит социальным взрывом, а Советы, как правило, бездействуют», приказывает: «1. Проявить инициативу в деле наведения порядка с пропиской граждан, для чего предложить руководителям Советов провести работу по выявлению всех граждан, проживающих... без прописки. 2. Силами казачьих организаций совместно с Советами выявить всех не прописанных лиц. 3. Принять меры через Советы к выселению всех указанных лиц...» [11]. Уже через несколько дней в приказе № 76 от 5 июня 1991 г. атаман ККР, констатируя, что в г. Краснодаре обостряется криминогенная обстановка, призывает всех атаманов казачьих организаций города «сформировать казачьи дружины и утвердить на заседании правления командиров дружин из числа проверенных и надежных казаков», а также «предоставить 01.07.1991 в городской Совет атаманов списки дружинников для оформления удостоверений», при этом подчеркивает: «...При формировании дружины особое внимание обратить на морально-волевые качества казаков и отсутствие у них судимости» [12]. 14 июля 1991 г. в соответствии с решением № 321 Краснодарского городского совета народных депутатов регистрируется первая казачья дружина г. Краснодара, которая начинает активно участвовать в охране общественного порядка совместно с сотрудниками милиции. Также в краевое УВД были подготовлены и направлены ряд указаний и рекомендаций, определяющих порядок участия кубанских казаков в охране общественного порядка, ежемесячную форму отчетности о проделанной работе, примерную программу обучения членов казачьих дружин. Постепенно налаживаются рабочие взаимоотношения милиции с атаманами казачьих обществ различных уровней и непосредственно с атаманом ККР.

Вскоре в адрес правления Кубанской казачьей рады и ее атамана начинают поступать данные о реализации задач по участию в обеспечении общественной безопасности и порядка. Так, атаман Полтавского районного казачьего общества (ст. Красноармейская) в донесении от 29 августа 1991 г. пишет, что «члены правления общества продолжают участвовать в работе комиссий райисполкома по прописке и купле-продаже домовладений, а также в работе контроля при крайсовпрофе», кроме того, «функционирует казачья дружина, занимающаяся совместно с органами правоохранения вопросами наведения общественного порядка в вечернее и ночное время на улицах райцентра и в местах массового отдыха молодежи... казачий пост постоянно дежурит в студенческом лагере “Вега”, созданном в колхозе им. Кирова» [13].

Из приведенных документов явствует, что кубанское казачество с первых лет своего возрождения заявляет о себе как о силе, ориентированной на поддержание безопасности, мира и стабильности в регионе. В условиях слабости, бездействия местной власти и ее неспособности обеспечить общественной порядок кубанские казаки зачастую выступают в качестве инициатора не только «в деле наведения порядка» посредством организации деятельности казачьих дружин, но и взаимодействуют с органами власти в вопросах миграционного контроля, законности купли-продажи домовладений, «работе контроля при крайсовпрофе» и др. Необходимо отметить, что казачьи дружины в это время действуют исходя из собственной инициативы, на общественных началах, а удостоверения, которые выдаются их членам, подписаны чаще всего местными станичными или районными атаманами. При этом казачьи структуры не противопоставляют себя существующим органам власти, не подменяют их, а идут на тесное сотрудничество, зачастую иницилируя их активность.

К 1993 г., времени дальнейшего ухудшения криминогенной ситуации в регионе, роста незаконной миграции и межнациональных конфликтов, увеличения объемов незаконного оборота наркотиков, казачьи организации начинают налаживать всё более тесное сотрудничество с правоохранительными органами края в деле поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности. В донесении от 07.09.1993 на имя атамана Всекубанского казачьего войска (преобразовано из ККР) В.П. Громова начальник управления по взаимодействию с правоохранительными органами Тарасюк докладывает, что «казаками ВКВ совместно с работниками ОВД края, городов и районов 27.08.1993 проведен Всеказачий [Всекубанский] рейд Юга России по охране общественного порядка, проверке правильности прописки и проживания эмигрантов из ближнего зарубежья, возможных источников распространения наркотиков, соблюдения правил дорожного движения, правил торговли», при этом в рейде принимали участие 1248 человек от различных отделов Всекубанского казачьего войска (ВКВ) [14]. По итогам рейда были задержаны «3,5 тыс. чел.; 1,5 тыс. чел. по постановлению 110; 5 чел. за хранение оружия и боеприпасов; 2 преступника, находящихся в розыске. Изъято 600 кг конопли и 510 кг конопли. Задержано 120 пьяных водителей» [15].

Всё чаще инициаторами совместной деятельности по охране правопорядка начинают выступать и сами представители силовых структур. Так, в письме № 39/5-1236 от 26.08.1993 на имя атамана Екатеринодарского отдела ВКВ А.А. Аникина старший инспектор отдела ООП УВД г. Краснодара майор милиции А.В. Миронов просит «для участия в мероприятиях по охране общественного порядка» выделить 27.08.1993 «в распоряжение начальников РОВД следующее количество казаков: ...всего в I смену 100 казаков... во II смену 220 казаков» [16].

Кроме участия в разовых совместных рейдах и мероприятиях с работниками МВД казаки продолжали нести «добровольное... дневное и ночное дежурство... совместно с МВД по охране общественного порядка, выявлению лиц из ближнего зарубежья, проживающих без прописки, пресечению незаконного вывоза сельскохозяйственной продукции, скота и иных материальных ценностей...» [17]. Однако,

как отмечали некоторые атаманы станиц и районов, уже «назрела необходимость создания мобильных подвижных групп из числа казаков и сотрудников ОВД с использованием мототехники», причем «действия мобильных групп целесообразно узаконить и включить в единую систему патрулирования и охраны общественного порядка, безопасности дорожного движения, поддержания стабильности...» [17]. К сожалению, данная инициатива казаков была проигнорирована, страна продолжала скатываться в бездну крушения идей, идеалов и идеологии, непродуманных экономических и финансовых реформ, катастрофического обнищания масс на фоне «прихвацизионного» передела собственности, разрастающихся межнациональных, межрелигиозных, межрегиональных и иных конфликтов.

В конце сентября – начале октября 1993 г. противостояние между законодательной властью в лице Верховного Совета РФ и исполнительной властью в лице Президента РФ вылилось в острейший политический кризис, ввод войск в Москву и расстрел здания Верховного Совета. В этой ситуации правление ВКВ выступило с призывом к казакам, всем политическим силам, партиям и движениям не допустить распространения «кровавых беспорядков» в регионе и воздержаться от участия в активных действиях на чьей-либо стороне. В приказе войскового атамана ВКВ от 4 октября 1993 г. «О чрезвычайном положении в г. Москва и поддержании порядка, мира и спокойствия в Краснодарском крае» говорилось: *«1. Всем атаманам взять под совместный контроль с правоохранительными органами все находящиеся на их территории государственные, административные, промышленные здания, объекты, вокзалы и другие места, тем самым усилив охрану важных объектов. Не допускать кровопролития на местах, сохранить мир и спокойствие в регионе.»*

2. Исходя из анализа существующей обстановки необходимо строго выполнять свои функциональные обязанности, не создавать конфликтных ситуаций и не поддаваться на провокационные действия экстремистских элементов...» [18].

Активность и инициативность кубанского казачества в деле поддержания общественного порядка настолько возрастает, что это даже начинает беспокоить представителей правоохранительных органов. Так, в своем письме № 39/5-4сл от 31 марта 1994 г. на имя атамана ВКВ В.П. Громова начальник УВД г. Краснодара Т.Г. Джиджихия указывает, что «в последнее время руководству УВД города поступает информация о том, что в некоторых куренях Екатеринодарского отдела ВКВ атаманы допускают казаков к охране общественного порядка без сотрудников милиции, в то время как их дружины не оформлены в соответствии с действующим законодательством по охране общественного порядка», а потому необходимо «во избежание ненужных инцидентов... до официальной регистрации в администрации города добровольной казачьей дружины по охране общественного порядка запретить казакам ВКВ патрулирование улиц без сотрудников милиции» [19]. Таким образом, можно говорить о том, что к 1994 г. казачьи дружины, хотя и были созданы в структурах куренных, станичных, районных, отдельных казачьих обществ и даже при правлении ВКВ, многие из них так и не были официально зарегистрированы в районных, городских и краевой администрациях, действовали на

добровольной, безвозмездной основе, зачастую проводя самостоятельные рейды и патрулирование, без согласования с правоохранительными органами.

Для придания процессу возрождения казачества более прогнозируемого и управляемого характера 22 апреля 1994 г. принимается постановление Правительства РФ № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству», в котором в частности отмечалось, что с учетом «исторических традиций и современных потребностей государства... на первом этапе возрождения казачества с учетом мобилизационных и экономических возможностей целесообразно определить следующие виды государственной службы казачества: служба в Вооруженных силах Российской Федерации; служба по охране государственной границы... служба по охране общественного порядка...» [20]. С этого времени участие казаков в обеспечении безопасности и охране общественного порядка всё чаще начинает рассматриваться в логике несения ими государственной службы. Однако четкой регламентации и законодательного оформления «службы по охране общественного порядка», как и вообще государственной службы казачества, на федеральном уровне пока еще не сложилось. В своем обращении к Президенту РФ Б.Н. Ельцину атаманы казачьих войск отмечали: «Казачество России... истари служило верой и правдой интересам государства, охраняло неприкосновенность его границ, выступало гарантом общественной стабильности. И сегодня казачество может и должно стать стабилизирующей силой в нашем Отечестве. Для этого есть все предпосылки: мы организованы, давно переросли рамки общественной организации и горячо желаем служить России... Однако на сегодняшний день ни один из законодательных актов по государственному становлению казачества не выполняется...», в связи с чем необходимо «немедленно решить следующие вопросы: ...узаконить все виды государственной службы казачества... изменить на государственный существующий статус общественной организации, в рамках которой действуют все казачьи структуры и объединения» [21]. Подписали данное обращение атаманы Союза казаков А.Г. Мартынов, атаманы Всекубанского казачьего войска В.П. Громов, атаманы Кавказского линейного войска П.С. Федосов и атаманы Челябинского отдела Оренбургского казачьего войска Р.Р. Бакиров.

Конец 1994 – 1995 г. стали временем еще большего обострения криминальной, социально-экономической, политической, межнациональной ситуации в стране, что было связано в том числе с началом военных действий по установлению конституционного порядка в Чечне. 25 июня 1995 г. атаманом ВКВ полковником В.П. Громовым было направлено письмо № 549 в адрес секретаря Совета Безопасности РФ О.И. Лобова, в котором в частности говорилось о том, что «казачество Кубани, как и всё население, обеспокоено неблагоприятной обстановкой, сложившейся на территории Краснодарского края в связи с событиями в Будённовске, а также появлением в Республике Адыгея вертолетов без опознавательных знаков, созданием специальных отрядов боевиков более 300 человек, имеющих опыт боевых действий в Абхазии и Чечне, а также проживающих в крае более 55 тыс. чеченцев», в связи с чем войсковое правительство ВКВ «убедительно просит... разрешить Краснодарскому крайвоенкомату призвать на военные сборы

военнообязанных запаса из числа казаков Всекубанского казачьего войска в количестве три тысячи человек в войсковую часть 20 650 с последующим привлечением их для усиления охраны объектов народного хозяйства» [22]. Из представленного документа видно, что казачество продолжало выступать в качестве основного инициатора противодействия антигосударственным и антиобщественным силам и готово было с оружием в руках защищать мир и покой в регионе.

Таким образом, можно говорить о том, что в рассматриваемый период в условиях развала страны, увеличения потока мигрантов, обострения криминогенной обстановки, нарастания общественно-политического и экономического хаоса, усугубляющегося атрофией политической воли у центральных и местных властей, в различных, прежде всего полиэтничных регионах страны, в том числе на Кубани, всё ярче начинают заявлять о себе силы, стремящиеся к самоорганизации и обеспечению безопасности и правопорядка. Кубанские казаки в этот период выступают в качестве инициаторов не только в деле поддержания законности и порядка посредством организации деятельности казачьих дружин, но и активно идут на взаимодействие с органами власти в вопросах миграционного контроля, законности купли-продажи домовладений, соблюдения правил дорожного движения. При этом необходимо отметить, что казацкие дружины в это время действовали исходя из собственной инициативы, на общественных началах, без какой-либо материальной или финансовой поддержки и были готовы при необходимости с оружием в руках поддерживать мир и стабильность в регионе.

Примечания

1. Денисова Г.С. Межэтнические отношения в Южном федеральном округе: основные проблемы в условиях санкционной политики (по материалам этнополитического мониторинга) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 38–42.
2. Шаожева Н.А. Казачество в современной Кабардино-Балкарии: ресурс этнополитической стабильности (по материалам социологического исследования) // Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели: материалы Всероссийской конференции с международным участием. Нальчик, 2017. С. 258–262.
3. Сериков А.В. Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник РАЕН. 2013. № 3. С. 35–39.
4. Добровольский В.В. История участия казачьих объединений в защите общественного порядка и региональной безопасности на Северном Кавказе // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2011. № 2. С. 5–10.
5. Дроботенко О.Н. Кубанское казачество как фактор национальной безопасности Юга России // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2016. № 4 (72). С. 19–22.
6. Сафонова О.Д. Казачество: общественно-политическая сила в поиске идентичности // Политический анализ. 2011. № 11. С. 109–117.
7. Емельянов Ю.Н. Проблемы перехода современного казачества от общественной деятельности к государственной службе (на примере Краснодарского края) // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции (16–18 сентября 2016 г.). Славянск-на-Кубани, 2016. С. 124–129.

8. Помазан С.В., Рябошапка О.Н. Об участии граждан в обеспечении общественной безопасности (на примере Краснодарского края) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 285–289.

9. Ильин П.О. Формы совместной деятельности полиции и казачества по обеспечению общественного порядка и безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 17–19.

10. Овчаренко Р.К., Поченкова И.А. Роль казачества в обеспечении общественной безопасности на региональном уровне (на материалах Ростовской области) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 221–225.

11. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 1843. Оп. 1. Д. 66. Л. 5.

12. Там же. Л. 12.

13. Там же. Л. 19–20.

14. Там же. Л. 42.

15. Там же. Л. 43, 88.

16. Там же. Л. 68.

17. Там же. Л. 63.

18. Там же. Л. 72–73.

19. Там же. Л. 109.

20. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 3. Ст. 210.

21. ГАКК. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 89. Л. 7–8.

22. Там же. Д. 112. Л. 6.

О.В. Рвачева

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАЗАЧЬЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СПОСОБЫ

Для казачьего возрождения историческая память сообщества стала важным фактором. Вместе с тем память стала и одним из ресурсов развития казачьего возрождения. В документах первых казачьих организаций тема памяти, необходимости актуализации прошлого в настоящем присутствовала постоянно. Возродить историю казачества через проведение широких исторических исследований, наладить выпуск исторических изданий о казаках, способствовать созданию казачьих музеев и т.п. – вот задачи, которые ставили перед собой казаки в начале 1990-х гг., на этапе организации возрожденческого процесса.

Коммеморацию рассматривают как инструмент памяти, под этим понятием объединяются публичные акты воспоминаний, которые формируют пространство памяти, вписывают прошлое в контекст настоящего, актуализируя его как для представителей конкретного сообщества, так и для всех остальных. В связи с этим

коммеморация тесно связана с идентичностью и нередко представляет собой один из механизмов ее формирования. Для казачьего возрождения, которое само по себе являлось восстановлением идентичности казаков, выведением ее из закрытого пространства семьи в открытое публичное пространство, коммеморация как форма связи человека и сообщества с прошлым являлась чрезвычайно важной. Отсюда повышенное внимание, особенно на начальном этапе возрождения, ко всему, что так или иначе способствовало созданию публичного пространства исторической памяти о казаках.

Потомки казаков помнили о своем происхождении, но далеко не всегда осознавали его как свою идентичность. В советский период произошло «размывание» казачьей культуры, модернизационные процессы практически уничтожили традиционные социокультурные системы казачьего мира, прервалась трансляция культурных ценностей. Для пробуждения/конструирования идентичности казаков необходима была в том числе внешняя атрибутика и материальные свидетельства присутствия казаков на той или иной территории. Однако такое социальное конструирование казачества не могло возникнуть из ничего; чтобы быть убедительным, необходимо было подвести под такое конструирование исторический фундамент.

П. Нора определял нашу эпоху как эпоху коммемораций [1, с. 83]. Увековечивание памяти о важных событиях является неперменной частью государственной политики, но также подобная практика присутствует и у этнических и социальных сообществ. В рамках казачьего возрождения разворачивался коммеморативный бум, в котором можно выявить все основные формы коммеморативной практики: создание исторического нарратива, увековечивание памяти казачьих исторических личностей, формирование календарей памятных дат казачьей истории, установка памятников, создание музеев.

Большое значение для развития казачьего движения имело формирование в конце 1980-х гг. исторических клубов: «Лейб-гвардии казачий полк» (г. Ленинград), Военно-историческое объединение «Кубанский казачий клуб» (1989 г., г. Краснодар), «Донской военно-исторический клуб» (ДВИК, 1986 г., г. Ростов-на-Дону), в составе которого была организована группа «Донской казачий полк, 1812 г.» [2]. Главная цель деятельности данных клубов – пропаганда военной истории казачества.

На начальном этапе возрожденческого процесса, когда особенно остро проявилась работа памяти, возникли новые казачьи организации, в задачи которых уже входило восстановление памяти о значимых или трагических событиях и исторических личностях. Примером такой организации может служить историко-культурный клуб «Думенковцы-мироновцы», члены которого занимались реабилитацией Б.М. Думенко, Ф.К. Миронова и других донцов, пострадавших в ходе проводимых большевиками репрессий против казачества.

В уставных документах казачьих организаций, создаваемых в районах традиционного проживания казачества, тема коммеморации занимала одно из ведущих мест. Разделы уставов были посвящены вопросам возрождения воинских тради-

ций, создания казачьих музеев, сохранения исторических документов, памятников казачьей культуры, увековечения памяти выдающихся представителей казачества в названиях улиц и площадей, воссоздания разрушенных и создания новых памятников, в том числе жертвам исторической трагедии казачества [3, с. 442]. Так, в Уставе Союза казаков Области Войска Донского (далее – СКОВД) 1990 г. в качестве одной из задач значилось восстановление исторической правды о казачестве и его роли в создании России, возрождении праздников и памятных дат Войска Донского [4]. В документах Кубанского казачьего войска начала 1990-х гг. в задачах организации значилось: восстановление исторической правды о казачестве, восстановление исторических названий станиц, городов, улиц, сохранение памятников материальной культуры кубанского казачества, сохранение и развитие казачьих традиций, уклада жизни и пр. [5].

Нередко в документах казачьих организаций говорилось о необходимости проведения общественного суда над идеологами расказачивания и раскрестьянивания, о поминовении жертв геноцида казачества и увековечивании их памяти.

Казачьи организации выступали с инициативой издания исторической литературы о казаках. В 1990–2000-х гг. вышло огромное количество научно-популярной, публицистической и художественной литературы. Основная тематика – военная история, с акцентом внимания на героическом служении казаков Отчизне. Одним из наиболее значимых проектов в этом направлении стала работа по созданию энциклопедии «Казачество», инициированная в 1990 г. Союзом казаков России [6]. Такие издания находили широкий отклик у читателей, в особенности у тех, кто участвовал в казачьем возрождении, для которых была особенно важна популяризация казачьей истории, способствовавшая созданию пространства публичной истории и памяти.

В начале 1990-х гг. коммеморативные практики по закреплению казачьих образов в публичном пространстве, особенно на территориях традиционного проживания казачества, начинают поддерживать власть. Так, Ростовский областной совет народных депутатов предложил создавать и развивать исторические и заповедные зоны, культурно-этнические музейные территории, связанные с казачеством; действовать организации изучения истории казачества в школах, училищах, техникумах, помогать фольклорным коллективам и т.п. [7, с. 298]. В Краснодарском крае казачий образ региона был закреплён даже в краевом гимне. Им стала полковая песня кубанских казаков «Ты Кубань, ты наша Родина...», написанная в 1914 г. [8, с. 165–167].

Значимые даты и события казачьей истории закреплялись в публичном пространстве при помощи различных форм коммеморации. Так, популярностью у казаков пользовались конные походы, посвящаемые какому-нибудь историческому событию. В 1990 г. первый такой поход, получивший название «Во славу Отечества», был организован в связи с празднованием 420-летия Старочеркаска. Символическое значение этого похода было многозначным. Униформа казаков соответствовала периоду Первой мировой войны, общественность восприняла казаков как «белых», участники похода рассматривали его и как память о Гражданской

войне, и даже как демонстрацию акта гражданского согласия, во время похода у здания бывшего штаба Добровольческой армии минутой молчания они почтили всех погибших в Гражданской войне [9, с. 52]. Таких походов было несколько. Конные походы «во славу кубанского казачества», по местам славы отечественного оружия организовывались Кубанским казачьим клубом [10, с. 66, 68]. В 2012 г. был организован конный поход казаков в Париж в рамках празднования 200-летия Отечественной войны в память павших русских и французских воинов. Одной из задач похода объявлялась историческая реконструкция маршрута казаков М.И. Платова.

Важнейшей частью коммеморации становится мемориальная практика, установка памятников и памятных знаков в честь известных исторических личностей и исторических событий, в которых казаки принимали непосредственное участие. Коммеморативная практика разделяется на два направления. Первое – установка памятников известным личностям, оставившим значительный след в истории России, второе – памятники, посвященные трагическим событиям казачьей истории.

В рамках первого направления особое место занимает мемориальная практика по отношению к М.И. Платову. Памятники прославленному атаману, герою Отечественной войны 1812 г. начали возводить еще в середине XIX в. В конце 1980-х гг. в Новочеркаске возникло целое инициативное движение по восстановлению памятника М.И. Платову в Новочеркаске, демонтированному в советский период. В итоге к началу 2000-х гг. в Новочеркаске было установлено два памятника Платову. В 2000-х гг. памятники Платову были установлены в Семикаракорске, Ростове-на-Дону и Москве. Барельеф с изображением атамана в 2008 г. появился в Волгодонске. Нередкой является мемориальная практика в отношении другого прославленного донца – Я.П. Бакланова, героя Кавказской войны. Памятник ему есть в Новочеркаске (открыт в 1911 г.) и Волгодонске (открыт в 2008 г.).

В конце 1990-х – 2000-е гг. памятники героям Отечественной войны 1812 г. (войсковому атаману Черноморского войска А.Д. Бескровному) и Русско-персидской войны 1826–1828 гг. (наказному атаману Кубанского казачьего войска Г.А. Рашпилю) появились в Анапе и Краснодаре.

Нередко монументы устанавливаются не в честь какого-то конкретного события, а как символы казачьей воинской славы и служения Отечеству. Так, в начале 1990-х в Кумылженском районе Волгоградской области был воздвигнут монумент «Защитникам Отечества донским казакам». Его мемориальной целью является создание образа казака-воина: «Величественный образ защитника Отечества с шашкой наголо, со всей казачьей страстью вот уже 20 лет призывает нас беречь Родину, хранить память о делах наших предков, призывает возродить былую славу донского казачества» [11]. Аналогичную цель преследовали и инициаторы создания монумента, посвященного казакам, установленного в центре г. Волгограда в 2010 г. Он называется «Казачья слава» и также известен как памятник российскому казачеству.

Отметим, что Волгоград не являлся казачьим городом и не входил в границы Области Войска Донского, однако в настоящее время казачество – не-

отъемлемая часть городского социального и культурного пространства. Таким образом, в мемориальной практике здесь проявляется еще одна характерная черта – формирование/закрепление казачьей идентичности той или иной территории. К такой практике можно, на наш взгляд, отнести открытие в 2016 г. в Майкопе памятника «Славным сынам Отечества – казакам и горцам – героям Первой мировой войны» [12], а также в 2017 г. памятника хоперским казакам – основателям г. Ставрополя.

Второе направление мемориальной практики – памятники, посвященные событиям Гражданской войны. Здесь сохраняется немало противоречий. Так, в советский период, когда активно формировался пантеон новых героев, было установлено немало памятников красному казачеству. Самыми известными историческими личностями стали Ф.Г. Подтёлков и М.В. Кривошлыков. В постсоветский период мемориализация памяти о Гражданской войне и участия в ней казачества не получила системного развития. Во-первых, в силу того, что тема Гражданской войны в целом оказалось вытесненной за рамки политики памяти, а во-вторых, из-за наличия «неудобных» исторических фигур у казаков. Ряд известных исторических личностей из казаков, сыгравших важную роль в Гражданской войне, впоследствии оказались в рядах коллаборантов. Таким образом, увековечивать память о Гражданской войне через них оказалось невозможно, и пантеон новых героев Гражданской войны оказался несформированным.

Увековечивание памяти о Гражданской войне сложилось в итоге как память о трагедии казачества, память о жертвах репрессий большевиков. В качестве самого известного памятника данной группы можно назвать памятник Примирения и Согласия, открытый в Новочеркасске в 2005 г. Коммеморативная практика в отношении Гражданской войны была приурочена к изданию циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б) об отношении к казакам 24 января 1919 г., результатом которого стало проведение массового террора в отношении донского казачества. Представители казачества 24 января ежегодно проводят мероприятия памятного характера, посвященные этой трагедии.

Таким образом, коммеморативная практика, сформировавшаяся в период казачьего возрождения, была разнообразной и включала различные формы обращения к истории казачества. Главной задачей этой практики являлось создание особого пространства памяти, в котором история казачества позволяла бы закрепить наиболее важные образы казачества, а также присутствие казаков в современном социальном и культурном пространстве.

Примечания

1. Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7.

2. Турусов В.П. Особенности военно-исторического движения в России по опыту ряда отечественных клубов // Военно-исторический журнал «РЕЙТАР». № 23 (11/2005), № 25 (1/2006), № 27 (3/2006). URL: <http://www.avit-centre.spb.ru/exb/06/30/a4.htm> (дата обращения: 03.07.2018).

3. Устав Донецкого казачьего округа // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов (История современного донского казачества). Исследования и документы. Ростов н/Д: Ростиздат, 2002.
4. ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.
5. Устав Кубанской казачьей рады 1990 г. // ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 81; Устав Всекубанского казачьего войска 1993 г. // ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 284.
6. Обращение Общероссийской общественной организации «Союз казаков» и научного объединения «Энциклопедия казачества» к научной и казачьей общественности России и мира. URL: <http://www.allcossacks.ru/index.php/2010-06-03-23-14-17/52-2010-06-03-19-21-09/1204-----1-r---1-r-----> (дата обращения: 31.03.2019).
7. Решение Президиума Ростовского областного Совета народных депутатов № 95 от 13.12.1990 «Об отношении Советов народных депутатов, их исполкомов к возрождающемуся казачеству» // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского...
8. Закон Краснодарского края № 5-КЗ от 5 мая 1995 г. «О символах Краснодарского края» // Сборник нормативных актов.
9. Озеров А.А., Киблицкий А.Г. История современного Донского казачества. Исследования и документы. Ростов н/Д: Ростиздат, 2000.
10. Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба к Кубанской казачьей раде. Краткая история начала возрождения кубанского казачества. 1989–1990 гг. Краснодар: Пульс-Софт, 2009.
11. Монумент-памятник «Доблестному донскому казачеству». Казачья слава в бронзе и граните. URL: <http://www.biblioteka-volgograd.ru/konkursy/konkursy-2014-goda/konkurs-sem-chudes-kultury-volgogradskoi-oblasti/monument-pamjatnik-doblestnomu-donskomu-kazachestvu.html> (дата обращения: 12.03.2019).
12. Глава Адыгеи принял участие в открытии памятника в Краснодаре «Славным сынам Отечества казакам и горцам – героям Первой мировой войны». URL: <http://www.adygheya.ru/press-room/photo/3121/?type=print> (дата обращения: 14.03.2019).

М.В. Донцова, И.В. Юрченко

ВОСПРИЯТИЕ КАЗАЧЕСТВА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЮГА РОССИИ

Стратегическим направлением государственной политики РФ по обеспечению национальной и региональной безопасности являются проблемы воспитания молодежи. Задачи ускоренного развития экономики, социальной сферы, науки и образования могут успешно решаться только на основе эффективного развития и грамотного использования творческого человеческого потенциала с ориентацией на защиту цивилизационных российских ценностей и идеалов.

В современных условиях резкого обострения международных и региональных социально-политических конфликтов и серьезного роста геополитической напряженности стабильность политического строя и возможности ускоренного экономического развития российского общества обусловлены качеством гражданской позиции, прежде всего студенческой молодежи, получающей высшее образование и в перспективе определяющей динамику развития научно-образовательной и бизнес-сферы.

Интерес представляют результаты проводимых в 2017 г. эмпирических исследований политических ценностей российской молодежи коллективом Государственного университета управления. Авторы утверждают, что «молодые люди в большей части считают себя патриотами», так как три четверти опрошенных в той или иной степени оценивают свою гражданскую позицию как патриотическую, а именно 33,3 % утвердительно ответили на вопрос, считают ли они себя патриотами России, а также 41,4 % отметили, что они скорее относят себя к патриотам России, чем отрицают это, а не согласен с такой точкой зрения каждый шестой респондент, признавшийся «в том, что не относит себя к числу патриотов России» [6].

Нельзя не согласиться с оценками Т.В. Беспаловой, согласно которым современный период развития российской государственности, отличающийся высокой степенью воздействия внешних факторов, требует понимания молодыми людьми всей важности культурно-цивилизационных основ и ценностей русской цивилизации, «которая всегда выстаивала под натиском разнообразных угроз благодаря великой миссии русского народа, православного воинства» [1]. Так, в «Кубанском казачьем Вестнике» уделяется пристальное внимание воспитанию патриотического духа настоящих мужчин, прежде всего на основе идеологии православия. Атаман Кубанского казачьего войска казачий генерал Н. Долуда в рождественскую ночь побывал на службе в Войсковом соборе Святого благоверного князя Александра Невского и с такими словами обратился к землякам: «Братья-казаки! Примите мои искренние поздравления с праздником Крещения Господня! Крещение Господне, или Богоявление, – один из самых древних и почитаемых христианских праздников» [3]. Специфика восприятия молодыми людьми деятельности современного казачества связана и с демографическими особенностями опрашиваемых групп студенчества: девушки имеют меньше информации о структуре и нормативных аспектах работы казачества, о казачьих кадетских корпусах и военно-патриотических клубах, чем юноши. Так, не все опрашиваемые знали, что глава государства и Верховный главнокомандующий Владимир Путин назначил нового председателя Совета при Президенте РФ по делам казачества – помощника Президента Анатолия Серышева [4]. Он казак Забайкальского казачьего войска. В 1990 г. закончил высшие курсы КГБ СССР, возглавлял Управление ФСБ по Республике Карелия, а затем был заместителем руководителя Федеральной таможенной службы [4]. На Юге России потенциал гражданской активности казачества особенно востребован в связи с важностью пограничной политики в Черноморско-Каспийском макрорегионе.

Наиболее значимым событием в новейшей истории России явился референдум в Крыму, по результатам которого Крым и Севастополь вернулись в состав Российской Федерации. 16 марта 2014 г. в ходе всеобщего референдума жителей Крыма за воссоединение с РФ проголосовало почти 96,8 % избирателей при явке на референдум свыше 80 %. 18 марта 2014 г. российские власти подписали договор с властями Республики Крым о вхождении полуострова в состав Российской Федерации. Возвращение Крыма в Россию – событие поистине историческое, непосредственное участие в нем приняли казаки Кубанского казачьего войска. В дни подготовки и проведения референдума большая нагрузка по охране Крыма легла на местных и кубанских казаков. Вместе с группами ополченцев и «вежливыми людьми» они несли службу на всех въездах на полуостров, в Симферопольском аэропорту, по охране важнейших административных зданий, а также на избирательных участках, где проходило голосование. О вкладе казаков-кубанцев в возвращение Крыма президент России Владимир Путин сказал: «Кубанские казаки одними из первых пришли на помощь Крыму. Работали очень дисциплинированно, слаженно и ответственно». Казаки, чьи предки еще при царизме отвоевали у турок Крым, не могли безучастно наблюдать за событиями в Крыму. Уже 27 февраля 2014 г. первые группы кубанских казаков начали прибывать на полуостров [2].

В состав Екатеринодарского районного казачьего общества (РКО) Кубанского войскового казачьего общества, осуществляющего свою деятельность на территории муниципального образования город Краснодар, входит 32 первичных казачьих общества, в том числе два станичных и тридцать хуторских. Общая численность казаков Екатеринодарского РКО составляет 2500 чел. Это казаки, которые приняли на себя обязательства по несению государственной и иной службы. Совместно с сотрудниками полиции круглосуточное дежурство по охране общественного порядка на постоянной основе несут 293 казака-дружинника. За 2018 г. совместно с сотрудниками правоохранительных органов было раскрыто 222 преступления, задержано 77 лиц, находящихся в розыске, проведено 64 рейдовых профилактических мероприятий в местах возможной концентрации трудовых мигрантов и 96 рейдов по противодействию распространения наркотиков и наркомании. Казачьими частными охранными организациями в городе Краснодаре взято под охрану 305 объектов социальной сферы (учреждений культуры – 16, образования – 288, спорта – 1) [5]. По состоянию на 31 декабря 2018 г. в Краснодаре зарегистрированы 103 религиозные организации, представляющие 22 конфессии. Среди этих организаций 54 прихода Русской православной церкви. Екатеринодарское РКО особое внимание уделяет взаимодействию с приходами Русской православной церкви, проводит работу в области духовно-нравственного воспитания казачества с участием представителей Екатеринодарской и Кубанской епархии.

Опрос 2017 г. в Краснодарском крае (n = 180, респонденты в возрасте до 35 лет) показал, что молодежь региона в большинстве случаев одобряет инициативу бывшего губернатора края А.Н. Ткачёва о создании казачьих дружин (64,4 %). Основная часть тех молодых людей, которые высказались за инициативу Ткачёва, считают, что присутствие казаков повышает безопасность в регионе. Некоторые

респонденты заметили, что появление новой силы положительно сказывается на межнациональной обстановке, но подобных мнений было существенно меньше. Также в сознании молодежи казачьи дружины слабо ассоциируются с возрождением кубанских традиций. В выборке в целом мнение молодежи о влиянии казачьих дружин на обстановку в регионе разделилось на два лагеря: одни считают, что с начала патрулирования казаков на улицах края стало спокойнее (48 %) и ровно столько же участников опроса считают, что ситуация никак не изменилась. Однако ясно, что молодежь не воспринимает казачество как силу, дестабилизирующую обстановку (мнение, что деятельность казачьих дружин повышает тревожность в обществе, высказали только 4 % участников опроса). На межнациональную обстановку в крае, по мнению большинства опрошенных (30 %), присутствие казачьих дружин никак не влияет. Примерно столько же респондентов затруднились ответить по данному вопросу. Четверть опрошенных сочли, что казаки разряжают межнациональную обстановку, а противоположное мнение имеют меньшинство – 13 % опрошенных.

Как показали опросы, исходя из того, что казачьи дружины являются новой силой обеспечения правопорядка, больше доверия у молодых людей всё же вызывает полиция. Кроме того, эффективность полиции оценивается гораздо выше по сравнению с казачьими дружинами при оценке молодежью уровня противодействия таким опасностям, как уличная преступность, этническая преступность и распространение нелегальной миграции. То есть казачьи дружины пока не воспринимаются молодежью как сила, способная эффективно бороться с данными проблемами.

Также интересно заметить, что отношение к созданию казачьих дружин имеет статистически достоверную связь ($p = 0,019$, тест Хи-квадрат) с отношением к вступлению Крыма в состав России. Так, наблюдается прямая корреляция между оценками воссоединения Крыма с Россией и отношением к инициативе создания в Краснодарском крае казачьих дружин: молодые люди, выражающие одобрение вступлению Крыма в состав РФ, статистически чаще поддерживают и создание казачьих дружин.

Таким образом, исходя из результатов опроса, можно сделать вывод, что казачество на Кубани становится потенциальным фактором, способствующим воспитанию духа патриотизма в сознании молодежи. Кроме того, в настоящее время деятельность казачьих организаций в большей степени ассоциируется у молодежи с процессом создания системы региональной безопасности.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2019 г. «Конфликтологический анализ региональной ситуации на Юге России», 00-19-08, № госрегистрации проекта АААА-А19-119011190170-5, направление 183 Программы ПФНИ ГАН на 2013–2020 гг.

Примечания

1. Беспалова Т.В. Патриотизм и национальная идея как основа государственной идеологии России: к проблеме возрождения культурно-цивилизационных смыслов // Ду-

ховно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, Сочи, 13–15 марта 2017 г.). Краснодар: Диапазон-В, 2017. С. 228.

2. Кубанские казаки в Крыму // Сайт Кубанского казачьего войска. URL: <http://slavakubani.ru/video/kubanskie-kazaki-v-krymu/> (дата обращения: 01.03.2019).

3. Поздравление Николая Долуды // Кубанский казачий вестник. 19 января 2019 г. URL: <http://slavakubani.ru/press/kubanskiy-kazachiy-vestnik-ot-19-yanvary-a-2019-goda/> (дата обращения: 13.03.2019).

4. Распоряжение Президента Российской Федерации №33-рп от 08.02.2019 // Союз казачьей молодежи Кубани (публикация от 12.02.2019). URL: <http://скмк.рф/2019/02/12/predsedatelem-soveta-pri-prezidente-rf-po-delam-kazachestva-naznachen-anatolii-serishev/> (дата обращения: 06.03.2019)

5. Решение городской Думы Краснодара от 14.03.2019 № 70 п. 1 «О ежегодном отчете главы муниципального образования город Краснодар “О результатах своей деятельности и о результатах деятельности администрации муниципального образования город Краснодар в 2018 году”» // Официальный сайт Администрации и городской Думы г. Краснодар. URL: <https://krd.ru/dokumenty/dokumenty-gorodskoy-dumy/obschie-dokumenty/ofitsialnoe-opublikovanie/document-14032019165603.html> (дата обращения: 17.03.2019).

6. Чуев С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. № 11. С. 55.

Т.А. Чурбанова, М.О. Сафронова

ТУЛЬСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ КАЗАЧЕСТВА «СОЮЗ КАЗАКОВ-ВОИНОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Конец XX в. в истории России ознаменовался коренными изменениями во всех сферах общественной жизни. За короткий срок были созданы политико-правовые условия для реализации гражданских инициатив, в частности для формирования общественных организаций, являющихся структурными элементами любого гражданского общества. Среди организаций, имеющих наибольшую социальную активность, выделяются казачьи общественные объединения. Участники этих объединений признают себя потомками казаков, носителями особой этносоциальной культуры, приверженцами многовековых воинских традиций. Активизация казачьих объединений, как отмечает С.В. Усатовым, началась в конце 1980-х гг. [1]. Одним из первых подобных объединений, зарегистрированных на территории Тульской области в 1992 г., стала Тульская община казаков, позднее – Тульская городская казачья община (ТГКО).

Правопреемником ТГКО стало Тульское региональное отделение Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и зарубежья» (СКВРиЗ), которое было зарегистрировано Министерством юстиции Российской Федерации 24 ноября 2015 г. Деятельность ТРО «СКВРиЗ» регламентирована уставом СКВРиЗ и положением о региональных отделениях [2; 3]. Управление деятельностью осуществляют, помимо руководящих и контрольно-ревизионных органов СКВРиЗ, собрание (круг) членов регионального отделения, правление отделения и атаман отделения в лице казачьего полковника Александра Владимировича Евтеева. Целью создания ТРО «СКВРиЗ», согласно уставу организации, является защита общих интересов ее членов в области развития казачества, защита его прав, сохранение традиционного образа жизни, хозяйствования и культуры.

На момент регистрации Тульское отделение насчитывало 17 чел. В августе 2017 г. в целях объединения казаков и развития казачества в Тульской области в состав отделения вошел хутор Посольский Заокского района [4]. Сегодня членами СКВРиЗ являются 30 казаков. Численность состава объясняется довольно строгим отбором. Возраст членов отделения составляет от 19 до 55 лет, при этом 93,3 % – контингент от 30 до 55 лет, 6,7 % – от 19 до 30 лет. Половина казаков имеет высшее и неполное высшее образование, другая половина – среднее и среднее профессиональное. Сферы профессиональной деятельности членов отделения различны, среди казаков есть административные работники, юристы, представители правоохранительных структур, инженеры, педагоги, психологи, рабочие.

Приоритетными направлениями деятельности СКВРиЗ являются: развитие российского казачества, защита гражданских прав и свобод, чести и достоинства казаков, развитие дружбы и сотрудничества, поддержание межнационального мира и согласия между народами Российской Федерации, участие в деятельности по укреплению российской государственности, общественно-политической стабильности, взаимодействие с войсковыми казачьими обществами, общественными объединениями казаков в интересах объединения и развития российского казачества, культурное, духовное и нравственное воспитание казаков, сохранение и развитие казачьих традиций и обычаев, ведение гражданско-патриотической, культурно-массовой, спортивной, а также экологической работы.

Члены СКВРиЗ – активные участники боевых действий в Приднестровье, Абхазии, Карабахе, Чечне, Сирии. Кроме того, 5 казаков Тульского отделения участвовали в охране общественного порядка на полуострове Крым во время «Крымской весны» 2014 г. Заслуги членов Союза казаков-воинов России и зарубежья отмечены правительственными наградами: Орденом Мужества, медалью «За Отвагу», медалью «За возвращение Крыма», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» с мечами.

Поисковый отряд «Казачья память» из числа представителей ТРО более 9 лет функционирует на базе Межрегиональной молодежной военно-патриотической общественной организации поисковых отрядов «Возрождение» [5]. За это время организованы и проведены Вахты Памяти в Тульской, Калужской и Орловской областях.

В двух школах г. Тулы и Заокского района в рамках внеурочной деятельности по спортивно-оздоровительному направлению созданы военно-патриотические отряды, руководителями которых являются члены ТРО «СКВРиЗ». Обучающиеся знакомятся с историей и традициями казачества, православной культурой, осваивают фланкировку, изучают начальную военную подготовку. ТРО «СКРВиЗ» взаимодействует с Всероссийской общественной спортивной организацией развития военного искусства «Федерация рубки шашкой “Казарла”». Казаки успешно выступают на соревнованиях федерации, демонстрируя свое мастерство.

Издrevле казаки известны своим умением создавать красивые и нужные вещи. Тульская земля славилась кузнецами, гончарами, резчиками, столярами, кружевницами, вышивальщицами, ткачами, ювелирами, оружейниками и другими мастерами декоративно-прикладного искусства. Сегодня представители ТРО «СКВРиЗ» сохраняют и развивают лучшие культурные традиции предков. В работах мастеров проявляются традиции народного искусства наряду с творческой индивидуальностью их создателей, достойно представляющих регион на фестивалях и конкурсах различных уровней, таких как Международный фестиваль «Казачья станица Москва», Международный фольклорный фестиваль «12 ключей», Фестиваль крапивы, Межрегиональный фестиваль «Епифанская ярмарка» – «На Дону стоим, Дон славим», Международный военно-исторический фестиваль «Поле Куликово» и т.д. Казаки и казачки щедро делятся умением и опытом, передавая их подрастающему поколению и взрослому контингенту в процессе мастер-классов, а также в рамках внеурочной деятельности и дополнительного образования тульских школ.

С 2016 г. казаки ТРО «СКВРиЗ» являются членами Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Центр экологической политики и культуры». Цель данной организации – улучшение экологической ситуации в Тульской области. В процессе работы выполняются следующие задачи: воспитание, просвещение и образование в области экологии и охраны окружающей среды (в том числе молодежи), организация молодежных экологических лагерей, семинаров, симпозиумов, экологического туризма [6].

В июле 2018 г. подписано Соглашение между Министерством природных ресурсов и экологии Тульской области и ТРО «СКВРиЗ», согласно которому казаки активно участвуют в мероприятиях по охране, защите, воспроизводству лесов, в ликвидации самовольно образованных свалок на лесных участках земель лесного фонда, в информировании населения об ограничениях, связанных с пожароопасным периодом и осторожным обращением с огнем в лесах, соблюдением требований правил пожарной безопасности, в подготовке предложений по созданию и совершенствованию законодательной и нормативной базы в сфере лесных отношений [7].

В начале 2019 г. подписано Соглашение о порядке взаимодействия между администрацией муниципального образования Заокский район, ОМВД России по Заокскому району и добровольной народной дружиной «Комиссия общественного порядка» (ДНД) [8]. Казаки хутора Посольский в составе ДНД принимают участие в охране общественного порядка на территории муниципального образования

Заокский район, в работе по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, профилактической работе с родителями и законными представителями несовершеннолетних, оказывают содействие в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций, патрулируют на улицах и в иных общественных местах на территории муниципального образования Заокский район совместно с сотрудниками органов внутренних дел (полиции).

Несмотря на положительную динамику развития ТРО «СКВРиЗ», существует ряд проблем, требующих решения:

1) несогласованность представителей казачьих обществ и общественных объединений Тульской области, противоречащая задаче сплочения казачества в России и за рубежом;

2) недостаточный уровень взаимодействия ТРО «СКВРиЗ» с органами власти в регионе;

3) старение контингента ТРО «СКВРиЗ».

Вышеобозначенные проблемы требуют решения посредством консолидации усилий органов власти, казачьих организаций и обществ, что даст возможность работать на благо Родины. Главной перспективой развития Тульского отделения является многоплановая работа по всем приоритетным направлениям, определенным Союзом казаков-воинов России и зарубежья, с учетом региональной специфики.

Примечания

1. Усатов С.В. Роль казачьих общественных объединений при поддержании порядка в современном российском обществе: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Краснодар, 2010. С. 1.

2. Устав Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и зарубежья» от 03.08.2014. URL: <http://скврз.рф/index/0-2> (дата обращения: 10.03.2019).

3. Положение о региональном отделении, филиале, представительстве и других структурных подразделениях Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и зарубежья» (СКВРиЗ). 2015 г. URL: <http://скврз.рф/index/0-2> (дата обращения: 10.03.2019).

4. Выписка из приказа атамана Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и зарубежья» № 6 от 20.08.2017 «О включении в состав Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и зарубежья» отдельных подразделений.

5. Договор о сотрудничестве Межрегиональной молодежной военно-патриотической общественной организации поисковых отрядов «Возрождение» и ПО «Казачья память» от 15.03.2011.

6. Центр экологической политики и культуры. Общероссийская общественная организация. Тульское региональное отделение. URL: <http://www.ecologyandculture.ru/index.php?id=44> (дата обращения: 10.03.2019).

7. Соглашение № 7 о взаимодействии между Министерством природных ресурсов и экологии Тульской области и Тульским региональным отделением Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и зарубежья».

8. Соглашение о порядке взаимодействия администрации муниципального образования Заокский район, ОМВД России по Заокскому району и добровольной народной дружины «Комиссия общественного порядка» от 04.02.2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аверьянов Антон Викторович** – кандидат исторических наук, доцент (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Алешина Ирина Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент (Тверской государственный технический университет, г. Тверь)
- Аристова Людмила Борисовна** – кандидат экономических наук (Институт востоковедения РАН, г. Москва)
- Бабичева Майя Евгеньевна** – кандидат филологических наук (ФГБУ «Российская государственная библиотека», г. Москва)
- Баранов Андрей Владимирович** – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар)
- Богдашкин Виталий Олегович** (Министерство региональной политики Новосибирской области, г. Новосибирск)
- Болдырев Юрий Фёдорович** – кандидат исторических наук, доцент (Волгоградский филиал Московского финансово-юридического университета, г. Волгоград)
- Броварь Александр Витальевич** – доктор исторических наук, доцент (ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР)
- Будченко Лидия Ивановна** – кандидат юридических наук (ГКУ ВО «Центр документации новейшей истории Волгоградской области», г. Волгоград)
- Бугаев Абдула Махмудович** – кандидат исторических наук (Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный)
- Васильев Игорь Юрьевич** – кандидат исторических наук (Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУ КК «Кубанский казачий хор»)
- Ведищева Татьяна Сергеевна** – магистрант (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов)
- Венков Андрей Вадимович** – доктор исторических наук, профессор (Южный научный центр, г. Ростов-на-Дону)
- Гапуров Шахрудин Айдиевич** – доктор исторических наук, профессор (Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный)
- Горшкова Татьяна Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент (Московский политехнический университет, г. Москва)
- Грищенко Алексей Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент (Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова – филиал Донского государственного аграрного университета, г. Новочеркасск)

- Деордиева Анжела Николаевна* – кандидат исторических наук, доцент (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Донцова Мария Владимировна* – кандидат социологических наук (Южный научный центр РАН, г. Краснодар)
- Дьякова Елена Васильевна* – кандидат исторических наук, доцент (Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды, г. Харьков, Украина)
- Дюкарев Андрей Викторович* – кандидат исторических наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
- Дюкарева Ирина Анатольевна* (МБОУ «Лицей № 48», г. Краснодар)
- Кислицын Сергей Алексеевич* – доктор исторических наук, профессор (ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону)
- Коженовский Михаил Васильевич* (преподаватель Московского бизнес-колледжа, г. Москва)
- Кратова Наталья Васильевна* – кандидат исторических наук, доцент (РГБУ «Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований», г. Черкесск)
- Кринко Евгений Федорович* – доктор исторических наук (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Магамадов Суньян Султанович* – кандидат исторических наук, профессор (Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный)
- Манченков Роман Николаевич* – кандидат исторических наук (Общественная организация «Казачий круг станицы Ольгинской Ростовской области», ст. Ольгинская)
- Мартынов Алексей Сергеевич* – аспирант (Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР)
- Матвеев Владимир Александрович* – доктор исторических наук, профессор (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Матвеев Олег Владимирович* – доктор исторических наук, профессор (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
- Мацевский Герман Олегович* – доктор исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар)
- Мининков Николай Александрович* – доктор исторических наук, профессор (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Мининкова Людмила Владимировна* – доктор исторических наук, профессор (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Морозова Ольга Михайловна* – доктор исторических наук, профессор (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)
- Назаров Сергей Дмитриевич* – кандидат юридических наук; генерал-майор милиции, председатель Волгоградского регионального отделения Всероссийской

общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов.

Назарова Ольга Валерьевна – (ГБУК «Волгоградская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького», г. Волгоград)

Перетьяко Артем Юрьевич – кандидат исторических наук (Лицей ЮФУ, г. Ростов-на-Дону)

Попков Владимир Иванович (Администрация Волгоградской области, г. Волгоград)

Посадский Антон Викторович – доктор исторических наук, профессор (Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, г. Саратов)

Пыльцын Юрий Сергеевич (методист по экскурсионной и лекционной работе ГБУК СО «Мультимедийный исторический парк «Россия – моя история»», г. Екатеринбург)

Разиньков Михаил Егорович – кандидат исторических наук, доцент (Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, г. Воронеж)

Ратушняк Олег Валерьевич – доктор исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Рвачева Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент (Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград)

Рыблова Марина Александровна – доктор исторических наук, доцент (Южный научный центр РАН, г. Волгоград; Волгоградский институт управления РАНХиГС, г. Волгоград)

Санин Дмитрий Николаевич (директор МБУК ЕР «Егорлыкский историко-краеведческий музей», ст. Егорлыкская)

Сатарова Анна Петровна – кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград)

Сафронова Мария Олеговна (старший преподаватель кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, г. Тула)

Семенов Василий Станиславович – кандидат политических наук (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)

Семенова Нелли Кимовна – кандидат политических наук (Институт востоковедения РАН, г. Москва)

Сивков Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент (ЧОУ ВО «Южный институт менеджмента», г. Краснодар)

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор (директор НИИ истории казачества и развития казачьих регионов; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск)

- Смирнов Виктор Алексеевич** – студент (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог)
- Состин Дмитрий Игоревич** – кандидат исторических наук, доцент (ЧОУВО Институт дружбы народов Кавказа, г. Ставрополь)
- Табунщикова Людмила Викторовна** – кандидат исторических наук, доцент (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Татаринов Игорь Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент (ГОУВПО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР)
- Тикиджьян Руслан Геннадьевич** – кандидат исторических наук, доцент (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)
- Филипчук Дмитрий Васильевич** – независимый исследователь (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ханты-Мансийский р-н, д. Шапша)
- Фролова Александра Викторовна** – кандидат исторических наук (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва)
- Циткилов Пётр Яковлевич** – доктор исторических наук, профессор (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Чурбанова Татьяна Александровна** – помощник атамана по культуре и молодёжной политике ТРО «СКВРиЗ» (Союз казаков-воинов России и зарубежья), с. Кутема, Республика Татарстан)
- Шадрина Алла Валерьевна** – кандидат исторических наук (Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Шелюто Владимир Михайлович** – кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР)
- Юрченко Иван Юрьевич** – кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь (г. Москва)
- Юрченко Инна Вадимовна** – доктор политических наук, профессор (Южный научный центр РАН, г. Краснодар; Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
- Яхутль Юрий Асланбиевич** – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

<i>Академик Матишов Г.Г.</i> Донское казачество и трагические страницы его истории в XX в.	5
---	---

Раздел 1. Казачество Юга России в социально-политических потрясениях и войнах

<i>Ведищева Т.С.</i> Российское казачество и революционные события 1905–1907 гг.	6
<i>Гануров Ш.А., Бугаев А.М., Магамадов С.С.</i> Взаимодействие верхов казачества и лидеров горских народов в период российских революций 1917 г.: поиски и решения	9
<i>Состин Д.И.</i> Казачество Юга России в 1917 г. Факторы и причины антиреволюционных настроений	14
<i>Броварь А.В.</i> Демографические изменения в Российской империи в начале XX в.: на примере Области Войска Донского	18
<i>Матвеев В.А.</i> Миф о казачьих землях как фактор дестабилизации обстановки на северокавказской окраине России в начале XX в.	22
<i>Деордиева А.Н.</i> Муниципальные выборы 1917 г. на Дону	28
<i>Татаринов И.Е.</i> Некоторые особенности дипломатических отношений Всевеликого Войска Донского и Украинской державы в 1918 г.....	32
<i>Пыльцын Ю.С.</i> Терское восстание 1918 г.: комплектование и дисциплина армии Казачье-крестьянского совета	38
<i>Посадский А.В.</i> Астраханские крестьяне между нейтралитетом и войной в 1918–1919 гг.	43
<i>Разиньков М.Е.</i> Донской фронт: советская власть и казачество в 1918 г. – первой половине 1919 г. (по материалам Воронежской губернии)	50
<i>Санин Д.Н.</i> Егорлыкские и белоказаки других станиц в крупнейшем кавалерийском сражении Гражданской войны	56
<i>Дьякова Е.В.</i> Деятельность червонного казачества на Харьковщине в годы Гражданской войны	63
<i>Ратушняк О.В.</i> Взаимоотношения кубанского казачества с лидерами Белого движения	67
<i>Грищенко А.Н.</i> «Покорнейше прошу рассмотреть мое дело»: заложничество как форма борьбы с повстанчеством, или Как казак Павел Чугреев за брата пострадал	72

<i>Горшкова Т.В., Коженовский М.В.</i> Проблема политической лояльности казачества советской власти (на примере пребывания 3-го конного корпуса РККА в Германии в 1920 г.)	77
<i>Аверьянов А.В.</i> Вовлечение казачества и национальных меньшинств в советское строительство на Дону в 1920-е гг. (сравнительный аспект)	83
<i>Яхутль Ю.А.</i> Казачий Юг России в системе либеральных реформ 1920-х гг.	88
<i>Баранов А.В.</i> Кубанское казачество и советская власть в 1920–1921 гг.: причины эскалации конфликта	92
<i>Кринко Е.Ф.</i> Казачий коллаборационизм на Дону в годы Великой Отечественной войны	98
<i>Мартынов А.С.</i> Проявления казачьего коллаборационизма в Донбассе в 1943 г.	105
<i>Шелюто В.М.</i> Эволюция политической мифологии казачьего коллаборационизма в период Великой Отечественной войны	110
<i>Манченков Р.Н.</i> Об отдельных судьбах казаков станицы Ольгинской Ростовской области. От Первой мировой войны к XXI в.	115

Раздел 2. Рассказачивание как социальный феномен и политический процесс

<i>Венков А.В.</i> Политика рассказачивания: попытка геноцида или стратоцида?	120
<i>Морозова О.М.</i> Донское казачество в состоянии кризиса сословия в XIX – начале XX в.	126
<i>Попков В.И., Будченко Л.И., Болдырев Ю.Ф., Назарова О.В., Назаров С.Д.</i> Верхнее Донское казачество. 1919 года: этапы рассказачивания и его последствия ..	132
<i>Смирнов В.А.</i> Гражданская война и ее отражение в казачьей эмигрантской литературе	142
<i>Шадрина А.В.</i> Преследования донского духовенства в 1920-х гг. как составляющая латентного рассказачивания	147
<i>Сатарова А.П.</i> Антибольшевистское движение казачества на территории Хоперского и Усть-Медведицкого округов (осень 1920 г. – весна 1924 г.) как реакция на политику рассказачивания	152
<i>Мерзляков М.П.</i> Трансформации административно-территориального устройства станицы Раздорской в 1920-х – начале 1930-х гг.	156
<i>Скорик А.П.</i> «Быть преданным ея работником»: ожидания донского казака-репатрианта и социальная реальность	159
<i>Сивков С.М.</i> Рассказачивание кубанского казачества: правда и вымыслы	164

<i>Васильев И.Ю.</i> Раскулачивание в исторических представлениях старожиллов кубанских станиц	169
<i>Перетяцько А.Ю.</i> А.Н. Куропаткин и казачество: неудачные попытки остановить процесс естественного расказачивания	173
<i>Тикиджьян Р.Г.</i> Расказачивание: исторический, политико-правовой, социально-экономический и этнокультурный дискурс в контексте российских модернизаций	178
<i>Дюкарев А.В., Дюкарева И.А.</i> Проблема расказачивания в контексте трансформации нравственно-этических ценностей казачества	183
<i>Табунщикова Л.В.</i> Репрессии в отношении донского духовенства (1918–1938 гг.)	188
<i>Юрченко И.Ю.</i> Новейшая историография казачества (XX–XXI вв.): проблема расказачивания и его периодизации	193

Раздел 3. Традиционный уклад казачьей жизни и его трансформация в советский период

<i>Мининков Н.А., Мининкова Л.В.</i> Не только война: из истории интеллектуальной жизни Новочеркасска 1919 г. (к столетию выхода книги: Богачев В.В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919)	199
<i>Матвеев О.В.</i> Кризисные черты традиционной системы самоуправления кубанских казаков в предреволюционный период (на примере института станичных атаманов)	204
<i>Циткилов П.Я.</i> Сословная специфика казачьей патриархальной семьи во второй половине XIX – начале XX в.	209
<i>Фролова А.В.</i> Молодежные развлечения и игры уральских казаков в 1920–1930-е гг.	213
<i>Филипчук Д.В.</i> Казачья трагедия XX в. на страницах эмигрантской прессы (1920–1980-е гг.)	217
<i>Рыблова М.А.</i> Досуг и праздник на Дону в послевоенное время: традиции и инновации	223
<i>Бабичева М.Е.</i> Всем смертям назло: кубанское казачество XX столетия в произведениях Ф.И. Кубанского	228
<i>Аристова Л.Б., Семёнова Н.К.</i> Социально-экономические предпосылки эмиграции казачества России (начало XX в.)	233
<i>Семёнов В.С.</i> Жизнь в изгнании (на примере судьбы Н.Е. Парамонова)	238
<i>Кислицын С.А.</i> «Казачье-крестьянский социализм» командарма Ф.К. Миронова	243

Раздел 4. Деятельность российских казачьих структур после 1991 г.: проблемы и перспективы

<i>Алешина И.Н.</i> Возможности современного казачества	251
<i>Богдашкин В.О.</i> Казачьи структуры Сибирского федерального округа начала XXI в.: особенности формирования и перспективы развития	254
<i>Кратова Н.В.</i> Верхнекубанское казачество: современное состояние	256
<i>Мацевский Г.О.</i> Современное казачество как фактор стабильности в полиэтничном регионе	261
<i>Рвачева О.В.</i> Коммеморативные практики казачьего возрождения: основные направления и способы	267
<i>Донцова М.В., Юрченко И.В.</i> Восприятие казачества студенческой молодежью в контексте развития человеческого потенциала Юга России	272
<i>Чурбанова Т.А., Сафронова М.О.</i> Тульское региональное отделение общерос- сийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков- воинов России и зарубежья»: проблемы и перспективы развития	276

TABLE OF CONTENTS

Foreword

<i>Academician RAS G.G. Matishov. Don Cossacks and tragic pages of its history in the XX century</i>	5
--	---

SECTION 1. Cossacks of the South of Russia in social and political upheavals and wars

<i>Vedishcheva T.S. Russian Cossacks and the revolutionary events of 1905–1907</i>	6
<i>Gapurov Sh.A., Bugaev A.M., Magamadov S.S. Interaction of the upper classes of Cossacks and leaders of the mountain ethnic groups during Russian revolutions of 1917: search and solutions</i>	9
<i>Sostin D.I. Cossacks of the South of Russia in 1917. Factors and causes of anti-revolutionary moods</i>	14
<i>Brovar A.V. Demographic changes in Russian Empire in the beginning of the twentieth century: the example of the Province of the Don Cossack Host</i>	18
<i>Matveev V.A. The myth of the Cossack lands as a factor of destabilization of the situation in the North Caucasian outskirts of Russia in the beginning of the XX century</i>	22
<i>Deordieva A.N. Municipal elections of 1917 in the Don Region</i>	28
<i>Tatarinov I.E. Some features of the diplomatic relations of the Almighty Don Host and Ukrainian State in 1918</i>	32
<i>Pylcyn Yu.S. Terek rebellion of 1918: the recruitment and discipline of the army of the Cossack-Peasant Council</i>	38
<i>Posadskij A.V. Astrakhan peasants between neutrality and war in 1918–1919</i>	43
<i>Razinkov M.E. Don frontier: Soviet power and Cossacks in 1918 – the first half of 1919 (based on the materials of Voronezh province)</i>	50
<i>Sanin D.N. Egorlyk and other white Cossacks in the largest cavalry battle of the Civil War</i>	56
<i>Dyakova E.V. Activity of the Red Cossacks in the Kharkiv region during the Civil War</i>	63
<i>Ratushnyak O.V. Relations of the Kuban Cossacks with leaders of the White Movement</i>	67
<i>Grishchenko Al. N. «I humbly ask you to consider my case»: hostage-taking as a form of struggle with the insurgency or as a Cossack Pavel Chugreev suffered for his brother</i>	72
<i>Gorshkova T.V., Kozhenovskij M.V. The problem of political loyalty of Cossacks to Soviet authorities (on the example of the 3rd cavalry corps of the Red Army in Germany in 1920)</i>	77

<i>Averyanov A. V.</i> Involvement of Cossacks and ethnic minorities in Soviet construction in the Don region in the 1920s (comparative aspect)	83
<i>Yahutl Yu. A.</i> Cossack South of Russia in the system of liberal reforms of the 1920s	88
<i>Baranov A. V.</i> Kuban Cossacks and Soviet authorities in 1920–1921: causes of conflict escalation	92
<i>Krinko E. F.</i> Cossack collaborationism in Don Region during the Great Patriotic War	98
<i>Martynov A. S.</i> Manifestations of Cossack collaborationism in Donbass in 1943	105
<i>Shelyuto V. M.</i> Evolution of political mythology of Cossack collaborationism during the Great Patriotic War	110
<i>Manchenkov R. N.</i> About the individual fates of Cossacks of Olginskaya village of Rostov region. From the First World War to the XXI century	115

SECTION 2. Decossackization as a social phenomenon and political process

<i>Venkov A. V.</i> Decossackization policy: an attempt of genocide or stratacide?	120
<i>Morozova O. M.</i> Don Cossacks in a state of estate crisis in the XIX – early XX century	126
<i>Popkov V. I., Budchenko L. I., Boldyrev Yu. F., Nazarova O. V., Nazarov S. D.</i> Upper Don Cossacks. 1919: the stages of the decossackization and its consequences	132
<i>Smirnov V. A. I.</i> Civil War and its reflection in the Cossack emigrant literature	142
<i>Shadrina A. V.</i> Persecution of the don clergy in the 1920s as part of a latent decossackization	147
<i>Satarova A. P.</i> The anti-Bolshevik movement of Cossacks in Khopersky and Ust-Medveditsky districts (autumn 1920 – spring 1924) as a reaction to the policy of decossackization	152
<i>Merzlyakov M. P.</i> Transformations of the administrative-territorial unit of the village of Razdorskaya in the 1920s and the early 1930s	156
<i>Skorik A. P.</i> «To be loyal worker to her»: waiting of Don Cossack-repatriate and social reality	159
<i>Sivkov S. M.</i> Decossackization of Kuban Cossacks: truth and fictions	164
<i>Vasilev I. Yu.</i> Dekulakization in historical memory of old inhabitants of Kuban villages	169
<i>Peretyatko A. Yu. A. N.</i> Kuropatkin and Cossacks: unsuccessful attempts to stop the process of natural decossackization	173

<i>Tikidzhyan R.G.</i> Decossackization: historical, political-legal, socio-economic and ethno-cultural discourse in the context of Russian modernizations	178
<i>Dyukarev A.V., Dyukareva I.A.</i> The problem of decossackization in the context of the transformation of moral and ethical values of Cossacks	183
<i>Tabunshchikova L.V.</i> Repression against Don clergy (1918–1938)	188
<i>Yurchenko I.Yu.</i> Modern historiography of Cossacks (XX–XXI centuries): the problem of decossackization and its periodization	193

SECTION 3. Traditional way of Cossack life and its transformation in the Soviet period

<i>Mininkov N.A., Mininkova L.V.</i> Not just war: from the history of the intellectual life of Novocherkassk in 1919 (on the centenary of the publication of the book: Bogachev V.V. Essays on the geography of the Almighty Don Host. Novocherkassk, 1919)	199
<i>Matveev O.V.</i> Crisis features of the traditional system of self-government of Kuban Cossacks in the pre-revolutionary period (on the example of the Institute of village atamans)	204
<i>Citkilov P.Ya.</i> Class specificity of the Cossack patriarchal family in the second half of XIX – early XX centuries	209
<i>Frolova A.V.</i> Youth fun and games of Ural Cossacks in 1920–1930s	213
<i>Filipchuk D.V.</i> Cossack tragedy of the XX century in pages of the emigrant press (1920–1980s)	217
<i>Ryblova M.A.</i> Leisure activities and celebration in Don region in the postwar period: traditions and innovations	223
<i>Babicheva M.E.</i> In spite of all deaths: Kuban Cossacks of the XX century in works of F.I. Kubansky	228
<i>Aristova L.B., Semenova N.K.</i> Socio-economic prerequisites of emigration of Cossacks of Russia (beginning of XX century)	233
<i>Semenov V.S.</i> Life in exile (on the example of the fate of N.E. Paramonov)	238
<i>Kislicyn S.A.</i> «Cossack-peasant socialism» of commander F.K. Mironov	243

SECTION 4. Activity of Russian Cossack structures after 1991: problems and prospects

<i>Aleshina I.N.</i> Opportunities of modern Cossacks	251
<i>Bogdashkin V.O.</i> Cossack structures of the Siberian Federal District of the beginning of the XXI century: specificities of formation and prospects of development	254

<i>Kratova N.V.</i> Upper Kuban Cossacks: current state	256
<i>Macievskij G.O.</i> Modern Cossacks as a factor of stability in the polyethnic region	261
<i>Rvacheva O.V.</i> Commemorative practices of Cossack revival: main directions and methods	267
<i>Doncova M.V., Yurchenko I.V.</i> Perception of Cossacks by students in the context of human potential development in the South of Russia	272
<i>Churbanova T.A., Safronova M.O.</i> Tula regional branch of the all-Russian public organization for the development of Cossacks «SKVRiZ»: problems and prospects of development	276

Научное издание

**Казачество в конце XIX – начале XXI в.:
рассказывание и социокультурные трансформации**

Материалы Всероссийской научной конференции

г. Ростов-на-Дону
27–28 июня 2019 г.

Редакторы: *А.С. Бабаева, С.А. Шестак,
А.А. Яковлева*
Перевод *Д.И. Узнародов*
Верстка *И.В. Кубеш*
Оформление обложки *А.В. Коржов*

*В оформлении обложки использована картина
художника Д.А. Шмарина «1919 год. Красные пришли»*

Подписано в печать 06.06.2019
Формат 70×100/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 24. Тираж 300 экз.

